

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ МФАН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинских конференций
Кишинёва
и Одессы

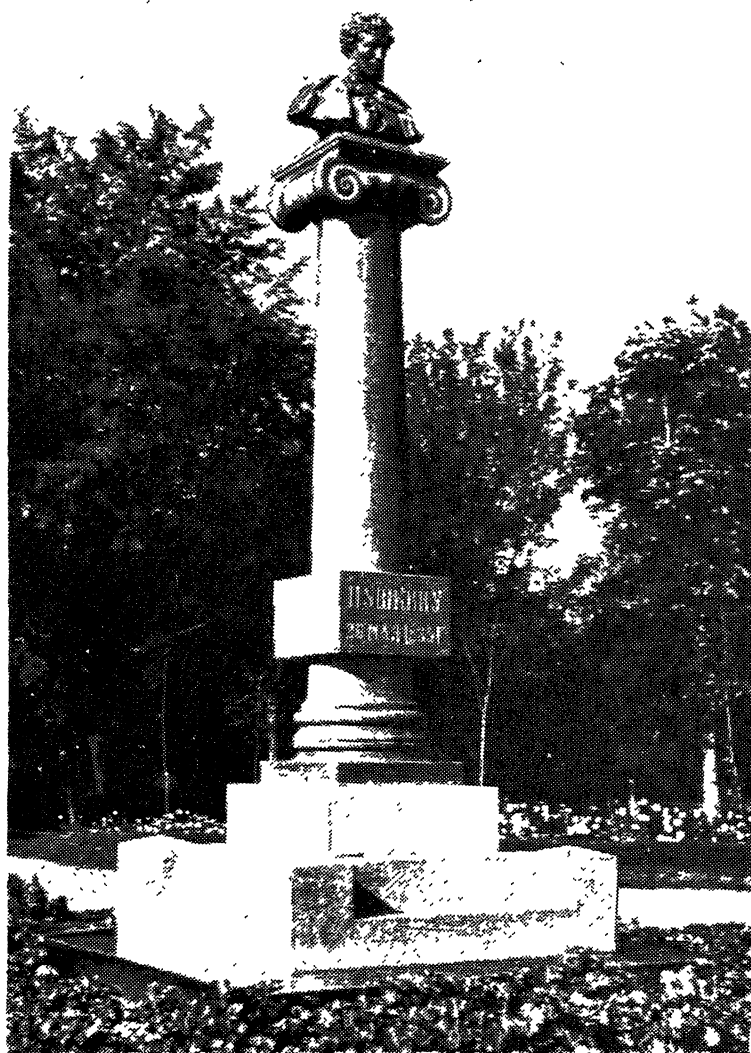

Государственное издательство МССР
Кишинёв — 1958

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*З. А. Бабайцева, А. Т. Борщ, Г. Ф. Богач, И. К. Вартичан,
А. В. Недзведский, Б. А. Трубецкой*

Под редакцией
кандидата филологических наук *А. Т. Борща*

Памятник А. С. Пушкину в Кишиневе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник включены доклады и сообщения, прочитанные молдавскими и украинскими пушкиноведами на объединенных кишиневско-одесских сессиях в 1954—1955 гг. и частично в 1956 и 1957 гг.

Материалы сборника сгруппированы по следующим разделам: Пушкин в Молдавии, Пушкин в Одессе. В сборник включены также работы ученых Москвы, Черновиц, Станислава, посвященные общим вопросам творчества поэта. Заключается сборник отделом хроники.

По составу докладчиков и материалам сборника видно, что объединенная работа молдавских и украинских пушкиноведов, возникшая первоначально как работа пушкиноведов только двух городов — Кишинева и Одессы, с каждым годом расширяется, охватывая все большее количество участников, превращается постепенно в объединенную работу молдавских и украинских пушкиноведов, а также пушкиноведов Москвы, работающих в области изучения творчества Пушкина, главным образом, южного периода.

Параллельно с расширением круга участников объединенных конференций расширяется также и круг вопросов и тем, разрабатываемых участниками этих конференций. Если доклады первой конференции были посвящены преимущественно теме «Пушкин в Кишиневе и Одессе», то последующие конференции уже разрабатывают вопросы русско-молдавско-румынских и русско-украинско-польских литературных взаимосвязей и взаимовлияний в пушкинскую пору и более поздний период. Кишиневско-одесские пушкинские конференции, подводя ежегодно итоги изучения жизни и творчества Пушкина на юге, одновременно содействуют углублению научно-исследовательской работы пушкиноведов по этой теме.

Эта работа разворачивается в направлении дальнейшего изучения взаимовлияния, взаимосвязей молдавской и русской, с одной стороны, и украинско-русской, с другой стороны, литератур, связанных непосредственно с Пушкиным и его творчеством как при жизни, так и позднее, вплоть до наших дней.

В Молдавии и в Кишиневе, кроме Пушкина, бывали и другие выдающиеся русские писатели: А. Ф. Вельтман, Л. Н. Толстой, М. Горький, В. Гаршин, Гарин-Михайловский, В. Короленко и другие. Богатое народное творчество Молдавии было мастерски использовано некоторыми из них для создания произведений мирового значения («Черная шаль», «Братья-разбойники» и другие А. С. Пушкина, «Девушка и смерть» М. Горького). Украинские писатели Нечуй-Левицкий, М. Коцюбинский и другие также побывали в Молдавии и посвятили ей ряд своих талантливых произведений.

И наоборот, молдавские писатели XIX и первой четверти XX вв. бывали в России и на Украине, жили в Бессарабии, входившей с 1812 г. в состав России. Так, К. Стамати, К. Негруци непосредственно встречались с А. С. Пушкиным в Кишиневе; А. Донич учился в России, М. Еминеску некоторое время находился в Одессе на лечении.

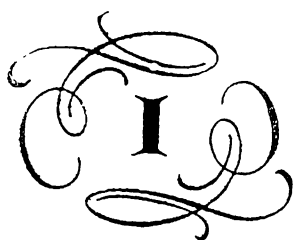
Если на тему К. Стамати, К. Негруци и А. С. Пушкин опубликованы работы, хотя эта тема далеко еще не исчерпана, то на тему — М. Еминеску и А. С. Пушкин, Еминеску и русская литература, еще почти ничего не написано и лишь в последнее время эта проблема ставится и изучается в Институте истории, языка и литературы МФАН СССР, а также в Румынской Демократической Республике.

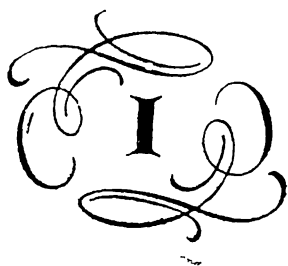
Еще более богаты и многообразны взаимосвязи русской и украинской литератур. Все это открывает большие возможности для исследователей и, в частности, для пушкиноведов.

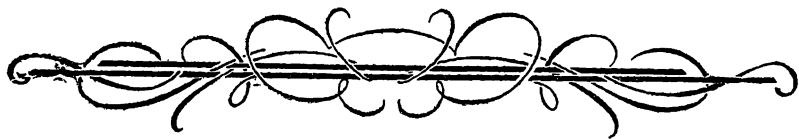
Объединенные кишиневско-одесские пушкинские конференции и настоящий сборник статей, представляющий лишь часть материалов этих конференций, призваны служить дальнейшему расширению и углублению научно-исследовательских работ по изучению жизни и творчества Пушкина южного периода.

А. Т. Борц,

председатель Пушкинской комиссии
при Молдавском филиале АН СССР

Г. Ф. БОГАЧ

ПУШКИН И МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Указания Пушкина и воспоминания его современников дают нам право судить о 15 темах молдавского фольклора, которые интересовали великого поэта во время пребывания его в южной ссылке. На 5 из них указывает поэт, на 10 — современники. Часть этих тем Пушкин использовал в сохранившихся произведениях или их черновиках, а именно: песня Земфиры, предание об Овидии, эпилог к «Цыганам», «Братья-разбойники», «Черная шаль»; часть же произведений, созданных на основании молдавского фольклора, не сохранилась: «Дука», «Дафна и Дабижа», «Пом, пом, пом», и «Савва-бимбаша»; о третьей группе можем сказать, что они интересовали поэта, но работал ли он над ними или нет, мы не знаем. К этой категории относятся: «Сырба», «Булгэряска», «Хора», «Мититика», «Те юбеск песте мэсурэ» и «Прин а аморулуй дулчаэ».

Из всех 15 тем больше половины — 8 — трактуют о борьбе народа за свое освобождение; остальные — 7 — это лирические произведения, часть которых, как, например, танцы, могла занимать поэта не только текстовой стороной, но и музыкой и хореографией.

Три из названных тем, а именно тема об Овидии, «Песня Земфиры» и «Мититика», не имеют, как будто, ничего общего между собой. Это просто-напросто отдельные главы обширной и еще мало исследованной темы о Пушкине и молдавском фольклоре. И в самом деле: в своем творчестве великий поэт широко использовал легенду о скитаниях Овидия у Днестра или Дуная; так называемую песню Земфиры он

перевел с молдавского, несколько — в чем убеждает сравнительный анализ всех имеющихся вариантов — амплифицировав ее; песня и танец «Мититика» его только занимали. Но все эти три молдавские фольклорные темы оказываются объединенными в другом отношении: в разные времена и в разных странах Европы все они, при участии самого Пушкина, приписывались и нередко приписываются и по сей день не молдавскому, а цыганскому фольклору. Легенду об Овидии Пушкин сообщает нам устами старика-цыгана; песню Земфиры, которую и молдавские собиратели фольклора и многочисленные переводчики на иностранные языки называют цыганской, поет у него цыганка; молдавские слова песни о «Мититике» были представлены западной Европе в числе других и немецким поэтом К. Brentano (1778—1842), как запись на подлинном цыганском языке.

Вполне возможно, конечно, что в фольклоре кочующих по югу цыган имелись близкие или даже тождественные мотивы. В связи с Овидиевой темой у Пушкина исследователи не раз уже отмечали наличие в цыганском фольклоре предания о скитании вместе с цыганами в отдаленные времена образованного юноши, который предпочел их вольность, беспечность и мораль стеснительным оковам своего сословного круга. Но наличие этой темы в цыганском фольклоре еще не означает, что тема принадлежит исключительно последнему. Ниже мы попытаемся доказать связь с молдавским фольклором как Овидиевой темы, так и песни Земфиры, а также опровергнуть утверждения о «цыганском» тексте «Мититики» и установить молдавские корни «Братьев-разбойников».

I. Молдавские предания об Овидии

В стихе «Еще твоей молвой наполнен сей предел» (II, 1, 218) содержится прямое указание поэта на местный молдавский источник предания об Овидии. И все же полное предание о ссыльном поэте передано нам устами не молдаванина, а цыгана-старика. В этом вопросе нам предстоит разобратся прежде всего.

В Молдавии Овидий вообще очень интересовал Пушкина. Здесь он перечитал его во французском переводе, как предполагает Бартнев. Об Овидии Пушкин часто упоминает и в своем творчестве.

«Элегии Овидия,— как указывает Бартнев,— могли особенно нравиться Пушкину между прочим и потому, что в собственной участи своей он любил находить некоторое сход-

ство с судьбой римского поэта — изгнанника. Самая близость Овидиополя напоминала о нем Пушкину»¹.

Дело было не только в названии «Овидиополь», которое этот городок получил позднее, лишь в конце XVIII в., на основании молдавского предания об аккерманской ссылке латинского поэта в расположенный по соседству Аккерман.

Местный молдавский источник предания о ссылке Овидия в Аккерман Пушкин подчеркивал не раз. Так, в замечательном стихотворении «К Овидию», датированном 26 декабря 1821 г., он писал:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил,
Твой безотрадный плач *места сии*² прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен *сей предел*...

(II, 1, 218).

В одном из двух черновых автографов данного отрывка, написанных вообще очень неразборчиво, со множеством по-марок и недописанных слов и строк, текстологи прочли следующие первоначальные варианты:

Следы твои хранит печальный (сей предел)
Еще *тобою* полн угрюмый сей предел
Еще хранит *твой звук* печальный сей предел и др.

(II, 2, 720).

Слово *звук* как синоним «предания», «следов» или «молвы» имеется и в окончательном тексте поэмы «Цыганы», оно фигурирует в устах Алеко —

«Из рода в роды звук бегущий?»

(IV, 187).

Полное же предание об Овидии Пушкин, как известно, вложил в уста старика-цыгана.

Меж нами есть одно преданье:	И жил он на берегах Дуная
Царем когда-то сослан был	Не обижая никого,
Полудня житель к нам в изгнанье.	Людей рассказами пленяя;
(Я прежде знал, но позабыл	Не разумел он ничего,
Его мудреное прозвание).	И слаб и робок был как дети
Он был уже летами стар,	Чужие люди за него
Но млад и жив душой незлобной—	Зверей и рыб ловили в сети;
Имел он песен дивный дар	Как мерзла быстрая река
И голос, шуму вод подобный —	И зимни вихри бушевали,
И полюбили все его,	Пушистой кожей покрывали

¹ «Русский Архив», 1866, 8—9 стр. 140.

² Здесь и далее курсив в стихах Пушкина наш (Г. Б.).

Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье..
Он ждал: придет ли избавленье.
И все несчастный тосковал,

Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая,
И завещал он умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости!

(IV, 186—187).

Слова старого цыгана были восприняты именно как цыганское «предание», на что указывали и поэт и сам рассказчик. Возражения, которые возникли по поводу неестественности подобной легенды в устах цыгана, очень удачно опровергнул Белинский: «Старый цыган рассказывает в поэме Пушкина не *историю*, а *предание* и не о поэте римском (цыган ничего не смыслит ни о поэтах, ни о римлянах), но о каком-то *святом* старике, который был «млад и жив незлобною душою, имел дивный дар песен и подобный шуму вод голос»¹.

Небезынтересна личность цыгана-рассказчика.

Для понимания дальнейшего изложения важно отметить здесь, что старый цыган, как и вообще весь табор, странствует по Бессарабии:

Цыганы шумною толпою
По Бессарабии кочуют²...

(IV, 179).

Родом же они могли быть и из Запрутской Молдавии, и из Валахии и вообще откуда-то с Балкан.

По сведениям, которыми располагал поэт, в Бессарабии и в Запрутской Молдавии все население было тогда якобы вольным, свободным от крепостной зависимости. Исключения составляли лишь цыгане. Только «меж сих приверженцев первобытной свободы», писал поэт в примечании к «Цыганам», имеются крепостные. Но не таковы описанные им герои. Беспредельная вольность кочующих цыган Бессарабии является одной из отличительных особенностей всего края:

Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой...

(IV, 193).

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, III, М., 1948, стр. 465.

² В черновике: «В степях Молдавии кочуют» (IV, 405).

Эту же мысль поэт подчеркивает многократно авторскими характеристиками и словами своих героев. Его Земфира уже «привыкла к резвой воле» (IV, 180), старик призывает Алеко привыкнуть к их «бродящей бедности и воле» (IV, 180). Вступив в цыганский табор, Алеко уже — «вольный житель мира» (IV, 183).

Именно устами *вольного* цыгана Бессарабии Пушкин и передал местное предание об Овидии, влачившем «свой грустный век» в стране, в которой и поэт проводил свою ссылку. Эта деталь нам представляется особенно ценной. Ведь не были же цыгане основными жителями края. Таковыми были здесь молдаване. В таком случае естественно ставится вопрос: зачем понадобилось поэту вкладывать предание в уста цыгана-кочевника?

По-видимому, Пушкин сделал это сознательно, преднамеренно: он хотел подчеркнуть вольнолюбие кочующих цыган, их духовную честность.

В устах цыгана Овидиева тоска по родине получает, на наш взгляд, особо трагическую окраску, так как, в отличие от коренного населения, от молдаван, родиной, этой естественной и богатой категорией, кочевники как раз не располагали. Они честны, морально устойчивы, но, ведя странствующий образ жизни, были же самом деле лишены своей отчизны. А Овидий тосковал здесь именно по родине:

...Свой дальний град вспоминая,
И завещал он умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости...

(IV 187).

Таким образом, вкладывая предание в уста цыгана-кочевника, Пушкин усилил трагедию ссыльного поэта и вместе с тем подчеркнул духовное величие кочующих цыган.

Местное предание о ссылке Овидия в Аккерман было записано в Молдавии уже в XVII в. летописцами Мироном Костиным, Кантемиром, а в XIX в. оно было изложено несколькими молдавскими писателями.

Наиболее полное изложение предания об Овидии в молдавской литературе мы встречаем у молдавского писателя К. Стамати, в одном из стихотворений Г. Асаки («Озеро Овидия у Аккермана Днестровского»). Это стихотворение было написано в 1836 г. и, поскольку в последний раз было издано почти 100 лет назад, мы даем его здесь полностью в прозаическом переводе:

На каменистом поле, у берегов Понта, доминирующих над морской гладью и далеко над степью, путешественник замечает издали белею-

щий памятник, которого приветствуют каждое утро Аполло. В том месте как будто смиреннее воют морские волны, а эхо издали отвечает им с печалью. Сюда страшной молнией Цезаря Августа был заточен в наказание Овидий из самого Рима. Прах его вытлел в тесном приюте, но страдания его живы в его же бессмертных стихах..

На самом крае Дакии, среди варварского племени, отдаленный от сладкой Родины и от изнеженной жизни, с просьбою к небу и к Цезарю он протягивает свои руки. И часто, охваченный желанием, мнил уж себя в Капитолии, у своей дочери, у своей ласковой жены!

Часто казалось ему, что из глубин моря, отдалявшего его от Родины, восходит сладкий луч утешения, и взору, устремившемуся в пространство, показывалась мечта: будто на раздутых парусах приближался корабль с прощением. Однако тот знак был только облаком, и оно наполняло море бурей, глаза его — реками слез, а сердце — горечью.

Проходил день, терялась надежда. Он горестно возвращался в уединенную обитель. Сюда сострадательные музы преподносили любимому поэту утешительный бальзам. И тогда его стихи звучали настолько ласково, что своею гармониею очаровывали даже и жесткие сердца.

Слезы его, его печальный плач, который не смог сломить цезарева гнева, укрощал самих скифов. У озера, при лунном свете, очень часто в немом лесе, когда он пел свои партии в сопровождении песен варваров, скифы, привыкшие только к жестокостям, возлагали на его грустное чело свой дикий венец.

Потом для своего надгробного памятника Овидий написал: «Здесь покоится певец молодой любви. Гений, возвеличивший его, его же и низверг. Проходящий мимо, если ты любил в жизни, скажи: «Мир праху твоему, Овидий!» С тех пор из-за белых стен и пенящейся белой воды Озеро и Белая крепость так и называются по сей день».

Таким образом, Пушкин имел основание говорить о *местном, молдавском* источнике предания и об его распространенности в местах своей ссылки. Впервые Пушкин мог узнать о предании от своих многочисленных молдавских знакомых, а также непосредственно из прочитанного им русского перевода работы Д. Кантемира «Описание Молдавии» (М., 1789)¹.

Подробный анализ убеждает нас в том, что все то, что вложил в уста старика-цыгана Пушкин, полностью совпадает с записями современников Пушкина — молдавских поэтов Стамати и Асаки. Так, Пушкин, как и молдавские поэты, писал об Овидии как о «*полудня жителе*» и как об *изгнаннике*. Он был *добрым, робким (невинным)* как дети, *пленял рассказы* туземцев, *грустил и тосковал по родине*. Все это мы находим и в записях Стамати и Асаки. Но есть у Пушкина и новые детали: Овидий был «*летами стар*» и был «*святым*». Единственные эпитеты Стамати, соприкасающиеся с пушкинским эпитетом «*святой*», являются «*странный*» и «*необыкновенный*», а у Асаки «*одинокий*». А может быть, биографическая деталь «*летами стар*» и авторская характеристика «*святой*» являются добавлением самого Пушкина? Нет основания так думать. Напомним, что Вельтман, который записал

¹ «Русский Архив», 1866, № 8—9, стр. 1282.

легенду около Аккермана. у самого озера, носящего якобы имя латинского изгнанника, зарегистрировал эпитет «пустынный», синонимично близкий к слову «святой»¹.

Таким образом, можно заключить, что пушкинская версия о скитаниях Овидия у Днестра имеет основу именно в устном творчестве молдавского народа.

Однако, как мы знаем, современники Пушкина, в том числе и Липранди, усиленно опровергали аккерманский вариант предания, о котором писали молдавские летописцы XVII в., а затем Кантемир и молдавские поэты начала XIX в. — Стамати и Асаки. Липранди опровергал этот вариант настолько рьяно, что не пренебрег и собственной фантазией: «На юго-западе от Аккермана, — писал Липранди, — есть несколько небольших озер, из коих только в одном пресная вода. Озерко это названо было чабанами (пастухами) «Лакул Овиолуй», т. е. Овечье озеро, или озеро овец, потому что оно было единственное, к которому они подгоняли стада для водоя. Овцы по-молдавски *овио*. Очень хорошо помню, что когда Пушкин услышал эти объявления, он расхохотался и заметил, что Свиньину следовало тут как-нибудь припутать и Лукулла и т. д.»².

Этимология, предложенная Липранди, совершенно не обоснована. Во-первых, по-молдавски «овца» не «овио», а «оае» (читай — уайе). «Овечье озеро» или «озеро овец» надо переводить не *лакул Овиолуй*, а *лакул оилор*. Да, впрочем, такого озера и нет «на юго-западе от Аккермана», как утверждает мемуарист.

Попытка Липранди объяснить этимологию озера, с наименованием которого связывалось предание об Овидии, имеет все же некоторое значение: она вызывает предположение, не возникло ли предание на основе созвучности местного топонима с именем латинского поэта.

Приступая к изложению именно такой гипотезы, отметим прежде всего две очень важные детали.

Во-первых, генуэзская крепость Аккерман до окончательного ее завоевания турками в самом начале XVI в. стояла на большом тракте, связывавшем северное Причерноморье и среднюю Европу с Византией и далее — со «Святой землей».

Во-вторых, здесь имелись и особые условия для возникновения предания, как раз о скитаниях и смерти *выдающегося несчастливца* и даже святого. Уже с XIV в. с Аккерман-

¹ Л. Майков. Пушкин, Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб, 1899, стр. 109—110.

² Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Цит. произв., стр. 1268. В напечатанных материалах П. Свиньина, как например в описании Бессарабской области — «Записки Одесского общества истории и древностей», 1867, стр. 175—320, на стр. 220 и в других неуказанных местах тоже имеются ссылки на труды Кантемира.

ской крепостью была связана легенда о прибытии, просветительной деятельности и мученичестве Иоанна Нового.

В «Житии святого Иоанна Нового»¹ Григория Цамблака, выдающемся славянском памятнике средневековья, созданном в 1402 г., о национальной принадлежности мученика ничего не говорится. Однако, со временем Иоанн Новый был признан «святым покровителем Молдавии». Труд Цамблака об Иоанне Новом получил, по данным ученого, посвятившего Цамблаку монографическое исследование, широкое обращение². Труд этот переписывали, переводили, заимствовали из него целые пассажи и т. д.

Легенда о чудотворных мощах великомученика была запечатлена уже с давних пор и в фресках. Древнейшая из них уцелела на стенах старой Георгиевской церкви в том же Аккермане³. Другие иконографические изображения были запечатлены, по-видимому, уже в XVI в.⁴, и на стенах отдаленного от Аккермана Сучавского монастыря. Здесь из двенадцати изображений одиннадцать повествуют о страданиях мученика в Аккермане. Об Иоанне Новом было создано со временем и большое количество преданий, распространившихся по всей Молдавии. Очагами их распространения были Аккерман, место мученика, и Сучавский монастырь, куда в 1402 г. были перенесены «чудотворные» мощи святого. Особенно много преданий было создано в окрестностях Аккермана⁵. На предания о малоизвестном мученике могли наслаиваться и сведения о несчастливом поэте-изгнаннике и о его смерти в этих же⁶ местах. Для этого нужны были лишь благоприятные условия.

Приступая к этимологизации топонима — наименования озера, носящего якобы имя Овидия, наталкиваемся в первую очередь на большое разнообразие аттестаций. Как помним, в XVII в. Костин утверждал, что озеро именовалось *Видов*

¹ Впервые текст жития был напечатан в 1884 г. Melhisedec Episcopul. *Viața sf. Ioan cel Nou dela Suceava*, scrisa slavonește de Gr. Tâmbolac, «Revista pentru istorie, arhiologie și filologie», București, vol. III, p. 165—174.

² А. И. Яцимирский, Григорий Цамблак, очерк его жизни, административной и книжной деятельности, СПб., 1904, стр. 456.

³ N. Iorga, G. Bals, *Histoire de l'art roumain ancien*, Paris, 1922, p. 48.

⁴ Oreste Lutîa, *Legenda sf. Ioan cel Nou dela Suceava*, «Codrul Cozminului», VII, 1927, p. 281—354.

⁵ А. И. Яцимирский, цит. произв., стр. 84.

⁶ Такая фольклорная контаминация имеется: в 1711 или 1714 г. иностранный путешественник Монтрэй в Констанце из уст грека-священника узнал о наличии в Констанце башни «Овидия», который был, по его мнению, католиком и святым; он подвергся мучениям в башне, носящей якобы именно его имя. См. румынский перевод «Путешествий Монтрэя (1727 г.) и «Arhiva Dobrogei», I, стр. 95 — 99.

или *Видовул*; в XVIII в. Кантемир называл то же озеро *лакул Овидулуй* или *лакул луй Овидиу*. Стамати и другие в XIX в. называют озеро уже иначе: *Видово*, *лаку Овидулуй*, а Вельтман, видевший на месте почти пересохшее тогда озеро, записал от местных жителей другое наименование: (лакул) *Дувидулуй*. Любопытно и то, что ни одно из этих наименований не сохранилось, а озеро сегодня называется как будто совсем иначе — *Даут*¹; в селе Тудора его называют *Даут*, а в соседнем селе Валанка того же Олонештского района Молдавской ССР — *Давид*. На самом же деле *Даут* не что иное как тюркский эквивалент славянского антропонима *Давид*. Таково было по-видимому, имя хозяина озера. В произношении *Дувид* (ср. современное *Дувид*, в идиш) наименование озера было предложено местным населением в XVI в. Сарницкому² или другому латинисту, не знавшему молдавского языка. Лагинист же воспринял слово с точки зрения его, латинской средневековой орфографии, и усмотрел в слове форму родительного падежа *Д'«Овид»*, т. е. «Овидия». Отсюда и пошло предание, за которое ухватились и Костины, и Кантемир, и все последующие молдавские литераторы и иностранные путешественники.

Таково, по нашему предположению, возникновение предания о скитаниях Овидия вблизи озера *Дувид*.

Само предание об Овидии возникло на молдавской почве. Независимо от причин, породивших это предание (выше оно было объяснено народной этимологией), в это предание вплелись сведения, заимствованные из устных рассказов местных жителей о святом Иоанне Новом. В новое обращение после Сарницкого (XVI в.) пустил предание Кантемир (начало XVIII в.).

Выбор Пушкиным именно цыганской среды для того, чтобы передать местное, молдавское предание о ссыльном Овидии, конечно, вполне сознателен. Он нужен был, чтобы подчеркнуть, как уже сказано, вольнолюбие и духовную честность цыган, их трагедию как кочевников, лишенных родины. В устах же закрепощенного цыгана или оседлого крепостного молдаванина, в плане, задуманном поэтом, предание о ссыльном Овидии звучало бы фальшиво.

II. Режь меня, жги меня

Пушкин назвал свою песню Земфиры «близким переводом», но не уточнил языка своего оригинала. Называя ее

¹ Иностранцы называли озеро и иначе: *lacul Ovidilui* (Боскович, XVIII в.), *Iagul Ovidouloni*, *Ovidi liman*, *Ovidovo*, но чаще всего также и *Овидово* (Монтрэй и др.).

² А. И. Яцимирский, Румынские параллели и отрывки в некоторых произведениях А. С. Пушкина. «Русский филологический вестник», Варшава, 1901, стр. 10—11.

«подражанием», русские современники поэта также не указали языка оригинала. Проспер Мериме считал песню написанной непосредственно Пушкиным. Большинство исследователей считали, что оригинал находится в цыганском фольклоре. И только в конце XIX в. А. И. Яцимирский тремя молдавскими народными вариантами доказал, что оригинал Пушкина — в молдавском устном народном творчестве. Но Яцимирский не знал всех вариантов, отчего и не мог указать направления, в котором поэт изменил свой перевод.

На слова песни Земфиры написали музыку одиннадцать композиторов. Композиторы, как и исследователи, восприняли песню как задорно-бурное выражение любви. Вместе с тем, народная песня, приводимая ниже, звучит чрезвычайно грустно, печально. Минорная мелодия песни созвучна ее текстовому содержанию в молдавских оригиналах, а все это соответствует действительности — тяжелой участи цыган, подлинных рабов молдавских бояр.

В письме к М. Вяземскому от 24 сентября 1825 г. Пушкин писал: «Радуюсь однако участи моей *Режь меня*. Это — очень близкий перевод, посылаю тебе дикий напев подлинника. Покажи его Вельгорскому — кажется, мотив — чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и с песней» (XIII, 231). Мы располагаем, таким образом, утверждением самого поэта о том, что его русский текст «песни Земфиры» является «очень близким» переводом подлинной песни. Ее фольклорное происхождение удостоверил поэт устами старого цыгана и в самой поэме: «Поется меж людей она».

Утверждение поэта о близости своего перевода к молдавскому оригиналу подкрепляется и воспоминаниями его кишиневских современников. Горчаков отмечал исполнение оригинала придворными музыкантами молдавского боярина Варфоломея, которые в промежутках между танцами, аккомпанируя себе на скрипках, кобзах и тростянках, пели в числе других песен и «Арде-мэ, фриже-мэ». С этой песней, писал Горчаков, — «он породнил нас своим дивным подражанием, составив из нее известную песню в поэме «Цыгане». В Кишиневе, — писал Липранди, — «Пушкин ловил то, что более его поражало, и мы видим подражание одной из упомянутых песен: «Жги меня, режь меня»¹. Знал об оригинале Пушкина и В. Ф. Раевский, который даже оспаривал, как пишет Липранди, правильность и точность первого стиха (Режь меня, жги меня)². Распространенность песни и исполнение ее крепостными цыганками подтверждает А. Ф. Вельтман. Он писал: «Между девами-цыганками, живущими в доме (бояр), можно найти Земфиреску или Земфиру, которую

¹ И. П. Л и п р а н д и, цит. произв., стб. 1410.

² Там же, стб. 1407.

воспел Пушкин и которая, в свою очередь, поет молдавскую песню:

Арде-мэ, фриже-мэ,
Пе кэрбуне пуне-мэ!

Но посреди таборов нет Земфиры»¹.

Это последнее замечание Вельтмана надо понимать, по-видимому, так: имя Земфиры носили только оседлые цыганки, крепостные; только они знали и исполняли эту «молдавскую» песню. Как бы то ни было, эту песню, все равно, хотя бы и на молдавском языке, исполняли цыгане: в поэме Пушкина — Земфира, по свидетельствам Горчакова, Липранди и Вельтмана — домашние крепостные музыканты бояр и прислуга — тоже цыгане. Нетрудно поэтому было, благодаря Пушкину, укорениться мнению, что песня Земфиры является подлинным образцом цыганского фольклора. Не называя ее цыганской, в 1844 г. В. Г. Белинский говорил о ней как о песне «исполненной дикого огня, дикой страсти и дикой поэзии».

Другого мнения о том, что «Режь меня» — создание пушкинского гения, придерживался первый переводчик поэмы на французский язык Проспер Мериме. Приводим здесь в переводе с румынского малоизвестную беседу Мериме с выдающимся румынским поэтом и большим ценителем Пушкина — Василе Александри. Беседу, состоявшуюся в 1853 г., записал сам Александри в год смерти своего французского собрата. В Испании — утверждает Александри — Мериме «...спросил меня, был ли я когда-либо в Гренаде и видел ли там на горе против Альхамбры цыганские семьи.

— Да, я посетил их в норах, выскобленных в скале, и отметил большое сходство между ними и цыганами из Румынии.

— А также и с цыганами, проживающими в России, — добавил Мериме. — Русский поэт Пушкин описал их очень хорошо в небольшой поэме, которую я перевел на французский язык. В частности, я восхитился цыганской песней, преисполненной там дикой энергии.

— Вы ее помните?

— Конечно, героиня поэмы говорит: «Печи меня на угольях; я умру, не выдав имени любовника» и т. д.

— Как, — заметил я, перебивая его, — и эти стихи составлены Пушкиным?

— Безусловно!

¹ Л. Майков, Пушкин, Биографические материалы и историко-литературные очерки, СПб, 1899, стр. 131.

— Ошибаетесь, г. Мериме. Это народная песня наших мест. Вот ее текст...»

Выслушав французский перевод песни и улыбаясь, Мериме произнес: «*Diab!e de Pouchkine!* Пятнадцать лет я восхищался им, носящим не свою жемчужину на шее»¹.

В огромной пушкиниане существует несколько мнений как об истоках песни Земфиры, так и вообще о поэме в целом. Некоторые исследователи искали основу поэмы даже у Шатобриана. Однако это мнение давно опровергнуто².

В противовес стремлениям установить одни лишь литературные источники «Цыган» утверждают, что в Бессарабии Пушкин сам кочевал некоторое время с цыганским табором, где его вероятно называли Алеко и где «не обошлось также без любви»³ и даже не без ревности. Со слов современников, молдавский писатель З. Ралли-Арборе писал, что в таборе «если бы не ревность Александра Сергеевича, который заподозрил Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану... то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец»⁴.

По другому мнению, «Цыганы» — это «плод любви» Пушкина к Людмиле Инглези, послужившей прототипом Земфиры. Людмила была цыганкой. Из табора ее взял в жены богатый боярин, который вскоре умер, и она вышла замуж вторично — не по любви. Пушкин ее полюбил, после чего «муж начал сильно ее притеснять, она получила чахотку и умерла в Кишиневе»⁵. Несомненно, однако, что более убедительны поиски основ пушкинской поэмы и самой песни в молдавском фольклоре.

В 1837 г. поэма вышла в молдавском переводе А. Донича. Дойдя до песни Земфиры, Донич вместо перевода включил близкую ей народную молдавскую песню, снабдив ее пометкой: «Именно эту песню в своем произведении перевел Пушкин на русский язык». В 1840 г. М. Когьлничану писал: «Большинство из лучших произведений Пушкина написано на темы, заимствованные из наших обычаев и происшествий»⁶.

¹ V. Alexandri, Prosper Merimée, «Convorbiri Literare», 1871, № 21, p. 362—365.

² А. Л. Бем, К вопросу влияния Шатобриана на Пушкина, «Пушкинист». Историко-литературный сборник, СПб, 1914, стр. 17.

³ П. Баргенов, «Русский Архив», 1866, № 8—9, стр. 1180—1182.

⁴ Земфир Ралли-Арборе, Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине, «Минувшие годы», 1906, № 7.

⁵ А. Требов, Пушкин и Людмила И-зи, «Одесский Вестник», 1880, № 118. Приведено по сборнику В. А. Яковлева, Отзывы о Пушкине с юга России, Одесса, 1887, стр. 84—92.

⁶ М. Когьлничану, Литература стрэинэ. «Дачия литерарэ», 1840, п. 138.

Позже в своем собрании народных молдавских и румынских песен, изданном в 1853 г. в Париже, Василе Александри к «Цыганской хоре» дал сноску: «Известный русский поэт Пушкин перевел эту хору с румынского и ввел в свою поэму «Цыганы».

Гораздо позже поисками молдавских вариантов песни Земфиры занялся русский славист, родом из Бессарабии, А. И. Яцимирский. В 1899 г., опираясь на три известные ему варианта, он заключил, что пушкинский перевод песни представляет сходство с молдавским оригиналом «не только текстуальное, сколько по содержанию, а главное, по характеру, по тону песни».

Исследование Яцимирского нужно признать довольно поверхностным. Во-первых, к исследованию он не привлек все имевшиеся уже тогда варианты песни. Во-вторых, он не дал анализа даже привлеченных вариантов, из-за чего осталось неясным, в каком направлении поэт изменил свой перевод. Все же исследование Яцимирского сыграло в литературе важную роль: с тех пор все реже и реже о песне Земфиры стали писать как о подлинной *цыганской* песне.

Одним из вариантов, привлеченных Яцимирским к исследованию, оказался текст, приведенный в свое время А. Доичем.

Арде-мэ (ши) фриже-мэ,
Ын фок вынэт пуне-мэ,
Де мэ-й фриже пе кэрбуне
Ибовнику ну-ць вой спуне.

Кэ ел есте тинерел,
Дрэгэлаш ши фрумушел,
Яр пе тине, бэрбат рэу
Еу де-акум ну те май вреу.

Ш'ту мэкар пынэ ла моарте
Де м'ай бате, де м'ай арде
Ши'н букэць де май тэя—
Тот вой фаче кум вой вяя.

Жги меня, изжарь меня,
В синее польмя клади меня,
Изжарь меня на угольях —
Милого тебе я не назову.

Потому что он молод,
Милый и красивый,
А тебя, злого мужа,
Я больше не хочу.

А ты, хоть и до смерти
Избил бы меня, изжег бы меня
И на куски изрезал бы меня,
А я буду все по своему делать.

Как легко заметить, адресатом этой песни выступает «злой муж» и безусловно *старый* — в противоположность «молодому», «милому и красивому» любовнику. И это не единственный вариант. В 1913 г. в южной части Запрудской Молдавии фольклорист Т. Памфиле записал вариант, в котором женщина обращает слова протеста и гнева тоже к мужу:

Фоае верде пелениць
Ич ын вале'н грэдиниць
Тот суспинэ-о неvăстикэ,
К'а бэтут-о бэрбэцелул
Сэ-й спуе ибовничелул,

Лист зеленый, лист полыни,
В долине, в садике.
Все плачет молодая жена,
Которую побил муженек,
Чтобы она назвала имя любовника.

Де мэ-й пуне пе-ун кэрбуне
Ибовникул ну ць-ой спуне,
Ибовникул нуме н'аре.
Де м'ый пуне ла пэстрамэ
Ну ць-ой спуне кум ыл кямэ¹.

Клади меня на уголья,
Любовника я тебе не назову,
У любовника нет имени.
Как бы ты меня ни терзал,
Все равно я не назову его имени

Во втором полном варианте, привлеченном Яцимирским, адресат — мужчина — только подразумевается. Этот второй вариант был записан в Запрутской Молдавии Василием Александри. Воспроизводим эту запись здесь вместе с новейшим, но довольно вольным переводом ее на русский язык Вл. Нейштадта:

Арде-мэ ши фриже-мэ
Пе-ун кэрбуне пуне-мэ!
Де мэ-й пуне пе-ун кэрбуне
Ибовникул ну ць-ой спуне.

Жги меня и режь меня,
Ставь меня на уголья!
Хоть ты на уголья поставишь
Хоть на вертеле зажаришь —
Не узнаешь ничего
Ты про друга моего!

Де мэ-й пуне ынтр'о фригаре
Ибовникул винэ н'аре!

Хочешь, пятки будешь жечь,
Хочешь, плеткой будешь сечь —

Де м'ый бате ку-о вэргуцэ
Песте окь ши песте цыцэ—
Тот м'ой дуче ла портицэ
Сэ дау алтуя гурицэ.

Буду к милому ходить
Поцелуями дарить!

Де мэ-й бате ку гардул
Тот м'ой чере суфлетул
Тот м'ой юби ку алтул,
Аша-мь чере суфлетул,
Аша-мь есте умблетул.

Хочешь, палкой будешь бить,
Буду милого любить,
Без любви нельзя мне жить!

Вия 'н варэ ынфлореште.
Яр ын тоамнэ кум родеште
Вине граур де-о чупеште.

Только лозы отцветут,
Только ягоду нальют,
А скворцы уж тут как тут.

Еу де ерь ам ынфлорит
Сыну-мь ынкэ н'а родит.
Ши ыл арде-ун фок кумплит².

Я вчера лишь распустилась,
Только с детством распростилась—
А уж страсть в меня вселилась.

Главное отличие варианта Доница от варианта Александри в том, что адресат песни, приведенной Доницем, известен: это муж. В варианте же Александри адресатом может быть и женщина (мать).

Третий вариант, которым оперировал Яцимирский, предложен бессарабским литератором Раду Курэлескул, помещившем в «Одесском Альманахе» за 1840 г. повесть о хайду-

¹ T. Pamfile, Cântece de țara, București, 1913, p. 144.

² См. сборник «Румынские народные песни и сказки», М., 1953, стр. 105.

ке Тунсул и короткий отрывок песни, исполнявшейся якобы в самом Бухаресте цыганкой Стесею:

Арде-мэ, фриже-мэ,
Пе кэрбуне пуне-мэ,
Де м'ай пуне пе кэрбуне,
Амурезу ну ць-ой спуне.
Де м-ой бате кыт де мулт,
Тот ой фаче (че-ам фэкут).

Жги меня, испеки меня,
На уголья клади меня.
Хоть на уголья поставишь —
Любимого имени не узнаешь.
И сколько бы ты меня не бил,
Я все равно буду делать то, что
делала.

В отличие от варианта Доница, свои слова молодая женщина Стеся могла адресовать, как и в вариантах Александри, либо мужу, либо родной матери. Это предположение мы имеем право сделать, если будем сопоставлять варианты, оставшиеся неизвестными Яцимирскому. Одним из них является следующий вариант, записанный уже в Валахии, такого же размера и содержания слова, обращенные молодой и ревнивой девушкой родной матери:

Де м'ый пуне
П'ун кэрбуне
Пе юбитул ну л-ой спуне.
Кэ мь-е тямэ,
Драгэ мамэ,
Сэ ну-л баже лумя'н самэ.

Поклала бы меня
На уголья —
Любимого тебе я не назову.
Боюсь я,
Дорогая мама,
Чтобы не приметили люди его.

Де м'ый пуне
Пе вылтоаре,
Ну ць-ой спуне
Че мэ доаре,
Кэ мь-е дорул фэрэ ляк
Ку ворбе ну мэ ынпак.

Посадила бы меня
В польмя,
Не скажу тебе,
Что у меня болит.
А болезнь моя не имеет лекарства,
Словами меня не успокоишь.

Де м'ый винде
Пе меринде
Сау пе флэкэр м'ый апринде
Ну вей шти вреодиниоарэ
Че-ам аскунс ла инимиоарэ.

И продай ты меня
Хоть за харчи,
Или подожги меня в польмье,
Никогда ты не узнаешь,
Что запрятала я в сердечке.

Де мь-аць пуне
Ын кап стямэ
Ну вой спуне кум ыл кямэ.

И кладите вы
На голову царскую корону,
Не скажу я, как его зовут.

Кэ ми-й фрикэ сэ ну-л е
Алте каре л-а веде¹.

Потому что боюсь, чтобы не взяла
его
Другая, которая его приметит.

Изменения песни шли и в другом направлении. Известный румынский фольклорист Антон Панн записал в 1850 г., и тоже в Валахии, вариант, названный уже не цыганской, а «молдавской хорой». Здесь, при сохранении ритма и значительном увеличении количества предпологаемых наказаний,

¹ G. Dem. Teodorescu, Poezii populare, București, 1885, p. 309.

девушка или женщина добивается свободы только в выборе и в исполнении танца:

Бате-мэ, трынтеште-мэ,
Жунге-мэ, белеште-мэ,
Де мь-ай фаче че мь-ай фаче
Тот о сэ жок кум ымь плаче.

Бей меня, повали меня,
Заколи меня, сдери с меня кожу,
Что бы ты мне не сделал,
А все по своему вкусу буду
плясать.

Тие-мэ, рэпуне-мэ,
Ын фригаре пуне-мэ,
Де мь-ай фаче, че мь-ай фаче
Тот о сэ жок кум ымь плаче.

Режь меня, уничтожь меня,
В полямь посади меня,
И что бы ты мне не сделал
Все равно буду плясать как
нравится мне.

Калкэ-мэ, туртеште-мэ,
Фрынже-мэ, слущеште-мэ,
Де мь-ай фаче, че мь-ай фаче
Тот о сэ жок кум ымь плаче!¹

Растопчи меня, раздави меня,
Изломай меня, изуродуй меня,
И что бы ты мне не сделал,
Я все равно буду плясать так,
как мне нравится.

Более лаконический вариант был записан нами в 1954 г. в Кангазском районе из уст колхозницы Оника Митра. Этот текст адресован мужчине, мужу:

Арде-мэ, фриже-мэ,
Арде-мэ, фриже-мэ,
Де мэ-й пуне пе кэрбуне
Ибовнику ну ць-ой спуне
Оф, оф!

Режь меня, изжарь меня,
Режь меня, изжарь меня,
И на уголья клади меня.
Любовника тебе я не назову
Оф, оф!

Ибовнику-й дрегэлаш.
Ибовнику-й дрегэлаш.
Бэрбэцеле, еу те лас,
Бэрбэцеле, еу те лас,
Оф, оф!

Любовник мой мил,
Любовник мой мил.
Муж, оставляю я тебя,
Муж, оставляю я тебя,
Оф, оф!

Мелодия песни в исполнении колхозницы Оника характерна чрезвычайной своей грустью:

АРДЕ-МЭ

Andante

Ар-де-мэ фри-же-мэ, Ар-де-мэ фри-же-мэ,
Де мэ-й пу-не пе кэр-бу-не, Ибовнику ну ць-ой спуне, оф, оф!!

¹ Цит. по двухтомнику избранных произведений Anton Papp, Pagini alese, București, 1953, vol. II, p. 16.

Это, впрочем, не единственный вариант. В начале XX в. немецкий фольклорист М. Фридвагнер записал в Буковине мелодию народной песни, текст которой родственен песне Земфиры. Регистратор пометил свою песню также: *andante*¹. Вот ее текст:

Ят'о сара ярэ вине
Ши м'о бате мама бине,
Мэйкулицэ драгэ!

Кэ ши-асарэ м'о бэут
К'ам шезут ку бадя мулт.
Мэйкулицэ драгэ!

Бэтая ну м'о дурут,
Кэ трагостя мь-а плэкут.
Мэйку, тичэ драгэ!

Ши нич аз ну м'а дуре,
Э мэ баты кыт ар вре.
Мэйкулицэ драгэ!

Де м'ар бате кыт де рэу,
Бадица-й суфлетул меу.
Мэйкулицэ драгэ!

Де м'ар бате кыт де таре
Пентру бадя ну мэ доаре.
Мэйкулицэ драгэ!¹

Де м'ар бате, кыт м'ар бате,
Динтр'а меле ну мэ скоате.
Мэйкулицэ драгэ!²

Снова вечер подходит
И снова будет меня сильно бить
мать.
Мамочка моя родная!

И вчера вечером поколотила меня
За то, что оставалась долго с ним.
Мамочка моя родная!

Мне не было больно от битья,
Любовь мне очень понравилась.
Мамочка моя родная!

И сегодня не будет больеть,
Сколько бы она не била.
Мамочка моя родная!

Как бы сильно не била бы меня,
А он все равно — душа моя.
Мамочка моя родная!

Как бы сильно не била меня
За него мне не больно.
Мамочка моя родная!

Сколько бы не била меня,
От своего я не откажусь.
Мамочка моя родная!

Приведенные варианты и народная мелодия данной молдавской песни имеют свое значение. Как мы уже знаем, характер и тон текстовой стороны пушкинской песни Земфиры русскому читателю, исследователю и композитору представлялись с задорно-коротким ритмом и воспринимались как вызывающе-ударные. Советский музыковед А. Глумов, занимавшийся первой музыкальной записью песни, сделанной неизвестным любителем, писал, что к разбору напева «нельзя подходить серьезно... напев примитивен...»³.

¹ Мелодию этой песни см. в данном сборнике в статье Л. Аксеновой.

² Mathias Friedwagner, Rumänische Volkslieder aus der Biscovina, Liebeslieder, Würzburg, 1940. S. 133.

³ А. Глумов, Пушкин, Верстовский и Виельгорский, «Советская музыка», 1934, № 1, стр. 76—77. «Сомнительно, чтобы кто-нибудь из следующих композиторов, писавших музыку на слова «Цыганской песни», был знаком с мелодией подлинника. «Песня Земфиры» была положена на музыку Виельгорским, Верстовским, Кацферовым, Лишиным, Ант. Рубинштейном, Зыбиной, Манн, Полиной Виардо, Ганнибал, Рахманиновым и Чайковским».

Приведенные выше текстовые варианты дают нам право на некоторые выводы.

Песня «Арде-мэ, фриже-мэ» в Молдавии действительно называлась «цыганской». Ее поет цыганка у Пушкина и у Курэлескула. Публикатор песни Александри называет ее также «цыганской». Но это отнюдь не означает, что слова и музыка являются по своему происхождению цыганскими. Во время пребывания Пушкина на юге пели ее не хранители устойчивых традиций, не цыгане-кочевники (о чем говорил и Вельтман), не оседлые цыгане-хлебопашцы, а народные музыканты из цыган, служившие в боярских домах. Они подражали в языке песни языку горожан (слово *амурезул* в варианте Курэлескула). За пределами Молдавии, в Валахии, близкий вариант песни известен под названием «Молдавской хоры» (Панн).

Разнообразие и распространенность вариантов подтверждают народное происхождение и основу песни. Эту песню нельзя рассматривать как лаутарский куплет, как образец городской лирики. Об этом же свидетельствует и приведенный характер народного напева.

Ее текстовая часть — это далеко не выражение «дикой страсти». Это — протест закабаленной женщины, требующей права на жизнь и свободу. Эта женщина обращается не случайно либо к своему угнетателю мужу-старика, либо к матери. Оба они унаследовали суровый обычай старины — принуждение нежеланному замужеству. Это — не только гимн безнадежной и трагической любви, но и гимн свободе. Повидимому, именно эта сторона народной молдавской песни — протест рядовой женщины против семейного гнета и насилия — и привлекла внимание великого гуманиста и поэта Пушкина.

На основании собственного признания поэта в «близости» своего перевода молдавской песни и при наличии нескольких вариантов последней, можем приступить к установлению того нового, что внес Пушкин в свою «песню Земфиры».

Пушкинская песня Земфиры построена из 5 строф, то есть из 20 строчек. В их числе находятся две повторяющиеся строки. Остаются, таким образом, 18 строчек. Новыми, не встречающимися ни в одном из приведенных выше восьми молдавских вариантов, являются 10 строк или большая часть всей песни. Каково направление этих добавлений?

Во-первых, Пушкин углубил конфликт, подчеркнув ненависть молодой женщины к старому мужу:

Ненавижу тебя,
Презираю тебя!
Я другого люблю,
Умираю любя.

Во-вторых, он усилил выражение любви молодой женщины к молодому, равному по возрасту мужчине:

Как он молод и смел!
Как он любит меня.

Вся эта амплификация выдержана, однако, в тоне всего народного стихотворения.

Однако в песне Земфиры есть и другое—это совершенно неизвестные молдавскому фольклору, складу народной речи сравнения и восклицания:

Он свежее весны,
Жарче летнего дня.

Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Во всем остальном, кроме сознательного подчеркивания конфликта, песня действительно опирается на народный молдавский текст, который мы находим сейчас в имеющихся вариантах.

Таким образом, можно заключить, что оригинал Пушкина кроется именно в молдавском фольклоре. Но почему поэт вложил исполнение песни в уста странствующей, вольной цыганки?

В Молдавии имеется несколько курганов, в которых, по местным преданиям, зарыты трупы молодых цыган, убитых ревнивыми боярами. Таков, например, «курган Рабыни» — «мовила Рэбийи» в Запрутской Молдавии. Таков и «курган Цыгана» — «мовила Цыганулуй» в Глодянском районе МССР. О последнем местное предание говорит следующее: «Кучером у одного богатого боярина был молодой цыган. У него была очень красивая жена. В нее влюбился боярин. Цыган рассердился. Тогда боярин его убил. Цыганка тоже рассердилась и стала ругать боярина. Тогда он убил и ее. Их трупы были зарыты на кургане. Оттуда и название его».

С 1819 г. в северной части Молдавии, в районе этого кургана, находился А. Ф. Вельтман. Он даже описал припрутские скалы—«Костештские скалы», а также и средоточие курганов — «сута можиле», утверждая, что во время рекогносцировки верхней части Бессарабии он «выучил наизусть этот край». Возможно, что именно Вельтман сообщил Пушкину об этом наименовании и о местной легенде.

Цыгане, герои некоторых произведений молдавской художественной литературы, также оказываются убитыми из-за ревности их хозяев. Такова судьба Недельку и Земфиры из повести В. Александри «Деньга и золотник» (1840), судьба Аники из сказки «Цыгэнкуша дин етак» Р. Росетти (1886).

Можно назвать также и ряд других, более ранних произведений, посвященных молдавскими литераторами цыганам (Александрри, Дониц, Руссо, Когэлничану и другие).

В условиях Молдавии и Валахии крепостные цыгане были на положении рабов. Так их и называют грамоты: робь — холопы. Их продавали, меняли, женили, убивали безнаказанно. В завещаниях они фигурировали среди домашней скотины и утвари, причем указаны были не по именам, а по семействам: столько-то семейств цыган... Вельтман, присмотревшийся к быту цыганской дворни, назвал их сочувственно «несчастными» и заверил читателей, что в Молдавии, как и Валахии, это — «просто обычай». С другой стороны, по Молдавии кочевали вольные цыгане. Их-то и описал поэт, показав гуманность старика и силу любви Земфиры. Описывая вольность цыган, Пушкин, по нашему мнению, защищал крепостных. Именно так была воспринята поэма в Молдавии. Своему переводу поэмы на молдавский язык Дониц предпослал вступление, в котором в стихах сказано: «Идите же, цыгане, теперь к доброму хозяину (к читателям) и старайтесь приобрести себе славу, потому что при помощи печати вы приобретете честь».

Так же, как Вельтман и многие прогрессивные молдавские писатели, Пушкин был поражен этим контрастом: с одной стороны цыгане — полные рабы, с другой — наиболее вольные жители края. В среду вольных цыган, а именно в уста Земфиры, он перенес то, о чем могла только мечтать крепостная исполнительница молдавской песни в доме боярина. «Песня Земфиры» это гимн свободе. Пушкин почувствовал всю тяжесть подневольной жизни своей героини и своим «близким переводом» сделал ее клич к свободе достоянием всего человечества.

III. Мититика

В своих воспоминаниях о Пушкине поэт В. П. Горчаков писал в 1858 г., что в Кишиневе домашние музыканты молдавского боярина Варфоломея заинтересовали поэта своим исполнением песни «Мититика». Слово *мититика* было объяснено им в сноске следующим образом: «Мититика—молдавский танец, сопровождаемый большей частью пением».

В литературе сохранились многочисленные свидетельства о том, что в начале XIX в. *Мититика* была популярнейшим молдавским танцем, а также и самостоятельной песней. А. Ф. Вельтман писал, что мититику два цыгана «пели»¹; Вигель также писал, что в 20-х годах, в октябре месяце, в городе Кишиневе, «на дворе, при свете факелов,

¹ А. Ф. Вельтман, Странник, I, М., 1931, стр. 90.

молдаване и молдаванки забавлялись своею любимую национальною пляскою — мититикою»¹ и что то же самое можно было наблюдать и в других городах Бессарабии. Так, в Оргееве, пишет в другом месте своих воспоминаний Вигель, «к вечеру пошли мы все вместе гулять по городу, который вкратце представлял нижнюю часть Кишинева. только улицы были чище, шире и правильнее. Даже на них простые молдаване в кружок, под цыганскую музыку, со спокойно-веселым видом плясали свою вечную мититику»².

Мелодия *Мититики* заменяла иногда и марш. Константин Негруци в одном из своих очерков описывает отряд военных, которые, маршируя по городу Яссы, пели *Мититику*.

Приведенные данные проливают свет также и на характер песни и пляски: по Вигелю пляска исполнялась со «спокойно-веселым видом», по Вельтману — другие три молдавские пляски, а именно, сербешти, бул(г)арешты и чабанешти — «веселее и живее», чем мититика.

Но уже и до этих современных Пушкину аттестаций песни и танец Мититики имели значительную давность. Впервые упоминание о ней мы встречаем у австрийского офицера Франц Иосифа Сульцера в 1782 г.³, а затем в 1803 г. у участника русско-турецкой войны, русского дипломата Гейнриха фон Реймерса, напечатавшего позже свои воспоминания о пребывании в Молдавии и Валахии⁴.

И Сульцер и Реймерс приводят в очень неправильной транскрипции по несколько строк этой песни, мелодия которой, по их мнению, «довольно приятная» (*klingt ganz artig*).

Приведенный Сульцером отрывок был включен в 1787 г. историком Грельманом⁵ в свою работу о происхождении и о заселении цыганами Европы. Работа Грельмана, которую по всей вероятности читал и Пушкин, была хорошо известна немецкому поэту Клеменсу Брентано, создавшему поэтическое произведение на основе молдавской «Мититики». Он считал, правда, что имеет дело с песней на подлинном цыганском языке⁶. Примечательна и аннотация Сульцера к этой же песне. Он свидетельствует об ее подлинно народном

1 Ф. Ф. Вигель, Воспоминания, ч. VI, М., 1865, стр. 96.

2 Там же, стр. 126.

3 Franz Joseph Sulzer, Geschichte der Transalpinischen Daciens, Wien, 1781—1782.

4 Heinrich von Reimers, Reise ... an die othomanische Pforte in Jahr 1793, St. Petersburg, 1803, I—III.

5 M. P. Grellmann, Historischer Versuch über die Zigeuner betreffend die Lebensart und Verfassung, Sitten und Schicksalle dieses Vclkes seit seiner Erscheinung in Europa und dessen Ursprung, Gottingen, 1787, S., 153—154.

6 Adolf Hertman, Rumanische Verse in Klemens Brentano's Novelle... «Korrespondenzblatt des Vereines für Siebenbürgische Landeskunde», Hermanstadt, 1926, S., 81—104.

характере и с негодованием говорит о том, что в приднестровских княжествах музыка и поэзия являются уделом только рабов, то есть цыган, и что аристократия ими вовсе не занимается.

Самостоятельно, но только одной музыкальной стороной песни, занимался в начале XIX в. довольно известный немецкий музыкант-исполнитель и композитор Б. Ромберг. По сведениям современника, молдавского поэта и прозаика Г. Асаки, Ромберг давал в 1807—1809 гг. в Яссах свои концерты, на которых импровизировал вариации и на молдавскую мелодию «Мититики»¹. «Саргисе» на молдавские мотивы Ромберга появился и в печати. По-видимому, как предполагается и один из исследователей, румынского музыковед Брязул², в своем произведении Ромберг использовал именно народную мелодию песни.

Гораздо позже текстовой отрывок Реймерса был переведен немецкой писательницей Букурэ Думбравэ в романе, посвященном борьбе валашских крестьян за свое освобождение в 1821 г. из-под ига бояр и турецкого владычества. Этот роман переводился затем и на румынский язык и выдержал не одно издание.

В середине XIX в. появляется самостоятельная текстовая запись песни. Ее зарегистрировал валашский фольклорист Антон Пани. Запись Панна неоднократно затем воспроизводилась в сборниках румынского фольклора.

Текстовым анализом песни «Мититика» уже в более позднее время (в 1935 г.) занимался румынский исследователь Еужен И. Пэунел, который пришел к выводу, что песня не была «лаутарским куплетом», а подлинно народной песней. Беря за основу текст Антона Панна, Пэунел подобрал из обширного валашского и молдавского фольклора параллели к стихам 1—2, 7—8 и разыскал, кроме того, и другие сходные ситуации³.

Несмотря на всю эрудицию исследования Пэунела, она нас вполне удовлетворить не может. Нам надо установить тот текст, который «пели» музыканты при Пушкине, определить его народную мелодию и характер танца в народном же исполнении.

Остановимся здесь только на *текстовой* стороне песни. Мы располагаем ее тремя записями: первые две — запись Реймерса и Сульцера — были сделаны в конце XVIII в., то есть почти за сорок лет до пребывания здесь Пушкина. Вторая —

¹ Г. Асаки, «Албина Ромыняскэ», XXI, 1849, № 89.

² G. Breazu, Patrium Carmen, Contribuții la studiile muzicii românești, Craiova, 1941, p. 275.

³ Eugen I. Păunel, Cîntîcel Militicîl «Revista germanistilor români» IV, 1935, № 1 pp. 37—66. Нашими ссылками на работы Сульцера, Грельмана и Хертмана мы обязаны этому автору.

Антон Панна — через 30 лет после пребывания поэта в Молдавии.

Пушкин слышал бесспорно те слова песни, которые фигурируют как в записях Сульцера и Реймерса, так и в записи Панна. Расхождений между записями Сульцера и Реймерса нет.

В записи Реймерса в его неправильной транскрипции немецким шрифтом мы узнаем следующие 8 строк, из которых шестая не поддается точной расшифровке:

Мититико, вино'нкоаче!
Ба еу, нейкэ, н'ам че фаче!

Мититико, вин ла ной!
Ба еу, нейкэ, ну те вой!
Мититикэ ешьт ла гурэ
Дулче ла кэутэтурэ(?)
Мититикэ ешьт ла стат
Ши ку хаз де сэрутат.

Мититика, иди сюда.
Нет, дяденька, нет мне другого
дела?

Мититика, иди к нам.
Нет, дяденька, не хочу я тебя!
Мал твой ротик,
Сладок твой взгляд.
Мала ты ростом,
Но забавна ты при поцелуях.

Записи Сульцера и Реймерса обнаруживают нам строение песни: это диалог молодого человека, увлеченного красотой и миниатюрностью Мититики (само же слово на молдавском языке означает «маленькая», «малюточка»), девушкой, которая отказывает ему во взаимности («нет у меня другого дела», «не хочу я тебя»).

Запись же Панна середины XIX в. построена иначе: здесь дается только речь мужчины, обращенная к девушке, пленившей его теми же качествами и, главным образом, той же миниатюрностью.

Фрунзулицэ боб нэут,
Мититико, фа,
Де те-ар принде нейка'н крынг
Мититико, фа,
Мижлочелул сэ ци-л стрынг
Мититико, фа,
Сэ плечь ла мэ-та плынгынд
Мититико, фа,

Ши ла тат'тэу желуинд
Мититико, фа,
Ку лакримиле плынгынд
Мититико, фа,
Мититикэ ешьт де стат
Мититико, фа,
Ши дулче ла сэрутат
Мититико, фа,
Мититикэ ешьт де-о лунэ
Мититико, фа,
Ши душманий ыць фак вылыэ
Мититико, фа,
Фрунзулицэ ш'о лаля
Мититико, фа,

Лист зеленый, зернышко науга,
Мититико, фа,
Если б тебя дядя поймал в лесу,
Мититико, фа,
Да так обнял бы тебя,
Мититико, фа,
Что в слезах отправилась бы к
мамаше

Мититико, фа,
И жаловалась бы отцу
Мититико, фа,
Проливая горькие слезы
Мититико, фа,
Ты мала ростом
Мититико, фа,
Но сладка при поцелуях
Мититико, фа,
Мала ты и годами
Мититико, фа,
А враги уже встревожились
Мититико, фа,
Лист зеленый, лист тюльпана,
Мититико, фа,

Мынка цъ-ар окий нейка,
Мититико, фа,
Кэ сунт дулць ши фрумушей
Мититико, фа,
Де моаре лумя де ей!
Мититико, фа.

Съел бы я твои глазки
Мититико, фа,
Сладкие они и красивые
Мититико, фа,
Погибает свет из-за них!
Мититико, фа.

Следовательно, в этом более позднем варианте прежняя нежность мужчины и его ласка все больше и больше уступили место раздраженности, угрозам и гневу. Из песни были исключены и реплики Мититики.

Можно предположить, что в 20-х годах, во время пребывания Пушкина в Кишиневе, когда, к сожалению, песня не была никем записана, эволюция к первой, известной нам в XIX в. уже гротескной записи, наметилась.

Оригинальность текстовой стороны песни могла безусловно заинтересовать поэта, который здесь, в новой для него среде, с большим вниманием всматривался и вникал во все проявления жизни и искусства. Следы именно этой песни (другой, более близкий текст об имеющемся фольклорных собраниях нами нигде не обнаружен) узнаем мы в эпиграфе, который Пушкин предполагал дать «Цыганам»:

Мы люди мирные, девы наши любят
волю, что тебе делать у нас...
Молдавская песня.

Во всех молдавских вариантах «Мититики» девушка отклоняет предложение мужчины. Пытаются отвергнуть пришельца и в эпиграфе. Есть, однако, и расхождения. В оригинале на призыв мужчины отвечает девушка:

«Нет, дяденька, разве у меня нет другого дела.»

У Пушкина же ответ переделан в: «что тебе делать у нас...»

«Девы наши любят волю» — передают с ошибками строку: — Ба еу, нейкэ, ну те вой.—А я, дяденька, тебя не желаю. Ошибка при переводе произошла из-за отождествления глагола *вой* — «*хочу*», с русским *воля* или молдавским *вое* — «*свобода*».

В выражении «мы люди мирные» можно узнать такой же неправильный перевод с молдавского — «дэ-мь паче», то есть «оставь меня в покое». Но переводчик, истолковав слово *паче* как «мир», переосмыслил всю реплику и придал ей обобщенное значение.

Высказывая наши предположения, мы не отвергаем возможности того, что такая песня в молдавском фольклоре имела и что эпиграф вовсе не стоит в связи с «Мититикой». Изыскания в этой области должны быть продолжены молдавскими музыкантами и хореографами.

IV. Молдавские варианты баллады о братьях-разбойниках

В дореволюционной критической литературе поэма «Братья-разбойники» рассматривалась как одно из наиболее ярких выражений «байронизма» Пушкина. Только в советское время, в поисках генезиса, советские исследователи установили факты реальной действительности, которые были положены в основу поэмы, определили место, которое занимает в творчестве поэта эта незавершенная поэма. Работы советских исследователей подчеркивают огромный интерес поэта уже и во время пребывания его в Южной ссылке к героям народно-освободительных движений, в том числе и к молдавским гайдукам.

Так, уже в 1821 г., в наброске «Чиновник и поэт» упоминается имя бесстрашного гайдука Кирджали, которому позже поэт посвятил отдельный рассказ. А. Ф. Вельтман уверял в своих воспоминаниях, что поэма «Братья-разбойники» внушена Пушкину «взглядом на талгара Урсул».

Устанавливая связь творчества поэта с реальной действительностью, советские пушкинисты собрали ценный материал по истории гайдучества в Молдавии.

Впервые обильный материал о массовых антипомещичьих выступлениях в 20-х годах в Бессарабии собрал в 1936 г. В. Закруткин, используя архивные и печатные русские и иностранные документы. Он привел много данных о наплыве беженцев в Бессарабию, о фактах разорения помещичьих усадеб и о деятельности гайдуков Урсула, Тобултока и других¹.

Время массовых крестьянских выступлений в Новоросии и Бессарабии совпало со временем пребывания Пушкина в Кишиневе и его путешествия по Южной Бессарабии.

При работе над поэмой, задуманной после знакомства с фактами бессарабского разбойничества, Пушкин, по заключению того же исследователя, широко использовал русский крестьянский «разбойничий» фольклор. В. Закруткин указал на параллели, сходные ситуации в русском фольклоре — например, в рассказе героя разбойника о своем прошлом. Как и в зачине поэмы, разбойничьи песни дают вначале картину лагеря, показывают массу, из которой потом выделяется герой. Соответственно словам поэмы «здесь цель для всех сердец—живут без власти, без закона», герои русских разбойничьих песен проникнуты чувством единства и протеста. В поэме, в рассказе старшего брата вскрыта социальная почва, заставившая остальных взять в руки нож и пойти на разбой. В сотнях крестьянских песен также говорится о нуж-

¹ В. Закруткин, Пушкин и Лермонтов, Ростов-на-Дону, 1941, стр. 23—95.

де и горе, о тяжелой жизни крепостных, о суровой бедности, от которых никуда не скроешься. Выход один — идти на большую дорогу. После разбоя герои поэмы обычно пируют — точно так же, как это описывается в десятках русских песен. Герои поэмы и герои русского разбойничьего фольклора, уже будучи пойманными, тоскуют по воле, но совершенно не сожалеют о том, что пошли на путь разбоя. Тяжелые мучительные предчувствия заключенных разбойников, что их скоро поведут на казнь, одинаковы и в поэме и в народных русских песнях.

На основании детального и глубокого изучения параллелей, Закруткин пришел к выводу, что Пушкин при помощи именно русских крестьянских разбойничьих песен раскрыл тему, продиктованную ему новороссийской и бессарабской действительностью. При этом Закруткин, как и многие другие исследователи, утверждающие, что исключительно «русская жизнь, русская реальная действительность» отразились в поэме, вовсе не упомянул о том, что в своем черновике поэт написал собственноручно подзаголовок: «Молдавская песня». Указывая на источники, исследователи, наряду с тем, что поэма построена исключительно по мотивам *русских* разбойничьих песен, обращали внимание на то, что в основе поэмы лежит конкретный факт из *украинской* жизни — бегство в Екатеринослав двух братьев-разбойников Засориных.

К сожалению, никто из знатоков молдавского фольклора не попытался на конкретном материале установить связь произведения с молдавским фольклором и, в частности, обоснованность пушкинского подзаголовка. Это тем более досадно, что молдавский фольклор очень богат именно балладами о гайдуках, а это свидетельствует о любви народа к своим защитникам. Молдавские мотивы могли и должны были занять ответственное место в творческом сознании Пушкина, наряду с его конкретными — екатеринославскими — впечатлениями из украинской жизни и широко использованными мотивами русской народной поэзии.

Наше внимание должно быть направлено на отыскание не специфически национальных элементов в поэме, а на установление того общего, что есть в поэме из жизни и фольклора и русского, и украинского, и молдавского народов. Важно найти черты общероссийской действительности в поэме. Поэтому необходимо установить не только места поэмы, совпадающие с молдавским фольклором, но и отличающиеся от него.

В молдавском фольклоре действительно имеется баллада, в которой повествуется о двух братьях-разбойниках. Правда, в вариантах указывается, что прежде, в самом начале их гайдуцкой деятельности, их было *семеро* или *трое* (цифры эти, как известно, характерны для фольклора). Все вариан-

Картина Б. И. Лебедева «Приезд Пушкина в Кишинев».

ты повествуют о том, что в сражениях против господарской стражи братья по очереди погибают и остается точно так же, как и у Пушкина, лишь один—он же и рассказчик. Заключительные слова гайдука о том, что даже оставшись один, он не покинет леса, созвучны рассказу, изложенному Пушкиным и содержащему просьбу разбойника принять его в товарищи в состав нового лагеря.

Варианты баллады о братьях-разбойниках имеются не только в Молдавии, но и в фольклоре придунайской Валахии и в отдаленной Олтении. Широкая распространенность баллады может быть доказательством того, что Пушкин слышал ее не только от молдавских крестьян, от боярских или городских музыкантов из Молдавии, но и от многочисленных тогда в Бессарабии беженцев из-за Прута.

Вот один из вариантов, в переводе В. Нейштадта, в котором, правда, в значительной степени теряется фольклорная непосредственность:

Три подростка в лес спешили.
В эту ночь они решили
Стать лесными соколами
Удалыми молодцами,
Звали одного Чокан,
Нес он тяжкий буздуган.
А другой—силен, высок —
Прозывался Бусуйок.
Он без промаха стрелял
И погоню задержал
Я крещен был Михаилом,
Был и я не очень хилым —
Я усталости не знал,
Из Крайовы я скакал,
Семь коней в пути загнал,

Жили вместе мы семь лет,
Удивляли белый свет,
Много взяли кошельков
У богатых молодцов,
Постреляли богачей
И жандармов — палачей.
Но в один лихой денек
Лег высокий Бусуйок,
Рядом с ним крепыш Чокан
Уронил свой буздуган,
И остался я один,
Словно дуб среди равнин.
Спите, верные друзья,
Лесу верен буду я¹.

«Лист зеленый, лист зеленый.

Нас было семеро братьев, но пятеро погибли в один из вторников²
Мы остались двое и заполнили весь свет собою. Но и этот мой брат погиб в один из четвергов. Так я остался один и тяжело переживаю.

Лист зеленый, лист зеленый.

Сию я в лесу и все думаю: за что же мне взяться, чтобы прожить? — Стать мне пахарем или гайдуком?

Лист зеленый, матушка ты моя родная!

Не нравится мне хлебопашество, ведь я уже с раннего детства имел все признаки гайдука.

¹ Румынские народные песни и сказки, М., 1953, стр. 95.

² По преданиям, людям, умирающим во вторник или в четверг, обещано «царство небесное» (Г. Б.)

Я сапой не работал, а водил лошадей на водопой. Как только конь заржет, во мне пробуждалась тоска по лесу, по зеленому лесу, в котором только что и гайдучить. Семи лет я отбирал у чабанов овец без платы. Восемнадцать лет я пробовал вино, холодно ли оно, прохладен ли погреб. Двадцати лет я придирался к туркам, к грекам-фанариотам, укорачивал их на одну голову и только так успокаивался.

Но теперь я уже в летах, настрадался и многое уразумел. И уж теперь я убежден, что мне суждено умереть в лесу».

И этих двух вариантов достаточно для доказательства того, что в молдавском фольклоре действительно имеется баллада о *братьях-разбойниках*. Характерно при этом, что один из братьев является, как и у Пушкина, рассказчиком. Как и у Пушкина, он не расстаётся с лесом.

В других вариантах повествуется о трех братьях и об их сестре. Все они гайдучат в лесу, по очереди погибают, а последний брат рассказывает об этом.

В молдавском фольклоре помимо баллад есть еще и песенка также о двух братьях. Эта песенка поется у нас повсюду, в любом селе, и ее часто исполняют колхозные коллективы художественной самодеятельности. Именно поэтому, сейчас, при одинаковом зачине, песня имеет множество вариантов. Их прототип почти невозможно установить, так как мы не располагаем старыми записями текстов. В песне говорится, что мать родила в среду и в пятницу (это несчастливые дни) двух братьев. Затем они разошлись по белому свету. Мать пускается на розыски сыновей, но не находит их. Она садится у дороги и горько плачет. Братья гайдучат и, по отдельным вариантам, один из них умирает, а другой не возвращается к матери и продолжает бороться с богачами.

Все молдавские варианты баллад о братьях-разбойниках, вернее их общие места, нам следует теперь сравнить с поэмой Пушкина.

В приведенных молдавских балладах нет пушкинского зачина, в котором дана картина лагеря разбойников, масса. Но подобный зачин имеется в других балладах, например:

Во лесу, лесу густом
Черный дым валит столбом,
Черный дым столбом валит,
На траве костер горит.

Верно знаю лишь одно:
Тянут все они вино,
Перевязывают раны
Ну и жарят пять баранов.

А вокруг костра сидят
Молодцы лесные в ряд
Сколько их—пятнадцать? двадцать?
Не считал я их, признаться.

На ольховых на прутах,
На железных на крюках,
Вертят их они прилежно,
Чтобы мясо было нежно...¹

¹ Румынские народные песни и сказки, М., 1953, стр. 89.

Нет в молдавском фольклоре и сцены бегства братьев, о чем, как известно, поэт писал как о реальном эпизоде, свидетелем которого он был в Екатеринославе. Правда, сцены бегства отдельных гайдуков есть в других балладах. Нет в молдавских балладах, да и вообще в молдавском фольклоре, утверждений о злостном характере убийств, совершаемых разбойниками.

Так, герой очень популярной в Молдавии баллады гайдук Кодрян на вопрос господаря, около которого стоит повелитель — турок, отвечает:

— Князь, поверь моей божбе, Всем святым клянусь тебе, Не убил еще Кодрян Никого из христиан. Если случай помогал — Богача мне посылал, Я всегда, поверь словам, С ним делился пополам: Если было два коня, То, как праведный судья, Одного себе я брал, А другого отдавал. Если было сто монет, Пятьдесят давай, брат, мне,	А другие пятьдесят Я даю тебе назад. А случилось вечерком Повстречаться с бедняком, Свой кошел я вынимал, И бедняге отдавал. Ну, а если грех случался, С турком где-нибудь встречался, Тут я гневом распаялся: Он живым не уходил. Много их я уходил, Много их голов срубил, Многих в пададь обращал — Воронье поугощал ¹ .
--	---

В балладе о Бужоре, о гайдуке 800-х годов, читаем:

...Ой, зеленая метлица! Входят недруги в темницу: — Отвечай, Бужор, убийца, Много ль, грозный атаман, Загубил ты христиан? А Бужор перекрестился, Смело к судьям обратился:	— Я людей не убивал, Я богатство отнимал. — Сообщи, разбойник, кат, Где ты спрятал этот клад, И отпустим в лес назад. — Я не прятал сундуков,— Наделяя я бедняков, Чтоб могли купить волов.
---	--

Нет в молдавских балладах покаянных настроений и других деталей. У богатых гайдуки отбирают не все, а половину добра, на русских тройках не катаются, о кнуте и не знают и т. д.

Но есть и очень интересные совпадения поэмы с общими сторонами молдавских баллад. Часть из них, костяк, мы уже знаем. Но вот и детали:

ПУШКИН

В товарищи себе мы взяли
Булатный нож, да темну ночь...

МОЛДАВСКАЯ БАЛЛАДА

Добрую я выбрал долю!
Я в друзья избрал пистолю,
Да коня, да чисто поле!

Есть и очень многие другие совпадения в деталях: кутеж в харчевне, ласкание девушек.

¹ Румынские народные песни и сказки, М., 1953, стр. 34.

Что дают нам в итоге молдавские варианты баллады о братьях-разбойниках?

На приведенных примерах мы убеждаемся, что пушкинский подзаголовок «Молдавская песня» в поэме имеет свое основание. Подобные и в своем основании тождественные баллады в молдавском фольклоре имеются.

В молдавской балладе есть большое количество совпадающих с поэмой Пушкина деталей, но имеются и отличия не только в деталях, но и в эпизоде бегства братьев.

В некоторой мере молдавские фольклорные варианты баллады о братьях-разбойниках подкрепляют предположения советских исследователей — Закруткина, Томашевского¹ об общем плане всей поэмы. Этот план сохранился в двух вариантах и на их основании было построено предположительное развитие действия. Молдавская баллада, заканчивающаяся словами:

Спите верные друзья
Лесу верен буду я,

подкрепляет уже высказанные предположения о том, что борьба брата, оставшегося в живых, приобретает все более романтический характер защиты трудового народа и теряет прежние свои черты зверского грабежа.

На такое важное заключение и дополнение дают право молдавские баллады еще и на основании одного стихотворения польского поэта Г. Ф. Олизара.

Современник и знакомый Пушкину Олизар, по всей вероятности читал поэму полностью до того, как Пушкин ее сжег. О ней он писал:

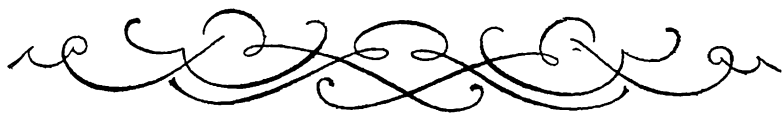
«Разбойники — так их называли; но гений
В своем новом произведении добивается того,
Что преступление, уже преследуемое топором
Палача, преобразается в добродетель!

...Ты властвуешь над человеческими чувствами.
Ты повелеваешь почтить преступление слезами
милосердия и одновременно сохранять уважение
к добродетели...²

Так сказать Олизар мог только в том случае, если узы «страшного семейства» были превращены гуманным поэтом в сожженной части поэмы именно на основании молдавских баллад в иные узы — в идеал гуманности и служения народу.

¹ Б. В. Томашевский, Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина, Пушкин, исследования и материалы, М.—Л., 1953, стр. 183—193.

² «Литературный архив», т. I, 1938, стр. I, 1938, стр. 143—146.

Л. Н. ОГАНЯН

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГЕРОЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КИРДЖАЛИ»

Более 120 лет идут оживленные споры вокруг небольшого по объему, но изумительного по своей глубине и яркости произведения Пушкина «Кирджали». Споры эти идут, главным образом, вокруг двух вопросов — к какой группе произведений можно отнести «Кирджали» (повесть, новелла, историческая хроника и т. д.) и является ли пушкинский Кирджали образом действительного реального лица или это романтический образ разбойника, навеянный легендами и преданиями.

В нашей статье, на основе новых архивных материалов, рассматривается вопрос о герое повести.

Вопрос о реальности личности Кирджали не является праздным. Он очень важен для правильного понимания творчества А. С. Пушкина, той объективности, с которой поэт подходил к описанию деятельности той или иной исторической личности и как с помощью образа исторической личности раскрывал описываемую эпоху.

Как известно, о герое повести «Кирджали» были высказаны различные точки зрения сразу же после ее опубликования. Так, декабрист и ближайший друг А. С. Пушкина В. К. Кюхельбекер в своем «Дневнике» расценивал «Кирджали» как выдумку, «анекдот», но очень хорошо рассказанный¹.

Такого же мнения был и другой современник Пушкина — Липранди. «Пиеса эта, писал он, за весьма малым исключением, не верна, что и не мудрено. Она была написана по крайней мере спустя двадцать лет после того, как Пушкин

¹ Дневник В. К. Кюхельбекера, «Прибой», Л., 1929, стр. 222.

оставил южный край и написана была со слов...»¹. Считая повесть не соответствующей действительности, Липранди признавал Кирджали реальным лицом.

Вопрос о подлинности личности Кирджали интересовал исследователей и XX в.

Инн. Оксенов в статье «Кирджали», ссылаясь на мнения Язвицкого и других авторов, утверждал, что Пушкин был верен, в основном, историческим фактам, но подверг их обработке и смещениям, которые неизбежны в любой исторической хронике. По мнению Инн. Оксенова «фигура Кирджали оказалась в пушкинском очерке *своеобразно деформированной* (подчеркнуто мною — Л. О.). При всей любви к герою, Пушкин не мог не отнестись к нему несколько свысока, как к представителю иного, чуждого поэту класса»². Инн. Оксенов считал, что образ Кирджали Пушкин дал нереальным, идеализированным, с углублением традиционных романтических черт «благородного разбойника». Он не понимал, что в этом образе поэт воплотил свои симпатии к простым людям, сражавшимся против турецкого ига.

Академик В. А. Гордлевский в статье «Кто такой Кирджали?» дает подробный анализ работ, посвященных пушкинской повести. Прежде всего он считает, что «Кирджали» — это романтическая новелла на реальном фоне волнений на Балканах, преследующая художественно-эмоциональное воздействие»³. В. А. Гордлевский совершенно правильно указывает на то, что образ Кирджали очаровал Пушкина и он неоднократно к нему возвращался. «Он знал, пишет исследователь, что Кирджали разбойник, наводивший ужас на Молдавию (один из его «подвигов» он и рассказал), но он увидел в нем героя-витязя, который грабит богачей; ему почудился в Кирджали идейный борец, о котором складывались легенды»⁴. Далее В. А. Гордлевский указывает, что в начале повести идет «безусловная, подлинная, так сказать, фотографическая экспозиция, но вскоре все завлакивается туманом, и над историей и над историческими фактами, передвигающимися во времени, берет перевес фольклор — творится легенда по свежим следам, и проводил ли Пушкин грань между былью и сказкой — трудно сказать»⁵.

В. А. Гордлевский считает, что даже мелочи вскрывают эпический склад героя. К таким характерным мелочам он

¹ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Заметки на статью «Пушкин в южной России» («Русский архив», 1866, № 10, стр. 1395).

² Инн. Оксенов, Кирджали (Пушкин, 1834. Пушкинское общество. Серия «Последние годы творчества Пушкина»), Л., 1934, стр. 60.

³ В. А. Гордлевский, Кто такой Кирджали? (А. С. Пушкин, 1799—1949). Материалы юбилейных торжеств АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 262.

⁴ Там же, стр. 274.

⁵ Там же.

относит эпическое число 7, которым дважды пользовался поэт в повести (по повести Кирджали сидел в доме монаха с семью товарищами и в степь вел семь стражников-турок). В итоге В. А. Гордлевский приходит к выводу, что образ Кирджали утратил свою историчность. «Все перемешалось, пишет он, история Кирджали темна... мучители и мученики окружили в памяти народа Кирджали, и в этой толпе Кирджали затерялся; запутались, рассказывая о нем, и современники — образ Кирджали потускнел от времени, утратил свою историчность»¹.

Итак, первая группа исследователей стоит на точке зрения, или полного, или частичного отрицания исторической личности Кирджали. Другая группа исследователей считает, что герой повести Пушкина «Кирджали» является образом действительного, реального лица.

Известный пушкиновед П. Бертенев в своей работе «Пушкин в южной России» указывал на то, что Пушкин, благодаря близости к Инзову, «находился в средоточении управления обширным и важным краем, знал из первых рук все, что делалось в тех местах»². Бертенев считает, что поэт хорошо знал о греческом восстании, «что видно между прочим из его рассказа «Кирджали», отчасти слышанного им от правителя канцелярии Инзова М. И. Лекса»³. Таким образом, П. Бертенев утверждал, что образ Кирджали был создан на основе фактических сведений, хорошо известных Пушкину.

Яцимирский в статье «Разбойники Бессарабии в рассказах о них» писал о Кирджали, как о реальном лице: «Кирджали был сначала сподвижником знаменитого Ипсиланти, вождя греческой Гетерии; после неудачного восстания он сделался гоцем и оставил по себе память, преимущественно по левому берегу Дуная в Румынии и отчасти в Бессарабии»⁴. По мнению Яцимирского, Кирджали является героем не только повести Пушкина «Кирджали», но и романа польского писателя Чайковского.

Эту же точку зрения продолжил В. Язвицкий в своей статье «Кто был Кирджали, герой повести Пушкина?»⁵. Реальность существования Кирджали Язвицкий доказывал

¹ В. А. Гордлевский, Кто такой Кирджали? (А. С. Пушкин 1799—1949). Материалы юбилейных торжеств АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 281.

² Пушкин в южной России (материалы для его биографии, собираемые П. Бертеневым), «Русский архив», 1866, стр. 1123—1124.

³ Там же.

⁴ Яцимирский, Разбойники Бессарабии в рассказах о них (Этнографическое обозрение) М., 1896, № 1, стр. 84.

⁵ В. Язвицкий, Кто был Кирджали, герой повести Пушкина? («Голос минувшего», Журнал истории и истории литературы, 1919, № 1—4, стр. 49.

ссылками на рапорты прусских консулов в Бухаресте и Яссах, в которых упоминается имя Кирджали, и на материалы французского историка E. Regnault, описавшего битву у Скулян и участие в ней Кирджали. Кроме того, Язвицкий ссылался на Садык-пашу (Чайковского), писавшего о Кирджали, и французских историков Chorin и Ubicini, упомянувших в своих работах также имя Кирджали. На основе всего этого Язвицкий пришел к следующему заключению: «Георгий Кирджали, родом болгарин, был видным участником восстания этеристов, сражался у Прута, был выдан русскими и бежал из-под ареста при помощи ловкой выдумки окладах и, наконец, что французские и румынские историки, прусские консулы, Садык-паша (Чайковский) и Пушкин говорят об одном и том же лице»¹.

Таким образом Язвицкий первый попытался разобраться в сложном вопросе о Кирджали, ссылаясь на архивные материалы и данные иностранных историков. К сожалению, он ограничился архивами прусских консульств в Румынии. Говоря о более ранней судьбе Кирджали (до участия в Гетерии), Язвицкий без всяких сомнений отождествляет Кирджали с Гызэб-воеводой, дает данные по книге Раковского «Лесной скиталец» и болгарского писателя Русески.

Итак, Язвицкий видит в Кирджали реально существовавшую личность, участника Гетерии, но отождествляет его с героями ряда литературных произведений.

Проф. Селинов в своей статье «Исследование об источнике повести Пушкина «Кирджали» поставил перед собой задачу показать, с какими официальными документами о Гетерии был знаком Пушкин, на основе чего была написана красочная картина Скулянского боя.

Сопоставляя рапорты Невроцкого к Инзову и рапорты Инзова к Александру I о Скулянской битве, которые ему удалось найти в Одесском архиве, с текстом произведения, Селинов показал, что Пушкин при описании боя пользовался рапортами, со всей подробностью рисовавшими ход событий. Доказав источник, использованный Пушкиным для описания боя, Селинов вместе с тем высказал сомнение относительно участия Кирджали в этом бою. Свое сомнение он обосновал отсутствием имени Георгия Кирджали в списках гетеристов, перешедших через Прут. Ссылаясь на рапорт Инзова, Селинов указал на то, что Пушкин дату бегства Кирджали ошибочно перенес с 1823 г. на 1821 г. Селинов объясняет это тем, что «Кирджали» не историческая хрони-

¹ В. Язвицкий, Кто был Кирджали, герой повести Пушкина? («Голос минувшего», Журнал истории и истории литературы, 1919, № 1—4, стр. 56).

ка, а поэтическое произведение, повесть, которая дает право писателю не обязательно обращать внимание на даты»¹.

Работая над архивными материалами, Селинов доказал прекрасное знакомство Пушкина с официальными рапортами о событиях Скулянского боя, но, основываясь на тех же архивных данных, выразил сомнение в реальности личности Георгия Кирджали и в его участии в Скулянском бое.

В своем фундаментальном труде «Творческий путь Пушкина (1813—1826)» проф. Благой Д. Д., анализируя стихотворение «Чиновник и поэт», рассматривает Кирджали как реально существовавшую личность. «Называемый в самом конце отрывка Кирджали, пишет исследователь, болгарин, участник греческого восстания, незаурядная личность которого произвела большое впечатление на Пушкина. Помимо этого наброска он задумал написать целую поэму о Кирджали. Позднее в 30-е годы Пушкин написал о нем же повесть². Говоря о повести «Кирджали», Д. Д. Благой обращает внимание на то, что в ней подчеркивается подлинно героическое поведение «массы» — рядовых участников Гетерии и дается переоценка личности «вождя» греческого восстания Александра Ипсиланти. На основе этого Д. Д. Благой делает вывод о том, что «Здесь симпатии Пушкина уже явно на стороне не «героя», а «массы»... И мы имеем основание утверждать, что в 30-е годы перед нами лишь завершение процесса, который начался задолго до того, еще в годы южной ссылки, в годы пребывания в Кишиневе и в Одессе»³.

Таким образом, Благой Д. Д. признает реальность личности Кирджали. В образе Кирджали и других гетеристов он видит изображение героического поведения представителей народа — рядовых участников Гетерии.

Проф. Томашевский в труде «Пушкин» пишет о том, что Пушкин в Кишиневе встречался с участниками Скулянского сражения, записал их рассказы и позднее воспользовался этими записями при работе над повестью «Кирджали». «Здесь же в Кишиневе, пишет он, Пушкин заинтересовался судьбой болгарина Георгия Кирджали, история которого позднее явилась сюжетом его повести. Кирджали был в отряде Ипсилан-

¹ В. И. Селинов, До питання про джерела повісті Пушкіна «Кирджали» (За архівними матеріалами). Записки історико-філологічного відділу, кн. XIII—XIV, Київ, 1927.

² Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина (1813—1826), АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 310.

³ Там же.

ти, вместе с разбитыми остатками отрядов перешел Прут у Скулян и некоторое время жил в Кишиневе. Однако известный своими разбоями, он не мог пользоваться правом убежища и по требованию турецких властей был им выдан. Эта выдача произошла в дни пребывания Пушкина в Кишиневе. Подробности истории Кирджали Пушкин узнал от чиновника канцелярии Инзова — Лекса»¹. Следовательно Томашевский также считает Георгия Кирджали живой, реальной личностью, но источник сведений Пушкина о Кирджали ограничивает сведениями от Лекса и беседами с участниками Скулянского сражения.

Изменилась к настоящему времени и точка зрения Б. А. Трубецкого на Кирджали. Если в своей работе «Пушкин в Молдавии»², изданной в 1949 г., Трубецкой утверждал, что рассказ о Кирджали — это анекдот, то позднее, когда им были обнаружены новые архивные документы, он был вынужден признать существование Кирджали. Ему удалось найти открытое предписание на арест Кирджали от 21 апреля 1822 г., рапорт пристава Павлова о том, что Кирджали не удалось арестовать, так как он выехал из Теленешт в Кишинев, и секретное предписание бессарабского гражданского губернатора Катакази на имя кишиневского полицмейстера «О взятии под надзор Егория Кирджали и его товарищей, если они окажутся в Кишиневе даже под другими именами».

Эти материалы были им опубликованы в небольшой статье «Новые архивные материалы о Кирджали»³. На основе этих же материалов Б. А. Трубецкой в своей книге «Пушкин в Молдавии», переизданной в 1954 году, писал: «В результате архивных изысканий, предпринятых в ЦГИА МССР, нами обнаружен ряд интересных документов, дающих возможность, в совокупности с ранее опубликованными данными, еще раз подтвердить тот факт, что Кирджали — это историческая личность, один из выдающихся деятелей Гетерии, а главное, один из народных мстителей на Молдавии, перед которым трепетали царские чиновники и который жил и после поисков был пойман в Молдавии, именно в период пребывания здесь Пушкина»⁴. Других архивных документов о Георгии Кирджали Б. Трубецкому не уда-

¹ Б. Томашевский, Пушкин, книга первая (1813—1824), АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 467.

² Б. Трубецкой, Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1949, стр. 25.

³ Литературное наследство, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, т. 58, АН СССР, М., 1952.

⁴ Б. Трубецкой, Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1954, стр. 160—161.

лось обнаружить, и он мог высказать только предположение о том, не был ли арестован Кирджали в Кишиневе так, как это было описано Пушкиным¹.

Таким образом, вторая группа исследователей считает Георгия Кирджали реальным лицом, гетеристом, послужившим прообразом героя, описанного Пушкиным.

Как видно из вышеизложенного, пушкинскому герою Кирджали посвящены многие исследования, но несмотря на это, в вопросе о жизни и деятельности этого гетериста остается много «белых пятен». Одним из них является вопрос об аресте Кирджали, так живо описанный Пушкиным.

В Центральном Государственном Историческом архиве МССР нам удалось найти три новых документа о Кирджали. Это рапорт яского земского исправника бессарабскому гражданскому губернатору Катакази о нападении Георгия Кирджали и его товарищей на местечко Скуляны в Молдавии и о мерах, принятых для поимки Кирджали; рапорт бельцкого полицмейстера о поимке Иоаницы Кучика и рапорт кишиневского полицмейстера об аресте Кирджали. Все эти документы хранились в деле «Рапорты земских исправников о несчастных случаях в Бессарабской области» по фонду Канцелярии бессарабского гражданского губернатора. Перечисленные документы дают ряд новых сведений о гетеристе Кирджали и показывают, что один из этих документов об аресте Кирджали был использован А. С. Пушкиным при описании ареста Кирджали.

Первый из этих документов — рапорт яского земского исправника, отправленный из города Бельцы 25 февраля 1823 г., был следующего содержания:

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ!

Господину действительному статскому советнику, бессарабскому гражданскому губернатору и кавалеру Константину Антоновичу Катакази.

Яского земского исправника

РАПОРТ

Вследствие отношения его превосходительства господина действительного статского советника окружного начальника Бессарабской карантинной линии и кавалера Степана Гаврилича Невроцкого от 15 сего мца № 112, коим уведомил меня, что в Молдавии в местечке Скулянах противо положенной стороны Скулянскому карантину ночью с 13 на 14 число сего мца произведено грабительство двумя сербами *Дмитрием и Иоаницею Кучиком*, кои там ранили 6 человек жителей и одного убили, потом, предав оное местечко огню,

¹ Б. Трубецкой, Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1954, стр. 167.

удалились верхами вверх по реке Пруту с намерением уйти в здешнюю область с ограбленными ими в означенном местечке деньгами и имуществом, по которому я тот час предписал всем подведомственным мне чиновникам как то комиссарам, околашам и смотрителям местечек, особенно пограничным острогам о наблюдении и неусыпном смотре-нии дабы буди где либо кто из вышеозначенных разбойников покажется таковых поймать и без сообщения с оными от-править их за строгим караулом в Скулянский карантин. После чего сего мца 19 числа я получил повеление его вы-сокопревосходительства г. исправляющего должность полно-мочного наместника Бессарабской области и кавалера от 14 числа сего мца за № 797 коим изволил предписать мне что-бы по получении онаго отправиться в местечко Скуляны, где являсь к его превосходительству господину окружному на-чальнику Бессарабской карантинной линии и кавалеру, рас-порядиться лично с его превосходительством на предмет пом-мки таковых разбойников; но как вместе с повелением его высокопревосходительства, я получил же и вторичное сооб-щение его превосходительства с описью примет тех разбой-ников и что вероятно они где либо должны появиться на сей стороне, потому что один из них *Дмитрий Павлович имеет сестру в местечке Теленештах*; я уже был готов исполнить предписание его превосходительства прибытием в местечко Скуляны, в которое время получил известие, что означенные разбойники появились в местечке Теленештах и что один из них на основании прежнего предписания моего теленештско-му смотрителю, пойман и захвачены обе лошади на коих они приехали, другой же по темноте ночи успел бежать из ме-стечка Теленешт неизвестно куда, почему я прибывши 20 числа в местечко Теленешты узнал от пойманного разбойни-ка, что он есть беженар проживающий в городе Бельцах коего имя Дмитрий Арнаут и что *называющийся его именем есть Георгий Кирджали, которого и сестра и жена живет в местечке Теленештах*, и что он Кирджали по ограблении в Молдавии местечка Скулян с товарищем Иоаницею Кучиком прибыли в Бельцы к нему Дмитрию Арнауту 15 числа в но-чи откудова Кирджали, оставя в Бельцах Иоаницу Кучика, с ним Дмитрием Арнаутом отправился 17 числа в Теленешты для свидания с женою, где сей последний с лошадьми был *пойман и Кирджали называвшийся Дмитрием Павловичем ус-пел бежать*; почему я тот же час сделал сношение Бельцкому полицмейстеру и дал мое предписание комиссару Чолаку о поимке оставшегося в Бельцах разбойника Иоаницы Кучика и делая в местечке Теленештах дальнейшее разведывание о побеге Георгия Кирджали, 21 числа уведомлен от воеводы Си-роновича, проживающего в местечке Теленештах, *что ночью прибыл к нему из Кишинева арнаут Танасий Сокович, кото-*

рый приехал от Кирджали в Теленешты разведать о жене и о товарище Дмитрие Арнауте, но как воевода Сиронович был известен, что правительство отыскивает сего важного разбойника и что от посланного им арнаута Саковича можно узнать о месте пребывания Георгия Кирджали, то *задержал его под стражею в избе*. Который Танасий Сакович — сего числа допрошен в присутствии господина генерал-майора Полешки, г. воеводы Сироновича и моем и полкового адъютанта 34 егерского полка подпоручика База. Каковой допрос вместе с арнаутом Раковичем, воеводою Сироновичем представленною посредством комиссара Кодряна и его высокопревосходительству г. исправляющему должность полномочного наместника и кавалеру при рапорте от 21 февраля № 58 к распоряжению о поимки Кирджали в Кишиневе.

Причем я получил сведение что разбойник Иоаница Кучик 20 против 21 числа февраля ночью пойман комиссаром Чолаком и квартальным Серевичем по поручению сему последнему г. полицмейстером, того же числа вечером прибыл из Теленешт в Бельцы и тот час пошел с г. бельцким полицмейстером на место содержания Кучика под стражею который тут же без всякой утайки на вопрос сознался в соделанном им с товарищем его Георгием Кирджалием именовавшимся за границую Дмитрием Павловичем грабительстве и убийстве в заграничном местечке Скулянах 13 против 14 февраля, отколь перешли той же ночи они с Молдавии границу в Бессарабии по выше Скулянского карантина в 5 верстах в лесном месте состоящем по той стороне, но как называемом неизвестно, без всякой помощи от кого либо и сведения, и приехали на верховых лошадях, ограбленных ими тамо, прямо в местечко Фалешты, и приостановясь на квартире живущего тамо временно в крайнем доме молдавского беженаря Николая по прозванию ему Кучику неизвестного, где переночевал 14-го против 15 числа на другой день отправился по утру не заезжая никуда, прибыли в город Бельцы и приостановились; Иоаница Кучик в квартире молдавского же беженаря временно проживающего Стерия Грека бывшего этеристом, товарищ же Григорий Кирджали в квартире этериста же Дмитрия Арнаута того самого который пойман в Теленештах и о коем донесено г. полномочному наместнику; и проживая тамо по 17-е число февраля с ним Кирджали с хозяином его Дмитрием выпросивши у него Кучика лошадь под проезд его Дмитрия Арнаута отправились прямо в местечко Теленешты, а он Иоаница Кучик оставался в той своей квартире скрытно без отлучки в оной, где 20 против 21 числа сего февраля ночью пойман как выше значит, между тем его высокопревосходительство предписанием от 22 февраля № 899 на поясненное донесение мое велел снять с Кучика подробное показание и доставить с нарочным его высокопревосхо-

дательству с донесением какие именно вещи найдены при помянутом разбойнике, а также сколько оказалось при нем денег, все отысканные вещи и деньги отправить в Скулянский карантин самого же Кучика оставить в Бельцах под крепчайшим караулом впредь до особого разрешения; по коему взятое от него Кучика равно от Дмитрия Арнаута и грека Стерия подробные показания вместе с описью найденным у Кучика вещам и деньгам представлены к его превосходительству при рапорте моем от 23 февраля № 60 с донесением что оказавшиеся у него Кучика вещи за неприкосновенностью состоят в доме грека Стерия где пойман он Кучик, а пара верховых лошадей с седлами при землянке состоящей за Бельцами где содержится Дмитрий Арнаут находится в благонадежном надзоре, каковые то есть оставшаяся в Теленештах после побега Қиржали и отобранная от Дмитрия Арнаута отданная было ему Кучиком мастью 1-я рыжая лысая, а 2-я вороная есть те самые кои ограблены в заграничном местечке Скулянах; которых и вещи я не осмелился отправить в Скулянский карантин до особого разрешения его высокопревосходительства г. полномочного наместника, по случаю тому что в тех домах где были сии преступники со времени узнания о сем равно и землянке начато уже выдерживание карантинного термина и дабы не могло случиться к оным какого прикосновения; и более вещей у него Кучика не отыскано, на коем имеется арнаутское одеяние и в числе оного состоит один короткий синего сукна турецкий ограбленный мантиани равно таковые же при нем отысканные пара пистолетов и ружье находятся в доме Дмитрия Арнаута, а деньги в турецких махмудиях 142 отобранные от него на основании карантинных правил, хранятся до разрешения, а разбойник Кучик содержится под крепчайшим караулом в особой кардигардии Бельцкого городского острога без всякого сообщения с ним, и по истечении 16-ти дневного термина имеет быть очищен по надлежащему. Дмитрий Арнаут, пойманный в Теленештах как выше значит для улики и сознававшегося в преступлении, до приезда моего взят оттоль под строгий и неприкосновенный караул и доставлен в помянутую землянку, состоящую за городом Бельцами в коей за выходом с оной живших до сего содержится до особого об нем разрешения, как равно дома в Бельцах Стерия грека, Дмитрия Арнаута, и в Фалештах беженаря Николая в коих были означенные разбойники с живущими (в них оцеплены до истечения положенного термина, в котором рапорте моем я просил разрешения его высокопревосходительства оставить ли оцепленных преступника Кучика, арнаута, Дмитрия, грека Стерия и прочих равно и вещи в настоящем оцеплении и по истечении 16-ти дневного термина очис-

тить посредством карантинного доктора на нынешних местах, или же отправить в Скулянский Карантин.

О чем вашему превосходительству честь имею донести с представлением у сего списка, оказавшимся у Кучика вещам»¹.

Таким образом, из этого документа видно, что двое сербов Дмитрий Павлович и Ионица Кучик с 13 на 14 февраля 1823 г. совершили нападение в Молдавии на местечко Скуляны. При этом было ранено 6 человек и один убит; село они подожгли, а сами ушли вверх по реке Пруту и переправились в Бессарабию. Текст рапорта близок к тому описанию, которое дается А. С. Пушкиным в повести: «Кирджали своими разбоями наводил ужас на всю Молдавию. Чтобы дать о нем некоторое понятие, расскажу один из его подвигов. Однажды ночью он и арнаут Михайлаки напали вдвоем на болгарское селение. Они сожгли его с двух концов и стали переходить из хижины в хижину...» Возможно, что этот факт и был описан Пушкиным, только событие это было отнесено к более раннему времени и изменено имя Иоаницы Кучика.

Ясский земский исправник, получив сведения от начальника Бессарабской карантинной линии С. Г. Невроцкого, дал предписание местным властям о поимке «вышеозначенных разбойников».

Поимке «разбойников» придавалось очень большое значение. Это видно из того, что на имя ясского земского исправника было послано от полномочного наместника Бессарабской области два специальных предписания. В одном из них предлагалось, совместно с начальником Бессарабской карантинной линии Невроцким, составить план поимки «разбойников», а во втором описывались их приметы и сообщалось, что один из них Дмитрий Павлович имеет сестру в Теленештах. Из этого же документа видно, что серб Дмитрий Павлович был не кто иной как Георгий Кирджали.

А. С. Пушкин в начале своей повести писал, что «Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю». Может быть настоящее имя героя повести и было Дмитрий Павлович, а может быть это было одно из многих имен, под которым он скрывался. О том, что Кирджали мог скрываться под разными именами говорилось еще в предписании бессарабского гражданского губернатора Катакази к кишиневскому полицмейстеру от 29 апреля 1822 г. «...если окажутся тут Кирджали Еоргий, Калаус Еоргий и Каприца или хотя под другими (именами), то взять их с имеющимся у них оружием под надзор...»².

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. I, д. 838, лл. 97—103

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. I, д. 831, л. 14. Опубликовано в книге Б. Трубецкого, Пушкин в Молдавии, 1954, стр. 165.

Из того же найденного нами рапорта земского исправника следует, что Георгий Кирджали (Дмитрий Павлович) вместе со своим товарищем Иоаницей Кучиком, перейдя Прут, 15 февраля ночью прибыл в Бельцы. Георгий Кирджали остановился у Дмитрия Арнаута, а Иоаница Кучик—у гетериста Стерия. Через день Георгий Кирджали и Дмитрий Арнаут поехали верхом в Теленешты, где у Кирджали была жена и сестра. О том, что у Кирджали была семья в Молдавии А. С. Пушкин хорошо знал. В повести он писал: «Что это говорил Вам Кирджали? — спросил молодой чиновник у полицейского.— Он (видите-с) просил меня,— отвечал, смеясь, полицейский,— чтобы я позаботился о его жене и ребенке, которые живут недалеко от Килии в болгарской деревне,— он боится, чтобы и они из-за него не пострадали...» Пушкин подчеркивал заботу Кирджали о своей семье, тревогу за ее дальнейшее существование, но почему-то вместо Теленешт указал окрестности Килии. Действительно же семья Кирджали находилась в Теленештах, так как его и в 1822 г. там отыскивали. В рапорте частного пристава Павлова от 23 апреля 1822 г. мы читаем: «осведомился я от посторонних людей, самых отыскиваемых етеристов семейств, кои и ныне там на жительстве находятся, что Киржали Еоргий, Калаус Георгий по сие время находились на жительстве в местечке Теленештах, ныне же отлучились...»¹.

Это стремление Кирджали к своей семье, забота о ней проскальзывает даже через сухие строчки найденного нами рапорта земского исправника. Когда Кирджали с Дмитрием Арнаутом прибыли в Теленешты, их там ожидала засада. Дмитрий Арнаут вместе с лошадью был схвачен, но Георгию Кирджали удалось бежать в Кишинев, откуда он послал в Теленешты арнаута Танасия Соковича узнать о судьбе своей семьи и Дмитрия Арнаута. В Теленештах Танасий Сокович был задержан и допрошен в присутствии генерал-майора Полешки, воеводы Сироновича, ясского исправника и подпоручика Базы. Рапорт о допросе был послан полномочному наместнику области.

Таким образом, первый из найденных нами документов дает новые данные о последнем переходе через Прут в Бессарабию Георгия Кирджали и его товарищей.

Из текста второго документа мы узнаем, что в ночь с 20 на 21 февраля 1823 г. в Бельцах был арестован Иоаница Кучик. На допросе он рассказал, как была пройдена граница и подтвердил, что Георгий Кирджали именовался за границей Дмитрием Павловичем.

Вот текст об аресте серба Иоаницы Кучика, или Мунтяна,

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. I, д. 831, л. 14. Опубликовано в книге Б. Трубцкого, Пушкин в Молдавии, 1954, стр. 164.

составленный бельцким полицмейстером и посланный им на имя бессарабского гражданского губернатора Катакази:

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ!

Господину действительному статскому советнику бессарабскому гражданскому губернатору и кавалеру Константину Антоновичу Катакази.

Бельцкого полицмейстера

РАПОРТ

20-го числа сего месяца ночью по секретному уведомлению Ясского земского исправничества, о укрывающемся (в) вверенном мне городе Бельцах сербе Ионице Мунтян он же и Кучик причинившем смертоубийства и грабительства в княжестве Молдавском в местечке Скулянах, который Ионица Мунтян или Кучик надзирателем Бельцкой полиции Гыревичем пойман и содержится в особенном острога покое один под строгим караулом, дома же с вещами и живущими в оных, где он Кучик и его товарищи Георгий Киржали ночевали оцеплены, он же Ионица Мунтян 22-го числа в присутствии моем и исправника сознался во всем что он есть тот сам Ионица Мунтян или Кучик, учинивший разные преступления с товарищем его Георгием Киржали в местечке Скулянах о чем вашему превосходительству сим донести честь имею.

Полицейстер (подпись)

№ 576
февраля дня
1823 года ¹.

Вскоре в Кишиневе был арестован и Георгий Кирджали. Об его аресте кишиневским полицмейстером был послан следующий рапорт:

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ!

Господину действительному статскому советнику бессарабскому гражданскому губернатору и кавалеру Константину Антоновичу Катакази.

Кишиневского полицмейстера

РАПОРТ

Вследствие секретного предписания его высокопревосходительства исправляющего должность полномочного наместника Бессарабской области и кавалера Инзова 21 сего февраля

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 838, л. 35.

ля № 831, ограбивший 13 числа сего месяца молдавское местечко Скуляны серб Георгий Павлович Кирджали, 22 февраля мною отыскан в наемном доме состоящем в 4 части сего города, у запрутского греческого священника Попа Василия в темной его комнате, и взят под стражу, и вместе с ним в той комнате находившиеся обедавшие в 12-ти часов по полуночи при свече: Попа Василий, сын его Константин Попович, арнаутский капитан Иова, товарищ его Дмитрий Папандопуло, знакомец Кирджали серб Стойко Павлович и по оговору арестанта Хаджи Димитрия, капитан Хожогло и содержатся и поныне. При производстве о сем дела, Кирджали в поступке своем признался и по распоряжению его высокопревосходительства сего числа отправлен с частным приставом Павловым в Скуляны, для передачи молдавскому правительству, куда и дело за окончанием в скорости отослано быть имеет; о чем вашему превосходительству, донести честь имею.

№ 157
26 февраля
1823 года.¹

Полицмейстер (подпись).

Как видно из текста рапорта, описание поимки Кирджали полностью совпадает с описанием, данным в повести: «Полиция стала доискиваться. Узнали, что Кирджали в самом деле находится в Кишиневе. Его поймали в доме беглого монаха, вечером, когда он ужинал, сидя в потемках с семью товарищами». Сопоставление официального рапорта с отрывком из повести показывает, что А. С. Пушкин писал не со слов Лекса, как это доказывал Липранди, а был хорошо знаком с документами, описывающими арест Кирджали. Число 7, вскрывающее, по мнению академика В. А. Гордлевского, эпический склад героя, было реальным числом. За столом в темной комнате греческого священника Попа Василия сидело семь человек: 1) Георгий Кирджали, 2) Попа Василий, 3) его сын Константин Попович, 4) арнаутский капитан Иов, 5) его товарищ Дмитрий Попандопуло, 6) знакомец Кирджали серб Стойко Павлович и 7) капитан Хожогло. Капитан Хожогло, по-видимому, успел бежать, но был арестован по доносу арестанта Хаджи Димитрия.

Точное совпадение даже числа людей, находившихся с Кирджали в момент ареста, свидетельствует о том, что Пушкин, пользуясь официальными документами, прекрасно знал о жизни и деятельности героя своей повести.

Таким образом, новых три документа о переходе Георгия Кирджали через границу и его аресте показывают, что герой

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 838, л. 96.

1156

№ 124

март 1825

№ 96

Его Превосходительству
 Господиному Действительному Статскому Советнику
 Бессарабскому Гражданскому Губернатору
 и Кавалеру Константину Антоновичу Кавели-
 кази.

Кишиневского Полицеймейстера

Рапортъ,

Визитное Секретное Предписание Его
 Высочайшего Превосходительства по управлению
 должности полицмейстера Нашего стинца Бес-
 сарабской области и Кавалера Козова № 1
 сего февраля № 881. Оубавивший 15 числа
 сего мѣсяца Молдавское имение Охунки въ
 селѣ Георгии Павловичъ Курткинъ, 24 февраля
 мною отпущанъ въ казенный дворъ состоя-
 щая въ 4 казны сего города, изъ которыхъ
 трехъ казенныхъ саженекъ пона вѣдѣнъ. Въ той же
 селѣ казенный дворъ Магд Стрелки, казенный
 съ земли въ той казенной казенной и съ
 обывающей ^{и. н. н. н.} пона вѣдѣнъ, а сего сего Кокошкинъ

Рапорт кишиневского полицмейстера бессарабскому гражданскому губернатору Катакази (начало). Фотокопия.

Попович, Армаутский капитанъ юва, товари
ршиць его Дмитрий Попандуло. Внакомъ
Куржеш Сергій Стойко Павловичъ, илюговоду
арестанта садоши думи трихъ капитана
Хойношо, и вдерднотся Мамыль. — Чирити
изводотъ осети думи, Куржеш въ посту-
ратъ своихъ приуказовъ, и поря оторуженно его
высокопревосходительства сою чина кон
правленъ отъ частивно приставовъ Павловичъ
въ оцилани, Фрих передали илюговоду при
включенствъ, куда видело зиннокосийнхъ веко
рости отосиано бытъ илметъ, — оченъ вилметъ
превосходительства, донесотъ Частивно и н.

Получено 26 февраля 1883 года

№ 157
26 февраля
1883 года

Рапорт кишиневского полицмейстера бессарабскому гражданскому губернатору Катакази (окончание). Фотокопия.

повести Пушкина был действительно реальным лицом, одним из гетеристов.

К сожалению, до сих пор еще не найдены документальные материалы об участии Георгия Кирджали в Скулянском сражении. Документы из Одесского архива, опубликованные проф. Селиновым, подтверждают, что А. С. Пушкин описал Скулянское сражение на основе официальных рапортов. В списках раненых гетеристов действительно нет Георгия Кирджали, нет этого имени и в общих списках гетеристов, хотя там имеется два Кирджали — Анастасий и Петр. По спискам имущества, имевшегося у них, видно, что они, как и герой повести, имели после боя при себе только необходимое. Все имущество Петра Кирджали состояло из шапки, рубахи, куртки, шаровар, башмаков, пистолетов и лошади¹.

В списках гетеристов нет и имени Дмитрия Павловича, под которым, как говорилось в цитированном выше рапорте яесского исправника, был известен Кирджали в Молдавии.

При составлении списков писарь мог ошибиться и неправильно написать имя Кирджали, сам Георгий Кирджали из осторожности мог умышленно неправильно назвать свое имя и записаться под именем Петра или Анастасия Кирджали.

Возможен и другой вариант. Кирджали мог бежать из-под стражи сразу же после Скулянской битвы. О таком бегстве гетеристов из-под стражи есть официальные документы.

В рапорте генерал-майора Пущина к полномочному наместнику Бессарабской области Инзову от 7 августа 1821 г. говорится: «Охотского пехотного полка майор Карчевский рапортом за № 712 доносит мне, что из числа этеристов, расположенных в м. Оргеях всего 1002-х человек, 3 и 4 числа ночью бежали цыган Григорий Ингурян, молдаван Иоаница, на лошадях серб Черни Стоян и Константин Маринович, а в прошедшем июле месяце сербский капитан Анастасий Иванович Сумат, о сыске коих он г. Карчевский снесся с кем следует»².

Сохранившиеся списки гетеристов, перешедших через Прут после Скулянского боя, составлялись по прибытии в Оргеев. Если Кирджали бежал в первые дни после боя, то его имени, естественно, не могло быть в списках.

Из этих двух вариантов наиболее правдоподобным нам кажется первый. Если бы Кирджали бежал из лагеря, то у него не было бы официального разрешения на право жительства в селе Теленешты.

В открытом же предписании на арест Кирджали от 21 апреля 1822 г. говорилось: «Отряжаемый с сим, Яесского цыну-

¹ ООГА, ф. 1, оп. 214, св. 30, д. 7, ч. 2, стр. 58.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 831, л. 2. Опубликовано в книге Б. Трубецкого, Пушкин в Молдавии, стр. 161.

та в м. Теленешты член кишиневской градской полиции Павлов, имеет сейчас по прибытии туда, отыскать и взять для доставления под особым присмотром в Кишинев 3-х человек из находящихся там по билетам этеристов, именно: Киржали Егория, Калауса Егория и капитана Коста»¹ (подчеркнуто мною — Л. О.). Билеты же на жительство выдавались гетеристам в Кишиневе только после взятия их из Оргеевского или из Хотинского лагеря на поруки соотечественниками.

В списках гетеристов, перешедших в Бессарабию через Новоселицкий карантин и помещенных в Хотинский лагерь, имя Г. Кирджали также отсутствует. Следовательно, Г. Кирджали мог получить право на жительство только после Оргеевского лагеря. Вполне возможно, что почувствовав себя в безопасности, он получил билет на жительство уже не под именем Анастасия или Петра, а под именем Георгия Кирджали. Перемена имени могла пройти незаметно, тем более, что прозвище «Кирджали» становится к этому времени очень распространенной фамилией. Так, по свидетельству Липранди в его отряде в 1829 г. фамилию «Кирджали» носило несколько десятков человек.

Приведенные в статье три новых документа о Кирджали дают косвенное подтверждение об участии Георгия Кирджали в Скуляньских событиях. Из них видно, что Кирджали настолько хорошо знал окрестности Скулян, что мог в 5 верстах от карантина незаметно для береговой охраны переплыть через Прут и проехать в Фалешты. Из документов также видно, что Кирджали был тесно связан в Бессарабии с остальными гетеристами. Они предоставляли ему убежище, помогали укрываться от преследования. Даже арестован Кирджали был у гетеристского священника Попа Василия вместе с другими гетеристами. Вполне возможно, что и нападение Кирджали и Иоаницы Кучика на местечко Скуляны в Молдавии было мстью по отношению к богачам села, не оказавшим поддержки гетеристам в ходе боя. Может быть, это было расплатой за выдачу туркам раненых гетеристов, скрывавшихся после боя в этом селе. Из-за простого грабежа турки не стали бы требовать выдачи Г. Кирджали из Бессарабии.

Все это вместе взятое дает возможность предположить, что Георгий Кирджали участвовал в Скуляньском сражении, и А. С. Пушкин, рассказывая об этом бое, не отошел от действительного изображения событий.

Таким образом, новые архивные материалы дают возможность окончательно доказать, что в основу изображения

¹ Одесский обл. архив, Фонд канцелярии бессарабского губернатора, оп. 214, св. 30, д. 7, ч. 2, л. 2.

героя повести «Кирджали» было положено описание живого действительного лица, гетериста Георгия Кирджали—серба Дмитрия Павловича. Описывая героическую борьбу Софиано, Кондогони, Кирджали и других гетеристов в ходе Скулянского боя, А. С. Пушкин во весь рост показал подлинных представителей народа, рядовых бойцов национально-освободительного движения.

Б. А. ТРУБЕЦКОЙ

КИШИНЕВСКИЕ ЗНАКОМЫЕ ПУШКИНА

(Новые архивные материалы)

В период своего почти трехлетнего пребывания в Молдавии А. С. Пушкин общался с широким кругом лиц из самых разнообразных общественных слоев Молдавии.

Нами составлен «Биографический словарь знакомых Пушкина в Молдавии», насчитывающий 334 лица. О 48 из них даются новые биографические сведения на основании местных архивных материалов. Ряд этих сведений опубликован во 2-м издании книги «Пушкин в Молдавии». В настоящей работе мы сообщаем новые дополнительные исследования, данные о тех лицах, которые не были внесены в книгу «Пушкин в Молдавии». Ряд архивных документов извлечен нами из фондов Центрального Государственного Исторического архива Молдавской ССР (ЦГИА МССР).

Прежде всего остановимся на одном чрезвычайно интересном лице, сыгравшем значительную роль в истории Молдавии первой четверти XIX в. Мы имеем в виду господаря Молдавии Михаила Суццо, общего знакомого Пушкина и Пестеля.

Интересуясь связями Пушкина с масонством, царское правительство ставило в связи с именем Суццо масонскую ложу «Овидий» № 25, членом которой состоял Пушкин. Так, в отношении на имя генерала И. Н. Инзова от 19 ноября 1821 г. начальник главного штаба князь П. В. Волконский писал: «До сведения его императорского величества дошло, что в Бессарабии уже открыты или учреждаются масонские ложи под управлением в Измаиле генерал-майора Тучкова, а в Кишиневе некоего князя Суццо... при втором (находится) Пушкин»¹.

В связи с упоминанием имени князя Суццо необходимо отметить следующий любопытный факт, свидетельствующий

² «Русская Старина», 1883, декабрь, стр. 654.

о связях представителей прогрессивных кругов местного кишиневского общества с южными декабристами. Так, в ответ на вопрос следственной комиссии, как было основано Общество соединенных славян, М. П. Бестужев-Рюмин сообщил: «Общество соединенных славян было основано одним молдавским князем, имя коего я забыл. Первые члены были Борисовы». Когда же следственная комиссия, не удовлетворенная ответами Бестужева-Рюмина, потребовала дополнительно рассказать об Обществе, то Бестужев-Рюмин сообщил следующее: «Борисов прежде и мне сказал, что средоточие Славянского общества в Петербурге. Но после признания, что этот слух распустил для того, чтобы обществу придать важность; но что истинный основатель оного молдавский князь, теперь находящийся за границей. Имени его не помню, (подчеркнуто мною.— Б. Т.). Цель сего общества, как я видел на бумаге... состояла в том, чтобы соединить в одну Республику все славянские племена Южной Европы и присообщить их к России»¹.

Итак, основателем Общества соединенных славян, этой одной из наиболее активных частей Южного тайного общества, был некий молдавский князь, впоследствии (то есть в 1826 г.) проживавший за границей.

М. В. Нечкина полагает, что Борисов второй солгал об основателе Общества—«молдавском князе»². Однако, если даже согласиться с этим мнением, то подобное упоминание должно быть все же связано с именем какого-то реально существовавшего молдавского князя, входившего в Общество соединенных славян, если не в качестве его организатора, то одного из активных его членов, и отошедшего от него затем перед событиями декабря 1825 г.—января 1826 г. (восстание Черниговского полка под руководством соединенных славян). Необходимо выяснить, кто же мог быть этим молдавским князем, членом Общества соединенных славян. Прежде всего нужно будет определить, кто из молдавских князей жил в бывшей Бессарабии в период образования и деятельности Общества соединенных славян, то есть в 1825—1826 гг. Как известно, это Общество было организовано в 1823 г. в 8 дивизии, расквартированной в местечке Лещин, бывшей Волынской губернии.

Из числа молдавских князей нам, в первую очередь, известен молдавский господарь князь Михаил Суццо и его братья (сыновья молдавского господаря Александра Суццо)—Николай, Константин и Иван. Затем мы знаем о князе Александре Ипсиланти (сыне молдавского господаря Кон-

¹ Восстание декабристов. Материалы, т. IX, стр. 61 и 85.

² М. В. Нечкина, Общество соединенных славян, Центрархив, Госиздат, Л., 1927, стр. 109.

стантина Ипсиланти), знаменитом вожде греческих повстанцев и о его братьях, князьях и гетеристах: Дмитрие, Николае и Георгии.

Начнем с братьев Ипсиланти. Предположение о возможности организации Общества или участия в нем в 1823 г. кого-либо из князей Ипсиланти отпадает на основании следующих данных. Общество было основано в 8 дивизии, входившей в состав 3 корпуса. Братья же Ипсиланти служили в других воинских частях и, в частности, Дмитрий и Николай были адъютантами генерала Н. Н. Раевского, командира 4 корпуса, а Георгий был штабротмистром Кавалергардского полка. Можно было бы предположить, что организатором или участником Общества мог быть Александр Ипсиланти, который принимал наиболее деятельное участие в общественно-политической жизни того времени. Однако и он был адъютантом командира Кирасирской дивизии, расположенной далеко от 8 дивизии. Но главное, что заставляет нас исключить предположение о том, что кто-либо из князей Ипсиланти мог быть организатором Общества соединенных славян в 1823 г., это тот факт, что в этот год все братья, после разгрома Гетерии (в 1821 г.), находились вне России.

Теперь перейдем к князьям Суццо. Предположить, что организатором или участником Общества соединенных славян был кто-либо из трех братьев Михаила Суццо, просто никак невозможно. Во-первых, нет никаких сведений, сообщающих о том, что Николай, Константин и Иван Суццо когда-либо выезжали за пределы Бессарабии. Кроме того, они никогда никакого участия в общественно-политической жизни того времени не принимали. И, наконец, в 1826 г. никто из них за границей не проживал. Итак, остается предполагать одно: одним из членов Общества соединенных славян мог быть молдавский господарь князь Михаил Суццо.

Какие данные могут служить подтверждением этого предположения? Прежде всего известно, что молдавский господарь князь Михаил Суццо как фанариот (грек, посаженный турками на молдавский престол) был гетеристом, то есть сторонником греческого национально-освободительного движения.

А гетеристы рассматривали свое движение как часть общей освободительной борьбы всех балканских народов против турецкого ига. Мыслилось, что это освободительное движение должно проходить под руководством и при помощи России, русского правительства, которое затем возьмет освобожденные страны под свое покровительство. Этих мыслей придерживалась и большая часть декабристов, а главное, эти идеи гетеристов во многом совпадали с идеями Общества соединенных славян (см. выше слова Бестужева-Рюмина: «Цель сего Общества... состояла в том, чтобы соединить в

одну Республику все славянские племена Южной Европы и присообщить их к России»). Любопытно отметить, что в славянскую федерацию, по мнению Общества соединенных славян и Пестеля, должна была войти и Молдавия.

Далее. Когда началось греческое восстание, князь Михаил Суццо переехал из Ясс в Кишинев. В Кишиневе князь Михаил Суццо встречался с руководителем Южного тайного общества полковником П. И. Пестелем. В своих докладных записках царю о Гетерии Пестель во многом использовал сведения, полученные им от М. Суццо. Об этих встречах есть свидетельство А. С. Пушкина. Позднее, уже в 1833 г., Пушкин встретился с Суццо в Петербурге. В своем дневнике от 24 ноября 1833 г. поэт записал следующее: «...Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже... Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем»¹.

Как указывалось выше, Инзова запрашивали по поводу организатора масонской ложи в Кишиневе «некоего князя Суццо». Вполне вероятно, что этим «неким князем Суццо» был князь Михаил, поскольку именно с ним был знаком Пушкин. В пользу этого предположения говорит и то, что Михалаки Кацика, хозяин дома, где находилась масонская ложа «Овидий» № 25, был (как нам удалось установить по архивным данным) грек из родовитой семьи. Как и все греки, он был, по-видимому, близок к гетеристам, а следовательно, и к Михаилу Суццо.

Из Кишинева князь Михаил Суццо выехал в Петербург. Затем он был посланником в Италии и во Франции. Следовательно, в 1826 г. он был за границей (вспомним слова Бестужева-Рюмина на следствии, что основатель Общества— молдавский князь, который теперь, то есть в 1826 г., находится за границей).

Итак, исходя из вышеизложенных данных, есть все основания предполагать, что молдавский князь Михаил Суццо и был тем молдавским князем, который если и не был организатором кишиневской масонской ложи и Общества соединенных славян, то во всяком случае (иначе просто необъяснимы упоминания о «неком молдавском князе» в донесении П. В. Волконского и показаниях М. П. Бестужева-Рюмина) одним из членов и этой масонской ложи и Общества соединенных славян. Безусловно, что высказанные здесь соображения не являются бесспорными, а нуждаются еще в дальнейшем научном их обосновании. Но мы сочли необходимым поднять этот не освещенный пока в литературе вопрос, имеющий определенное значение для уяснения взаимосвязей меж-

¹ А. С. П у ш к и н, Соч., т. XII, стр. 314.

ду Пушкиным и декабристами, Пушкиным и представителями прогрессивных кругов молдавского народа.

Интересны сведения о И. Н. Наумове, члене Кишиневской квартирной комиссии, в доме у которого жил Пушкин в первые два месяца по приезде в Кишинев (в этом доме по ул. Антоновской № 19, ранее — Антоновой, в 1948 г. открыт мемориальный дом-музей А. С. Пушкина).

Иван Николаевич Наумов был членом так называемой областной квартирной комиссии, учрежденной (как видно из архивных материалов) 21 мая 1819 г.¹ Эта комиссия состояла из представителей «общественных депутатов», избранных от обывателей всех национальностей, проживающих в Кишиневе. Квартирная комиссия обязана была заниматься устройством на квартиры приезжающих в Молдавию, главным образом из числа чиновников и офицеров. В сентябре—октябре 1820 г. происходили выборы общественных депутатов в квартирную комиссию от обывателей: русских, болгар, евреев. От русских был вновь переизбран депутатом И. Н. Наумов, о чем свидетельствует следующий документ от 12 сентября 1820 г. (то есть за неделю до приезда Пушкина в Молдавию), подписанный выборщиками и находящийся в Деле переписки бессарабского гражданского губернатора с Кишиневской квартирной комиссией.

В этом документе, озаглавленном «общественный выбор», мы читаем:

«...Но, как мы видим, из зсего своего сословия не имеем в виду для таковой должности как достоинством, так равно и деятельностью, сопряженной с способностями, кто мог бы заменить место находящегося по сие время депутатом Ивана Наумова — и, видя его хорошую деятельность, все великороссийское сословие единогласно согласилось оставить его и впредь — на своем месте.

1820 г. сентября 12 дня»².

В архивных материалах сохранились и документы, позволяющие уточнить ряд биографических данных о таких близких к Пушкину лицах, как генерал И. Н. Инзов и генерал М. Ф. Орлов.

До сих пор, на основании дат правительственных распоряжений, указывалось, что Инзов вступил в должность полномочного наместника Бессарабской области 15 июня 1820 г., а оставил эту должность 7 мая 1823 г. Ряд местных архивных материалов дает возможность уточнить время пребывания Инзова в должности полномочного наместника. В «Деле о вступлении господина генерал-лейтенанта Инзова в исполняющего должность полномочного наместника Бессарабской

¹ ЦГИА МССР, ф. 3, ед. хр. 42, л. 2.

² ЦГИА МССР, ф. 2, ед. хр. 592, л. 79.

области» имеются отношения от Бахметева и Инзова, из которых видно, что Бахметев ушел в отставку по болезни, а Инзов вступил в должность наместника с 25/VII 1820 г., о чем они оба и извещают Бессарабский Верховный Совет¹.

Заграничные паспорта, как показывают архивные данные, в конце июля 1823 г. (26 июля паспорт турецкого подданного Тодора Богена) подписаны Инзовым, а в начале августа того же года (2 августа паспорт австрийского подданного Альберта Слабушевского) подписаны Воронцовым². Следовательно, Инзов находился в должности полномочного наместника Бессарабской области с 25 июля 1820 г. до конца (26) июля 1823 г. Воронцов же фактически вступил на эту должность только в последние дни июля (либо даже в начале августа) 1823 г. Вот почему в письме к брату Льву от 25 августа 1823 г. Пушкин писал: «насилу уломал Инзова, чтобы он отпустил меня в Одессу для лечения морскими ваннами»³. Если бы Инзов с 7 мая 1823 г. не был бы уже наместником Бессарабской области (как ошибочно указывалось до сих пор), то за подобным разрешением поэт должен был бы обратиться к Воронцову.

Есть возможность уточнить и время, когда М. Ф. Орлов прибыл на службу в Кишинев. Местные архивные материалы свидетельствуют о том, что в конце июля 1820 г., то есть незадолго до приезда Пушкина в Молдавию, М. Ф. Орлов жил в Кишиневе и командовал 16 дивизией. Если 24 июля 1820 г. из канцелярии наместника бумаги были направлены на имя временно исполняющего обязанности командира 16 дивизии П. С. Пушина, то 28 июля того же года эти бумаги направлены на имя М. Ф. Орлова⁴. Кроме того, сам М. Ф. Орлов в отношении на имя Катакази от 23 июля 1820 г. (который, видимо, и является днем прибытия его в Кишинев) сообщает, что «отведенную мне в г. Кишиневе квартиру я совершенно доволен»⁵.

В ЦГИА сохранился послужной список офицера Друганова, на квартире у которого жили декабристы В. Ф. Раевский и К. А. Охотников. В этом доме бывал и Пушкин. Из послужного списка этого офицера видно, что Иван Матвеевич Друганов, ранее, 2 декабря 1818 г., уволенный с военной службы по домашним обстоятельствам, был «определен снова на службу штабс-капитаном в 31 Егерский полк 1820 г. июня 8» и «назначен адъютантом к начальнику 16 пехотной дивизии (то есть М. Ф. Орлову), того же года (1820 г.—Б. Т.)

¹ ЦГИА МССР, ф. 3, ед. хр. 160, л. 1 и на обороте, л. 5.

² ЦГИА МССР, ф. 2, од. хр. 767, лл. 166 и 169.

³ А. С. Пушкин, Соч., т. XII, стр. 66—67.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, ед. хр. 631, л. 62.

⁵ Там же, ф. 2, ед. хр. 592, л. 32.

ноября 8». Далее указывается, что Друганов, произведенный в капитаны «1823 (г.) апреля 8, поступил адъютантом к генерал-майору Иванову (назначенному на место генерала Орлова — Б. Т.) того же года (т. е. 1823 г.) августа 12».

Таковы дополнительные исследования и содержание некоторых новых архивных материалов, которые в какой-то мере обогащают наши сведения об отдельных лицах и событиях, связанных с пребыванием А. С. Пушкина в Молдавии.

А. Т. БОРЩ.

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ МОЛДАВСКОЙ НОВЕЛЛЫ «РЭТЭЧИРЯ» 1854 г.

Некоторые румынские литературоведы прошлого умаляли влияние русской литературы и, в частности, творчества А. С. Пушкина на молдавскую и румынскую литературу и в то же время переоценивали влияние, взаимосвязи этих литератур с западными, в частности, с французской, итальянской, а также с немецкой и английской литературами.

Так, например, исследователь Петре Ханеш ограничивал влияние Пушкина и территориально (Бессарабией) и во времени (только временем Пушкина), и в отношении круга писателей, испытавших это влияние; такими он считал только троих — К. Стамати, К. Негруци и А. Доница¹.

Однако, как показывают исследования последних лет молдавских² и румынских литературоведов, русская литература в лице таких своих корифеев, как А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Крылов оказала благотворное влияние не только на творчество К. Стамати, К. Негруци и А. Доница, но и на многих других писателей, в частности, на Еминеску. Дальнейшие исследования откроют еще много нового, интересного, неизвестного в настоящее время. В этом плане небезынтересно будет остановиться на одном таком примере.

В 1927 г. в небольшой работе «Пушкин на румынском языке. Рассказ 1854, написанный по Пушкину»³, Ливиу Ма-

¹ См. Г. V. Hanes, *Scriptorii Basarabiei*, в. I, București, 1920.

² См. работы К. Ф. Поповича, В. П. Коробана, И. К. Вартицана и других.

³ Liviu Marian, *Contribuțiuni la istoria literaturii românești din veacul al XIX-lea*, Chișinău, 1927, pp. 85—92.

Картина Б. И. Лебедева «Пушкин читает декабристам стихотворение «Книжал»»

риан обратил внимание на повеллу «Рэтэчиря» «О повестнице дин веакул трекут» неизвестного автора, опубликованную в «Буковинском календаре» на 1854 г. во Львове на молдавском языке.

Сопоставив новеллу «Рэтэчиря» с пушкинской «Метелью», автор устанавливает, что молдавская «Рэтэчиря» представляет собой и по форме и по содержанию весьма близкую переработку рассказа Пушкина «Метель». А между тем следует заметить, что при одинаковых сюжете и фабуле, при точном сохранении общей схемы и основных моментов пушкинской повести, молдавская «Рэтэчиря» все же отличается от «Метели». Ее герои—местные молдаване; события, места действия связаны с местной жизнью и историей; конец изменен, введен эпизод с монастырем, куда уходит героиня вследствие неудачной любви; вся новелла пропитана сильным религиозным духом, усилен морализационный момент и т. д.

Ливиу Мариан пытается установить, кто мог быть автором молдавской «Рэтэчиря».

С одной стороны, предполагает он, автором ее мог быть один из известных молдавских писателей середины XIX в.: Г. Асаки, К. Негруци, В. Александри, М. Когэлничану, А. Руссо и другие. Однако местные детали молдавской жизни и топонимики именно буковинской области, а также местные буковинские черты молдавского языка новеллы (германизмы и «пумнулизмы») заставили Л. Мариана отказаться от этого предположения, так как этим писателям не свойственно «местничество» в языке, общенациональным литературным языком они все владели отлично.

Эти же особенности молдавской жизни: молдавский кулер локаль именно Буковины, выпукло и четко выраженный в новелле, а также буковинские особенности молдавского языка и «пумнулизмы» дали Л. Мариану основание предположить, что автор молдавской переработки—буковинец. Кроме того, религиозные и морализаторские моменты в новелле натолкнули Л. Мариана на мысль о том, что автором «Рэтэчиря» мог быть служитель церкви. На 87-й странице в сноске он называет возможных авторов новеллы—«одного из братьев Хурмузаки, например, Константина, хорошо владевшего русским языком, или одного из священников—писателя того времени, например Феоктиста Блажевича, Сильвестра Морариу, Гавриила Берариу, Ираклия Порумбеску и других».

По мнению Л. Мариана, установить, кто же именно из предполагаемых является автором, может помочь в будущем только какая-нибудь случайность. «Во всяком случае, заключает автор статьи, искусство, с которым приспособлена, локализована и переработана на молдавском языке «Метель»

Пушкина, расширение рамок повести, оригинальные добавления, живые и красочные описания и не менее богатый и умело локализованный язык, убеждают нас в том, что Буковина середины XIX в. имела талантливую прозаика, который в благоприятных условиях может быть смог бы подняться до уровня какого-нибудь Костаке Негруци»¹.

Выдвинутые Л. Марианом доводы: прекрасное знание буковинской жизни и топонимики, буковинских особенностей молдавского языка и «пумнулизмы» в молдавском варианте повести безусловно имеют большое, но не решающее и не окончательное значение в смысле определения автора. Знать Буковину и особенности ее языка, тем более языковую теорию и орфографическую практику Арона Пумнула, мог также человек, не живший в Буковине постоянно, но бывавший там неоднократно или хорошо изучивший этот край по разного рода литературным и прочим источникам. Известно, например, что Жюль Верн прекрасно и очень точно описал многие из тех мест, в которых действуют герои его произведений, хотя сам никогда там не бывал.

Точно так же решается вопрос и с религиозными моментами молдавской «Рэтэчиря». В первой половине и середине XIX в. в Буковине и Молдавии, как впрочем и в других местах Европы, религиозность была еще характерной не только для служителей церкви. Закономерного соответствия между религиозными моментами молдавской повести и духовным лицом, как единственно возможным автором ее, нет и не может быть. Молдавский писатель Ион Крянгэ был воспитанником религиозной школы, однако писал далеко не религиозные произведения. Следовательно, автором молдавской переработки пушкинской «Метели» могло быть и не духовное лицо. Наоборот, пушкинская «Метель» не содержит ничего такого, что могло бы привлечь внимание именно духовного лица.

Ливиу Мариан ссылается еще, как уже упомянуто выше, на специфически буковинские, по его словам, особенности молдавского языка «Рэтэчиря» и так называемые пумнулизмы и германизмы, свойственные якобы молдавскому языку только Буковины. Но пумнулизмы, возникнув в Черновицах, могли быть распространены — и действительно были распространены — и за пределами Буковины, подобно тому как латинское течение так называемой трансильванской школы со всеми его атрибутами орфографически-орфоэпического характера было известно и распространено далеко за пределами Трансильвании. Слова и формы: пэмынтень, негуцитор, аколе, армия, зэдэреск, нэдух, зэбавэ, кумкэ, неврере,

¹ Liviu Marian, Contribuțiuni la istoria literaturii românești din veacul al XIX-lea, Chișinău, 1927, p. 92.

лях-лешь и т. п., характерны почти для всей территории распространения молдавского языка, а не только Буковины. Они обычны в Бессарабии, в молдавских селах на левом берегу Днестра и т. д. Германизмы не обязательно связаны с определенной местностью, где развито двуязычие, включающее немецкий язык. Германизмы могли явиться и результатом билингвизма автора перевода или переработки.

Таким образом, мы приходим к выводу, что автор молдавского варианта пушкинской «Метели» не обязательно должен был быть духовным лицом и буковинцем по происхождению.

Сопоставление некоторых материалов мемуарного характера и документов дает нам возможность высказать другое предположение, более точно назвать автора. Есть основание полагать, что автором новеллы «Рэтэчиря» была дочь ясского врача Дмитрия Самуркаша — Роксандра Самуркаш.

Во втором томе «Каталога румынских рукописей», изданном библиотекой Румынской Академии наук¹, на стр. 354—356 опубликовано 5 документов, касающихся начала литературной деятельности Роксандры Самуркаш.

Из первого документа мы узнаем, что Роксандра Самуркаш перевела с немецкого на греческий язык трагедию немецкого писателя Геснера «Эраст» и что это произведение затем с ее греческого перевода было переведено на молдавский язык сэрдарясой Зоицей, женой сэрдаря Костаки Григориу.

Во втором документе — посвящении Роксандры Самуркаш своему отцу Дмитрию Самуркашу от 1 января 1819 г. на молдавском языке — также говорится, что перевод «Эраста» посвящается отцу в знак дочерней любви и благодарности. Автор просит отца быть по-родительски снисходительным к неизбежным ошибкам ее первого произведения и обещает в будущем, когда станет «сильнее в языках», преподнести отцу и «другие плоды своего труда», более совершенные, чем первый.

Из третьего документа, представляющего собой посвящение на молдавском языке, обращенное к дамам-читательницам, подписанное Роксандрой Самуркаш, мы узнаем, что ей, Роксандре, было тогда (то есть в 1819—1822 гг.) всего 13 лет, что она надеется в другой раз посвятить читателям «еще большие свои труды», если они примут благосклонно и доброжелательно этот ее небольшой перевод².

Уместно заметить, что в этих документах, написанных Роксандрой Самуркаш, встречается именно такой же пум-

¹ Catalogul manuscriselor românești.

² Catalogul manuscriselor românești, стр. 315.

нулизм, какой обнаружил в новелле «Рэтэчиря» Л. Мариан — социетате: «униря ши драгостя уней *социетате*»¹.

Какое же отношение имеет все это к Пушкину и молдавской переработке его «Метели», изданной в 1854 г. в «Буковинском календаре»? Дело в том, что Роксандра Самуркаш была знакома с Пушкиным и встречалась с ним в Кишиневе именно в те годы, когда она сама начала заниматься литературно-переводческой деятельностью. Несмотря на свою молодость — ей было тогда всего 13—15 лет,—она уже обращала на себя внимание как своей красотой, так и своими способностями.

Известный автор материалов к биографии А. С. Пушкина И. П. Липранди, который сам жил в Кишиневе в период пребывания там А. С. Пушкина и был близок к поэту, в своей работе «Из дневника и воспоминаний», говоря «о пресловутой Калипсо Полихронии», которая пела «на восточный тон в нос», что «очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные, заунывные песни, с аккомпанементом глаз, а иногда жестов», сравнивает эту певицу с Роксандрой Самуркаш: «там была еще певица в том же роде, но несравненно красивее и моложе, дочь ясского доктора грека Самуркаша, Роксандра. А. Ф. Вельтман, добавляет он, конечно ее помнит и помнит так ему тогда нравившуюся песню: «Примамория Дулчеца и проч.»².

¹ Catalogul manuscriselor românești, стр. 315.

² И. П. Липранди, Из дневника и воспоминаний. «Русский архив», год четвертый, 1866, стр. 1246.

Текст этой песни был обнаружен Г. Ф. Богачем в фондах Румынской Академии наук; мы приводим ее здесь в 2-х вариантах:

1. Прин аморюлуй дулчацэ мэ гэсеск аз феричит
Вай мие сэ ну се скимбе кэч де истов сынт сфыршит.
Ынфлореск ын феричире кэч аморю л-ам супус,
Амецеск ши еу виацэ, лакримиле жьос ам пус.
Аморю я везь слава че ыць дау ши'н че старе ам венит
Фиря тоатэ ши фиинца ынаинте-ць о жертвеск.
Аморю я везь че ыць дау ши'н че старе ам венит
Тоате фак орьче вроешть ши че-й зис ам ымпленил
Хотэрире'мь ый фэкутэ а-ць роби пын ын сфыршит
Сэ черк кинурь ши неказурь ши сэ фиу недеспэрцит.
Мсс 21, ф. (мынэ 137)

2. Прин аморюлуй дулчацэ, ам трэит еу феричит,
Астэз сынт к'а мя виацэ прин аморь с'ау отрэвит.
Ах, де-акума н'а сэ вие норочиря че-ау трекут,
Дече ку а ей букурие ш'а ей гындурь н'ам пердут?
Ын астэ апэ лэмуроасэ ка кристалул кургэторь
Силвия мя некрединчоасэ с'оглинэзэ де мулте орь.
Мерсул ей прин кэй умбрите дакэ вынтул кынд тэчя
Мушка фрунзеле'нверзите, ши инима ме сэ бэтя.
Пасул с'ынтречя ку гынду писте дымбь ши писте рыпь
Яр с'ажунгэ май курынд ый да 'аморюл а сал'ариль.
Фэця о дулче армоние пэсэрелилор кынтэрь
А зефирилор трезвие ш'але ноастре сэрутэрь.

Таким образом, мы установили два неоспоримых факта: Роксандра Самуркаш серьезно занималась литературной деятельностью, о чем свидетельствует ее перевод с немецкого из Геснера на греческий язык; она была знакома с Пушкиным, когда тот жил в Кишиневе. Кроме того, очевиден и третий факт: жительница Ясс Роксандра проживала сравнительно длительное время в Кишиневе, следовательно, не исключена возможность, что она бывала и в Буковине¹.

Обращают на себя внимание и нуждаются в объяснении следующие обстоятельства. Перевод с немецкого из Геснера, как это явствует из уже упомянутых документов, Роксандрой Самуркаш был сделан на греческий, а не на молдавский язык. И только Зоица Григориу ее греческий перевод перевела на молдавский язык. По-видимому, в семье Роксандры родным языком был греческий язык, которым она владела лучше, чем молдавским. Но два ее посвящения — отцу и дамам — предпосланные переводу, говорят о том, что она владела довольно неплохо и молдавским языком. Из того же посвящения к дамам — «ровесницам» — известно, что Роксандра начала изучать немецкий язык за год до того, как ею был сделан перевод из Геснера.

Следовательно, если Роксандра Самуркаш за один год сумела овладеть немецким языком настолько хорошо, что в состоянии была сделать перевод целого произведения, то почему же в таком случае она не могла легко овладеть русским языком, тем более, что этому способствовало ее постоянное общение с русской средой в кишиневском обществе.

Мы не знаем, когда именно была осуществлена молдавская переработка пушкинской «Метели», но опубликована она была, как уже сказано, в 1854 г., через 31—32 года после пребывания Пушкина в Кишиневе. Если Роксандра Самуркаш в начале 20-х годов выступала как переводчица, то позднее она безусловно могла выступить и в роли писательницы, приспособившей пушкинское произведение к молдавским условиям.

Таким образом, все вышеизложенное дает нам полное основание сделать предположение о Роксandre Самуркаш как о наиболее вероятном авторе новеллы «Рэтэчиря» — молдавской переработке пушкинской «Метели».

Мартур есте чел стежар, унде нуме ам сэпат
Ш'а крeдинций ноaстрe алтар де-ал меу плынс акум удат
Мэ ынторк песте кэраре кэтр'ачел дорит рэдэ
О аштепт ку нерэбдаре, дар пе Силвия мя ну вэд.
Лынгэ мал о рэушоарэ де-й ведя пр'н еа принблынд
Зи кэ лынгэ'а тал'извор м'ан везут ту лэкрэмьнд.

¹ К сожалению, о Роксandre Самуркаш никакими другими сведениями, кроме вышеупомянутых, мы в настоящее время не располагаем.

Е. М. ЧЕРНИЦКИЙ

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

Поэма «Цыганы» занимает первое место среди произведений Пушкина, отразивших молдавские впечатления и творческие искания поэта. Эта поэма издавна привлекала внимание исследователей как произведение, завершающее романтический период творчества поэта и знаменующее начало реалистического периода. Между тем, несмотря на наличие ряда ценных исследований, в творческой истории «Цыган» все еще многое неясно. Кроме того, изучение «Цыган» очень важно и с точки зрения насущных проблем современного литературоведения (возникновение и формирование реалистического метода, положительный герой в реалистическом искусстве и т. д.).

Нашей задачей является анализ поэмы «Цыганы» в ее творческом становлении, выяснение ее места и значения в творчестве основоположника новой русской литературы, а следовательно, и в общем историко-литературном процессе.

Прежде всего наше внимание привлекает тот факт, что возникновение и развитие замысла поэмы осуществлялось в период напряженной работы над «Евгением Онегиным», начатым, как известно, еще до «Цыган» (первая глава романа была написана в период с 9 мая 1823 г. по 22 октября 1823 г., вторая начата сейчас же после первой и окончена на XXXIX строфе 8 декабря 1823 г.).

После окончания второй главы появляются план и первые черновые наброски «Цыган». Третья глава романа начата 8 февраля 1824 г. и окончена 2 октября 1824 г. В последующие же числа (между 2 и 10 октября) завершаются «Цыганы». Монолог Алеко над колыбелью сына, не вошедший в поэму, был написан в январе 1825 г., то есть после началь-

ных строф IV главы «Евгения Онегина» и уже намеченных первых сцен «Бориса Годунова».

Первые главы «Онегина» связаны со всем процессом развития пушкинского романтического метода, с последовательным и закономерным накоплением в нем реалистических тенденций. Здесь реалистически раскрывается формирование именно того типического характера русской жизни, изображение романтического облика которого составляло задачу первой южной поэмы, но долго не удавалось поэту, как он сам об этом писал позднее.

Уже тогда Пушкин стремился осознать романтическое отрицание действительности как типическое явление своей эпохи. Однако первые же попытки рассмотрения этого явления в социальном контексте неминуемо влекли за собой снижение романтического образа и вызывали досаду поэта за собственную непригодность «в герои романтического стихотворения». Реалистические тенденции невольно, но отчетливо проявляясь в «Кавказском пленнике», приводили к некоторой противоречивости образа. Ведущими чертами главного героя этой поэмы оказывались не внутренние черты, определяющие сущность характера, а их внешнее проявление: разочарованность, равнодушие к жизни и ее наслаждениям, «хлад души» и т. п., именно то, что первоначально поразило воображение поэта.

Осознание сущности романтического героя происходит в процессе работы над реалистическим романом, то есть тогда, когда этот характер, представляющий первоначально в своих наиболее общих, идеальных, индивидуально-психологических проявлениях, стал рассматриваться в своих реальных связях и отношениях в среде для него обычной, его объясняющей.

Решающее значение имело изменение общеполитической ситуации в этот период. Подавление революционных и национально-освободительных движений на западе и юге Европы, а также усиление реакции в самой России обусловили кризис индивидуально-бунтарских настроений передовых кругов русского общества и заставили серьезнее задуматься о возможности использования народного движения в политической борьбе.

Естественно, что Пушкин в силу специфики художественного творчества, обобщающего явления действительности, а также своеобразия своего развития, должен был одним из первых усомниться в действительности индивидуально-романтического протеста и вплотную подойти к проблеме народа, то есть к осознанию романтического протеста как явления исторически и социально конкретного и закономерного. Это, конечно, вовсе не означало ни отхода от политической

программы декабристов, ни отказа от общего с ними эстетического идеала.

В то время, на заре революционно-освободительного движения, передовая общественная идеология была насквозь пропитана революционным романтизмом. В области художественной литературы, отражавшей эти настроения, безраздельно господствовал образ волевого, мужественного человека-борца, носителя высших моральных и политических качеств. В нем выражался протест против действительности, отрицание ее, в нем выражался и пафос утверждения нового прогрессивного общественного идеала, пусть несколько неопределенного, без учета социальных и исторических условий, но достаточно действенного, активного. Образ этот объективно представлял едва ли не первую попытку типизации ведущих черт формирующегося национального характера и в литературном отношении стал первоосновой положительного образа в русской реалистической литературе. Его роль в общественном развитии трудно переоценить. Он сочетал в себе и цель и средства движения. Одна из основных задач литературы, с точки зрения революционных романтиков, заключалась в пробуждении и в воспитании чувства гражданского национального достоинства у каждого сознательного члена общества, в необходимости заставить каждого ощутить потребность иной жизни. При таких обстоятельствах герой должен был только противостоять обществу, но не типизировать его в себе. Этот принцип совершенно исключался революционно-романтической эстетикой декабристов. Именно по этой линии и намечаются расхождения между Пушкиным и декабристами.

Конечно, декабристы сознательно не противопоставляли романтизм реализму. Утверждать это было бы наивно и антиисторично. Они требовали изображения правды жизни, сущность же ее усматривали в отрицании действительности.

Выдвигая образ человека своей относительно узкой среды как образец для всего господствующего класса, для всего дворянства, отрицая одновременно социальную практику этого класса, они, естественно, не могли установить зависимость характера своего героя от окружающей среды и, следовательно, поступали как романтики. То, что было бесспорно присуще узкой группе дворянских революционеров, понималось ими как основное качество «ведущего класса».

Были ли типичны герои рылеевских дум для декабристской среды? Бесспорно, да. Однако эти же герои вовсе не были типичны для дворянского класса в целом и для всей истории его, ибо объективно они были не чем иным, как художественным выражением отрицания этого класса. В них воплощались элементы зарождающейся демократической идеологии.

Возвеличение героя и критическое или прямо отрицательное отношение к среде, его воспитавшей, представляло одно из основных противоречий декабристской эстетики. Пропасть между героем и средой непрерывно и неизбежно увеличивалась и углублялась. Возникал риск отрыва героя от почвы, превращения его в романтическую иллюзию.

Пушкин преодолел это противоречие. Основа его художественных обобщений оказалась неизмеримо шире и потому ближе к народу.

Романтизм обуславливал идеализацию психологических черт, лежащих в основе типического обобщения. Романтизм переносил характер в идеальную обстановку, позволяющую целиком сосредоточить внимание на индивидуально-психологических чертах этого характера, рассмотреть его не в типических, объясняющих, оправдывающих обстоятельствах и не в социально-политическом плане, но в обстоятельствах контрастно-выделяющих, оттеняющих его, в плане эмоциональном.

Прежде чем объяснить что-либо, необходимо было представить, показать то, что нуждалось в объяснении. Такие возможности и давал романтизм, вне романтизма их не было.

Осознав в процессе работы над «Онегиным» объективную ценность положительных черт типического характера передового дворянина в его реальных связях с русской жизнью, Пушкин вновь обращается к романтическому методу и создает в «Цыганах» классический образец романтического отрицания действительности.

Алеко обладает всеми традиционными достоинствами положительного романтического героя, и они выступали особенно ярко для современников, воспринимавших образ в соответствующей социально-политической обстановке эпохи¹.

Д. Д. Благой, учитывая данное обстоятельство, отмечает в своем анализе «Цыган» множество достоинств Алеко. Он справедливо усматривает в них отражение конкретных черт лучших людей эпохи, яркое выражение их передовых стремлений².

Однако при всей положительности романтического образа Алеко Пушкин сумел сохранить и передать в нем и другую, отрицательную сторону типического героя своего времени и, прежде всего, выдвинуть на первый план сословную ограниченность дворянского протеста.

Романтизм при создании этого образа сказался не столь

¹ См. напр. письмо Рыльева к Пушкину (январь, 1825) — А. С. Пушкин, т. XIII и А. А. Бестужев, Взгляд на русскую словесность в течение 1824 г. и нач. 1825 г.

² Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 320.

ко в субъективном отборе явлений действительности для изображения, сколько в своеобразном романтическом выражении этих явлений, то есть не столько в обобщении, сколько в индивидуализации образа. В поэме нет, правда, прямого изображения обстоятельств, которые должны объяснить и обуславливать характер в реалистическом произведении, но они включены поэтом в самый характер героя, романтически типизированы в нем. Так, социальная ограниченность дворянства выражается в резко очерченном индивидуализме — эгоизме Алеко, как одной из самых существенных его черт. Контрастная для характера героя обстановка действия лишь усиливает эту типизацию.

Уже Вяземский увидел в герое «Цыган» «прототип поколения нашего, не лицо условное и непременное в новейшей поэзии... но лицо, перенесенное из общества в новейшую поэзию, а не из поэзии наведенное на общество, как многие полагают»¹.

Однако далекий от понимания социальной природы сил, действующих в обществе, Вяземский заметил лишь психологическую сторону типизации и прошел мимо социально-политической ее стороны.

На социально-политическую сторону образа впервые обратил внимание В. Г. Белинский. «Идея «Цыган» вся сосредоточена в герое этой поэмы — Алеко... всякий, даже с первого, поверхностного взгляда на поэму, утверждал критик, увидит, что в Алеко Пушкин хотел показать образец человека, который до того проникнут сознанием человеческого достоинства, что в общественном устройстве видит только одно унижение и позор этого достоинства, и потому, прокляв общество, равнодушный к жизни, Алеко в дикой цыганской воле ищет того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предрассудками и приличиями, добровольно закабалившее себя на унижительное служение идолу золота»².

Однако Белинский подошел к поэме, совершенно игнорируя романтическую специфику образов. В силу этого, в своих суждениях о герое, он исходит исключительно из взаимоотношений героя со средой, действительно представляющей в реалистическом произведении типические обстоятельства его формирования, условия его бытия. Обстоятельства же, изображенные в поэме в соответствии с принципами романтического творчества, не только не объясняют положительного в Алеко, но и вскрывают его отрицательную сторону, трагическое противоречие, заключенное в нем.

¹ «Московский телеграф», ч. 15, 1827, № 10.

² В. Г. Белинский, Соч. в трех томах, т. 3, стр. 469.

Существо ошибки Белинского заключается, по-видимому, в том, что он отрывает героя поэмы от социально-исторических условий. Не видя в образе Алеко что-либо положительное, критик отказывает и Пушкину в осознанности изображаемого явления и утверждает, что «...желая и думая... создать апофеозу Алеко, как поборнику прав человеческого достоинства, поэт вместо этого сделал страшную сатиру на него и на подобных ему людей, изрек над ним суд неумолимо трагический и вместе с тем горько иронический»¹.

Такому выводу явно противоречит весь смысл поэмы. Коль скоро мы признаем, что отношение Пушкина к действительности в это время было уже реалистическим, и будем рассматривать поэму, как рекомендует Белинский рассматривать «каждое произведение искусства — в отношении к эпохе, к исторической современности и в отношении художника к обществу...», то мы сразу обнаружим противоречия, свойственные передовому дворянству, искусно воплощенные в самой личности Алеко.

Анализируя ошибку Белинского, Плеханов справедливо отмечал, что «...поэма Пушкина далеко не представляет собой простой сатиры на эгоизм и непоследовательность. Она берет вещи гораздо глубже, она объясняет психологию целой исторической эпохи. Алеко громит нынешние общественные порядки, но, попав в почти первобытную среду цыган, он в своих отношениях к любимой женщине продолжает руководствоваться взглядами, господствующими в покинутом им обществе. Он стремится восстановить то, что ему хотелось разрушить»².

Плеханов указывал, что Пушкин «хорошо схватил» коренное противоречие, хотя не в состоянии был объяснить себе его исторически. «Цыганы», по определению Плеханова, «романтическая поэма, обнажающая ахиллесову пятю романтизма»³.

Игнорирование Белинским романтической специфики поэмы сказалось и в частности. Так, например, два стиха —

Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,—

Белинский иронически называет «ультраромантическими», понимая под этим термином «все неточное, неопределенное, сбивчивое, неясное, бедное положительным смыслом...».

«Что такое *беглец родной берлоги*? — спрашивает он. Не значит ли это, что медведь бежал без позволения и без пас-

¹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. XII, М.—Л., 1926, стр. 30.

² Г. В. Плеханов, Литературные взгляды Белинского, «Искусство и литература», М., 1948, стр. 399.

³ Там же, стр. 400.

порта из своей берлоги? Хорошо бегство для того, кто взят насильно, при помощи дубины и рогатины? Этот медведь — *похищенец*, если можно так выразиться, но отнюдь не беглец. Что такое *косматый гость шатра*? Что медведь добровольно поселился в шатре Алеко? Хорош гость, которого ласковый хозяин держит у себя на цепи, а при случае угощает дубиною! Этот медведь скорее пленник, чем гость»¹.

Между тем, с точки зрения специфики романтического творчества этот образ не вызывает никаких возражений. Факты и явления действительности романтически субъективизируются в сознании Алеко. «Беглец родной природы» — это в какой-то мере сам Алеко, и его свобода в этом племени столь же сомнительна...

Отмеченную особенность романтической поэмы следует постоянно учитывать, раскрывая объективный характер изображаемых в ней отношений. Ее «описательная часть» — изображение жизни, быта и нравов цыган — тесно связана с героем не только композиционно и стилистически, но и внутренне. Она органически отражает в себе романтическую иллюзию свободы, воодушевляющую героя.

Наряду с этим картины жизни цыган и их образы не теряют самостоятельного значения. Подобно тому, как образ Алеко типизирует целый уклад жизни — психологию, понятия, стремления передового русского дворянства первой четверти XIX в., так и в образах цыган, включая все внешние обстоятельства их жизни, романтически типизируется «естественная», свободная от тирании и оков «просвещения» и «цивилизации» народная среда.

Литературные критики 20-х годов оценивали изображение цыган преимущественно с романтических позиций, прежде всего заметив тот романтический отпечаток, который накладывает на картины цыганской жизни восприятие Алеко. И. А. Вяземский, например, отметив «поэтическую дикость обычаев и промыслов, независимость нравов «Цыган» со всей причудливостью их отличительных красок», утверждает, что «племя с такою оригинальною физиологиею принадлежит поэзии, и Пушкин в удачном завоевании присвоил его и покорила ее владычеству»². И. П. Кириевский также увидел в жизни табора романтическую картину: «Автор хотел представить золотой век, где люди справедливы, не зная законов; где страсти никогда не выходят из границ должного — где все свободно...»³. То же характерно и для других отзывов.

В. Г. Белинский внимательно отнесся к изображению цыганского табора и, в особенности, к характеру старого цыгана, также, по-видимому, обнаружив здесь идеальное выраже-

¹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. XII, стр. 43.

² «Московский телеграф», ч. 15, 1827, № 10.

³ «Московский вестник», ч. 8, 1828, № 6.

ние простоты и естественности народной жизни. Еще в 1839 г., в пору увлечения гегельянством, в рецензии на постановку «Цыган» московским театром Белинский с особым чувством восхищения отмечал «монологи старого цыгана, этого дивного, великого характера, созданного колоссальным гением Пушкина», он увидел в этом образе «абсолютного человека в естественной непосредственности...»¹.

Позже, в цитированной выше седьмой статье пушкинского цикла, Белинский вновь возвращается к своей мысли и углубляя ее, находит в образе старого цыгана «одно из таких лиц, созданием которых может гордиться всякая литература. Есть в этом цыгане,— подчеркивает он,— что-то патриархальное. У него нет мыслей: он мыслит чувством, и как истинны, глубоки, человечны его чувства. Язык его исполнен поэзии. В тоне речи столько простоты, наивности, достоинства, самоотрицания (*résignation*), кротости, теплоты и елейности»². По-прежнему считая поэму формой изображения идеальной действительности жизни в ее высших моментах³, Белинский все же с удовлетворением отмечает ее реалистические элементы. Однако оценку Алеко и определение главной идеи критик, как мы видели, дает здесь, игнорируя романтическую специфику поэмы.

Белинский не считает теперь старого цыгана обобщением каких-то абсолютных, вечных начал в человечестве. Критик замечает конкретные черты характера, определяющие его принадлежность к «дикому», «вольному» племени, подчеркивает художественную ценность и выразительность образа. «Несмотря на всю возвышенность чувствований старого цыгана,— пишет Белинский,— он не высший идеал человека: этот идеал может развиться в существе сознательно разумном, а не в непосредственно разумном, не вышедшем из-под опеки у природы и обычая»⁴. И, наконец, еще позже, в 1848 г., Белинский прямо указывает на «элементы жизни действительной», вошедшие в первые поэмы Пушкина, поэмы, преимущественно «идеального и лирического характера». Цыганский табор с оборванными шатрами между колесами телег, с пляшущим медведем и нагими детьми в перекидных корзинках на ослах, был тоже неслыханною дотоле сценою для кровавого трагического события⁵.

Необходимо отметить, что в современных характеристиках поэмы заметна тенденция рассматривать изображение

¹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. IV, стр. 374.

² Там же, т. XII, стр. 40.

³ «Поэма рисует идеальную действительность и схватывает жизнь в ее высших моментах» (Белинский, т. III, стр. 465).

⁴ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 42.

⁵ Там же, т. XI, стр. 86.

жизни цыганского табора и его типических представителей как реалистическое. При этом, кроме последнего из цитированных суждений Белинского, обычно ссылаются на примечания к поэме самого Пушкина, где он писал: «В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения, но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешало им однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести»¹.

Такая тенденция очень заметна и в книге Д. Д. Благого, полагающего, несмотря на множество оговорок, что «в смысле реалистической точности — «Цыганы» несомненный шаг вперед от «Кавказского пленника», где черкесская вольница была показана именно только с ее поэтической «красивой» стороны»².

Эта же тенденция особенно решительно выражена в исследовании о «Цыганах» Л. Г. Полещука, где автор утверждает, будто в процессе работы над поэмой Пушкин стремился «к объективно-реалистическому воспроизведению деталей, в сумме создающих общее впечатление», и «в результате усердной и тщательной работы художника создается превосходная реалистическая картина своеобразного быта и нравов вольных сынов природы»³.

Между тем не только текст поэмы во всех стадиях работы над ним поэта, но и замечания Белинского (несмотря на игнорирование им романтической специфики поэмы), а также примечания самого Пушкина не дают никаких оснований для подобного вывода.

Известно, что правдивость деталей не дает еще реалистического изображения, равно как и «элементы жизни действительной» не составляют еще картины действительной жизни. Верное же описание кочевой жизни цыган в поэме не раскрывает социально-экономической зависимости их от господствующего строя.

Уже отсюда становится ясно, что Пушкин, противопоставляя цыган Алеко, не столько стремился к реалистическому обобщению их образа жизни, сколько к художественной выразительности самого противопоставления, и потому вовсе не задумывался над степенью типичности отобранных им явлений. Наоборот, он отбирал лишь то, что в социально-быто-

¹ А. С. Пушкин, Собр. соч. в 10 т., т. 7, стр. 19—20.

² Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 328.

³ Л. Г. Полещук, Работа Пушкина над поэмой «Цыганы». Труды Тбилисского гос. педагогич. института им. А. С. Пушкина, VII, 1949, стр. 162.

вом и психологическом плане противостояло укладу, типизированному в образе Алеко. Таким путем возникала художественная антитеза Алеко. Средства ее индивидуализации предоставлял в изобилии яркий колорит цыганского табора. В основе же ее обобщения лежало романтическое представление о народной «естественной» среде, свободной от условностей и стеснений «цивилизации», от узаконенного рабства крепостнического общества. Все это обуславливалось целью, задачей поэмы — раскрыть типическое противоречие передового движения эпохи.

Обратимся теперь к тексту поэмы с учетом его творческого становления¹.

Поэма начинается картиною жизни цыганского табора, мотивирующей завязку. Как уже указывалось, изображение цыган подчиняется задаче противопоставления их Алеко в определенном романтическом плане: зависимости противопоставляется вольность, культуре, «цивилизации» и «просвещению» — дикость; роскоши и богатству — бедность. Первой строке —

Цыганы шумною толпой

первоначально соответствовало:

- а) Цыганы вольною семьей
- б) Цыганы вольною толпой
- в) Цыганы шумною толпой

Употребление слова «семья» вместо слова «толпа» более соответствующего внешней характеристике явления, ярче передает первоначальное впечатление. По тем же соображениям происходит замена эпитета «вольною» эпитетом «шумною». Однако ощущение воли, свободы этой толпы не исчезает, но индивидуализируется, переходит в подтекст. Оно непосредственно выступает только в представляющемся естественном сравнении:

Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами,

Это сравнение заменило первоначальное:

Беспечен, весел их ночлег
Как жизнь

Затем добавляется «...под небесами». Нетрудно заметить, что в окончательном стихе происходит некоторое романтическое смещение понятий: «весел... сон под небесами».

¹ Текст поэмы и черновые варианты цитируются по IV тому академического издания сочинений Пушкина, А. С. Пушкин, Соч., т. IV, стр. 179—204 и 405—463.

Далее следует детализация картин, имеющая еще более выразительную поучительную творческую историю. Множество реалистических деталей, приближающих всю картину к реалистическому изображению цыганского табора, последовательно удаляется из белового текста. Так, стихам

Между колесами телег,
Полузавешенных коврами,
Горит огонь...

первоначально соответствовало:

Между колесами телег—
а) коврами....
б) рубищем
в)... завешенных коврами
г) кой-как завешенных коврами
д) покрытых бедными коврами и пр.

Заключительные штрихи картины в беловом тексте передают лишь внешнюю живописность цыганского табора, в красках и звуках, в движении. Жизнь цыган сама по себе, в ее существенных чертах, поэта, по-видимому, в данном случае не интересует.

Все живо посреди степей.

Эта вот «живость» и определяет последующий отбор деталей, характеризующих цыганский табор.

Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недаленый,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни,

Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье
И слышно в тишине стеной
Лишь лай собак да коней ржанье.

Огни везде погашены.
Спокойно все: луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.

Не то в первоначальных вариантах. Здесь встречаются такие существенные черты образа жизни и так выразительно художественно переданные, что едва ли их можно принять только за обычные для романтической школы «натуралистические краски», как это представляется Д. Д. Благому¹.

Таковы, например, следующие зарисовки, предшествовав-

¹ Д. Д. Б л а г о й, Творческий путь Пушкина, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 328.

Картина Б. И. Лсбедева «Пушкин в цыганском таборе».

шие приведенным заключительным стихам описания, совершенно выпущенные впоследствии (промежуточные моменты работы поэта над каждым образом опускаем, либо приводим в сносках):

- 1) Проворный молот кузнеца¹
Гремя по наковальне скачет—
Собака лает (близ отца)
Дитя во сне кричит и плачет —
- 2) И (лай собак), и крик детей,
И звон походной наковальни,
Все живо—песни жен, мужей,
Идущих завтра в путь недалний.
- 3) Одна семья
Другая спит — а там подале
Цыган и дева в покрывале.
- 4) В одном шатре едят и пьют
В другом уж сон — а там подале
(Встает цыган) и вслед за ним
кто-то (в покрывале)—

В последующем беловом тексте первого отрывка характерен пропуск такой детали, чрезвычайно важной с точки зрения реалистического изображения быта цыган, как описание ужина старого цыгана, ожидающего Земфиру:

Уже пшено²
Бояр молдавских подаянье
(В сосуде старом) сварено
Но им не тронута оно.

Но вот возвращается Земфира, приводит с собой Алеко и представляет его отцу, радушно принимающего гостя. Особых различий тут нет. Окончательный текст от первых набросков отличается лишь большей степенью логической последовательности и художественным совершенством. Заметна значительная работа в плане типизации цыганской среды в образах двух ее представителей — Земфиры и старого цыгана. Это сказывается преимущественно в индивидуализации речи. И все же характеры Земфиры и ее отца романтичны. Внутри романтического обобщения осуществляются принципы реалистического творчества—типические характеры определяются типическими обстоятельствами.

Второй эпизод поэмы вновь повторяет описание табора, на этот раз снимающегося с ночлега. Но, конечно, тут нет

¹ Один из первоначальных вариантов: Железо молотом...

² Ранние варианты:

- а) В сосуде глиняном пшено
- б) Уже молдавское пшено
- в) Уже вареное пшено

простого повторения. Теперь это описание дается непосредственно через восприятие Алеко и поэтому, в определенной мере, характеризует и его. Романтический колорит картины еще более усиливается, придавая ей резко контрастный характер по отношению к укладу жизни, типизируемому в образе Алеко. Совершенно отчетливо выступает это противопоставление в заключительных стихах этого эпизода:

Все скудно, дико, все нестройно,
Но все так живо, беспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо это жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной.

И в этом отрывке романтическое восприятие Алеко не затмевает реальной основы образов, особенно ярко и непосредственно выступающей в черновых вариантах, в таких, например, эпитетах и определениях: косматых, смуглых, обнаженных, голодных и пр.¹ Алеко нет дела до реальной бедности цыган и сам поэт не в этом плане противопоставляет ему жизнь цыганского табора. Поэтому его внимание привлекают не сами по себе «убогие одежды» или «лохмотья», но их живописность — «пестрота».

Третий эпизод Алеко достигает своей заветной мечты. «Теперь он вольный житель мира...» И тут, впервые, в сознании героя возникает пока еще смутная неудовлетворенность достигнутым:

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.

Человек не может быть свободным от общества—эта мысль, конечно, не может быть еще осознана Алеко, а именно к такой свободе он стремится. Ему кажется, что он достиг ее, может жить «подобно птичке беззаботной», «не признавая власти судьбы коварной и слепой». Но это вовсе не кажется Пушкину, и, не нарушая романтического канона, он вводит лирическое отступление, сопоставляя человеческую жизнь с жизнью «птички божией». Сопоставление это навеяно народным творчеством.

Следующий, четвертый отрывок, заключающий стихи 126—224, был написан и включен в текст после окончания поэмы. Возможно, он был введен с целью некоторой реабилитации Алеко, возвышения его путем противопоставления ему поро-

¹ См., например, в одном из первоначальных вариантов... «жен, мужей косматых, смуглых, обнаженных, или старух косматых нагота» и пр.

дившей его среды. Эта среда изображена в романтически сгущенной, резко субъективизированной картине, глубоко враждебной «естественному» человеку:

Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Не вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

Резкость протеста Алеко как бы подчеркивает страстность, непримиримость его природы и вместе с тем мотивирует его сближение с цыганской средой. Однако в основе и протеста и сближения — индивидуалистическое начало. Он обнаруживает это начало, возражая Земфире. Для него необходима, прежде всего, свобода личного чувства и, прежде всего, — свобода любви. (Где нет любви, там нет веселий). Он готов ради любви к Земфире мириться с отсутствием роскоши, развлечений, отказаться от славы¹, но без этой любви жизнь среди цыган для него, очевидно, бессмысленна. Подтверждением этому служит рассказ — предание старого цыгана:

... Но всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен

Алеко разуверился и разочаровался во всем, любовь для него единое пристанище, единое средство проявления индивидуалистической природы.

Не изменись, мой нежный друг,—

обращается он к Земфире,—

...одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье.

После рассказа старого цыгана, косвенно характеризующего его самого и содержащего скрытое сопоставление с судьбой Алеко, следует заключительное размышление героя, вновь утверждающее его отрицательное отношение ко всему, кроме любви.

...что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной куши
Цыгана дикого рассказа?

¹ Ср. в предшествующем отрывке:

Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда...

Пятый отрывок содержит романтическую конкретизацию свободы вообще в представлении индивидуалиста. Свобода жизни в цыганском таборе — это свобода от «оков просвещения», от «неволи душевных городов», Алеко

...прежних лет не помня даже,
К бытию цыганскому привык.

Он «...волен, как они». Ограничение желаний, стремлений, возможностей им не осознается как неволя, оно принято добровольно.

Шестому отрывку, как указывает автор комментариев к поэме в IV томе академического издания, должен был предшествовать монолог Алеко над колыбелью сына, не вошедший, как известно, в окончательную редакцию поэмы. Написан он был, как уже отмечалось, позже поэмы, в январе 1825 г., когда значительно продвинулась работа над реалистическим романом, а поэма уже представляла законченное художественное целое. По своему содержанию этот монолог является развитием темы четвертого отрывка и либо не прибавляет ничего нового к содержащейся там романтической критике «света», либо выходит за ее пределы, касаясь существенных сторон отрицаемого уклада жизни. Рассуждения о преимуществах развития и жизни ребенка в условиях «естественной» среды превращаются в ряд последовательных реалистических зарисовок господствующих типических условий. Так, например, следующие строки в черновых набросках:

Нет, не преклонит он ' (колен)
Пред идилом какой-то чести,
Не будет вымышлять измен,
Трепеща тайной жаждой мести
(Не испытает) мальчик мой
Сколь (жестоки пени)
Сколь черств и горек хлеб чужой.
Сколь тяжело (медленной) ногой
Всходить на чуждые ступени..

Противопоставление «первобытной» среды господствующему «цивилизованному» обществу, содержащееся в сожалениях по поводу собственной неудачно сложившейся судьбы—

И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка..

ничего не прибавляет существенно нового к содержанию поэмы, ибо такое же противопоставление заключается в самом поведении Алеко. Его же раздумье — правильно-ли решил он судьбу сына:

От общества быть может я
Отъемлю ныне гражданина...

нарушает цельность индивидуалистического характера и резко противоречит сложившимся понятиям героя, совершенно не признающего права общества над собою.

Шестой и седьмой отрывки представляют Алеко в совершенно новом освещении. И тот и другой написаны в диалогической форме, прекрасно передающей внутренний драматизм нарастающего конфликта¹. Цыганская среда, до сих пор служившая только контрастным фоном для Алеко, теперь типизируется в образах Земфиры и старика, становясь как бы равноправной с героем. «Алеко волен, как они». Теперь-то и обнаруживается его внутреннее отличие от них.

Характерно, что Пушкин настойчиво удалял из текста все слова и обороты, противоречившие бытовому укладу изображаемой среды. Так, в черновиках встречаем:

Не верь, Алеко, песня эта
Женой неверной сложена.

С этой же песней связаны у старого цыгана воспоминания о собственных трагических переживаниях минувших лет, рассказ о которых содержится в восьмом отрывке.

Отсюда, опираясь на текст песни, можно объяснить и кажущуюся противоречивость, невыдержанность отношений Земфиры к мужу. Г. В. Плеханов, отмечая эту противоречивость, приходил к выводу, что «Пушкину самому неясны были отношения, которые должны были установиться между Алеко и Земфирой»².

Между тем первый же куплет песни —

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня;
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня —

достаточно ясно говорит о признании, может быть, естественно-сложившихся, а не юридических прав мужа, о борьбе против этих прав и о возможных драматических столкновениях. В связи с этим совершенно естественны и колебания Земфиры, и ее обман, и ее тревога, и ее протест, и ее «невыдержанность» в отношениях к Алеко и недоверие последнего.

В восьмом отрывке, где окончательно раскрывается противоположность, историческая несовместимость двух укла-

¹ Мы не согласны с Б. П. Городецким, который в своем докладе «Проблемы драматургии Пушкина» (Труды первой и второй Всесоюзных пушкинских конференций, АН СССР, М.—Л., 1952) подвергает сомнению справедливость традиционной высокой оценки драматических качеств поэмы.

² Г. В. Плеханов, Искусство и литература, М., 1948, стр. 400 («Литературные взгляды Белинского»).

дов жизни, продолжает развиваться и тема предшествующих эпизодов.

Поведение дочери воспринимается стариком-цыганом как нечто определяемое особенностями женской природы, как своеобразный вечный и неизменный закон жизни, борьба против которого совершенно бессмысленна. Утешая Алеко, он пытается объяснить ему закономерность происходящего, независимость чувств от воли человека. Он обращается к простому и безыскусственному сопоставлению явлений человеческой жизни с миром природы.

Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна:
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое,
И то недолго посетит,
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись.
Кто сердцу юной девы скажет
Люби одно, не изменись.

Вследствие такого развития сюжета возможная измена Земфиры действительно осознается как нечто неминуемое, а ее поведение воспринимается как вполне естественное для данной среды. Но дело не только в этом.

Старик не одобряет происходящего. Он сочувствует Алеко и разделяет его горе, когда, припоминая минувшее, рассказывает об измене Мариулы. Алеко и цыган, как представители двух противоположных укладов жизни, как бы оказываются в одинаковых обстоятельствах, и различие между ними, различие в отношении к жизни каждого из них выступает особенно отчетливо. Здесь и раскрывается с большой художественной силой смысл поэмы. Последующие отрывки, представляют лишь своеобразный логический вывод — связку поэмы.

Столкнувшись с роковым противоречием жизни, цыган страдает не менее Алеко.

Однако в постигнувшем его несчастье он видит лишь предназначение судьбы. Эта покорность «судьбе» возводит-ся в принцип высшей житейской мудрости:

Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

Алеко не может согласиться с таким пассивно-созерцательным отношением к жизни. Без спора он от прав своих не откажется.

Казалось бы, нет основания в данном случае видеть в та-

ком отношении Алеко к жизни нечто отрицательное. А между тем именно в таком плане рассматривается в фундаментальном исследовании Д. Д. Благого ответная реплика Алеко на рассказ цыгана об измене Мариулы и о его примирении с этим. Цитируя слова Алеко:

Я не таков. Нет, я не споря
От прав своих не откажусь! —

исследователь называет их «злобно-негодующей репликой» и, ссылаясь на слова в одном из черновых вариантов — «от прав священных», говорит о «буржуазно-собственническом» характере протеста Алеко¹. Однако, касаясь черновых вариантов, можно вспомнить о том, что в первоначальном белом тексте заключительные слова Алеко (стр. 418—430) вообще отсутствовали. И, кроме того, определение «священных» было вообще отброшено, может быть, именно потому, что оно могло вызвать нежелательную ассоциацию с «Декларацией прав человека и гражданина» и свести протест Алеко к защите «священного» права собственности.

Образ Алеко возникает на русской, национальной почве, и его эгоизм — дворянского, а не буржуазного характера. В его основе — исключительное право на счастье, право на наслаждение без осознания необходимости права на собственность.

Если же говорить о начале XIX в. как эпохе «все отчетливее возникающих новых буржуазных отношений»², то объективно это, как известно, отразилось и на характере декабристских требований и политических программ, а потому нет оснований, исходя из этого, устанавливать «резкий водораздел» между характером протеста Алеко и характером протеста подлинных героев эпохи — декабристов. Д. Д. Благой утверждает: «Алеко жаждет воли лишь для себя. Те добиваются воли для других — для народа»³.

Допустим, что Д. Д. Благой прав, но ведь это обнаруживается лишь после развязки. Пока же Алеко выступает в защиту прав человека вообще. Так поступали и декабристы. Их дворянская ограниченность — дворянский индивидуализм — обнаружился в ходе восстания.

Сопоставляя Алеко с декабристами, необходимо постоянно учитывать романтическую специфику, емкость этого образа. Трагедия Алеко вполне очевидна, его способ борьбы с «судьбой» не только не оправдан, но оказался преступным. Этот способ борьбы — борьбы с индивидуалистических пози-

¹ Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 324.

² Там же.

³ Там же.

ций — поэт решительно осуждает. Но были ли известны иные формы борьбы?

И всюду страсти роковые
И от судеб защиты нет.

Это—выражение глубокого кризиса индивидуалистического протеста и вместе с тем осознание узости, социальной обусловленности и исторической закономерности данной формы борьбы. Однако самый факт сознания отраден. С особой полнотой и силой это проявляется в словах — приговоре старика-цыгана, романтически типизирующего в себе народную среду и выражающего народную оценку события:

Оставь нас, гордый человек.
Мы дики; нет у нас законов.
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли...

В этих словах сквозь романтическое выражение своеобразной цыганской психики пробивается живой источник веры в будущее и исторический оптимизм. Путь борьбы с кажущимся всесилием судьбы лежит через преодоление роковых эгоистических страстей.

Реалистическое изучение действительных человеческих страстей отныне и становится главной и необходимой задачей искусства, литературы, поэзии.

Органический переход от революционно-романтического индивидуалистического протеста к осознанию узости, ограниченности этого протеста и, тем самым к реализму,— отражается и в стиле и в композиционной структуре поэмы.

Последние стихи заключительного эпизода как бы переводят все действие, все события в реалистический план. Возникает картина, на которой нет более ни шумной и живописной толпы цыган, ни самого Алеко:

...все в дали степной
Сокрылось: лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.

Художественная выразительность этой картины еще более углубляется развернутым реалистическим сравнением:

Так иногда перед зимою
Туманной, утренней порою,
Когда подьется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.

В реалистическом плане дается и эпилог поэмы, в котором сам поэт непосредственно рассказывает о действительных событиях и впечатлениях своей жизни, послуживших основой для всей поэмы в целом.

Итак, в «Цыганах» завершаются попытки создания типического характера средствами революционного романтизма. Пушкин решает эту задачу путем обобщения типических черт передового русского общества 20-х годов XIX в., выдвинувшего первых русских революционеров. Окончательно осознает поэт эти черты в процессе работы над первыми главами реалистического романа «Евгений Онегин». В основе обобщения оказывается наиболее существенная черта господствующего класса — индивидуализм.

Переход от субъективно-романтического отбора по принципу наибольшей эмоциональной выразительности к выяснению существенного в явлении и предмете, но пока еще с последующей романтической индивидуализацией, сказывается в каждом образе поэмы, в стиле, в языке. Герой начинает осознаваться как определенное обобщение исторически-сложившихся социальных условий.

Преодоление романтического субъективизма в художественном плане произведения осуществляется путем освобождения образа от единичного восприятия. Он оказывается на пересечении различных линий восприятия, в различных аспектах изображения. Происходит своеобразная демократизация образа. Предмет или явление для одного становится таковым для многих.

Значительно углубляется и народность пушкинского творчества. Она выражается не только в характере изображения явлений, но и в самом выборе предмета изображения. Осознав вольнолюбие и чувство общности, коллективизма как существенные черты народного характера, Пушкин не только сумел романтически воплотить их в образе вольного цыганского племени, но и, противопоставив его Алеко, правильно раскрыть основное противоречие эпохи.

Вся поэма явилась своеобразным гимном борьбе и гневным осуждением пассивности и индивидуализма. Всем своим содержанием она активно воздействовала на общество, призывая к поискам новых путей борьбы, трезвому и глубокому изучению жизни.

Ее художественная структура, ее образная система и стиль воплотили в себе все положительное, что давал революционно-романтический метод. Именно поэтому она оказалась наиболее близкой к реализму.

Таким образом, последняя романтическая поэма завершила развитие пушкинского революционного романтизма, открыла дорогу реалистическому искусству.

В. К. ПАНФИЛ

ЮЖНЫЕ ПОЭМЫ ПУШКИНА В ПЕРЕВОДАХ НА МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК

Обращение молдавских писателей к творчеству русских классиков относится еще к первой половине XIX в., то есть к периоду становления молдавской классической литературы.

Молдавские писатели Георге Асаки, Константин Стамати, Костаке Негруци, Александр Дониц и другие были хорошо знакомы с передовой русской литературой своего времени, плодотворно работали над ее переводом на молдавский язык. Особенно большое внимание уделяли молдавские писатели первой половины XIX в. произведениям Пушкина. Из его южных поэм они переводят «Цыган» и «Кавказского пленника».

О переводе на молдавский язык поэмы «Цыганы» впервые упоминает писатель Александр Хыждэу в своей статье «Бессарабские литераторы», опубликованной в 1835 г. в журнале «Телескоп» № 4. Перевод, сделанный известным молдавским баснописцем Александром Доничем, появляется в печати в 1837 г., в год смерти великого поэта.

Для своего времени этот перевод был большим достижением. Передавая в значительной степени свежесть и яркость пушкинского стиха, Дониц знакомил молдавского читателя с одним из замечательнейших произведений передовой русской литературы, написанном на молдавском материале. Хорошо переданы А. Доничем описания быта цыган, кочующих по Бессарабии, простота их отношений, любовь к свободе. Достаточно ярко воссоздан и основной конфликт поэмы.

Все же нельзя не отметить, что в переводе Донича имеется немало архаизмов, тяжеловесных оборотов, отступлений от ритма оригинала и вообще слабых мест, снижающих романтическую приподнятость поэмы, напряженность переживаний

героев. Это объясняется во многом тем, что в те времена молдавский литературный язык находился в процессе своего становления.

В вину Доничу, как переводчику, необходимо поставить многочисленные и ничем не оправданные пропуски и сокращения. Так, например, очень скупо переданы переживания Алеко в первые дни его жизни в цыганском таборе:

Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда,
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал,
Но он беспечно под грозою
И в ведро ясное дремал.—
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой —
Но боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!

В переводе эта часть не только сокращена, но и упрощена: «Живя в высшем свете, он пресытился славой, все испробовал. И познав тщетность всего этого, бежал от этой жизни как можно дальше».

В сокращенном виде дана сцена с песней Земфиры, ее признание отцу в том, что она разлюбила Алеко. Вступительное четверостишие этой сцены:

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.—

звучит в переводе невыразительно и бледно: «Однажды утром Земфира весело пела и смотрела на Алеко».

Полностью отсутствует воспоминание старого цыгана, навеянное песнью Земфиры и последующий его разговор с дочерью.

В сильно сокращенном виде передан также разговор Алеко с отцом Земфиры после того, как Алеко почувствовал, что Земфира его разлюбила. Отсутствуют именно те места, которые особенно ярко раскрывают характеры героев. Не переведены, например, слова старого цыгана:

И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги —
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил:

Не передана также и реплика Алеко:

Да как же ты не поспешил
Тотчас во след неблагодарной
И хищникам и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

Отсутствует вовсе эпилог поэмы с его заключительными строками:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны! — и т. д.

В переводе Доница есть и серьезные искажения, вкравшиеся в первое издание как видно из-за невнимательности корректора. Так, старик-цыган, утешая Алеко, сравнивает любовь женщины с сиянием «вольной» луны:

Заглянет в *облако* любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое
И то недолго посетит.

В переводе же получилось, что луна переходит из одного «города» в другой, так как молдавское слово «город» — «ораш» очень близко к слову «ноураш», означающему облако.

После того как Алеко убивает молодого цыгана, Земфира вызывающе бросает убийце: «Нет полно, не боюсь тебя!» В переводе же отрицание выпало и получилось: «Убийца! Меня страшит твой варварский порыв!», то есть как раз обратное.

Несмотря на очевидность этих корректорских ошибок, они были механически перенесены во все три советские издания перевода Доница, вышедшие в течение последних лет: в сборник «Избранных произведений» А. С. Пушкина на молдавском языке (1949 г.), в сборник «Избранных произведений» А. Доница (1952 г.) и в антологию «Поэзия Молдавии» (1954 г.), хотя на эти ошибки и было обращено внимание в печати¹.

В середине прошлого столетия был напечатан перевод на молдавском языке и другой южной поэмы Пушкина — «Кавказский пленник», сделанный молдавским писателем Константином Стамати. С художественной точки зрения он значительно слабее перевода поэмы «Цыганы». В нем полностью отсутствуют посвящение, которым начинается поэма, и эпилог. Ритм и строение стиха поэмы в переводе не сохранены. Свой перевод Стамати назвал «Черкесский пленник и черкесская девушка» и напечатал его впервые в 1868 г. в одном томнике своих оригинальных произведений и переводов.

¹ Газета «Советская Молдавия», 20/IX 1953.

К наиболее удачным местам перевода Стамати следует отнести описание кавказской природы, быта горцев. И наоборот, неудачны те места перевода, где Стамати должен был передать настроения и вольнолюбивые устремления автора поэмы, внутренние переживания героев, полные глубокой страсти.

В переводе отсутствуют, например, стихи, воспевающие свободу:

Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире
С волнением песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

Все же для своего времени издание поэмы «Кавказский пленник», как и поэмы «Цыганы», на молдавском языке сыграло положительную роль в деле ознакомления молдавских, а также румынских читателей с творчеством великого русского поэта.

Перевод поэмы «Кавказский пленник», сделанный Стамати, был переиздан в 1953 г. в связи с выходом в свет его «Избранных произведений». При этом была допущена грубая ошибка, в которой переводчик К. Стамати совершенно неповиновен. Составитель сборника произвольно разбил поэму Пушкина на два самостоятельных произведения, одно из которых охватывает всю первую часть поэмы и начало второй части до того места, где начинается «Черкесская песнь», второе произведение включает три строфы «Черкесской песни» и конец второй части поэмы¹.

Остальные две южные поэмы Пушкина—«Бахчисарайский фонтан» и «Братья-разбойники»—в прошлом столетии на молдавском языке не переводились. Поэтому следует считать вполне своевременным выход в свет в 1954 г. сборника поэм Пушкина на молдавском языке. В него были включены новые переводы поэм «Цыганы» и «Кавказский пленник», сделанные в соответствии с современными требованиями к переводам художественной литературы, а также все четыре южные поэмы Пушкина в переводе поэта Юрия Баржанского.

Образ разочарованного героя дается в новых переводах поэм «Цыганы» и «Кавказский пленник» с большей художественной силой, чем в переводах Донича и Стамати. Ю. Баржанскому удалось с большим мастерством передать

¹ На эту ошибку было обращено внимание республиканским журналом «Октябрь» (1954 г., № 2).

романтическую приподнятость и лирическую взволнованность южных поэм Пушкина.

В переводе чувствуется индивидуальная интонация речи каждого героя. Романтическое звучание подлинника сохранено в диалогах пленника и черкешенки, Алеко и Земфиры, в монологе старшего «брата-разбойника».

Сохраняют в переводах свою специфическую окраску замечательные по своей яркости пейзажи Кавказа, Крыма, Молдавии. Хорошо переданы бытовые зарисовки из жизни цыганского табора, черкесского аула, двора крымского хана Гирея.

Ю. Баржанский умело использует возможности современного молдавского литературного языка для передачи легкости, простоты и мелодичности пушкинского стиха. Большим достижением новых переводов является и то, что они сохраняют ритмику и строфическое построение стиха каждой поэмы. Но в переводах Ю. Баржанского мы находим отдельные слабые места.

Так, в описании крымской природы, которым заканчивается поэма «Бахчисарайский фонтан», некоторые конкретные образы получаются несколько сглаженными, например: «Янтарь и яхонт винограда» передано просто: «очаровательные виноградники», а слова: «и струй и тополей *прохлада*» звучат в переводе: «и тополя и гул источников».

Описывая нравы гарема, Пушкин отмечает:

И горе той, чей шопот сонный
Чужое имя призывал,
Или подруге благосклонной
Порочно мысли доверял.

В переводе же получилось, что жены хана обмениваются порочными мыслями «со слезами и вздохами» (шоптеск ку лэкримь ши суспин), чего у Пушкина нет.

Когда Гирей направляется в гарем, то:

...Молча, он
Идет в заветную обитель
Еще недавно *милых жен*.

Для хода повествования последняя строчка очень существенна, так как она подчеркивает, что хан разлюбил своих «недавно милых жен». В переводе же вместо этого говорится, что жены ожидают своего мрачного властелина:

Се скоалэ ханул ши се 'ндряпта
Ынспре локашул тэйнунт,
Унде социиле-л аштяптэ
Пе-а лор стэпын посоморыт.

Большое значение для перевода имеет сохранение конкретности образов. Это способствует передаче местного коло-

рита, исторической достоверности описываемых событий. В «Татарской песне» из «Бахчисарайского фонтана» во второй строфе воспевается воин, который «своею смертью осветит... славный берег *Дуная*». В переводе же это не передано: «счастлив тот, кто умирает, уничтожая иноверцев» (гяуров).

Можно привести и другое неудачное место перевода. В «Кавказском пленнике» говорится, что «за днями дни прошли как тень», то есть «уныло», «бледно». В переводе же сказано: «Трекут-ау зылеле ын збор», то есть «быстро», «незаметно».

В начале поэмы «Братья-разбойники» упоминается о разбойниках самых различных национальностей, но в переводе непонятно, почему калмык и башкир оказываются «кровожадными» (сэтошь де сынже)—чего Пушкин, конечно, не говорил.

В переводе Баржанского можно встретить и ничем не оправданное повторение одних и тех же слов, что снижает художественную ценность стиха. Так, например, в описании встреч черкешенки с пленником русские слова «речь», «разговор», «язык» переданы в молдавском тексте одним и тем же словом «грай». В эпилоге поэмы «Цыганы» Пушкин говорит:

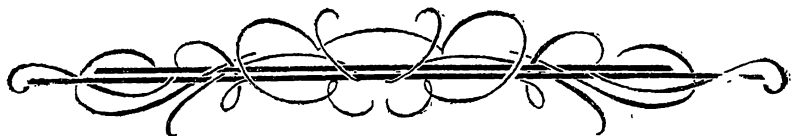
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы.

Переводчик же пишет:

Сэтос де кынтиче ши *глуме*
Еу аскултам кум кынта ей.

Кроме повтора «кынтиче» и «кынтэ», необходимо отметить в переводе и определенное несоответствие между желаниями автора, «жаждущего песен и шуток» и «слушающего только песни».

В общем же переводы южных поэмов Пушкина, сделанные Ю. Баржанским, являются большим достижением молдавского поэта. Переводчику удалось добиться естественности звучания пушкинских стихов на молдавском языке, передать на родном языке не только содержание, но и форму подлинника. Переводы на молдавский язык южных поэмов Пушкина обогатили молдавскую художественную литературу.

А. П. ПЕНЗУЛ

СТАМАТИ И ПУШКИН

Творчество молдавского писателя Константина Стамати, как и вся молдавская литература первой половины XIX в., развивалось под непосредственным и благотворным влиянием русской передовой литературы, в особенности творчества А. С. Пушкина. К сожалению, этот вопрос мало исследован и не нашел должного освещения ни в молдавском, ни в русском литературоведении. В имеющихся работах румынских буржуазных ученых Епуре¹, И. Негреску² и других этот вопрос рассматривается с чисто формальной точки зрения (заимствования отдельных сюжетов, эпизодов, формы) и совершенно не затрагивается проблема идейного влияния, не говорится о той прогрессивной роли, которую сыграла русская литература в развитии молдавской литературы. В работах советских исследователей анализируются отдельные стороны творчества К. Стамати, но вопрос влияния русской литературы на его творчество рассматривается только косвенно. Данная работа ставит задачу на примере творчества К. Стамати показать то могучее прогрессивное влияние, которое оказала русская передовая литература, и в частности Пушкин, на молдавскую литературу первой половины XIX в.

Константин Стамати начинает свою литературную деятельность в первой четверти XIX в. К этому времени, в условиях обострившейся классовой борьбы как на западе, так и в России, в борьбе с классицизмом и сентиментализмом утверждался романтизм.

¹ Епуре, *Influenta fabulistului rus Crylov, asupra fabuliștilor noștri A. Donici și C. Stamati*, Iași, 1913.

² I. Negrescu, *Influențele slave asupra fabulei românești în literatura cultă*, Chișinău, 1925.

Родоначальником романтизма в молдавской литературе был К. Стамати. Почти все характерные черты романтизма нашли отражение в его произведениях периода 30—40-х годов. Такие крупные произведения К. Стамати, как «Дочь Децебала и певец Армин» («Фийка луй Дечебал ши Армин Кынтэрецул»), «Жестокий человек и его дочери» («Пэгынул ши фийчиле сале») представляют собой свободный и местами творческий перевод романтических баллад Жуковского «Эолова арфа» и «Двенадцать спящих дев» (первая часть — «Громобой»). Причем Стамати внес в переводы много изменений, отвечающих его мировоззрению.

Стамати стремится придать балладам местный колорит. Так, действие баллады «Дочь Децебала» происходит в Дахии¹, находившейся под властью Децебала². Бедный певец Армин любит не дочь гордого Ордала, как у Жуковского, а дочь Децебала, который, придерживаясь кастовых предрассудков, разрушает счастье молодых. Минвана не выносит разлуки и умирает. И только после смерти, по ночам, под заветным дубом их тени встречаются:

Агунч жемэзате,
Доуэ умбре вин,
Салтэ ынтурлокате.
Стежарул се мишкэ
Арфа сунэ лин.

Тогда, словно близнецы,
две тени проходят,
движутся, обнявшись.
А дуб колышится
и арфа тихо звучит.

Но если у Жуковского смерть героини вызывает у читателя только чувство сожаления:

...И Странник унылый
Завтра придет
И спросит: где милый
Цветок мой!.. и более цветка не найдет³,

то у Стамати его героиня Минвана обвиняет в смерти «жестокотого отца».

...Ши мыне крудул Татэ
Ва плынже амар
Гэсинду-мэ моартэ,
Дар але луй лакримь вор фи ынээдар⁴.

(«А завтра, найдя меня мертвой, жестокий отец горько будет плакать, но напрасны будут его слезы»).

Действие второй баллады происходит на берегу Днестра (у Жуковского — на берегу Днепра), но установить, к какому веку оно относится невозможно. Как и Жуковский, автор

¹ В древности — населенная даками область, занимавшая территорию Трансильвании, Малой Валахии, частично Великой Валахии и Баната.

² Вождь племени даков, возглавивший их борьбу с Римом (конец I — начало II вв.).

³ Избр. произведения Жуковского, стр. 93.

⁴ К. Стамати, Опере алесе, паж. 91.

совершенно не обращает внимания читателя на обстановку, общественную среду, в которой действуют его герои. Да и сами герои люди без определенных характеров. Это скорее всего человеческие тени, призраки.

Основным содержанием этих баллад Стамати является раскрытие внутреннего мира человека, мира сердечных чувств. Баллады окрашены в мистические тона. Они пронизаны мыслями о потустороннем вечном блаженстве. Все это, безусловно, черты пассивного романтизма.

Тот же отпечаток лежит и на некоторых других стихотворениях Стамати этого периода — «Лодка на суше» («Лунтра пе ускат»), «Старости» («Бэтрынецеле») и других.

Часть романтических произведений К. Стамати проникнута скорбью и страданием. Поэта постигло тяжелое горе, он потерял сердечного друга — любимую, молодую красавицу-жену. Поэтому он скорбит и страдает. Скорбь у него неисцелима, страдания нечеловеческие. Об этом свидетельствуют стихотворения «Воспоминание» («Адучеря аминте»), «Ничтожный» («Немерникул»).

К этим романтическим стихотворениям и балладам К. Стамати вполне применима следующая меткая характеристика Белинского, данная им романтизму Жуковского:

«...Что такое этот романтизм? Это — желание, стремление, порыв чувств, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченному счастью, которое бог знает в чем состояло; это — мир, чуждый всякой действительности, населенный тенями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тем не менее неуловимыми, это — унылое, медленно текущее, никогда не оканчивающееся настоящее, которое оплакивает прошедшее и не видит перед собой будущего: наконец, это — любовь, которая питается грустью и которая без грусти не имела бы чем подержать свое существование»¹.

Для романтических произведений К. Стамати характерна религиозная направленность, которая внушала читателю примирение с действительностью и веру в «загробную жизнь». В этом ограниченность творчества К. Стамати этого периода.

Следует, однако, отметить, что в отдельных стихотворениях Стамати этого периода выступают и мотивы социальной несправедливости. Так, в стихотворении «Для бедных» («Пентру сэрачь») Стамати указывает на социальное неравенство, существующее в современном ему обществе — одни живут в нужде и нищете, а другие живут в роскоши и о бедных не заботятся.

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 150—151.

Преодолеть увлечение бесплодным мистическим романтизмом Жуковского и перейти к прогрессивному романтизму, а затем и к реализму К. Стамати помогло знакомство с передовой русской литературой, в частности личное знакомство с А. С. Пушкиным и с его творчеством. Творчество Пушкина служило для Стамати, как и для других молдавских писателей этого периода, образцом патриотического служения своей Родине. Под воздействием Пушкина молдавские писатели обращались к социальным, патриотическим, народным темам. Влияние Пушкина на творчество К. Стамати чувствуется и в выборе тем, и в их трактовке. Пушкинский реализм побуждал Стамати глубже всматриваться в окружающую действительность и искать в ней ответы на животрепещущие вопросы, видеть и бичевать пороки современного ему общественно-политического строя. У Пушкина научился он любить свой народ, раскрывать его героическое прошлое.

Уже в «Имнул лэутей ромынешть», подобно молодому Пушкину («К другу-стихотворцу»), Стамати ставит перед собой вопрос как о существовании своей поэзии, так и о месте и значении поэта в обществе. Стамати указывает, что долг поэта — воодушевить сердца патриотов на благородные дела, пробуждать у современников национальное самосознание, воспевать перед своими согражданами героические подвиги предков.

Идея служения народу, обществу, родному краю становится основной в творчестве К. Стамати.

В эпической балладе «Драгош», сюжет которой взят из эпохи становления Молдавского государства, дан образ смелого молдавского легендарного богатыря Драгоша, разыскивающего красавицу Докию, похищенную волшебником Вронцей. Приключения героев в этой балладе имеют глубокий смысл. Речь идет о борьбе молдавского народа против врагов, поработивших Молдавию. Поэтому неправы те критики-формалисты, которые видели в этой балладе простое повторение поэмы «Руслан и Людмила», сюжет которой взят из эпохи Киевской Руси.

В лице Драгоша дан образ молдавского народа. В нем чувствуется сила, простота, ясность мыслей, любовь к своей отчизне. В образе прекрасной Докии воплощен образ родины, за освобождение которой и борется Драгош — народ. Оба эти образа нарисованы автором с большой любовью, наделены лучшими национальными чертами.

Врагов родины поэт рисует даже внешне отталкивающими. Взгляд у Вронцы похож на ночную комету («ка кометул ноаптя»), «волосы и борода торчали, как камыш» («Яр плетеле, барба ста цапэн ка стухул»)¹, но страшнее всего то, что он

¹ Biblioteca scriitorilor români, C. Stamati, Poezii si proză, Institutul de arte grafice și editură «Minerva», București, 1906, стр. 224

только тем и существует, что пьет людскую кровь, наслаждается муками и гибелью людей.

Дар ел (Вронца — А. П.) де Докия се ынсуфлецяэ
Кэ ел ал ей сынже суже де трэште...¹².

С лютой злобой набрасывается на Драгоша Вронца. Но Драгош не знает страха, не поддается вражеской силе и поэтому побеждает его.

Значительное место в балладе уделяется описанию природы. Пейзажи являются здесь не только фоном, на котором развиваются события и рельефнее выступает поведение и настроение героев, но имеют непосредственное отношение к развитию действия. Природа у Стамати полна динамики и жизни.

Осуждение зла и несправедливости нашло свое яркое и более полное выражение в поэме Стамати «Сказка сказок» («Повесть повештелор»), которая занимает особое место в его творчестве. Тема этой поэмы во многом напоминает «Руслана и Людмилу». Но дело здесь не только в сходстве сюжетов, эпизодов, как утверждали румынские буржуазные исследователи и критики П. Ханеш³ и другие, а в общности идей борьбы между добром и злом. Влияние великого русского поэта на поэму «Сказка сказок» выразилось как в общности темы, так и в том, что Стамати, подобно Пушкину, обращается к устному народному творчеству и народным сказкам. Поэма построена на мотивах и образах, почерпнутых из молдавского народно-сказочного творчества, а также из молдавской летописной литературы. В поэме показан героизм молдавского народа в борьбе против татар.

В этой поэме герои уже выступают не как тени и призраки, подобно «Пэгынул ши фийчиле сале», а как живые, полнокровные люди, наделенные определенными характерами.

Так, например, Богдан — главное действующее лицо поэмы — храбр, решителен, обладает богатырской силой. Он суров и беспощаден к своим врагам. В жестоком бою Богдан убивает татарского хана и на своей свадьбе пьет из черепа хана вино. В то же время он добр, отзывчив и великодушен по отношению к друзьям, защищает слабых, «хорошо» относится к народу. В этом проявляется идеализация образа Богдана. Его образу писатель стремится придать черты внешнего исторического правдоподобия (одежда, снаряжение, обычаи и т. д.).

Особенно верно сумел автор показать безобразный, омерзительный облик татарских орд, которые грабили, убивали, жгли и уничтожали все на своем пути. Средства изображения

¹ Biblioteca scriitorilor români, C. S t a m a t i, Poezii și proză, Institutul de arte grafice și editura «Minerva», București, 1906, стр. 221.

² «Но он (Вронца — А. П.) Докней воодушевляется, так как он жвет ее кровью...»

³ P. H a n e ș, Scriitori basarabeni, București, 1920, стр. 236—246.

остаются во многом еще романтичными. Коварная лесная фея пленяет Богдана своей необычайной красотой, но когда ему удается снять с ее руки браслет, он видит перед собой страшную старуху-ведьму. Таким образом, автор вскрывает отвратительную суть этой обманчивой красоты. В образе молодой цыганки-колдуньи Стамати показал сочетание противоположных черт, которые и манят Богдана и одновременно вызывают отвращение. Все эти темные дьявольские силы оказываются все же слабее народа. В поэме добро торжествует над злом.

Рисуя фантастический мир, Стамати сумел показать вместе с тем и картины реальной жизни, народные обычаи и борьбу молдавского народа против татарских орд.

Особенно положительной чертой «Сказки сказок» является то, что автор впервые в своем творчестве ввел в поэму нового героя — народ, как непобедимую силу. Вооруженный косами, вилами и топорами, молдавский народ ведет героическую борьбу против татарских поработителей, преследует и уничтожает отступающие орды.

Таким образом, К. Стамати начинает уделять больше внимания народу, начинает сознавать, что в судьбе родины немаловажную роль играет народ. К таким выводам приходят и другие писатели этого периода. Так, К. Негруци заставляет господаря А. Лэпушняну считаться с силой и гневом народных масс и отдать им на расправу жестокого боярина Моцока в повести «Александру Лэпушнянул». Г. Асаки в своей новелле «Белая долина» напоминает о народных героях, павших на поле битвы. Мысль о народе, как об основной движущей силе общества, постепенно становится одной из ведущих тем молдавской литературы. Наиболее полного выражения эта тема достигает в баснях К. Стамати, А. Донича, в произведениях А. Руссо и других писателей.

Когда в 1837 г. умер Пушкин и всенародное горе охватило страну, некоторые молдавские писатели — ученики Пушкина — откликнулись на смерть поэта-учителя своими переводами его бессмертных произведений.

К. Стамати переводит первую южную романтическую поэму «Кавказский пленник» (у Стамати «Пленник из черкеса») (1837 г.), в основу которой положена актуальная в ту пору проблема отношений между личностью и обществом, столкновение вольнолюбивого героя с неудовлетворяющим его общественным строем.

Тема протеста сильной, гордой личности против окружающей затхлой среды и уход от нее в поисках счастья и свободы находит свое воплощение и в поэме Стамати «Роман из Бранчи». Она написана под влиянием пушкинских «Цыган».

Главный герой поэмы «Цыганы» Алеко, недовольный жизнью городского общества, ненавидящий «неволю душных городов», оставляет высший свет и ищет счастья среди вольных

цыган, которые радушно его принимают. Цивилизованный европеец Вальтер (француз) из поэмы К. Стамати «Роман из Вранчи» находит убежище среди горных жителей-пастухов, у простых людей, не тронутых еще пороками европейской цивилизации. Вальтер очарован их добротой и гостеприимством, красотой природы, песнями и дойнами пастухов, молдавской музыкой. Он забывает «Европу и ее развращенность», остается жить среди свободных людей. Таким образом, конфликт между личностью и обществом находит у Стамати свое разрешение. Идеал Стамати — патриархальная жизнь, тогда как Пушкин, становившийся в пору написания «Цыган» реалистом, сознавал, что идеал опрощения не может разрешить общественного конфликта.

В поэме Стамати мы находим и другой конфликт, в какой-то мере противопоставленный бегству Алеко из петербургского света. Главный герой поэмы, Роман, сын господаря горцев Шолтуза, уезжает из гор в цивилизованный мир, в Яссы. Его поражает здесь все: и высокие дома, и мощные улицы, и множество людей, праздно шатающихся по городу, красивые женщины. Роман влюбляется в красавицу, но она привыкла к пустому, пошлому образу жизни. Каждый день она меняет поклонников, не верит в любовь и смеется над чувством Романа. Роман видит всю гнилость, развращенность этого «цивилизованного» мира, основанного на угнетении народных масс, где господствуют эгоизм, паразитизм, пошлость. Он оставляет этот мир, но, отравленный язвами «цивилизации», умирает.

Роман является как бы антиподом Алеко, хотя оба они даны во всей полноте жизненных противоречий, каждый из них является представителем своей общественной прослойки.

Несмотря на то, что Стамати, исходя из романтических представлений о патриархальном образе жизни, идеализирует горцев, все же поэма содержит и реалистические элементы. Правдиво описываются внутренний мир героев, их душевные переживания. Верно изобразил автор пустоту и извращенность господствующего класса. Реалистические элементы содержатся также и в описании бытовой обстановки.

Значительным шагом к реализму в творчестве К. Стамати является его поэма «Гафица, проклятая родителем» («Гафица, блэстэматэ де пэринць»). Эта поэма по своему сюжету до некоторой степени сходна с повестью Пушкина «Станционный смотритель».

В поэме Стамати рассказывает о судьбе бедной крестьянской семьи. Гафица — единственная дочь и единственная радость в жизни родителей. Но они не смогли уберечь ее — сын богача увозит девушку. Старик пытается проникнуть в дом богача и убедить дочь вернуться домой, но она к нему даже не вышла. Его выгаливают на улицу. Убитый горем, отец возвращается в свою нищую избу.

Крестьяне-бедняки у Стамати, как и Вырин у Пушкина, являются жертвами социальной несправедливости. Но, если Дуня у Пушкина оказывается все же счастлива с гусаром, то Гафица у Стамати становится очередной жертвой развращенного богача.

В этой поэме уже нет прежней идеализации патриархальной жизни, как в поэме «Роман из Вранчи». Героями в этой поэме выступают люди низов, рядовые, незаметные труженики — бедные крестьяне, изображение которых только входило в литературу. Стамати с глубоким сочувствием и любовью изобразил бедную крестьянскую семью, над которой надругался развращенный богач. В этом реализм поэмы «Гафица». Надругательства богача над дочерью крестьянина-бедняка раскрывается как типическое явление. Об этом говорит эпитафия поэмы, слова которого взяты автором из народной песни.

Ый десарэ доамнэ'н царэ,
Тоатэ ноаптя ымперэтрицэ,
Ын зорь ка о вэдувицэ,
Амязэ кэлугэрицэ¹.

Под вечер госпожой в стране,
Всю ночь — императрицей,
На рассвете — вдовой,
В полдень — монахиней.

В этой поэме автор обнажил противоречия современной ему действительности, показал социальное неравенство, узаконенное тогдашним общественным строем.

Реалистически написана и поэма «Наполеон». Следует отметить, что Стамати — первый и единственный писатель в молдавской литературе, который изобразил личность Наполеона и его характер. Он приближался в ее оценках к тем взглядам, которые высказывали Пушкин и Лермонтов.

Значительный шаг к реализму сделал К. Стамати в своих сатирических произведениях, эпитафией к которым он избрал следующие слова:

Ку дофторие амарэ
Ачел болнав ынвиазэ,
Ку критикэ ши окарэ
Реул морал се'ндриптязэ².

Горькими лекарствами
Больной человек вылечивается,
Критикой и бранью
Плохая мораль исправляется.

В своих сатирических произведениях он клеймил жадность, эгоизм, невежество и подлость молдавских и валашских бояр, жестоко высмеивал их моральное разложение, их преклонение перед всем чужестранным.

Таким образом, на примере творчества Стамати можно наблюдать, какое могучее прогрессивное влияние оказал Пушкин на молдавскую литературу.

¹ К. Стамати, Опере алесе, Едитура де Стат а Молдовеи, 1953, паж. 97.

² Там же, стр. 271.

В. М. ГАЦАК

НЕГРУЦИ И ПУШКИН

Летом 1822 г. во время пребывания А. С. Пушкина в Бессарабии, с ним встретился приехавший в Кишинев из Запрутской Молдавии К. Негруци. Об этой встрече, которая, по его словам, произвела на него «неизгладимое впечатление», Негруци рассказывает в письме «Калипсо», датированном сентябрем 1839 г.¹ Как видно из этого письма, у К. Негруци и Пушкина сложились довольно близкие отношения. «Пушкин любил меня» — читаем в письме.

И Негруци отвечает Пушкину тем же чувством — никогда не забывает он своего учителя, и на закате жизни, в 1866 г., в одной из последних своих статей, снова называет имя Пушкина.

Об отношении Негруци к Пушкину можно сказать его же словами: «Дружбою может называться то чувство, которое рождается из встреч, пополняется и растет с помощью дел и обязательств одного к другому, то, что не подчинено забвению на расстоянии и не подходит под поговорку, гласящую: «глаза, которые долго не встречаются, забывают друг друга». Имя Пушкина и его творчество навсегда осталось для Негруци дорогим и близким. Он изучает русский язык, и, бывая неоднократно в Бессарабии, следит за публикациями произведений

¹ Письмо «Калипсо» публиковалось в России: дважды в «Бессарабских областных ведомостях» — в 1866 г. (№ 44) в переводе Г. Г. (очевидно Г. Горе, редактора газеты) и в 1869 г. (№№ 97, 98) в переводе Мавродиади. Затем печаталось в журнале «Исторический вестник» в 1884 г. (№ 1—2) в переводах Кирова, в газ. «Южное обозрение» 1899 г. 23 мая, № 817, стр. 10. и, наконец, в одесском сборнике Яковлева «Отзывы о Пушкине с юга России», где была перепечатана первая публикация «Бессарабских областных ведомостей».

Пушкина, становится одним из первых его переводчиков. Эти переводы публиковались как в Молдавии, так и в Валахии. Они сыграли важную роль в популяризации творчества Пушкина. Понимая, очевидно, их значение, Негруци именно эти переводы переиздавал наибольшее число раз.

Благотворное влияние Пушкина сказалось и на оригинальном творчестве Негруци, на культурно-общественной его деятельности.

В. Александри, прогрессивному румынско-молдавскому писателю, принадлежит правильное определение влияния Пушкина на Негруци. В. Александри указывает, что пушкинское творчество способствовало появлению у К. Негруци «богатства новых идей, гармонических стихов и чисто национального стиля».

И действительно, большой материал для исследователя представляет связь общественных, культурных, художественных взглядов Негруци и Пушкина, их отношение к устному народному творчеству, переводы К. Негруци произведений Пушкина, пушкинская традиция в произведениях Негруци.

Но надо признать, что в этом направлении сделано еще очень мало. Сейчас данный вопрос изучается с подлинно научных позиций как в СССР, так и в Румынской народной республике.

В настоящей работе рассматривается лишь часть всей проблемы «Негруци и Пушкин», а именно переводы пушкинских произведений, сделанные Константином Негруци.

Как художник К. Негруци развивался от романтизма к реализму, но никогда не стоял на позициях реакционного романтизма.

В первой же романтической повести Негруци «Зое» мы находим элементы реализма, что неоднократно отмечала критика.

Через два месяца после написания этой новеллы (датованной апрелем 1829 г.), Негруци пишет одному из своих друзей о коренной перемене в настроениях, о том, что он «забыл розовые занавески». Негруци отказывается от романтических мечтаний, от романтических устремлений в творчестве. Именно с указанным поворотом в настроениях Негруци должно связываться и его решение говорить правду во всей ее простоте. Об этом он сообщает на одной из первых страниц другой своей новеллы—«Скачка» (1836 г.). Это был новый шаг писателя по пути к реализму.

В дальнейшем переход писателя на позиции реализма становится все более решительным. В короткий срок он создает целый цикл писем «Черным по белому», обильный реалистическими зарисовками.

Первым и непревзойденным образцом реалистического про-

изведения в молдавской и румынской прозе XIX в. является его историческая повесть «Александру Лэпушнянул». Ее успех обусловлен был в первую очередь влиянием общественной жизни, в данном случае — условиями назревавшей буржуазно-демократической революции 1848 г., затем усвоением традиций национальной классической литературы, устного народного творчества и, наконец, благотворным влиянием классиков мировой литературы, в особенности русской.

В самом деле, изображение в повести моментов жизни, равнозначных, как говорил В. Александри, социальной революции, говорит о воздействии общественно-политического подъема на писателя. Обращение к историческому прошлому страны, порембрантовски суровые картины эпохи, — вот влияющие традиции исторической литературы XVII—XVIII вв. Богатство образительных средств, сочность языка — результат систематического изучения Негруци народного творчества. А во внимании к народу, впервые выступающему в произведении писателя, в изображении соотношения бояр—господаря—народа, — во всем в этом чувствуется благотворное влияние пушкинского «Бориса Годунова».

Особенно большое значение для роста Негруци как художника-реалиста имела его работа над переводами из Пушкина. Решительный переход к реализму, сказавшийся в цикле писем «Черным по белому», произошел как раз тогда, когда поэт переводил произведения Пушкина.

Из пушкинских произведений первым было переведено Негруци стихотворение «Черная шаль»¹.

Интерес Негруци к стихотворению Пушкина, которое рождено молдавской народной песнью, особенно показателен в свете той полемики, которая возникла вокруг «Черной шали». По утверждению Полевого, «Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его «Черную шаль». Другие же литераторы недооценивали это пушкинское стихотворение. В журнале «Вестник Европы» в 1824 году некий Н. Д. утверждал, что «Черная шаль» — всего лишь «красивая безделка» и сожалел, что Верстовский потратил силы на написание к ней музыки»².

Полемика вокруг «Черной шали» не была вызвана простым расхождением вкусов, а носила принципиальный характер. Вот почему отрадно констатировать правильную позицию Негруци в этом вопросе. Чувствуя народность «Черной шали», он взялся за ее перевод.

¹ Мы не знаем, каким изданием пользовался Негруци, переводя «Черную шаль». Есть основание предполагать, что это был журнал «Сын отечества», ч. 69, 1821, № 15, поскольку только в этом варианте в первой строке были слова: «смотрю в безмолвьи», в остальных же читаем: «смотрю как безумный».

² См. «Литературное наследство», т. 58, стр. 338—339.

Читаем первую строфу перевода:

Ла шадул чел негру мэ уйт ын тэчере
Ши суфлету-мь рече е немынгиат.
(На чёрную шаль смотрю я в безмолвьи
И хладная душа моя безутешна).
У Пушкина: Смотрю я в безмолвьи на черную шаль
И хладную душу терзает печаль.

Первая строка пушкинского текста и первая часть второй строки «И хладную душу» переданы точно. Но двум словам «терзает печаль» соответствует:

...е немынгиат,
Пентрукэ де жале, де кин ши дурере
Есте сфышият.
(Не знает покоя, так как от жалости,
муки и боли она разрывается).

Эти строки дополняют предыдущую, раскрывая содержание пушкинского текста.

Но читая дальше, видим еще одно двустишие, уже совсем не связанное с оригиналом:

Еу астэз ла луме а спуне воеск
Дин каре причинэ кумплит пэтимеск.
(Сегодня миру рассказать желаю,
Почему так тяжело я переживаю).

Данные строки введены, очевидно, чтобы полнее передать смысл пушкинского стихотворения и создать такую же, как у Пушкина, строфу с парной рифмой. Примерно также построены переводы следующих строф, то есть одно пушкинское слово передано целым выражением. Это объясняется тем, что Негруци стремится как можно полнее передать каждое выражение оригинала, а в поисках образительных средств он иногда ошибался, допуская обилие излишних эпитетов.

И, действительно, настоящая выразительность достигается не путем насыщения эффектными эпитетами, а путем поисков одного простого, но самого содержательного и выразительного в данном случае слова.

Метрику К. Негруци старался сохранить, переводя стихотворение амфибрахийем, но размер у него не всюду идеален, как у Пушкина. Иногда строка начинается ударным слогом, чего мы не встречаем у Пушкина. Особенностью перевода Негруци является то, что у него строфа состоит не из двух, как у Пушкина, а из четырех строк, со скрещивающейся рифмой: первый стих с женской рифмой отвечает третьему стиху, второй с мужской — четвертому. Кроме того, четвертый стих сокращен до двух неполных стоп. Лишь пятая и шестая строки перевода составляют по существу отдельную строфу, построенную по пушкинскому образцу. Этот факт говорит о том, что Негруци

была под силу двухстрочная строфа. Не формальные затруднения заставляли Негруци переходить к четырехстрочной строфе, а ему просто хотелось возможно полнее передать именно таким путем содержание «Черной шали», настоящей поэмы, как он ее называл.

Известно, что В. Александри назвал перевод Негруци достойным оригинала. Действительно, с точки зрения тогдашнего уровня культуры языка Негруци сделал все, что было в его силах. В самом деле, для тогдашней поэзии, в которой господствовали громоздкие и неуклюжие шестнадцатистопные произведения, перевод Негруци был известным шагом вперед.

У Негруци мы находим два стихотворения — «Ревность» и «К Марии», которые давно связываются с пушкинскими «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»

Некоторые исследователи склонны рассматривать эти два стихотворения Негруци как свободные переводы из Пушкина. Так, румынские авторы Георге Безвикони и Скарлат Қалимали (см. книгу «Пушкин в изгнании», Бухарест, 1947 г.) утверждают, что стихотворение «К Марии» не могло быть посвящено невесте Негруци, поскольку это перевод пушкинского стихотворения, а перевод не может менять адресата.

В действительности эти стихи не перевод, а скорее всего вариации на пушкинские темы, то есть по существу самостоятельные произведения. Оба стихотворения убедительно показывают, что Пушкин был для Негруци учителем и в области поэзии.

Первое из названных стихотворений Негруци «Ревность» было опубликовано 6 августа 1839 г.

В пушкинском стихотворении — целая динамическая гамма чувств: и сомнения любящего человека, и их самоосуждение, и вопрос — просьба «простишь ли мне ревнивые мечты», и желание, чтобы никто и ничто не мешало любви.

Сомнениям любящего человека посвящено и стихотворение Негруци. Его герой опасается, как бы кто-либо другой не стал его соперником. Его беспокоит и мысль: не было ли у его любимой другого возлюбленного? Вместе с тем он чувствует, что не сможет жить без любимой.

Негруци идет по пушкинскому пути, но он вводит некоторые собственные образы: луна, блеснув, ныряет в облаках, осипший сверчок поет, спрятавшись в цветах.

Правда, у Негруци гамма чувств значительно проще и выражена намного слабее, с излишними длиннотами. Слабостью автора является и финальная реплика «и чувствую, что умру».

Стихотворение Негруци, как и пушкинское, написано ямбом. Различие здесь только в построении строфы. У Негруци не перекрестная, а парная рифма. Кроме того, размер не всегда чистый (иногда встречаются лишние слоги).

Другое стихотворение, «К Марии», Негруци посвятил своей невесте, Марии Гане. Негруци, как и Пушкин, обращается к молодой девушке с просьбой ни о чем его не спрашивать. Но в трактовке и этой темы у него есть свои особенности.

Из слов лирического героя узнаем, что он живет тяжело и не был среди тех, которые, «ослепленные дымом славы, покупают себе имя, продавая сознательность и бога своего». Поэтому он «в трудностях живет, лишенный всех людских удовольствий». Но одновременно он готов перенести эти трудности, лишь, бы не быть «средством в зле человеческом». И не трудности,— читаем дальше,— вызывают вздох, а чувство, любовь. Это чувство так сильно, что герой заявляет: «все кажется хорошим, лишь бы быть с тобой рядом».

Дубрава, река, поля
Вечерняя лазурь небес.
И ты со мною рядом,—
Большого счастья в мире не желаю...

В формальном отношении пушкинское стихотворение очень сложно: здесь все виды рифм. У Негруци строфы — со скрепляющейся рифмой. Размер стиха у обоих поэтов — ямб (у Негруци он более тяжелый, в строке 7, а то и 8 стоп вместо шести).

Таким образом, оба стихотворения Негруци представляют собою свободную обработку пушкинских тем. И хотя стихи значительно слабее пушкинских, в смысле формы, — слабее перевода «Черная шаль», они важны тем, что, создавая их, Негруци учился у Пушкина выбору темы и средствам ее воплощения.

Анализ как перевода «Черной шали», так и стихотворений «Ревность», «К Марии», подтверждает мысль В. Александри о том, что Пушкин помогал Константину Негруци создавать гармонические стихи с новыми идеями в чисто национальном стиле.

«Кирджали», или, по Негруци, «Кыржалиул» — единственный перевод молдавского писателя из прозы Пушкина.

«Кирджали» — мастерский рассказ действительного события» (Белинский). Поскольку описание Пушкиным события имели место в Молдавии, это предопределило интерес Негруци именно к этому произведению.

«Кирджали» — лучший перевод Негруци из Пушкина и шаг вперед в развитии переводов в молдавской и румынской литературе. Он и сейчас может служить примером в этом смысле.

Негруци очень хорошо понял главное — реалистическую направленность пушкинской повести. В переводе блестяще передан образ народного мстителя болгарина Кирджали.

Кирджали не был молдаванином. Пушкин таким образом помогал Негруци проникнуться симпатией к представителю

другой национальности. Переводя Пушкина, Негруци учился у него любви к народам. Читая перевод Негруци, как живого видим пушкинского Кирджали, портрет которого блестяще передает Негруци.

Негруци тщательно работал над языком перевода, добиваясь большой выразительности, живости, простоты. Некоторые выражения он переводит очень удачными эквивалентами идиоматического порядка («резались ятаганами» — се думикау ку ятаганете). Точно переданы и слова с абстрактным содержанием «неосторожно» — ку атыта несокотинцэ. Есть в переводе и удачные кальки: «трогательная истина» — атингэторул адевер, а также некоторые свободные переложения. В нескольких местах, где у Пушкина отсутствуют турцизмы, переводчик ввел их, ибо они были тогда и в молдавском языке. Так, он употребил слово «фележе» со значением «маленькие чашечки для кофе».

Негруци изменяет имена в соответствии с молдавским произношением (Кыржалиул, Софиано, Контогуни вместо Кирджали, Софианос, Кантогони. Переводя слово «чиновник», дает как соответственное «ымпегат» и в скобках «чиновник». Видно, что он выбирал наиболее подходящие слова.

Между прочим, и здесь Негруци обнаруживает правильное понимание Гетерии, переводя выражение Пушкина «обнародовал возмущение» через «прокламы революции»¹.

Понятно, что такая работа давалась не легко Негруци. В нее вложено много труда и любви. Ведь современная Негруци проза была развита слабо, и ему могла помочь лишь классическая литература.

Имеются в переводе и некоторые, правда незначительные, ошибки. Так слово «ослушник» Негруци перевел через «слуджь» — слуги, не уловив очевидно, что слово «ослушник» происходит не от глагола служить, а послушаться. Есть и некоторые неточности: вместо «охотского полка», к примеру, говорится просто «один полк». Иногда Негруци, отдаляясь от оригинала, соединяет простые пушкинские предложения в одно сложное, вводя подчас герундив. Но это недостатки частного, второстепенного характера.

Перевод «Кирджали» был для Негруци замечательной школой изображения характеров, драматических ситуаций. На примере «Кирджали» Негруци учился умению кратко передавать основную суть событий эпохи. Интересно и сходство метода, заключающегося в том, что сначала писатель говорит о тех или иных событиях эпохи, как бы издали осматривая их, а затем приближает объектив к действию и дает сцену жизни. Так,

¹ В «Калипсо» Негруци также употребляет выражение «греческая революция». При переводе «Калипсо» на русский язык (1866 г.) это выражение смягчено — «восстание греков».

у Пушкина говорится о Кирджали, о его делах, потом рисуются отдельные моменты, показывается портрет героя и живая сцена: отправление Кирджали в Яссы.

В повести Негруци «Александру Лапушнянул» тот же прием: сжато сообщается о некоторых событиях, а потом показываются отдельные конкретные моменты из жизни Лэпушняну.

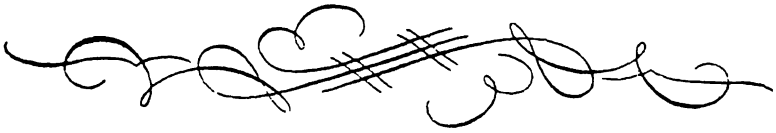
Как справедливо отмечает современный советский критик В. П. Коробан, перевод новеллы «Кирджали» учил Негруци рисовать типические образы в типических обстоятельствах с помощью деталей, учил использовать местный колорит для передачи исторической правды.

«Кирджали» был для Негруци школой и в идейном смысле. Кирджали действительно не был романтическим героем. Это был рядовой борец за освобождение своей родины от турецкого ига. Негруци лишний раз убеждался, какой суровой является социальная борьба. Именно понимание этой стороны борьбы мы видим в новелле «Александру Лэпушнянул».

Еще Конст. Стамати признавал необходимость «советоваться с тем, что написано раньше другими». Поэтому почти все писатели, в том числе и Негруци, начинали творчество с переводов. На путях освоения лучших образцов литературы, передового метода речь шла, конечно, не о слепом подражании сюжетам классических произведений. Передовые молдавские литераторы считали, что надо учиться писать оригинально, в национальной форме, поднимая актуальные вопросы действительности. Так считали М. Когэлничану, Н. Бэлческу, А. Руссо, Б. Александри, Гр. Александреску.

Переводы еще не составляют литературы.— писал Мих. Когэлничану. На этих же позициях стоял и К. Негруци: «Пример нужен нам только для метода. Мы же должны творить, сообразуясь с сущностью нашего языка».

Переводы произведений Пушкина, выполненные К. Негруци, должны рассматриваться не в узком плане поисков сюжетных заимствований, а в их выражениях творческого освоения наследия великого русского писателя, продолжения и развития его традиций сообразно особенностям национальной культуры.

К. Ф. ПОПОВИЧ

ЭМИНЕСКУ и А. С. ПУШКИН

Среди произведений классиков мировой литературы, интересовавших Михаила Эминеску, одно из видных мест занимает творчество А. С. Пушкина.

Документом, свидетельствующим о том, что М. Эминеску был знаком с творчеством А. С. Пушкина, является его письмо, адресованное ясскому профессору Новляну. Это письмо было отправлено поэтом в 1885 г. из Одессы, где он находился на лечении.

Касаясь произведений Пушкина, с которыми он впервые ознакомился в оригинале, Эминеску писал: «Дочь моего врача (речь идет о враче Якимовиче — К. П.) доставила мне большую радость: она принесла мне стихи Пушкина «Черная шаль», «К Овидию», «Моцарт и Сальери», «Евгений Онегин», «Цыганы» и др. Я попросил достать мне русско-немецкий словарь.

Вначале мне было довольно трудно читать, но благодаря тому, что в детские годы знал славянский язык, чтение наладилось. Теперь я не одинок. Я нашел друга, великого друга...

Друг Пушкин (а поэты остаются друзьями и после смерти, — пишет дальше Эминеску) своей потрясающей силой заставил меня забыть о неприятностях, вызванных болезнью и плохой погодой...

Что сказать тебе, дорогой приятель?.. Ты не представляешь, какое удовольствие для меня расшифровывать стихи Пушкина... И скажу тебе правду: теперь я не чувствую себя одиноким, я нашел себе товарища, язык которого я не могу еще вполне охватить, но представляю себе его прекрасное творчество.

Ты не представляешь себе, как восхищает меня лирика Пушкина, искренняя, полная свежести и вдохновения. Меня

Картина Б. И. Лебедева «Пушкин и Стаматн».

преследуют его стихи, я не могу освободиться от них — этого источника живой воды, благородного мечтания...»¹.

Больше того, в период своего пребывания в Одессе Эминеску переводит с русского языка на румынский такие стихотворения Пушкина как «К Овидию» и «Памятник». Вольный перевод пушкинского стихотворения «К Овидию» Эминеску посылает тому же профессору Новляну.

В 7 номере журнала «Viața Basarabiei» («Бессарабская жизнь») за 1942 г. были впервые опубликованы два письма М. Эминеску, относящиеся к периоду его пребывания в Одессе.

Одно из них, почти совершенно не известное исследователям поэта, представляет собой большой интерес.

Во-первых, оно свидетельствует о том, что М. Эминеску был дважды в Одессе (письмо датировано 15 июля 1886 г.), а во-вторых, и это самое главное, содержит новые сведения о степени знакомства поэта с творчеством А. С. Пушкина.

Обращаясь к своему старому другу профессору Новляну, М. Эминеску писал: «Не знаю, получил ли ты и передал ли Крянгэ² для обработки в его стиле переводы следующих сказок: «Золотой петушок», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Мы (то есть М. Эминеску и И. Крянгэ — К. П.) решили издать совместно сборник сказок для детей и, пребывая здесь в одиночестве, где парюсь в грязи, я удостоился перевести эти сказки Пушкина.

Ты поинтересуйся и узнай, что он делает и когда приступит к работе, ибо осенью я думаю найти в Яссах или Бухаресте издателя, который бы напечатал их...»³

Из этого следует, что помимо произведений «К Овидию» и «Памятник» М. Эминеску перевел все сказки великого русского поэта.

К сожалению, сказки А. С. Пушкина в переводе М. Эминеску и обработке И. Крянгэ не были изданы. Надо полагать, что болезнь поэта, еще более усложнившаяся осенью 1886 г., помешала ему осуществить свой план. Не сохранилась или по крайней мере неизвестно, куда девалась и сама рукопись переводов.

Последние материалы, опубликованные в Румынии, дают право полагать, что эта рукопись, как и многие другие, была утеряна. Немалый интерес в этом отношении представляет собой статья «Эминеску и Трансильвания», опубликованная в

¹ Octav Minar, Puskin și Eminescu, журнал «Cele trei Crișuri», 1936, № 1—2, стр. 21.

² И. Крянгэ — классик молдавской и румынской литературы, современник и друг М. Эминеску.

³ «Viața Basarabiei» № 7, Iulie, 1942.

1950 г. в «Almanahul literar» («Литературный альманах»), издаваемом клужским филиалом Союза румынских писателей. Автор этой статьи, Эмиль Исак, сообщает о том, что еще в 1921 г. писатель Иоан Славич, один из близких друзей поэта рассказывал ему о том, что «Эминеску переводил Пушкина и что у него была целая тетрадь переводов из Шиллера, Лермонтова, Пушкина и Гейне. Эта тетрадь была потеряна так же, как и оригинал произведения «Лучафэр»¹.

О втором письме, адресованном поэтом профессору Новляну в 1886 г., не могло быть и речи, так как впервые оно было опубликовано в 1942 г. Кстати, о нем нигде не упоминается и в послевоенной литературной критике².

Следовательно, единственным материалом, служившим до сих пор доказательством того, что М. Эминеску был знаком с творчеством А. С. Пушкина, являлось письмо 1885 г.

Если ранее это письмо было мало кому известно, то в послевоенный период оно оказалось в центре внимания многих исследователей. Некоторые из них в своем стремлении «обыграть» этот факт, впадали в другую крайность, преувеличивая значение и роль Пушкина в творчестве Эминеску. Так, например, автор работы «Пушкин и молдавский народ» И. Инжеватов, комментируя письмо Эминеску в отрыве от всяких объективных факторов, безапелляционно утверждает: «Преследование пушкинских стихов наложило на поэзию Эминеску большой отпечаток. Он многим обязан «искренней, полной свежести и воодушевления» лирике Пушкина. Эминеску считал себя учеником великого русского поэта. У Пушкина он заимствовал не только сюжеты, но и учился поэтическому творчеству»³.

К такому же выводу приходит и автор работы «Пушкин и румынская литература» Н. Морару. Касаясь вопроса о знакомстве Эминеску с творчеством Пушкина в период своего пребывания в Одессе, Н. Морару пишет: «Несомненно, все это не могло не повлиять на его (Эминеску — К. П.) творческую деятельность»⁴.

Безусловно, знакомство Эминеску с творчеством великого русского поэта в оригинале имеет огромное значение, однако надо полагать, что оно не могло сыграть сколько-нибудь решающей роли в формировании и развитии поэта хотя бы потому, что он прожил всего 3—4 года после того, как возвратился из Одессы. Больше того, в последние годы своей жизни, будучи душевно больным, поэт почти ничего не создавал.

¹ «Almanahul literar» № 2—3, Ianuarie-Februarie, 1950, Cluj, стр. 23.

² См. статью Ф. Левита, К. Поповича, Доуэ скрисорь але луй М. Эминеску, «Молдова Социалистэ» от 20 октября 1956 г.

³ И. Инжеватов, Пушкин и молдавский народ, Госиздат Молдавии, Кишинев, 1949, стр. 54.

⁴ N. Moraru, Puşkin și literatura română, «Viața românească», 1949, № 5—6, стр. 85.

Следовательно, утверждения И. Инжеватова и Н. Морару отпадают как явно необоснованные.

Не отрицая значения знакомства Эминеску с творчеством Пушкина в оригинале, нам кажется, что вопрос об отношении Эминеску к русской литературе и, в частности, к творчеству Пушкина следовало бы ставить несколько в ином аспекте, а именно в плане восприятия им идей русских писателей через национальное литературное наследие, преемником которого он является.

Ведь русская классическая литература не была чем-то далеким, не соответствующим тем историческим условиям, в которых находились Дунайские княжества; она не была привнесена извне, как чужеродный элемент, противоречащий новой среде; наоборот, произведения русских классиков нашли себе соответствующее место в сокровищнице румынской и, главным образом, молдавской культуры, они оказывали определенное влияние на передовую литературу тогдашних Дунайских княжеств.

Как известно, такие писатели и поэты, как К. Стамати, А. Дониц, К. Негруци, Б. П. Хэжлев и целый ряд других не только переводили произведения русских классиков, но и в какой-то степени подражали им в своих оригинальных произведениях.

Все названные выше поэты и писатели испытывали на себе, главным образом, влияние Пушкина.

Под воздействием Пушкина они обращаются к социальным темам, в результате чего их творчество проникается подлинно гражданскими мотивами. Пушкинская поэзия заставляет молдавских писателей более глубоко вникать в окружающую действительность и находить в ней не только источник вдохновения, но и ответы на мучительные вопросы, поставленные самой жизнью.

Следовательно, впитывая в свое творчество все то лучшее, что было создано в прошлом, Эминеску вместе с тем воспринимал и отдельные элементы пушкинских произведений, нашедшие свое воплощение в творчестве его предшественников.

Таким образом, первое знакомство Эминеску с творчеством Пушкина шло по линии восприятия поэтом литературных традиций прошлого.

Кроме того, имеются данные, свидетельствующие о том, что Эминеску еще в детские годы читал в переводах некоторые произведения русского поэта.

Будучи библиотекарем книжных фондов Арона Пумнул, преподавателя румынского языка Черновицкой гимназии, М. Эминеску, как об этом говорит его школьный товарищ Т. Штефэнелли, прочел имевшиеся в этой библиотеке книги¹.

¹ T. V. Ștefăneli, Amintiri despre Eminescu, București, 1914.

В сохранившихся неполных списках этой библиотеки наряду с целым рядом оригинальных произведений числится также и поэма А. С. Пушкина «Цыганы» в переводе А. Донича¹.

Если же Эминеску, как об этом говорит Т. Штефэнелли, прочел все книги, находившиеся в библиотеке, то, следовательно, в их числе находилась и поэма Пушкина «Цыганы».

Кроме этого, в послевоенные годы, румынский исследователь И. Хабана в своей статье об отношении Эминеску к русской литературе, наряду с «Цыганами» называет и произведение Пушкина «Капитанская дочка», с которым, по утверждению исследователя, поэт был знаком еще в 1866 г.²

Надо полагать, что утверждение И. Хабана не лишено оснований, так как произведение Пушкина «Капитанская дочка» впервые появилось в переводе Грозеску на страницах журнала «Familia»³, то есть в журнале, в котором поэт печатал свои первые стихотворения и, следовательно, регулярно следил за ним. Не лишено интереса и другое утверждение румынского современного литературного критика Николае Лиу — автора статьи «Неизданная переписка Михаила Эминеску». Касаясь вопроса о знакомстве Эминеску с творчеством Пушкина, Николае Лиу пишет: «...с творчеством Пушкина румынский поэт (то есть Эминеску — К. П.) знакомился еще в молодости то ли в качестве библиотекаря гимназической библиотеки, находившейся в доме его учителя Арона Пумнула, то ли в качестве члена общества «Ориентул»⁴ («Восток»), то ли в качестве сотрудника и читателя журнала «Familia»⁵.

Позже, в период своего пребывания за границей, Эминеску еще более обогащает свои познания в области русской литературы.

«Во время своего обучения в Австрии, а затем в Германии, немецкие писатели, — как об этом говорит румынский критик Октав Минар, — находили новый повод для вдохновения в русской литературе, т. к. издательства в то время соревновались в хороших переводах главных русских шедевров»⁶.

Что касается Эминеску, пишет дальше О. Минар, то он «...будучи студентом в Вене, а затем в Берлине, был увлечен

¹ См. сборник *Eminescu și Bucovina, Cernăuți, 1943, стр. 344*

² I. H a b a n a, *Eminescu despre realismul critic rus, «Contemporanul», 14—I, 1950, № 2.*

³ S. A. C a n d r e a și G. A d a m e s c u, *Dicționarul enciclopedic ilustrat, București, 1931, стр. 1826.*

⁴ Общество «Orientul», организованное в Бухаресте в 1868 г., занималось распространением культуры и собиранием фольклора.

⁵ Nicolae Liu, *O corespondență inedită a lui Mihail Eminescu, «Gazeta Literară», 22 septembrie, 1955, № 38.*

⁶ O c t a v M i n a r, *Eminescu, Aspecte din viața și opera poetului, București, стр. 108.*

течением этой литературы, введенной позже и в Яссах социалистами из «Современника» («Contemporanul»)¹.

Очевидно у О. Минара были некоторые конкретные факты, о которых, к сожалению, в работе не сказано, но это тем не менее так, ибо в ином случае он не стал бы голословно утверждать, что «Эминеску был любителем русской литературы»².

Ведь известно, что Эминеску хорошо знал творчество Н. В. Гоголя, о чем свидетельствует рецензия, написанная им по случаю постановки «Ревизора» на сцене Ясского национального театра. Кроме того, Эминеску был знаком и даже переводил, как это видно из вышеназванной статьи Эмиля Исака, произведения М. Ю. Лермонтова.

Все это дает право полагать, что наряду с творчеством Гоголя и Лермонтова, Эминеску читал и произведения Пушкина — широкоизвестные в то время в немецких переводах.

Фактами, подтверждающими увлечение Михаила Эминеску творчеством Пушкина, являются также высказывания отдельных критиков, находивших общие моменты в творчестве этих двух великих поэтов.

Так, например, Ортиц в своем предисловии к сборнику стихотворений Эминеску в итальянском переводе, говоря о художественном мастерстве поэта, находит, что поэтический образ лебеди, встречающийся в стихотворениях Эминеску «Доброй ночи» и «IV послание», заимствован им из цикла стихотворений Пушкина о Царском селе.

Правда, против утверждения Ортица выступил известный румынский критик Г. Ибрэиляну в своей работе «Является ли компиляцией стихотворение «Еще одно последнее желание» («Mai am un singur dor»)³.

Однако, возражая утверждениям Ортица, Ибрэиляну прибегает ко всевозможным мало внушительным ссылкам, бессильным опровергнуть гипотезу первого.

Об общности между отдельными произведениями Эминеску и Пушкина говорит также и автор статьи «Общие мотивы в поэзии Пушкина и Эминеску» Евстафий Неговский⁴.

Критерием созвучности отдельных мотивов в творчестве этих двух великих поэтов, по мнению Неговского, является общность их взглядов по многим вопросам и одинаковое значение каждого из них для литератур родных им народов.

Значение Пушкина для русской литературы и Эминеску для румынской, по мнению Неговского, одинаково. Оба они бы-

¹ Octav Minar, Eminescu, Aspecte din viața și opera poetului, București, стр. 108.

² Там же.

³ G. Ibrăileanu, Studii literare, ed. III, București, стр. 221—222.

⁴ Евстафий Неговский, Календарь дней Пушкина, юбилейное издание, 1937, Кишинев, стр. 264.

ли создателями литературного языка и оба всем своим творчеством указали на неиссякаемый источник, каким является язык народа.

«В своих стихах,—пишет Неговский,—каждый из них отразил красоту родного языка, отразил, если можно так сказать, звуковую душу народа, носителем которой является язык.

Поэты выражают в своих произведениях не только свое индивидуальное, но синтезируют в себе богатство духовной культуры своего народа. Общечеловечность же великих поэтов в том, что поэт откликается на все важные вопросы бытия, которые всегда волновали человеческого дух.

Лирическая отзывчивость поэтов на эти вопросы, отраженная в их творчестве, и составляет то великое, которое вносят поэты в общую сокровищницу человеческой культуры»¹.

Показав близость Пушкина и Эминеску в плане общих задач великих поэтов, Неговский переходит к отдельным вопросам, в частности, к вопросам о жизни и смерти. Исходя из общего тематического диапазона Пушкина и Эминеску, Неговский находит, что и у того и у другого вопросы бытия даются почти в одинаковом освещении. Так, Неговский утверждает, что стихотворение Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных», с одной стороны, и стихотворения Эминеску «День завтрашний ты открываешь» и «О, мама...», с другой, имеют между собой много общего.

«Пушкин,— говорит Неговский,— в своей элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных», в поэтическом созерцании ряда быстро текущих моментов жизни, один среди толпы безумных юношей, и в храме лесов — частицей бессознательной природы и перед младенцем, предается своим мечтам о текучести всего живущего, о неизбежном для всех людей, которые рано или поздно сойдут «под вечны своды».

На эту же тему о бегущих моментах жизни, которая наряду с другими явлениями приносит и уносит человека, есть прекрасное стихотворение и у Эминеску»².

Для подтверждения своей мысли Неговский цитирует стихотворение Эминеску «День завтрашний ты открываешь...» в переводе В. Лашкова.

Для того, чтобы показать, в какой степени эти стихотворения близки друг другу, приведем несколько строф из названного произведения в более удачном переводе М. Зенкевича:

День завтрашний ты открываешь,
Покончив с днем вчерашним счет,
Но все ж всегда перед тобою
Твой день сегодняшний течет.

¹ Евстафий Неговский, Календарь дней Пушкина, юбилейное издание, 1937, Кишинев, стр. 264.

² Там же.

Один уйдет, другой приходит,
Так протекает день за днем,
Заходит солнце и восходит
В сиянье вечно золотом.

И катят в быстрой смене волны,
По руслу одному свой бег,
Сменяясь, опадают листья —
Так жизнь течет из века в век.

Пуškai проносятся пред нами
Картинь жизни чередой,
Их бег незыблем под лучами
Бессмертной мысли, как покой! ¹

Несмотря на некоторое своеобразие изложения одних и тех же понятий, тождество взглядов Пушкина и Эминеску на жизнь и смерть в этих стихотворениях очевидно.

Касаясь заключительной части стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных», Неговский пишет: «...если у Пушкина печальным аккордом звучат слова, когда его душа, истерзанная колебаниями, находит единственное утешение в том, что «у гробового входа младая будет жизнь играть и равнодушная природа красюя вечною сиять», то en pendant и у Эминеску есть полные грусти стихи все о том же равнодушии природы к жизни и смерти...»²

В стихотворении «День завтрашний ты открываешь...» Эминеску не говорит о вечности природы, о ее безразличии к жизни и смерти. Эту мысль, однако, Неговский находит в стихотворении «О, мама...», в котором поэт оплакивает смерть родной матери.

О, мама! Из печальной обители твоей
Меня ты призываешь шептанием ветвей.
На темную могилу, где приютилась ты
Акации роняют увядшие листья;
В их шелесте их голос мне слышится опять...
Так шелестеть им вечно, тебе же — вечно спать.

Для того, чтобы более ярко оттенить общность мотивов у Пушкина и Эминеску и вместе с тем показать своеобразие духовного склада каждого из них в отдельности, Неговский в заключении говорит: «...Между жизнерадостным ощущением Пушкина и музой Эминеску есть разница именно в восприятии самих явлений жизни.

О сущности жизни и смерти Эминеску мучился глубоко, отразив в своих стихах глубокую тревогу человеческого духа перед тайной бытия»³.

¹ Михаил Эминеску, Стихи, ГИХЛ, М., 1950, стр. 86—87.

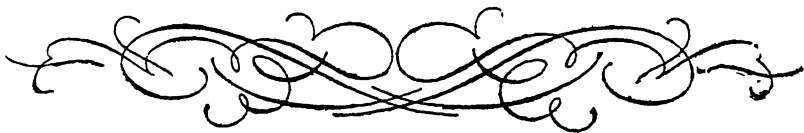
² Евстафий Неговский, Календарь дней Пушкина, юбилейное издание, 1937, Кишинев, стр. 265.

³ Там же, стр. 266.

Таким образом, все вышеизложенные факты дают основание полагать, что Эминеску знал и высоко ценил творчество Пушкина.

Отвергая предвзятые выводы таких исследователей, как И. Инжеватов и Н. Морару, необоснованно возводивших Эминеску в эпигоны русского поэта, мы вправе признать, что, будучи самобытным и вполне оригинальным во всем своем творчестве, Эминеску вместе с тем перекликается с Пушкиным в отдельных произведениях.

Эта общность у двух великих поэтов, общность, порожденная единством благородных целей, является как бы символом нерушимой и вечной дружбы между братскими русским, молдавским и румынским народами.

И. К. ВАРТИЧАН

А. С. ПУШКИН В ПЕРЕВОДАХ А. М. МАТЕЕВИЧА

Среди многочисленных поклонников таланта, прекрасных знатоков и искренних почитателей произведений великого Пушкина можно назвать и замечательного молдавского поэта первой четверти XX столетия — Алексея Михайловича Матеевича.

Уроженец с. Кайнары Бендерского уезда Бессарабии, воспитанник одной из кишиневских школ, а затем студент Киевской духовной академии, А. Матеевич испытал на себе, как и многие другие молдавские поэты и писатели, животворное воздействие передовой культуры и литературы братских великого русского и украинского народов.

Немалую роль в жизни и сознании поэта сыграли революционные события первой русской революции 1905—1907 гг., что сказалось и на его творчестве.

Литературную деятельность молдавский поэт начал в 1906 г. переводом чеховского «Злоумышленника». В том же году, будучи хорошо знаком с ярким творчеством украинского прозаика-реалиста М. М. Коцюбинского, особенно с его известными произведениями на молдавскую тематику, Матеевич пробует свои силы в художественной прозе. Он выступает с небольшим и единственным в прозе рассказом «Тоамна» («Осень»), который как по замыслу и сюжету, так и по средствам художественного воплощения напоминает всем известный рассказ М. Коцюбинского «Пе куптьор» («На печи»).

В это время поэт испытывает свои силы и в поэзии, откликнувшись на события 1905 г. рядом правдивых и глубоко взволнованных социально насыщенных произведений. Известны всем его стихотворения: «Еу кынт» («Я пою»), «Кынтикул зорилор» («Песнь зари»), «Цэраний» («Крестьяне»), «Цара»

(«Страна»), «Дорул» («Желание»), «Ын заря анилор» («Сквозь зарю годов») и другие.

Однако после спада революционной волны, к 1910 г. и позднее, учась в духовной академии в Киеве, А. Матеевич, окруженный атмосферой религиозного благочестия, впадает в мистицизм. В этот период он пишет ряд стихов на религиозную тематику, занимается переводами произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Ф. И. Тютчева, А. В. Кольцова, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, С. Я. Надсона, А. Н. Майкова, А. А. Фета, А. К. Толстого, И. С. Никитина и других.

Наиболее значительны в этот период его переводы из А. С. Пушкина: «Пророк» и «Воспоминания», а также «Пророк» М. Ю. Лермонтова.

Затем лира поэта почти умолкает. Некоторое время он находится в состоянии оцепенения, из которого выходит под воздействием назревающих революционных событий февральской и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Убедительным свидетельством идейно-общественного пробуждения и художественного возрождения поэта является его живой интерес к творчеству А. М. Горького. 27 июля 1917 г. поэт переводит валашскую песню «Зына» («Фея»). Наконец, вновь возвращается к творчеству Пушкина — переводит его сонет «Поэту». Это был последний плод поэтических усилий молдавского поэта, его лебединая песня в творческой жизни и как переводчика, и как поэта вообще.

А. М. Матеевич скончался в Кишиневе 13 августа 1917 г.

Алексей Матеевич, в качестве переводчика А. С. Пушкина, известен молдавскому читателю тремя поэтическими произведениями: «Пророком», «Воспоминаниями» и сонетом «Поэту».

Пушкинские стихи переведены: «Пророк» — в 1911 г., «Воспоминание» — в 1912 г., «Поэту» — 30 июня 1917 г. — буквально за несколько дней до конца жизни.

К сказанному можно еще добавить, что молдавским поэтом в 1915 г. была переведена надсоновская «Христианка», эпиграфом к которой русским поэтом были взяты известные начальные строки пушкинской поэмы «Руслан и Людмила».

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В переводе Матеевича эти строки звучат все так же по-пушкински торжественно-эпически:

Испрэв дин время демулт трекуте,
Преданий дин векиме-адынкэ.
(Подвиги давно прошедших времен,
Преданья старины глубокой).

Обратимся к названным пушкинским произведениям и главным образом к «Пророку» и «Поэту».

Известно, что восстание на Сенатской площади в 1825 г. глубоко потрясло Пушкина. За все первое полугодие 1826 г. им не было написано ни одного произведения. Первое последекабрьское лирическое стихотворение Пушкина «Под небом голубым страны своей родной» было создано им лишь в самом конце июля 1826 г., значит, целых семь месяцев после того, как до него дошли первые известия о трагическом исходе восстания¹.

В Пушкине, как отмечают исследователи, вновь пробудился поэт-лирик. По этому поводу хорошо сказал Д. Д. Благой: «Лирика по самому своему существу, конечно, больше чем какая-либо другая из всех областей словесного творчества, представляет собой зеркало души поэта»².

14 августа Пушкин набрасывает стихотворный ответ Вяземскому «Так море, древний душегубец», с резко выраженной политической окраской. Примерно в эту пору создается один из величайших перлов гражданской лирики Пушкина — стихотворение «Пророк»³.

«Пророк» породил большую критическую и исследовательскую литературу. Это изумительное произведение Пушкина, как утверждают пушкинисты, и по сию пору не может считаться окончательно разъясненным.

Одни из исследователей сближали «Пророка» с библией и даже с Кораном. Правда, пушкинское стихотворение в известной мере напоминает главу шестую из книги пророка Исаии. Видимо, этот, по словам Д. Благого, «библейский наряд» пушкинского «Пророка» ввел в заблуждение и самого Белинского, для которого оно, как и пушкинские «В крови горит огонь желания» и «Вертоград моей сестры» — «представляют красоты восточной поэзии».

Стихотворение именуется «Пророк». Однако известно, что понятие «пророк», судя по тому времени, является синонимом понятия «поэт»⁴.

Нужно полагать, что мы не ошибемся, если предположим, что именно таким «пророком» считал себя и молдавский поэт Алексей Матеевич, которому безусловно импонировали гражданский пафос пушкинского стиха, высокое понимание им общественного назначения поэта.

¹ Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 513.

² Там же.

³ Там же, стр. 515.

⁴ Там же, стр. 534.

В молдавском переводе звучит все та же сила энергично-призывной концовки пушкинского «Пророка»:

Пророаче, скоалэ, везь ш'аузь,
Куноаште воя мя чя сфынтэ
Ши'н минтя челор орбь ши муць
Кувынтул тэу де фок ымплынтэ¹.

Весьма примечательна у Пушкина, вынужденного писать эзоповским языком, ставшая афористической концовка названного стихотворения:

И, обходя моря и земли,
Глаголом жгя сердца людей.

У молдавского поэта она также конкретизирована, социально заострена и идейно направлена. Матеевич прямо говорит:

Ши'н минтя челор орбь ши муць
Кувынтул тэу де фок ымплынтэ.
(И в разум слепых и немых
Введи свое огненное слово).

Безусловно, под «орбь ши муць» («слепых и немых»), нужно предполагать, поэт подразумевал трудовой народ, прозябавший, по его словам, «ын чаца нештиинций» («во тьме неграмотности»), забытых и задавленных темнотой и невежеством тружеников, стонавших под пятой царского самодержавия, именно тех, кто по словам поэта,

...че'н жуг ши кин
Пе-а лор спинаре цара цын.
(...которые в яме и муках
На своей спине держат страну).

Но, говоря о Матеевиче, как о переводчике Пушкина, нельзя не заметить, что образ пушкинского «пророка» — поэта-гражданина, человека социального долга, нашел свое прямое воплощение и в оригинальном творчестве поэта-молдаванина. Мы имеем в виду его стихотворение «Басарабенилор» («Бессарабцам»), написанное, как мы уже отмечали выше, 10 июня 1917 г., то есть уже после перевода пушкинского «Пророка».

Молдавский поэт, обращаясь к народу, говорит:

Сэ штиць: де ну вець рыдка
Дин сынул востру ун пророк —
Ын вой виаца ва сэка,
Зэдарник соарта вець руга,
Кэч скошь вець фи атунч дин жок
Ши-ць рэмыня фэр'де норок

¹ Алексей Матеевич, Опере алесе, «Шкоала Советикэ», Кишинев, 1954, стр. 66. В дальнейшем отрывки даются из названного издания.

(Знайте: если вы не выдвинете
Из своей среды пророка —
В вас иссякнет жизнь,
Напрасно будете молить судьбу,
Ибо вы тогда выпадете из строя
И останетесь без счастья).

Как и Пушкин, решительно отвергавший «чистую» поэзию, далекую от жизни, от интересов народа, Матеевич предельно ясно представлял себе общественное назначение своего «пророка», который, по словам поэта, «факел» своей музыки «должен» зажечь от «сгустков слез, страданий, от молнии священного гнева, от надежд и устремлений» народной массы.

Страстное волнение и подъем звучат в стихах молдавского поэта:

Дин кяг де лакримь, де дурерь,
Дин трэснет де мыние сфынтэ
Ши дин нэдеждь ши збучумэрь,
Дин нэзуинць ши фрэмынтэрь
Ел требуе факла сэ-шь априндэ.
Ши'н суфлет нямул сэ куприндэ.
(От сгустков слез, страданий,
От молнии священного гнева
И от надежд и волнений,
От стремлений и мучений
Он должен зажечь свой факел.
И в душе обнять свой народ).

Далее Матеевич описывает путь «пророка», «путь терний и мук», путь социальной борьбы и обличения:

Ши'н цара воастрэ ва пурчедэ
Пе друм де спинь ши кинуире
Ку глоата челор, карь л-ор креде. ,
Ши дух апринс де ынноире
Ва дуче'н проповэдуире.
Ел жаля веклор кымпий
Нума'нтр'о лакримэ ва стрынже,
Дин спик, дин стругурул де вий
Ын стропь ва скурже апе вий.
Дин спик — судорь, дин вицэ — сынже
Се ва сорби ши ну-ць май Flynnже...
(И в вашей стране отправится
По пути терний и мук
С толпой тех, которые ему поверят.
И пламенный дух обновления
Он понесет в проповеди.
Он боль древних полей
Соберет в одну слезу,
Из колоса, из грозди виноградной
В брызгах он выдавит живую воду,
Из колоса — пот, из виноградной лозы — кровь
Выпьет и вы не будете более плакать...).

А через двадцать лет — 30 июня 1917 г. — Матеевич переводит третье пушкинское стихотворение — сонет «Поэту», как

известно, тематически и идейно связанное с «Пророком», «Чернью», «Поэтом» и другими и, как мы смогли уже убедиться в том, весьма созвучные приведенному выше стихотворению «Басарабенилор».

Нужно сказать, что Матеевич, как настоящий художник и глубокий знаток молдавского языка, мастерски пользуясь богатыми экспрессивными возможностями последнего, сумел передать и тем сохранить пафос и звучание названного пушкинского творения.

Начальная строка у Пушкина:

Поэт! не дорожи любовью народной.

у Матеевича звучит:

Поете, сэ ну кауць ла драгостя мулцимиий,

в которой понятие мулцимиий, как показалось по-видимому, молдавскому поэту, ближе по своей семантике к понятию массы вообще; именно оно показалось ему наиболее подходящим для передачи пушкинского замысла.

Молдавский поэт прекрасно понимал, что Пушкин отнюдь не призывал своего поэта не дорожить «любовью народной». Тем более, что нам известно, что Пушкин, безусловно далекий от мысли служения «чистому» искусству, в сонете «Поэту» выражал свое презрение именно к «светской черни», отказ и нежелание служить «толпе», «черни», то есть правящей верхушке и царским холопам¹.

Вне всякого сомнения, что Матеевич, как поэт, именно дорожа любовью народной, разрешил себе указанную выше замену, «вольность», которая отнюдь не изменила пушкинскую мысль и идейную направленность произведения в целом.

Весьма колоритно и, на наш взгляд, так же сильно переданы на молдавском языке и последующие строки из «Поэта»:

Услышь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Смысл этих строк молдавский поэт передал следующим образом:

Вей аузи жудецул ши рысетул простимий,
Дар сэ рэмый, ка стынка, посоморыт, тэкут.

Образы «глупца» и «толпы холодной» в молдавском переводе соединены в одно обобщающее понятие простимий («невежд»), вполне эквивалентное и достаточно точное для характеристики суда и смеха.

¹ «История русской литературы», т. VI, АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 233.

И если, далее, поэт Пушкин говорит «останься тверд», то у Матеевича—«сэ рэмый, ка стынка» («останься, как скала») дан не менее «весомый и зримый» образ, в котором мы не только видим, но и ощущаем все величие и силу поэта, возвышающегося над бессильной и пустой «толпой».

Любопытно, что Матеевич в переводе стремился сохранить и поэтическую форму пушкинского стиха. Для иллюстрации приведем стихотворение полностью:

Поете, сэ ну кауць ла драгостя мулцимый,
Кэч згомотул де слава ва трече'ынтр'ун минут,
Вей аузи жудецул ши рысетул простиный,
Дар сэ рэмый, ка стынка, посоморит, тэкут.
Есть край: трэеште сынгур. Пе слободул тэу друм
Те ду, унде те кямэ ал минций тале збор,
Десэвыршеште-ць роада гындирилор де дор
Ши н'аштепта рэсплатэ а трудей ничдекум.
Еа есте'н тине. Ту-ць ешьт ынналтул тэу жудец,
Че аспру-ць хотэреште ал минций тале прец.
Ешьт мулцэмит, артисте? Атунч
Копилэроаса глоатэ хуляскэ-те'нзэдар
Ши клатине-ць темеюл сфинцитулуй алтар
Ши пынгэряскэ-ць ватра ынналтей тале мунчь.
(Поэт, не обращай внимания на любовь массы,
Ибо шум славы пройдет в одну минуту,
Услышишь суд и смех невежд,
Но ты останься, как скала, угрюмый, молчаливый.
Ты король: живи один. По своему свободному пути
Иди, куда зовет тебя полет твоего ума,
Усовершенствуй плод своих желанных мыслей
И не надейся на вознаграждение за труд.
Оно в тебе. Ты себе верховный судья,
Который решаешь строго цену своего ума.
Ты доволен, художник? Тогда
Мальчишечья толпа пусть хулит тебя всеу
И пусть колеблет основание твоего священного алтаря
И надсмехается над полем твоего возвышенного труда).

Заканчивая краткое сообщение о молдавском поэте А. Матеевиче—переводчике Пушкина, неутомимом пропагандисте русской литературы, можно только выразить сожаление, что столь талантливому поэту, безвременно ушедшему из жизни, не суждено было сделать большего.

Л. Л. АКСЕНОВА

ПУШКИН И МОЛДАВСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

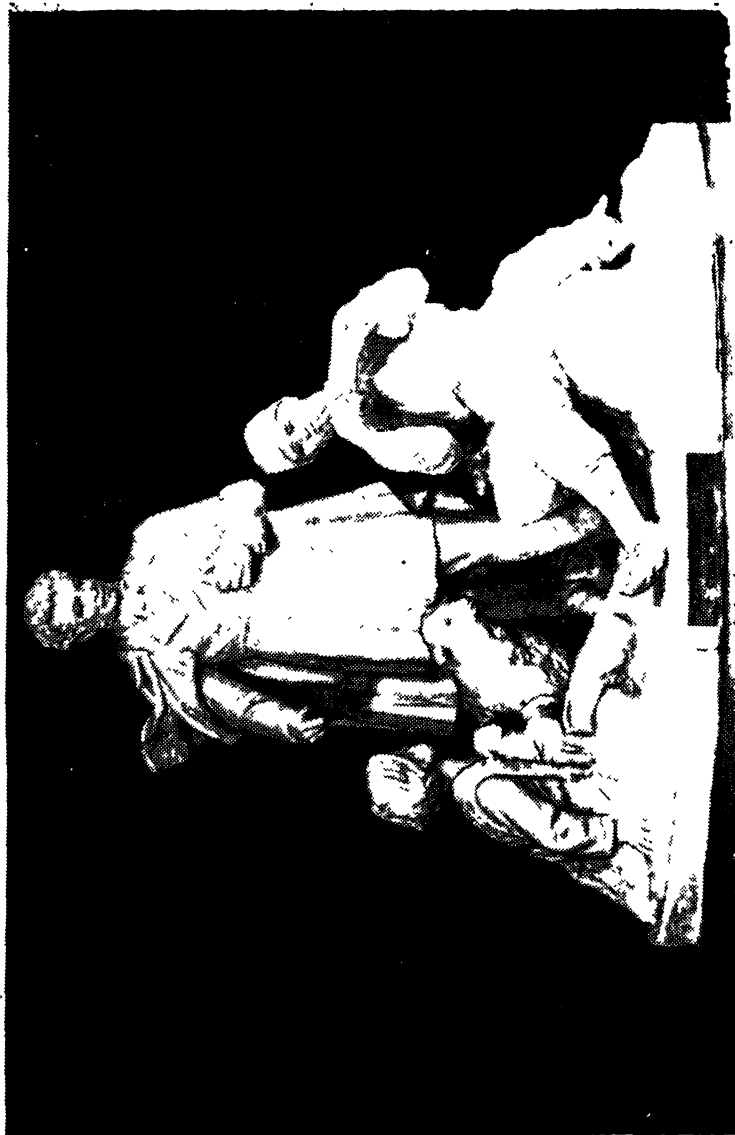
Пушкин был подлинным ценителем молдавского народного искусства. Поэт интересовался молдавским языком, изучал и записывал молдавские предания, народные песни. Внимание Пушкина особенно привлекали глубоко эмоциональные лирические и исторические песни, повествующие о борьбе молдавского народа с иноземными поработителями, народные сказания. Так, им записаны два молдавских сказания XVII в. — «Дафна и Дабижа», относящиеся к событиям 1663 г., и «Дука» — о народном восстании против ненавистного господаря, возглавленном Гынку и Апостолом.

Внимание поэта привлекли также две валашские песни, повествующие о событиях, связанных с греческим восстанием и восстанием румынского народа под руководством Т. Владимиреску в 1821 г. Эти песни, получившие широкое распространение в Бессарабии, распевались и на улицах Кишинева.

По свидетельству И. И. Липранди, Пушкин имел перевод этих песен¹.

Речь идет о двух песнях: «Пом, пом ерам» («Деревом, деревом я был») и «Фоае верде ши-о лаля, Савва Бимбаша» («Лист зеленый тюльпана, Савва Бимбаша»). Первая была сатирической песней, по всей вероятности крестьян, принимавших участие в восстании Т. Владимиреску. В песне говорится, что в прошлом человек был сильным и красивым, как зеленое дерево; нищета и бесправие убили в нем все силы — человек стал похожим на сухую ветку... но это не песня-жалоба, а бодрая, оптимистическая песня-сатира.

¹ И. И. Л и п р а н д и, Из дневника и воспоминаний, «Русский архив», СПб., 1866, № 10, стр. 1407—1408.

Скульптура Кобзевой «А. С. Пушкин слушает дойну».

Двухдольный размер, мажорный лад, четкий пунктирный ритм — все это свидетельствует о маршевом характере песни.

О народном происхождении напева свидетельствует попевка, являющаяся документально с XVII столетия известной мелодией ряда народных песен и танцев: старинного заклинательного русального танца кэлушаров, народной песни «Пе кэраре суб ун брад» («На тропинке под елью»), танца и песни «Банул Мэрэчине» и других. Исполнение остро-сатирического текста на известную в народе мелодию делало его еще более доходчивым. Несложный, легко запоминающийся напев песни, был под силу любому исполнителю.

ОМ, ОМ, ЕРАМ

Пример № 1

Moderato

Ом, ом, ом, ом е-рам еу, ом. Ом е-рам еу май'наин-те,
сэ-нэ-тос ши'нтрэг ла минте, ом, ом, ом, ом е-рам еу, ом.

Ом, ом, ом,
Ом ерам еу, ом,
Ом ерам еу май'наинте
Сэнетос ши'нтрэг ла минте.

Человеком, человеком, человеком,
Человеком был я, человеком.
Человеком был я раньше,
Здоровым и разумным.

Ом, ом, ом,
Ом ерам еу, ом,

Человеком, человеком, человеком,
Человеком был я, человеком.

Пом, пом, пом,
Пом ерам еу, пом.
Пом ерам ку фрунзэ латэ
Ш'ам рэмас крянгэ ускатэ,
Пом, пом, пом,
Пом ерам еу, пом.

Деревом, деревом, деревом,
Деревом был я, деревом.
Деревом был с широким листом,
И стал я сухой веткой.
Деревом, деревом, деревом,
Деревом был я, деревом и т. д.

Текст этой песни был восстановлен в 1953 году Г. Ф. Богачем, а в 1954 году в Центральном Ленинградском архиве была обнаружена одна из копий песни, о которой упоминает Липранди.

Вторая песня повествовала о трагической гибели Саввы Бимбаши, поднимавшего на борьбу болгар. Напев этой песни нам пока неизвестен.

Наряду с повстанческими песнями внимание поэта привлекали крестьянские и городские песни-романсы. Пушкин слышал их на народных гуляньях и в домах молдавских бояр.

А. Н. Шимановский, в книге «Александр Сергеевич Пушкин», вышедшей в свое время в Кишиневе, писал: «Вся при- слуга и домашние музыканты у бояр были молдаване и цы- гане — они пели песни в промежутках между танцами, акком- панируя себе на скрипках, кобзах и тростянках, которые Пушкин называл «цевницами». Одну из таких песен молодой молдаванки Мариониллы он переложил на русский поэтиче- ский склад под именем «Черная шаль» еще в начале ноября 1820 г. вскоре после своего приезда в Кишинев»¹.

Известная «Молдавская песня», как назвал А. С. Пушкин «Черную шаль», представляет образец городской вокальной лирики прошлого столетия. Каков был напев «Черной шали», слышанный Пушкиным, нам пока не удалось выяснить. Му- зыка же к тексту Пушкина была написана многими музы- кантами: Геништой, Верстовским, Виельгорским, молдавским композитором Гавриилом Музическу и другими.

Не менее известная песня Земфиры «Режь меня, жги ме- ня» также была написана Пушкиным в Бессарабии. Напев этой любовной песни был положен на ноты кем-то из близких Пушкину музыкантов и опубликован впоследствии в «Теле- графе»²:

«СТАРЫЙ МУЖ»

Пример № 2

Allegretto.

Старый муж, грозный муж, режь меня, жги ме-ня. Я твер-да,
не бо-юсь ни ме-ча, ни ог-ня.

По своей ритмико-интонационной структуре напев этой песни несомненно близок молдавским народным песням.

До наших дней в Молдавии и Закарпатской Украине сохранились различные варианты песни «Арде-мэ, фриже-мэ» («Режь меня, жарь меня»). Одним из них является песня, начинающаяся словами «Мэйкулицэ драгэ» («Дорогая ма- тушка»).

Некоторую близость интонаций первого предложения пес- ни (см. пример № 2) мы отмечаем в помещенном ниже вари- анте более поздней записи.

¹ А. Н. Шимановский, Александр Сергеевич Пушкин, Кишинев, 1900, стр. 93.

² А. Глумов, Музыкальный мир Пушкина, Музгиз, 1950.

Пример № 3

Andante

Яг'о са-ра я-рэ ви-не, мэйку-ли-цэ дра-гэ. Ши м'оба-те
ма-ма би-не, мэй-ку-ли-цэ дра-гэ...

Пушкинскую песню Земфиры увековечил в опере «Алеко» С. В. Рахманинов и в опере «Кармен» Бизе.

Поэт слышал в Молдавии множество городских лирических песен-романсов, авторами и исполнителями которых были молдавские народные музыканты-тэутары. Современник Пушкина В. И. Горчаков писал о том, что в доме Варфоломея поэт слушал игру, пение, танцы. Особенно нравились ему песни: «Те юбеск песте мэсурэ» («Я люблю тебя безмерно»), указанная ранее песня «Арде-мэ, фриже-мэ», а также пляски, сопровождавшиеся пением, «Мититика», («Маленькая») и «Сырбяска» («Сербская» то есть Сырба).

В наши дни в Молдавии бытуют различные варианты песни «Мититика» с общим по смыслу, а в ряде случаев одинаковыми строками текстов.

Одним из напевов «Мититики» является следующий:

«ДРУМ ЛА ДЯЛ ШИ ДРУМ ЛА ВАЛЕ»

Пример № 4

Tempo di hora

Друм ла дялши друм ла ва-ле, мындрули-цэ, дра-га мя. Нам ын лу-ме
сэр-бэ - тоаре, мындрули-цэ, дра-га мя, м'и-дру-ли-цэ, дра-га мя...

Сличая тексты песен, которые, судя по содержанию и размеру, могли бы быть текстами напевов «Мититики», мы предполагаем, что одним из таких вариантов является напев обще-

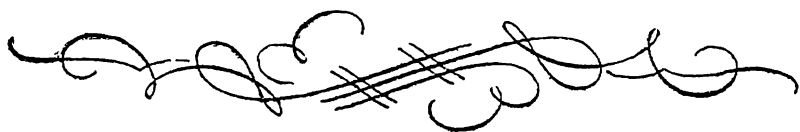
¹ Mathias Friedwagner, Rumänische Volkslieder aus der Bucovina, Liebeslieder, Würtburg, 1940, pag. 133.

известной в наши дни молдавской народной песни «Ляна», в прошлом имевшей иной, любовно-лирический текст и менее оживленный темп музыки.

Музыкальное творчество Молдавии оказало определенное воздействие на творчество великого поэта. Молдавскими впечатлениями были навеяны многие произведения поэта.

Благодаря Пушкину молдавская народная песня стала достоянием широкой общественности не только России, но и за рубежом.

Л. Н. ОГАНЯН

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ А. С. ПУШКИНА К ГЕТЕРИИ

Кишиневский период жизни А. С. Пушкина имел большое значение в формировании политических взглядов поэта. В связи с этим, вопросу об отношении А. С. Пушкина к национально-освободительной борьбе греков, к Гетерии, начало которой совпало со временем пребывания А. С. Пушкина в Кишиневе, посвящено большое количество работ.

Во всех этих работах исследователи единодушно отмечают то сочувствие, с которым отнесся поэт к национально-освободительному движению греков. Это горячее сочувствие нашло свое выражение в стихотворениях «Гречанка верная! не плачь...», «К Овидию», в письме к В. Л. Давыдову, в заметке о революции Ипсиланти, в заметке о Панда-Деке, в дневнике, в отдельных строчках стихотворения «В. Л. Давыдову» и в письмах.

В вопросе же об отношении поэта к Гетерии в более поздний период (1823—1824 гг.) в этих исследованиях имеются различные точки зрения.

Одну из этих точек зрения выразил проф. В. И. Селинов в статье «Пушкин и греческое восстание». В этой статье он писал: «Вопреки мнению некоторых пушкинистов, мы утверждаем, что в 1823—1824 годах отношение Пушкина к греческому движению было тем, что и раньше»¹. Таким образом, В. И. Селинов считал, что А. С. Пушкин в 1823—24 гг. продолжал так же горячо сочувствовать всему движению, как и в 1821 г.

¹ В. И. Селинов, Пушкин и греческое восстание (Пушкин, Статьи и материалы. II. Одесский дом ученых. Пушкинская комиссия), Одесса. 1926, стр. 19.

Эта же точка зрения, в целом, нашла свое выражение в труде проф. Б. Томашевского «Пушкин». Проф. Б. Томашевский пишет, что Пушкин с восторгом принял известие о греческом восстании и хотя более близкое соприкосновение с греческими коммерсантами в Одессе несколько охладили пыл поэта и в ряде писем он дает нелестную характеристику «соотечественникам Мильтиада», но это «не отразилось на его отношении к греческой революции в целом, тем более, что главные события происходили в Море, на подлинной родине греков»¹. В подразделе «Гетеристы» (замысел поэмы, «Дочери Карагеоргия», «Чиновник и поэт», молдавские предания) Б. Томашевский говорит о встречах поэта с гетеристами, о том, что Иордаки должен был стать героем задуманной поэмы, об интересе Пушкина к освободительному движению на Балканах, к судьбе болгарина Георгия Кирджали, но не делает соответствующих выводов.

Другая точка зрения была высказана Свириным в статье «Пушкин и греческое восстание». Свирин писал, что Пушкин, как и все его друзья декабристы, неясно представлял себе конечную цель греческой революции; «неясны были Пушкину и те глубокие национальные и классовые противоречия, которые буквально раздирали повстанческое движение на территории Молдавии и Валахии, и очень скоро привели это движение к катастрофе»². Далее в той же статье Свирин писал: «Для Пушкина восстание греческих гетеристов, овеянное преданиями и легендами античной Эллады, было неизмеримо ближе и понятнее, чем национально-освободительное движение коренного румынского населения. К румынскому бою — скорее азиатскому, чем европейскому — Пушкин относился с вполне законным презрением; что же касается румынского трудового народа, то Пушкин был от него страшно далек. Вот почему поэт не разглядел самостоятельной демократической румынской струи в движении гетеристов...»³. Свирин утверждал, что конфликт между высокими романтическими лозунгами, под которыми вспыхнула борьба за возрождение Эллады, и трезвая будничная практика буржуазной революции определили эволюцию во взглядах Пушкина на греческое восстание и «от прежних романтических иллюзий не осталось и следа; восторженно-идеалистический подход к греческому восстанию сменился трезвым скептицизмом и разочарованием»⁴. В заключение Свирин обвинял Пушкина в том, что он не дал и не мог дать никакой положительной программы действий более последовательной и демократической и его

¹ Б. Томашевский, Пушкин. Книга первая (1813—1824), АН СССР, М—Л., 1956, стр. 464.

² Свирин, Пушкин и греческое восстание («Знамя», кн. 11, 1935, ноябрь, стр. 219).

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 231.

разочарование «было не формой перехода на высшую ступень революционного сознания, а формой отхода от революции»¹.

Третья точка зрения впервые была высказана Н. В. Измайловым в статье «Поэма Пушкина о гетеристах». Признавая, что социальная подпочва и классовые противоречия восстания были неясны А. С. Пушкину, и поэтому он прошел мимо своеобразного и более революционного деятеля — Владимиреску. Измайлов обращает внимание на то, что А. С. Пушкин в плане поэмы о гетеристах и в очерке «Кирджали» основное внимание уделяет деятельности Иордаки.

«Иордаки,—пишет Измайлов,—занимал его прежде всего, как народный вождь, предводитель партизанской вольницы, герой освободительной борьбы, резко противопоставленный Ипсиланти — лжегерою, не оправдавшему даже того единственного качества, которое признавал за ним Пушкин в начале восстания — личной храбрости»². В конце статьи Измайлов подчеркивает, что Пушкин избрал героем не Ипсиланти, а Иордакия, а темой — не начало восстания, а его трагический конец; поэма о гетеристах принадлежит к тому же направлению, что и «Братья-разбойники» и выражает вольнолюбивые стремления Пушкина и его друзей декабристов.

Н. В. Измайлов совершенно правильно считает, что отношение А. С. Пушкина к восстанию изменилось, но поэт не разочаровался в восстании, а стал уделять основное внимание лицам, противоположным Ипсиланти, предводителям партизанского движения, героям освободительной войны. К этим выводам Н. В. Измайлов пришел на основе изучения наброска поэмы о гетеристах и очерка о Кирджали. К сожалению, Измайлов слишком большое значение придал тому временному вниманию, которое уделил А. С. Пушкин Иордаки Олимпиоту благодаря его трагической гибели в монастыре Секу. Иордаки Олимпиот был только временным попутчиком Тудора Владимиреску, стоявшего во главе восстания в Валахии.

Б. А. Трубецкой в своей работе «Пушкин в Молдавии» разделяет взгляды Н. В. Измайлова, но подчеркивает то особое внимание, которое уделил А. С. Пушкин образу народного мстителя, гетериста Кирджали. Он совершенно правильно отмечает, что и в последующие годы А. С. Пушкин неоднократно возвращался к теме о греческом национально-освободительном движении, но при этом Б. А. Трубецкой делает шаг назад, считая, что Пушкин рассматривал Гетерию как единое

¹ С в и р и н, Пушкин и греческое восстание («Знамя», кн. 11, 1933, ноябрь, стр. 232).

² Н. В. И з м а й л о в, Поэма Пушкина о гетеристах (Пушкин, Временник Пушкинской комиссии, III, 1937, стр. 347).

целое. «Однако поэту, пишет Трубецкой, как и всем дворянским революционерам не были ясны классовые противоречия в Гетерии: он рассматривал Гетерию как единое целое»¹. Положение это не совсем соответствует действительности.

Наиболее полный анализ причин изменения точки зрения А. С. Пушкина на Гетерию дан в большом труде проф. Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина». Проф. Д. Д. Благой также отмечает тот исключительный энтузиазм, с которым поэт встретил известие о начале восстания, а затем, анализируя дальнейший творческий путь Пушкина, указывает на последующее появление «мучительного скепсиса, горького неверия в торжество революции, в способность народов в революционной борьбе»².

Д. Д. Благой объясняет появление этих настроений влиянием тех событий, которые происходили на Западе и в непосредственной близости от самого Пушкина. Говоря о событиях, происходивших в непосредственной близости от поэта, Д. Д. Благой имеет в виду арест и заключение В. Ф. Раевского, устранение от командования дивизией генерала М. Ф. Орлова, отставку от военной службы генерала П. С. Пушкина, то есть лиц, с которыми поэт «политически был особенно близок в Кишиневе»³.

Исходя из этого, Д. Д. Благой делает вывод о том, что это «горькое и неверное чувство поэта» явилось толчком к постановке Пушкиным важнейшей из всех проблем — проблемы народности.

Эта третья точка зрения, подробно обоснованная в работе проф. Благого, является наиболее правильной. Она совершенно верно указывает на изменение отношения Пушкина к Гетерии, но причины, вызвавшие это изменение, Благой ограничивает событиями на Западе и расправой над кишиневскими декабристами.

В Центральном Государственном Историческом архиве МССР нам удалось обнаружить ряд документов, отражающих отношение молдавского народа к Гетерии, положение гетеристов в Бессарабии. Все эти документы относятся ко времени пребывания поэта в Бессарабии. Учитывая огромный интерес А. С. Пушкина к Гетерии, можно с уверенностью сказать, что он знал о фактах, изложенных в этих документах. Сопоставление архивных материалов с письмами А. С. Пушкина к В. Л. Давыдову, П. А. Вяземскому, с запиской о Панда-Деке, с повестью о Кирджали и воспоминаниями современников о пребывании Пушкина в Молдавии дают возможность подроб-

¹ Б. А. Трубецкой, Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1954, стр. 68.

² Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина (1813—1826), АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 300.

³ Там же.

нее показать, какие же произошли изменения в отношении поэта к Гетерии и чем они были вызваны.

Архивные документы дают возможность высказать предположение о том, что главным толчком к постановке А. С. Пушкиным важнейшей проблемы — проблемы народности, явилось не только «горькое и неверное чувство поэта», вызванное событиями на Западе и расправой правительства с Б. Ф. Раевским, М. Ф. Орловым и П. С. Пушпиным, но и знакомство с окружающей жизнью Бессарабии, с отношением населения к гетеристам, наконец, знакомство с самими гетеристами — героями Скуляя и Секу. Кроме того, Пушкин знал и о тех жестоких преследованиях, которым подвергало царское правительство гетеристов.

В самом начале Гетерии А. С. Пушкин действительно восторженно относился к Ипсиланти, видел в нем руководителя движения. В письме к В. Л. Давыдову поэт писал: «Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — и мертвый, или победитель отныне он принадлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великолепная! Завидная участь»¹. Борьба под руководством Ипсиланти представлялась поэту единым порывом всего народа против турецкого ига. В том же письме А. С. Пушкин писал: «...все шли в войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имения греков в его распоряжении. Сначала имел он два миллиона. Один Паули дал 600 тысяч пиастров с тем, чтобы ему их возвратили по восстановлении Греции. 10 000 греков записались в войско (подчеркнуто мною — Л. О.). Но уже в этом письме, написанном в первой половине марта 1821 г., поэт сообщает, что князь Суццо и русский консул напрасно хотели удержать распространение восстания в Валахии, развернувшегося под руководством Владимиреску. Тудор Владимиреску объявил, что «греки больше не в силах выносить притеснений и грабительств турецких начальников, что они решились освободить себя от ига незаконного, что они намерены платить только подати, наложенные правительством. Сия прокламация встревожила всю Молдавию. Князь Суццо и русский консул напрасно хотели удержать распространение бунта — пандуры и арнауты отовсюду бежали к смелому Владимиреску и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войска»². Александр же Ипсиланти, писал А. С. Пушкин, прибыв из Кишинева в Яссы, был встречен тремястами арнаутов, князем Суццо и русским консулом и тотчас принял начальство города. Это сопоставление отношения русского консула к выступлению Владимиреску и к приезде Ипсиланти показывает, что А. С. Пушкин с самого начала видел неоднородность Гетерии.

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 24.

² Там же, стр. 23.

Национально-освободительное движение, развернувшееся в Молдавии и Валахии, переплеталось с классовой борьбой крестьян против собственных феодалов. К крестьянскому движению под руководством Владимиреску присоединились ремесленники, мелкопоместные бояре, торговцы, отдельные выходцы из крупного боярства. Между восставшим населением и греческими гетеристами была установлена непосредственная организационная связь: корпус под командованием Тудора Владимиреску в составе 6 тыс. человек входил в состав армии под командованием А. Ипсиланти. Но повстанцам неясно представлялись их дальнейшие цели, а часть купечества и боярства, примкнувшая к движению, боялась за целостность своего собственного имущества.

Дальнейший ход событий ясно показал А. С. Пушкину отсутствие единства и среди сторонников А. Ипсиланти. Представители купечества, о патриотизме которых писал А. С. Пушкин, поспешили заявить о своей непричастности к движению.

В Центральном Государственном Историческом архиве МССР сохранилось прошение ясского банкира Андреаса Павли, о котором А. С. Пушкин в письме к В. Л. Давыдову писал, как о патриоте, пожертвовавшем 600 000 пиастров в пользу Гетерии. Этот «патриот» требовал аннулирования выданных им векселей и возвращения убытков за счет имений Ипсиланти и Кантакузина. В своем прошении в Бессарабский Верховный совет банкир Андреас Павли писал: «Сего 1821 года февраля 22 по прибытии в Молдавию в город Яссы князей Александра Ипсилантия и Георгия Кантакузина, в то самое время внезапно видели мы себя в собственных домах наших, окруженными множеством арнаутов, заарестованными и отвлеченными от всякого сношения с приятелями и разного рода людьми и от всякой коммерции, запечатав по повелению его сиятельства и собственный наш магазейн, требуя весьма значительные суммы денег»¹. Далее Павли писал, что на общую сумму, составляющую 564 000 левов, ему выдали из кассы Гетерии расписку в том, что он, Павли, сделал приношение сие добровольно, «что вовсе противно, ибо если бы мы не учинили сие вынужденное приношение, то ни магазейн нам не был бы отпечатан и самая жизнь была бы в опасности»².

Это прошение было написано Андреасом Павли в начале июля 1821 г. в Кишиневе и не было вызвано страхом перед турками за участие в Гетерии. Банкир решительно заявил о своей непричастности к движению и просил покровительства со стороны царского правительства³.

Это нашумевшее дело банкира Павли безусловно было из-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 4, д. 312, л. 3, 4.

² Там же.

³ Там же, л. 5.

вестно А. С. Пушкину и сыграло определенную роль в изменении взглядов поэта на то, кто были настоящие борцы Гетерии.

Расправа над Тудором Владимиреску и бессилие А. Ипсиланти объединить силы восставших и организовать успешные действия против турецких войск вызвали у А. С. Пушкина глубокое чувство досады и разочарования по отношению к бездарному руководству Гетерией. В записке о Панда-Декс поэт писал: «Нет сомнения, что князь Ипсиланти смог бы взять Ибраил и Джуржу. Турки убежали со всех сторон, думая, что видят русских поблизости.

В Бухаресте болгарские депутаты... предложили Ипсиланти поднять всю их страну — он не посмел»¹.

Позднее в повести «Кирджали» А. С. Пушкин писал: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности»². Уход Ипсиланти в Австрию и бегство Кап-такузина в русский карантин перед сражением под Скулянами окончательно раскрыли поэту глаза на тех, кого он восторженно приветствовал в начале Гетерии.

Все это вместе взятое и вызвало горькие слова поэта в письме к П. А. Вяземскому: «...Твоя мысль воспеть его (Байрона) смерть в 5-ой песне его Героя прелестна, но мне не по силам — Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать как о судьбе моей братии негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемисгокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законорожденный их потомок и наследник их школьной славы...»³. Но в то же самое время А. С. Пушкин продолжал сочувствовать борьбе греческого народа и все симпатии его были на стороне простого народа, греков, молдаван, валахов, сербов, болгар, сражавшихся против турецкого ига. В письме к В. Л. Давыдову А. С. Пушкин писал: «...чтобы тебе ни говорили ты не должен был верить, что бы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа... *ничто еще не было столь народно, как дело греков*»... (подчеркнуто мною — Л. О).

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VIII, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 121.

² Там же, т. VI, стр. 359.

³ Там же, т. X, стр. 93.

⁴ Там же, т. VIII, стр. 98.

В повести «Кирджали» А. С. Пушкин писал: «Ипсилантиускал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи большей частью погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь против неприятеля вдесятеро сильнеешего»¹.

Кратко рассказав о мужественной борьбе под Скулянами горстки гетеристов против 15-тысячной турецкой конницы, А. С. Пушкин указывает, что после победы турок «около шестисот арнаутов рассыпалось по Бессарабии, не ведая, чем себя прокормить...».

Эти данные А. С. Пушкина подтверждаются архивными материалами. По сведениям Скулянкой карантинной конторы, хранившимся в ЦГИА МССР, после битвы под Скулянами перешло через границу и было направлено в Оргеев около 600 гетеристов, а всего в 1821 г. границу перешли 914 гетеристов, не считая членов их семей².

Статистические данные наглядно показывают, что отряды гетеристов, отступивших на территорию Бессарабии, были также интернациональны, как и само это движение на территории Молдавии и Валахии. В этой группе были молдаване и русские из Бессарабии. Так, например, Василий, Николай и Данил Карпенко были из Кишинева, Давид Хуцул — из Тирасполя, Лука Чиботару — из Дубоссар, Семен Гангану — из Фалешт, Андрей Ирушванов — из Теленешт, Василий Гарайтари — из Леова и другие. Некоторые гетеристы были родом из Херсона и Подольской губернии. Из Херсона были Георгий Малчинков и Дмитрий Махай, из Подольской губернии — Василий Подгурянский и другие. Родом из Варшавы были поляки Иван Соловьев, Иван Хужий, Аксентий Танчук и другие.

Таким образом, статистические данные, храниющиеся в ЦГИА МССР, полностью подтверждают сведения А. С. Пушкина и об интернациональном составе гетеристов.

В то время, как крупное молдавское боярство и купечество Бессарабии в своем большинстве отрицательно относилось к Гетерии, часть мелких помещиков, сербских эмигрантов, каларашей, мазылов, ремесленников и крестьян не только сочувственно относились к борьбе гетеристов, но оказывали им непосредственную помощь. Население ухаживало за ранеными в боях гетеристами, участвовало в сборе средств для немущих беженцев из Молдавии и Валахии. Все это видел и обо всем этом знал А. С. Пушкин.

На территории Бессарабии существовало две тайных небольших организации, ставивших себе целью оказывать помощь Гетерии. Об одной из этих организаций сообщалось в се-

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VI, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 360.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. I, д. 766, л. 3.

кретном рапорте хотинского прокурора к бессарабскому гражданскому губернатору Катакази. В рапорте говорилось: «Находясь по делам службы в цынуте, узнал я, что жительствующий в селении Форосной, владелец небольшой части сего селения Илия Циплик, приглашая к себе разного звания людей, обучает их военному искусству, таковых на вербовал уже до 20 человек. С ним единомысленно действует, как сказывают, и сербский чиновник воевода Янко Цынцарь, живущий в соседстве с г. Ципликою в селении Белоуцах, и по словам некоторых из слуг их, оба они намереваются, собравши побольше волонтеров, переправиться через Прут в Молдавию и, соединясь с греческими волонтерами, вступить с турками в дело».

Таким образом из рапорта прокурора видно, что Циплик и Цынцарь собирали свой отряд для перехода через Прут не в начале Гетерии, а в то время, когда турки стали уже громить гетеристов.

Это «великое заблуждение», по мнению прокурора, могло произойти от их неблагонадежности. В доказательство прокурор приводит тот факт, что «Циплик и Цынцарь имеют недостаточное состояние, Циплик был на подозрении исправничества в укрывательстве дезертиров, а собранные ими люди бóльшей частью не имели письменного вида».

1 июля 1821 г. на имя цынутного прокурора последовало секретное предписание полномочного наместника Инзова о принятии самых решительных мер. Цынутному прокурору предлагалось взять с собой чиновника от исправничества и, «потребовав достаточное число земских казаков», арестовать «тамошнего владельца Илию Циплика и живущего в соседстве с ним сербского чиновника воеводу Янка Цынцара, а также собранных ими людей, произведя аккуратнейшее о поступках их расследование и допросив о настоящей цели их предприятия, а равно и побудившей их к тому причине».

Илья Циплик был арестован и посажен в хотинскую городскую полицию, туда же были «отправлены для содержания под караулом и все те люди, коих согласил было Циплик ехать с собою за Прут в Молдавию с намерением быть в составе греческих волонтеров».

По неполным данным аккерманского цынутного суда, в Аккермане существовало второе небольшое тайное общество. Во главе его были мелкие молдавские помещики: каминарь Егор Костин, пахарник Когылничан, каминарь Кацика Иордакий и Баласакий. По-видимому у них были какие-то связи с 32-м егерским полком. В 1823 г. они помогли группе гетеристов, пытавшихся бежать из Бессарабии в Молдавию. Из донесения начальника штаба 6-го пехотного корпуса генерал-майора Вахтена к гражданскому губернатору Тимковскому видно, что «находящийся в Кинбургской крепости в работе этерист Николай Дмитриев между прочим показал, что пагарник Когэлничан,

сулжер Косгин, каминарь Кацика и дворянин Баласакий совокупно с нижеследующими лицами: Архоном Скипою, майором Хпатисом, Наумом Георгием, Полою Андри и Неаполитисом, суть основателем этеристской шайки, пойманной в Бессарабии в мае месяце 1823 года»¹.

Общество существовало с 1821 по 1825 гг., а затем было выдано иеродиаконем Ракутою. Иеродиакон, узнав о существовании тайного общества, из корыстных целей стал писать от имени Когэлничану письма к разным лицам, а потом донес правительству об обществе. По доносу иеродиакона Когэлничан, Баласакий, Костин были арестованы и два года просидели в заключении. Определение Бессарабского областного правительства и результат дознания главнокомандующего 2-й армией были пересланы на рассмотрение Николая I. Дело затнулось до конца 1827 г., когда произошли значительные изменения в политике царской России по отношению к грекам в связи с готовившейся войной против Турции. Дипломатические соображения, по-видимому, повлияли на решение вопроса и в результате арестованные были освобождены, а иеродиакон обвинен в составлении ложных писем.

До окончательного решения дела Когэлничану выехал из Бессарабии в Яссы. Больше сведений об этом деле сторонники Гетерии пока не найдено.

Хотя сведения об отряде Циплика и Цынцаря и аккерманской организации Когэлничану отрывочны и не полны, но они показывают, что представители мелких помещиков, служащих, каларашей, мазылов и казаков не только сочувствовали Гетерии, но стремились принять в ней активное участие, оказывали помощь гетеристам.

А. С. Пушкин, внимательно следивший за всеми событиями Гетерии, без сомнения, должен был знать от Инзова о раскрытии группы Циплика. Возможно, что у него были сведения и об аккерманской организации.

Царское правительство смотрело на гетеристов, перешедших на территорию Бессарабии от преследования турок, как на «опасных смутьянов», оно установило за ними строжайший надзор и безжалостно расправлялось при малейшем подозрении. Все это происходило на глазах поэта и вызывало у него гневный протест против правительства царской России, которую он называл «родной Турцией». В письме к (И. С.) Тургеневу он писал: «Поздравляю Вас, почтенный Сергей Иванович, с благополучным прибытием из Турции чужой в Турцию родную. С радостью поехал бы я в Одессу побеседовать с вами и подышать чистым европейским воздухом, но я сам в карантине, и смотритель Инзов не выпускает меня, как зара-

¹ ЦГИА МССР, ф. 38, оп. 1, д. 431, л. 147.

женного какою-то либеральной чумой. Скоро ли увидите Вы северный Стамбул?»¹

Какие же факты расправы с гетеристами происходили во время пребывания поэта в Кишиневе?

Архивные материалы показывают, что основные партии гетеристов были направлены под конвоем воинских частей из Скулянской карантинной заставы в Оргеев, а из Новоселицкой — в Хотин. В отличие от бежавшего из Молдавии и Валахии населения, большая часть гетеристов не имела с собой ничего, кроме оружия. Через несколько месяцев после перехода границы многие гетеристы были арестованы и сосланы.

В конце 1821 г. за участие в военных действиях был арестован сербский чиновник Милованович, штабс-капитаны Башкович и Салтанович, капитаны Анастасий Иванов и Петров и поляк Букатор. Все они были сосланы в Оренбургскую губернию и находились там до января 1824 г. В апреле 1822 г. было дано указание об аресте Георгия Кирджали, Георгия Калауса и капитана Коста. С этого времени особенно усилилась конфискация оружия у гетеристов и слежка за ними.

Еще 21 апреля 1821 г., как показывают материалы ЦГИА МССР, всем земским исправничествам были розсланы секретные предписания гражданского губернатора о тщательном наблюдении за гетеристами, конфискации оружия и об аресте гетеристов, если они покажутся в селениях около границы по реке Прут². Такого же характера были и открытые предписания, выдаваемые чиновникам полиции. Этими чиновникам, посылавшимся для ареста гетеристов и отобрания оружия, в случае надобности предписывалось оказывать помощь и силами военных команд.

Гетеристы, находясь на территории Бессарабии, рассматривали свое пребывание как временное и стремились вернуться в свое отечество. Одни из них рвались в Грецию, где шла освободительная борьба, но большая часть в Молдавию и Валахию. Видя, что правительство не намерено отпустить их на родину, они стали устраивать тайные склады оружия и вести между собой переговоры об организованном переходе границы через Прут.

Один из таких складов был обнаружен 19 мая 1823 г. в Кишиневе в погребе дома, принадлежавшего Ивану Ильяди. В погребе было найдено 194 ока свинца, 2 бочонка пороха, 400 пуль, 1800 патронов, половинка бочонка кремней и три формы для отливки пуль. Полиция, отыскав склад оружия, арестовала 7 гетеристов: Янко Становича, Ивана Константиновича, Елисарди Дуть, Стеле Дмитриева, Шербана Возияна, Михай-

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 30.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 831, лл. 5—6.

ло Цыгана и Александра Моноляева. Находка склада оружия крайне обеспокоила областное правительство. Исполняющий должность бессарабского областного прокурора в своем рапорте бессарабскому гражданскому губернатору Катакази писал: «...нельзя не полагать, дабы в так обширном городе, наполненном подобного рода людьми, не было и более где либо в скрытых местах таковых же и амуниционных заготовлений, дабы изобличенные ныне в сем случае не имели более товарищей или целых шаек»¹. Прокурор Оргеевского цыгута Хасанов предложил кишиневской полиции принять все строгие меры к «скорому и секретным образом разысканию по всем погребам и другим местам и об открытии виновных с товарищами, ибо при ослаблении в сем разе может возникнуть неприятные последствия для целого народа»².

В конце мая гетеристы решили отрядом в 250—300 человек прорваться через границу и уйти в Молдавию и Валахию. Во главе гетеристов были капитан Михайла Шеин, капитан Ангел Иванов, капитан Янакий Булукбаша, капитан Дмитрий Попондопуло, Дмитрий Георгиев и Дмитрий Аграфоти.

27 мая 1823 г. гетеристы назначили сбор за кладбищем Кишинева и выступили по направлению к Ганчештам. В Ганчештах при подсчете оказалось, что собралось только 194 гетериста, но несмотря на это они двинулись к Пруту. Оружие пришло вместе с ними в Ганчешты на 3 возах. Возчиком был молдаванин из соседнего села. По приказу Иззова полковник Извалов отправился из Кишинева «для изловления скопившихся в лесах близ м. Ганчешты этеристов». В Гура-Галбинском лесу гетеристы были окружены 5-й сотней казаков, без сопротивления были разоружены и под конвоем возвращены в Кишинев. У гетеристов было отобрано 93 ружья, 38 пистолетов, 27 сабель. Дело было доведено до сведения Александра I и по его приказу возглавившие побег гетеристы были преданы суду, а остальные, участвовавшие в побеге, сосланы «в крепостные работы по крепостям Дунайского округа».

31 мая 1824 г. бессарабский уголовный суд слушал решение оргеевского цыгунного суда. В нем говорилось, что гетеристы «намерены были истребить турок, атаковать всех тех людей, которые осмелились им противиться и таким способом пробиться за Дунай в свое отечество, а из сего легко могло произойти в Молдавии возмущение подобное бывшему в 1821 году». Руководители гетеристов были приговорены к наказанию тридцатью ударами кнута каждый, клеймению и ссылке в Сибирь на каторжные работы. К наказанию кнутом

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 3, д. 14, л. 15.

² Там же.

был приговорен и возчик-молдаванин, перевозивший оружие гетеристов.

А. С. Пушкин знал о попытке гетеристов вернуться на родину и о расправе с ними не только от Инзова, но и от И. П. Липранди и самих гетеристов, участвовавших в побеге. В заметках на статью «Пушкин в Южной России» И. П. Липранди писал о том, что служивший у него арнаут Георгий Джавела участвовал в побеге. При окружении гетеристов казаками, пять человек, в том числе и этот Георгий Джавела, успели скрыться лесу от облавы, тайно возвратились в Кишинев и как бы никогда не оставляли оный, хотя все знали, что и они были из числа желавших бежать»¹ По свидетельству Липранди А. С. Пушкин знал этого арнаута и любил беседовать с ним.

Итак, архивные материалы, хранящиеся в ЦГИА, дают возможность, до некоторой степени, представить отношение различных групп населения Бессарабии к Гетерии и сообщают ряд фактов о последующей судьбе гетеристов, свидетелем которых был А. С. Пушкин. Эти факты, безусловно, были известны А. С. Пушкину и в значительной мере повлияли на его отношение к Гетерии. События показали ему, что не Ипсиланти и Павли, о которых он вначале так восторженно писал, были подлинными борцами национально-освободительного движения, а простые люди, представители различных национальностей. В то время как бояре предъявляли иски к гетеристам, смотрели на них как на грабителей, представители мелких помещиков, каларашей, мазылов, ремесленников, царан создавали тайные организации в пользу Гетерии, вступали в ее ряды.

Горячее стремление гетеристов вернуться в Молдавию и Валахию и продолжать борьбу, жестокие репрессии, которым подвергало царское правительство гетеристов, находившихся на территории Бессарабии, — все это сближало А. С. Пушкина с демократической частью гетеристов. В результате интерес поэта к Гетерии, к национально-освободительному движению не ослаб, но получил новое направление. Оставив тему об Ипсиланти и об Иордаки Олимпиоти, А. С. Пушкин в повести о Кирджали — соратнике Тудора Владимиреску, выразил свое сочувствие к наиболее демократической части Гетерии, борющейся и против турецких завоевателей и против своих бояр. Это показывает, что А. С. Пушкин не рассматривал Гетерию как единое целое, а шел дальше дворянских революционеров, реалистически изображая в своих произведениях борьбу народных масс.

¹ «Русский архив» № 10. 1866 (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди, стр. 1404).

Б. А. ТРУБЕЦКОЙ

ПУШКИН В ПЕЧАТИ БЕССАРАБИИ XIX—XX вв.

В 1839 г., через два года после смерти Пушкина, молдавский писатель К. Негруци опубликовал в новелле «Калипсо» воспоминания о великом русском поэте. Они явились первыми сообщениями о Пушкине кишиневского периода в *молдавской* печати Бессарабии XIX в.

В 1862 г. в «Бессарабских областных ведомостях» № 2 на стр. 7 была опубликована анонимным автором¹ статья очеркового характера «Кирджали», в которой пересказывались ставшие впоследствии общеизвестными сведения о гетеристе Кирджали, о его побеге, поимке и казни. Здесь же указывалось, что Кирджали описан Пушкиным в его повести 1834 г. «Кирджали». Эта статья 1862 г. была первым по времени упоминанием, хотя и в косвенной форме, о Пушкине кишиневского периода в *русской* печати Бессарабии XIX в.

После упомянутой статьи о Кирджали появляется следующая по времени статья о Пушкине анонимного автора, скрывающегося за инициалами Г. Г. (Гане?) «Несколько слов о А. С. Пушкине», опубликованная в «Бессарабских областных ведомостях» за 1866 г., № 44, стр. 319—320.

Однако следует отметить, что и до 1866 г. в «Бессарабских областных ведомостях» появлялись статьи, в которых встречаются замечания о Пушкине, его творчестве в кишиневский период, например статья Г. Филатова «Очерки Бессарабии. Народная литература у молдаван», опубликованная в: №№ 13—16 за 1861 г.; статья о цыганах №№ 34—50 за 1865 г.

¹ Автор скрывается за инициалами К. Х. Это — Карагуш, автор статей «Пушкин в Кишиневе» и «По городам и весям Бессарабии», опубликованных в «Новороссийском телеграфе» в мае.

Указанная выше статья «Несколько слов о А. С. Пушкине» (1866 г.) представляет пересказ известной новеллы (точнее литературного письма) «Калипсо» молдавского писателя, современника и знакомого Пушкина К. Негруци. Новелла была опубликована в книге К. Негруци «Грехи юности», изданной в Яссах в 1857 г.

О значении этих воспоминаний, пересказанных в русской статье «Бессарабских областных ведомостей» за 1866 г., и об интересе, который пробудили они среди русских читателей, свидетельствует значительное количество других переводов и пересказов на русском языке новеллы К. Негруци «Калипсо», появившихся в столичной и одесской печати в XIX в., например, в журнале «Исторический вестник» за 1884 г., № 2, в газете «Южное обозрение» за 1899 год, № 817 от 23 мая.

Наиболее полно, с обширными комментариями к ним, письма К. Негруци были переведены в серии статей, опубликованных А. Мавродиادي в «Бессарабских областных ведомостях» за 1869 г. в №№ 96, 97 и 98 под общим заголовком «Черная шаль» Пушкина». Первая статья, опубликованная в № 96 на стр. 327, озаглавлена «Несколько слов вместо предисловия». В этой статье автор высказывает сожаление о том, что «...до сих пор наша печать более занималась политическими делами в княжествах, оставляя без внимания литературу, ее исторические памятники». И, указывая на необходимость ознакомления читателей, и в первую очередь русских, с творчеством молдавских (румынских) писателей, автор сообщает, что в одном из ближайших номеров будут представлены переводы двух писем румынского писателя Константина Негруци.

Далее автор статьи высказывает, безусловно ошибочную мысль о том, что стихотворение Пушкина «Черная шаль» не является переделкой молдавской песни, объясняя это тем, что если бы существовала такая песня, К. Негруци не стал бы переводить «Черную шаль» Пушкина на молдавский язык. Думается, что в данном случае нет оснований не доверять Пушкину, который в подзаголовке печатного текста и в белой рукописи стихотворения «Черная шаль» писал: «Молдавская песня». В заключение статьи, излагая содержание книги К. Негруци «Грехи молодости», автор сообщает о помещенных в конце книги «Письмах к другу, носящих фельетонный (то есть очерковый — Б. Т.) характер». В следующих номерах 97 и 98 опубликованы эти очерки — письма К. Негруци: «Пещеры монастыря Нямцу» и «Калипсо». В первом из них рассказывается о судьбе некоей девушки, жившей в монастыре и умершей там, а во втором — о жизни К. Негруци в Кишиневе, встречах его с Пушкиным и

гречанкой-эмигранткой Калипсо, о ее смерти в монастыре Няму.

В 1868 г. в «Бессарабских областных ведомостях» № 32 была опубликована статья М. З. «Образец делового слога Пушкина», перепечатанная в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1868 г., в № 227.

Таковы сведения о Пушкине, опубликованные в печати Бессарабии 60 гг. XIX в.

В печати Бессарабии 70 и 80 гг. XIX в. мы почти не встречаем работ, посвященных жизни и творчеству Пушкина в Молдавии, что объясняется упадком пушкиноведения в период этих лет.

В 80 гг. появляются краткие сообщения, связанные с открытием в 1885 г. памятника Пушкину в Кишиневе. Отдельным изданием опубликована речь А. Кочубинского «Черты края в произведениях Пушкина», произнесенная им в Кишиневе 26 мая 1885 г. при открытии памятника поэту.

Наибольшее количество материалов о жизни и творчестве Пушкина в кишиневский период появляется в печати Бессарабии в 90 гг. XIX в., в связи со 100-летием со дня рождения Пушкина, отмечавшемся в 1899 г. При этом нужно заметить, что подавляющее большинство статей о Пушкине в Молдавии публикуется (причем зачастую кишиневскими авторами) и в столичной, и в одесской печати: «Русский архив», «Русская старина», «Новое время», «Московские ведомости», «Москвитянин», «Одесский листок», «Южное обозрение», «Одесский вестник», «Новороссийский телеграф» и в других периодических изданиях.

В русской печати Бессарабии конца 90-х гг. XIX в. появляется также довольно значительное количество материалов, освещающих жизнь и творчество Пушкина в Молдавии.

Среди статей, опубликованных в русской периодической печати Бессарабии конца 90 гг. XIX в., мы можем назвать, в частности, следующие: «К юбилею Пушкина» (без автора), («Бессарабец», 1898 г. от 5/XI), «Где жил Пушкин в Кишиневе» В. И. Оата («Бессарабец», 1898 г. от 8/XI). В первой из этих статей, отмечая равнодушие со стороны официальных кругов Кишинева к 100-летию юбилею великого русского поэта, газета пишет: «В Кишиневе по этому поводу, как говорится, полное затишье». Далее, говоря о том, что Пушкин до переезда в дом Инзова временно проживал в другом доме (то есть в доме Наумова), газета с горечью замечает: «но где этот дом, никто не знает, так как никто никогда не задавал себе труда отыскать его и сохранить».

В статье «Где жил Пушкин в Кишиневе» автор ее В. И. Оат, старожил Кишинева и преподаватель кишиневской гимназии, дает сведения о доме И. Н. Наумова, которые он в том же году сообщил в письме к А. Яцимирскому, профессо-

ру Петербургского университета и автору известной статьи «Пушкин в Бессарабии» (1908 г.)

В газете «Бессарабец» за 1899 г. в № 40 была опубликована статья И. Халиппы «А. С. Пушкин в Бессарабии. Заметки, воспоминания, документы из эпохи пребывания А. С. Пушкина в Бессарабии», в которой сообщается, наряду с общими сведениями, и о новых архивных материалах («Дело о подписке на сочинения А. С. Пушкина»).

В статье «Пушкин в Кишиневе» («Бессарабец» за 1899 г. от 22/V) автор Я. Кобылянский (сын того Кобылянского, о котором упоминает И. П. Липранди) сообщает со слов отца ряд интересных сведений о Пушкине. В частности, Кобылянский сообщает о каком-то доме на Золотой улице (затем—Харлампиевской, а теперь Стефана Великого), где жил якобы Пушкин после пребывания в доме Инзова. «Покойный отец,— сообщает Кобылянский,— водил меня в этот дом... и рассказывал о скромной обстановке квартиры поэта».

В статье «А. С. Пушкин в Кишиневе» (без автора), опубликованной в газете «Бессарабец» за 1899 г. от 25 V, сообщается о торжественной закладке народной аудиторнии имени А. С. Пушкина, сооруженной на средства, добровольно пожертвованные населением Кишинева.

В газете «Бессарабец» за 1899 г. от 30 V опубликована речь Л. И. Миленко, произнесенная им на вечере драматического общества в память А. С. Пушкина.

Наряду с материалами о Пушкине, опубликованными в русской периодической печати Бессарабии конца 90-х гг. XIX в., в это же время в Кишиневе вышли и отдельные печатные издания о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии. Из них наиболее значительной является работа И. Халиппы «Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина, 1820—1823 гг.», Кишинев, 1899 (отдельный оттиск из «Трудов Бессарабской губернской ученой архивной комиссии», т. 1, Кишинев, 1900 г., стр. 97—163). Следует также отметить маленькую брошюру А. Воскресенского «Пушкин в Бессарабии. По поводу столетия со дня рождения поэта», Кишинев, 1899, почти всю посвященную рассказам о встрече Пушкина с цыганским табором на окраине Кишинева. В основе этих рассказов лежат измышления Е. Францевой, опубликовавшей вздорные воспоминания о Пушкине со слов своего отца — Кириенко-Волошинова, сослуживца Пушкина по Кишиневу (см. статью Е. Францевой «А. С. Пушкин в Бессарабии (из семейных преданий)», «Русское обозрение» за 1897 г. №№ 1, 2 и 3). В этот же период опубликована и справочная статья о жизни и творчестве Пушкина в Кишиневе в «Настольном литературно-экономическом календаре» Британа «Бессарабия» на 1895 г., Кишинев, 1894 г. стр. 57—72).

В «Молдавской пушкиниане» начала XX в. в периодической печати появляются не только серьезные, подлинно научные статьи, но и книги о Пушкине. Среди статей мы можем назвать, например, статьи Н. Лернера, опубликованные в «Бессарабских губернских ведомостях» за 1902 г.: «Нечто новое о Пушкине» (в № 88 за 19/IV) и «Еще о Гавриилиаде» Пушкина (в № 225 за 15/X).

Интересно отметить тот факт, что Н. Лернер, упоминая о письме Пушкина, посланном им к царю Николаю I в связи с выявлением автора «Гавриилиады», указывает: «это письмо... сохранилось» (см. «Бессарабские губернские ведомости» за 1902 г. от 19/IV, стр. 2), тогда как во всех современных комментариях говорится о том, что это письмо до нас не дошло. Но может быть Н. Лернер не мог опубликовать письмо из цензурных соображений? Во всяком случае раз есть сигнал о наличии документа, необходимо порыться в архивах и установить достоверность сообщения.

И, наконец, можно указать на компилятивную во многом статью «Кишинев во времена Пушкина», опубликованную в «Юбилейном сборнике Кишинева 1812—1912 гг.» (Кишинев, 1914 г., стр. 23—43), а также отметить статью Гане «По следам А. С. Пушкина в Бессарабии», опубликованную в журнале «Новый путь» (1936, № 2—3, стр. 39—44). О ряде других статей, опубликованных в различных периодических изданиях и сборниках, вышедших в XX в. в Молдавии, говорить нет необходимости, ввиду их незначительности.

Из книг о Пушкине в Молдавии, вышедших в XX в. в Кишиневе, можно указать на сумбурно построенный «Календарь дней Пушкина» Неговского (в котором, правда, есть отдельные интересные материалы). Юбилейное издание 1937 г. в шести выпусках, Кишинев, 1937 г. (кишиневскому периоду посвящен вып. V, стр. 419—430) и книгу А. Н. Шимановского «Александр Сергеевич Пушкин в Кишиневе, в связи с предыдущей и последующей жизнью, Кишинев, 1900 г.», в которой дается популярный рассказ о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии, несвободный от вульгарно-обывательского освещения ряда сторон жизни Пушкина в Кишиневе. Но это, пожалуй, единственная более или менее содержательная работа из вышедших в Молдавии в течение XIX—XX вв. Такова «Молдавская пушкиниана» в печати Бессарабии XIX—XX вв.

И только в советское время, в послевоенный период, в Молдавии развернулось по-настоящему глубокое изучение жизни и творчества Пушкина и, в особенности, кишиневского периода.

С. Я. БОРОВИЧ

ОДЕССА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Одесский год жизни Пушкина уже давно привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей, поскольку время пребывания поэта в Одессе было очень значительным этапом в его идейной и творческой биографии¹.

Литература, посвященная теме «Пушкин в Одессе» или «Пушкин и Одесса», охватывает сотни названий книг, статей, заметок. Не так скудны и дошедшие до нас источники по этой теме (документальные, эпистолярные)². Но можно ли сказать, что в пушкиноведении сложилось достаточно ясное, вполне отвечающее исторической правде представление об Одессе 20-х годов XIX в.?

Вопрос об одесском общественно-политическом и литературном окружении Пушкина, вопрос об его непосредственном влиянии на развитие прогрессивной, передовой культуры Одессы так же, как и вопрос о том, что Пушкин «взял» от Одессы, мы сможем правильно разрешить, только имея верное представление об Одессе 20-х годов XIX в., рассматривая историю города в его реальных связях с социально-экономическими процессами, которые протекали тогда в стране. Ведь история города — это прежде всего история его трудового населения.

¹ Фактические материалы по этому вопросу см. в кн. М. А. Цявловского, *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, т. I, М., 1951, стр. 389—499.

² Библиографический указатель «Пушкин в Одессе», составленный автором этой статьи совместно с М. В. Рапопорт (неопубликованный), охватывающий литературу до 1938 г., содержит 236 названий, причем в указатель не включены работы компилятивного или популяризаторского характера.

История Одессы всеми своими корнями связана с историей степной Украины, переживавшей в пушкинскую пору период исключительно быстрого развития производительных сил и интенсивного разложения феодально-крепостнической системы.

Экономическое развитие России и Украины в период кризиса крепостничества, который ознаменовался обострением классовых противоречий, привело к тому, что «Новороссия» — особенно ее города — заселялись тогда в значительной мере беглыми крепостными, и это налагало особый отпечаток на быт и общественные отношения.

Это вызвало недовольство и возмущение у представителей реакционных дворянских кругов. Так, А. П. Сумароков, говоря о русском и украинском населении Крыма в последние годы XVIII в., писал: «...почти все пришельцы состоят из побродяг, беглецов, людей распутных»¹. Ему вторил И. Долгоруков, побывавший на юге Украины в 1810 г.: «...страна новая... вся заселена беглыми и бродягами»². Ф. Вигель, занимавший одно время видный административный пост в «Новороссии», писал в своих воспоминаниях: «бродяги, беглые мужики из помещичьих имений целой России были коренными жителями края»³.

Это предопределило и структуру населения Одессы — экономического, административного и культурного центра всего этого обширного края.

В 1819 г., то есть за несколько лет до приезда Пушкина в Одессу, одесский градоначальник писал министру полиции: «...я нахожу нужным объяснить состав населения Одессы. Сначала, как обыкновенно, бывает при новом поселении, здесь принимались и записывались все явившиеся: три четверти мещан и многие русские купцы суть беглые господские крестьяне и даже преступники, избегнувшие преследования с переменою имён»⁴.

В Одессе пушкинской поры был сравнительно высок процент иностранного населения. Приморское расположение города, его тесные связи с портами Южной Европы наложили на город свой отпечаток. На улицах города, особенно в его «фасадных» кварталах, часто слышалась итальянская, французская, греческая речь. Но не эта прослойка определяла подлинный облик города, его общественно-политическую и культурную жизнь.

¹ А. П. Сумароков, Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду, ч. II, СПб., 1805, стр. 3.

² И. Долгоруков, Славны бубны за горами или мое путешествие кое-куда в 1810 г., М., 1870, стр. 177.

³ Ф. Вигель, Воспоминания, ч. 6, М., 1865, стр. 91.

⁴ Опубликовано Ю. Оксманом в Ученых записках Саратовского государственного университета, XX, 1948, стр. 67—68.

Истинное содержание жизни города и в пушкинскую пору определялось ее основным, трудовым населением.

И в начале XIX в. были две Одессы: одна Одесса официальная, представленная высшим чиновничеством, аристократией, богатыми «негоциантами». Эта Одесса в своей подавляющей части была чужда русской передовой культуре, а иногда даже активно враждебна ей.

Этой официальной, реакционной Одессе противостояла передовая Одесса — город рабочих, ремесленников, прогрессивной интеллигенции и части дворянства, втянутой — в той или иной мере — в круг идей, которыми жили «лучшие люди из дворян» — дворянские революционеры, декабристы. Передовая Одесса жила одной жизнью с прогрессивной Россией и Украиной. Она с патриотическим подъемом откликнулась на события Отечественной войны 1812 г. Наступившие за этим годы разгула реакции, обострения нужды и бедствий угнетенных классов, усиления массовых движений вызвали глубокую патриотическую тревогу у передовых людей России. Яркое проявление этих процессов общественного развития мы наблюдаем и в Одессе тех лет.

Передовая интеллигенция Одессы активно участвует в общественной борьбе своей родины в дворянский период истории революционного движения.

Это иллюстрирует широко известный в нашей литературе документ — письмо Александра I от 1824 г., где писалось: «я имею сведения, что в Одессу стекаются из различных мест... многие такие лица, кои с намерением или по легкомыслию занимаются одними неосновательными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние»¹. В своем письме, написанном 12 декабря 1825 г., то есть за два дня до восстания на Сенатской площади, но уже после того, как ему стало известно о наличии заговора, Николай I также указывал: «По всему видно, что в Одессе должно быть гнездо заговорщиков»². Эту мысль разделял великий князь Константин Павлович, который видел в Одессе и в Киеве «очаг всех этих происков»³. Что же создало Одессе репутацию одного из очагов нарастающего революционного движения?

Напомним, что еще в 1822 г. в Одессе возник тайный кружок «Общество пезависимых». Организатором его был В. Сухачев, приказчик одесской торговой фирмы. Участниками этого кружка революционно-настроенных разночинцев были также Аристов, служивший у нотариуса, мелкие чиновники Радулов, Леонтьев и другие. В программе общества говори-

¹ «Русская старина», кн. I, 1904, стр. 358. См. также: А Флоровский, Сборник высочайших грамот и указов в архиве угражденного Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления, Одесса, 1912.

² Н. Шильдер, Николай I, т. I, СПб., 1903, стр. 247.

³ Сборник РИО, т. 131, стр. 19.

лось: «следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть во всем равным, признавать натуру творцов всего». Во время обыска у Сухачева были найдены рукописные отрывки из произведений Радищева, списки вольнодумных и нелегальных стихов Пушкина и другие¹.

В Одессе существовала и масонская ложа «Понт эвксинский». Как известно, масонство в целом было далеко от прогрессивных устремлений своего времени. Но в условиях России начала XIX в. в масонские ложи входили иногда и прогрессивные люди, использовавшие их как возможную в тех условиях легальную форму организации. И в одесской ложе «Понт эвксинский» можно было встретить явно неблагонадежных людей. Одним из членов этой ложи был декабрист-разночинец Борисов, организатор «Общества соединенных славян». В 1821 г. власти с тревогой отмечали, что в Одесской ложе ведутся политические дебаты, в которых участвуют офицеры².

О том, что в Одессе конца первой половины 20-х годов происходили сборища «вольнолюбцев», в той или иной мере разделявших настроения и чаяния передовых людей «преддекабристской» России, свидетельствует следующая запись на страницах «Исповеди» Шервуда: Случалось мне быть в доме таможенного начальника в Одессе, Плахова, где обыкновенно всегда бывали вечера... на одном вечере случилось несколько офицеров из 2-й армии... эти господа до такой степени вольно говорили о царе, о переменах, которые ожидает Россия, о каком-то будущем блаженстве, так что я уже почти никакого сомнения не имел, что что-нибудь да кроется...»³.

Напомним также, что Воронцов в письме к Нессельроде (от 28 марта 1824 г.), в котором он просил выслать Пушкина из Одессы, подчеркивал, что Пушкин должен быть послан туда, где «он нашел бы для себя среду менее опасную»⁴.

Вглядываясь в общественно-политическую жизнь Одессы

¹ Подробнее см. в статьях Ю. Оксмана, Одесские вольнодумцы пушкинской поры, «Былое», 1923, № 21 стр. 49—56; его же; «Отзвуки декабрьских событий в Новороссии» сб «Декабристы»; неизданные материалы и статьи, М., 1926, стр. 75—80; его же: Кольцов и тайное общество независимых, Учёные записки Саратовского государственного университета, т. XX, стр. 57—70.

² Одесский областной государственный архив, ф. 2, оп. I, д. № 46а, «О закрытии тайных масонских и других обществ, лож», 1822, ср. также: А. Флоровский, Состав масонской ложи «Понт эвксинский» в Одессе, «Известия одесского библиографического общества», т. I, 1913, стр. 351—356; «Рух декабристов на Україні», Харків, 1926, стр. 127—128; В. Семевский, Политические и общественные идеалы декабристов, СПб., 1909, стр. 318; М. Нечкина, Общество соединенных славян, М., 1927, стр. 191.

³ Исповедь Шервуда-Верного, «Исторический вестник», 1896, январь, стр. 70.

⁴ «Красный архив», 1900, № 1 (38), стр. 174. В данной публикации это письмо было ошибочно датировано 24 марта. Обоснование исправленной даты см. в «Литературном наследстве», т. 58, стр. 42.

20-х годов, мы видим, что с городом связали свою жизнь многие декабристы.

Декабристы, братья Александр и Иосиф Поджио, были сыновьями одесского «подлекаря» и обучались в Одессе; декабрист Н. И. Лорер был уроженцем Одессы, а А. С. Корнилович — воспитанником Одесского лицея. Жителями Одессы были декабристы Н. С. и Н. А. Булгари, связанные, кстати, с деятелями греческого национально-освободительного движения, П. П. Трубецкой, член «Союза благоденствия», брат «диктатора», был начальником одесского таможенного округа. Посещая Одессу, останавливались в ней иногда на продолжительный срок П. И. Пестель, М. Ф. Орлов, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, М. С. Лунин, Н. А. Фонвизин, И. Г. Бурцов, Н. В. Басаргин, А. Ф. Юшневский, И. И. Сухинов, Н. Н. и А. Н. Раевские, П. А. Муханов, И. И. Пушкин, И. А. Чижов. Побывал в Одессе и виднейший деятель «Северного общества» Ник. Муравьев, который в своем плане федеративного переустройства России предсказал Одессе роль столицы «Черноморской державы».

Одесса той поры сыграла выдающуюся роль в национально-освободительном движении греческого народа. В 1814 г. в Одессе было основано тайное общество «Гетерия», возглавившее подготовку к восстанию в Греции против турецкого владычества. Сообщая о начале греческого восстания, П. Пестель писал: «Греки из Одессы прибывают в очень большом количестве, и волнение в Одессе чрезвычайное»¹.

Известно, с каким вниманием и сочувствием следил Пушкин (как и все передовые люди его времени) за ходом греческого восстания, начавшегося как раз во время его пребывания на юге. Письма Пушкина из Кишинева и Одессы полны упоминаний об этом восстании.

Характеризуя общественно-политическую атмосферу Одессы пушкинской поры, следует отметить, что в Одессе жили тогда и многие представители польского национально-освободительного движения. Некоторые из них были связаны с русскими революционерами и в той или иной мере оказались под влиянием декабристской идеологии.

В этой связи особого внимания заслуживает Маврикий Гославский (1802—1834). Выходец из мелкой подольской шляхты, М. Гославский окончил Кременецкий лицей, в течение некоторого времени был домашним учителем в богатой польской семье, с которой переехал в Одессу. Впоследствии он выступает как один из самых мужественных участников восстания 1831 г. За свою недолгую жизнь, трагически оборвавшуюся в австрийской тюрьме, он написал большое число

¹ Цит. по Б. Сыроечковскому, Балканские проблемы в планах декабристов, сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 198.

поэтических произведений¹. В 1826 г., живя в Одессе, он написал стихотворение — первый отклик в польской литературе на восстание декабристов: «На смерть Пестеля, Муравьева и других мучеников русской свободы»². Это стихотворение ярко характеризует его общественно-политические настроения и симпатии

Следует здесь же напомнить и о таком факте.

В 1823 г. по распоряжению местного начальства была запрещена одесская газета. «*Messenger de la Russie méridionale ou feuille commerciale*»³. Поводом для закрытия газеты было нарушение ее издателями в номере от 10 октября 1823 г. запрещения помещать самостоятельные (не перепечатанные из официальных органов) статьи на политические темы⁴. К сожалению до нас не дошел номер газеты с криминальной статьей (вообще сохранился лишь один номер этой газеты). Мы почти ничего не знаем об идейном облике ее редакторов и сотрудников, у нас нет никаких данных о встречах или знакомстве их с Пушкиным. Но сам факт запрещения по политическому поводу одесской газеты имеет, как мы полагаем, немалое значение для характеристики обстановки в Одессе «пушкинского года». Во всяком случае, этот эпизод показывает, под каким гнетом жила Одесса, и свидетельствует, наряду с другими приводимыми выше фактами, о значительно большей сложности и дифференцированности общественно-политической жизни в Одессе той поры, чем это до сих пор представлялось историкам Одессы и биографам Пушкина.

Хотя представление об Одессе как о «гнезде заговорщиков» было явно преувеличенным, имеющиеся данные говорят, что Одесса занимала немаловажное место среди центров декабристского движения; многие представители одесской передовой интеллигенции 20-х годов XIX в. были втянуты в тот мир идей, стремлений и чаяний, которыми жили декабристы и которые повели их на подвиг.

Из среды одесской передовой интеллигенции особенно был

¹ Сводку биографических данных о нем см. «*Wuk XIX. Sto lat myslí polskiej*» t. III², Варшава, 1910, стр. 379—382.

² Напечатана в кн. «*Poezye M. Gosławskiego*», Лейпциг, 1864, стр. 230—231.

³ Одесский областной государственный архив, ф. 2, оп. 1, д. № 400. «О позволении издавать в Одессе коммерческую газету. Тут же переписка и о типографии». Н. Лернер, Первая одесская газета «Записки одесского общества истории и древности», т. XXIII, 1901, вторая пагин. стр. 17; см. также о проекте издания этой газеты в «Сборнике русского историч. общества», т. 54, стр. 525.

⁴ См. рукописный проспект газеты (утвержденный властями): «*Prospectus du Messenger de la Russie méridionale, qui sera publié en russe, en français et en italien*». Сохранился в архивном деле «О позволении издавать в Одессе коммерческую газету южного края России» (1819), Центральный Государственный Исторический архив в Ленинграде, ф. 560, оп. 4, д. 118.

тесно связан с декабристскими кружками Петербурга поэт В. Туманский. Он поддерживал оживленную переписку с Рылевым и Бестужевым. В этих письмах затрагивались самые животрепещущие политические и общественно-литературные вопросы. Известно, что Туманский был близок к Пушкину. Их связывала общность общественно-политических воззрений¹.

Свидетельством того, насколько многообразны были связи членов тайных обществ, как велико было их влияние на передовые общественные круги Одессы, могут послужить слова А. Мицкевича. Вспоминая о настроениях в России накануне восстания на Сенатской площади, он указывал, что «on conspirait ouvertement»². В этом утверждении, думается, были обобщены и непосредственные наблюдения Мицкевича, прожившего почти весь последний преддекабрьский год в Одессе.

Приведенные выше факты и соображения должны показать, в каком вопиющем противоречии с исторической правдой находится утверждение дворянских и буржуазных историков, что Одесса пушкинской поры и по составу своего населения и по культуре была якобы иностранным городом, каким-то своеобразным оазисом Западной Европы на территории России. Эта ложная концепция истории Одессы обнаружила особую живучесть именно в пушкиноведческой литературе. Так, в известной работе Н. Л. Бродского об «Евгении Онегине», вышедшей в 1957 г. четвертым изданием, можно встретить такое удивительное утверждение: «В Одессе 20-х гг. почти половина городского населения состояла из итальянцев»³.

По официальным данным число итальянцев в Одессе в 30-х годах XIX в. определялось в 1600 человек, что составляло около 3% населения города⁴.

Следовательно, бытовавшее в дворянской буржуазной историографии утверждение, что Одесса той поры была иностранным городом и совершенно якобы не была приобщена к русской культуре, является явно ошибочным. В частности, утверждалось с полной категоричностью, что в Одессе первых десятилетий XIX в. русской книги не было, ее не знали, не читали и в ней не испытывали нужды. В обоснование этого совершенно ложного утверждения приводился ряд фактов, на первый взгляд не лишенных убедительности. Например, отмечалось, что в Одессе, в которой еще в 1820 г. начала издаваться газета на французском языке, в течение нескольких лет не удава-

¹ Новый чрезвычайно ценный материал для характеристики общественно-политических воззрений В. Туманского см. в кн. В. Базилева, *Большое общество любителей российской словесности*, Петрозаводск, 1949.

² А. Мицкевич, «Le slaves», t. III Paris, 1840, стр. 283.

³ Н. Бродский, *Евгений Онегин—роман А. Пушкина. Пособие для учителей*, изд. 4, М., 1957, стр. 352.

⁴ А. Скалковский, *Первое тридцатилетие истории г. Одессы*, Одесса, 1837, стр. 155.

лось создать газеты на русском языке из-за отсутствия подписчиков¹. Указывалось на то, что в библиотеке Одесского лицея почти не было русских книг. То же самое наблюдалось несколько позже в Одесской публичной библиотеке (открытой в 1830 г.)².

Эти и подобные им факты говорят лишь о том, что русская культура в Одессе развивалась в напряженной борьбе, преодолевая сильное сопротивление со стороны официальной верхушки тогдашней Одессы, проводившей антинародную, антинациональную политику.

Пушкин, приехав в Одессу, попал не в иностранный город, не в город, чуждый русской культуре, а в город, который был вовлечен в общий поток общественно-политического и культурного развития России. А раз так, то имя Пушкина, еще задолго до его приезда в Одессу, было известно и дорого ее передовым общественным кругам.

Характеризуя общественно-культурную обстановку Одессы пушкинской поры, надо прежде всего подчеркнуть, что в Одессе русская книга — а она была основным средством распространения передовой идеологии — находила сбыт не меньший, а пожалуй и больший, чем в других нестоличных городах.

Упомянутый выше Долгоруков, посетивший Одессу в 1810 г., вспоминал: «здесь есть русская книжная лавка», причем он с удовольствием обнаружил, что в ней можно было найти и его произведения³.

Есть у нас и более подробные данные о книжной торговле в Одессе того времени. Известно, что в начале XIX в. в Одессе наряду с двумя книжными лавками, принадлежавшими иностранцам, существовала и русская книжная лавка купца Ширяева.

В Одессе русская книга тогда находила довольно большой сбыт. П. Морозов в своей статье «Одесса в 1830 г.», помещенной в «Одесском альманахе» за 1831 г., утверждал, что четыре одесских книготорговца (Клочков, Сорон, Рубо и Миевиль) получают в год прибыли до 40 тыс. рублей⁴. Здесь же напомним, что, по свидетельству биографов, именно в Одессе Пушкин пристрастился к приобретению книг и положил начало своей, впоследствии огромной библиотеке⁵.

Установившаяся потребность в книгах не могла быть удовлетворена только книжной торговлей. Возникла потребность

¹ «Одесса 1784—1894», Одесса, 1895, стр. 585 (статья Кирпичникова).

² Подробнее об этом см. Н. Муракевич, Автобиография, СПб., 1886, стр. 159.

³ Долгоруков, указ. соч., стр. 143.

⁴ «Одесский альманах» за 1831 г. Перепечатано в кн. П. Морозова, Соч., М., 1883, стр. 427.

⁵ А. Кирпичников, Очерки по истории новой русской литературы, М., 1903, стр. 462.

и в библиотеках. В связи с этим следует напомнить о некоторых забытых фактах библиотечной истории Одессы. Еще до возникновения Публичной библиотеки (открытой в 1830 г.), небольшие библиотеки организовывались в клубах. В 1822 г. на страницах одесской газеты сообщалось, что в Одессе создается клуб «Ресурсы», в котором будет кабинет для чтения журналов; одновременно возник и «Хаджибейский клуб», в котором тоже был «кабинет для чтения всех периодических изданий».

Интересный и поучительный материал у нас имеется и по вопросу о влиянии передовой русской культуры на процесс формирования общественного сознания одесских лицейцев. Следует напомнить, что Ришельевский лицей, созданный в 1817 г. на базе возникшего еще в начале века «Благородного пансиона», должен был, по замыслу его основателей и руководителей, отдалить его воспитанников от русской культуры.

Основателем лицея был француз — иезуит, потом лицей перешел в ведение немца — квиетиста; педагоги лицея были в большей своей части иностранцами, преподавание велось на французском языке. Больше того, нам известно из воспоминаний лицейцев первых выпусков, что русская книга в лицее долгое время фактически была под запретом.

Лицейст А. Сумароков, поступивший в лицей в 1820 г., рассказывает, что в 1824 г. в лицее произведения Пушкина, как и вообще вся современная русская литература, были фактически запрещены. Из русской литературы, «кроме казенной хрестоматии, мы ничего не читали». Кроме хрестоматии, лицейцам во время обеда читали вслух отрывки из «Истории Государства Российского» Карамзина (а за ужином читали по-французски)¹.

И все же сквозь стены лицея доходили голоса жизни, проникали произведения передовой русской литературы. Так, тот же Сумароков рассказывает, что лицейцы летом 1824 г. тайком приносили в здание лицея «Руслана и Людмилу», чтобы незаметно для педагогов читать это произведение².

Другой воспитанник лицея того же времени — Н. Тройницкий — также рассказывает, что в стены учебного заведения тайком проникали произведения передовой русской литерату-

¹ А. Сумароков, Воспоминания об Одесском Ришельевском лицее с 1820 года по 1828 год. Первоначально были опубликованы в «Одесском вестнике» за 1885 г. (№№№ 254, 258, 265, 281, 288), затем только частично перепечатаны в книге «Ришельевский лицей и Новороссийский университет», сб. I, Одесса, 1898, стр. 44—64.

² А. Сумароков, К чествованию памяти А. Пушкина, «Одесский вестник», 1886, № 346. Перепечатано в книге В. Яковлева, Отзвуки о Пушкине с юга России, Одесса, 1887, стр. 154—155, а также в книге «Ришельевский лицей и Новороссийский университет», стр. 81—82.

ры. Сочинения А. Пушкина — говорит Н. Тройницкий — в лице «читали, переписывали, затверживали на память, некоторые из его ненапечатанных стихов ходили у нас по рукам в рукописи, как запрещенные»¹. Любовь к русской литературе — рассказы-вает мемуарист — особенно развилась у одесских лицейстов со времени появления «Московского телеграфа» (1825). «Мы лихорадочно ждали выхода каждой следующей книжки симпатичного журнала и зачитывались ею»².

Между 1817 и 1820 гг. в Одесском лицее обучался С. Полторацкий. Он был одним из учредителей лицейского литературного товарищества «La société littéraire du lycée Richelieu». В письме к Вяземскому Полторацкий через много лет рассказывал, что еще учась в Ришельевском лицее, он знал наизусть «от первой строки до последней», предисловие к «Истории Государства Российского» Карамзина. Уже в 1821 г. этот же Полторацкий выступил пропагандистом произведений Пушкина на страницах французской печати (и это было, вообще, первым упоминанием о Пушкине в иностранной печати). Есть основание считать, что Полторацкий встречался с Пушкиным на юге в 1821 г.³.

В Одессе еще до приезда Пушкина широко обращались те произведения русской прогрессивной литературы, которые по политическим условиям могли распространяться только в рукописном виде.

С поэмой К. Рылеева «Войнаровский» Пушкин смог познакомиться в Одессе еще в рукописи, привезенной из Кишинева. С ней знакомил «городских любителей стихов» Кишинева и Одессы декабрист П. А. Муханов⁴.

Выше уже отмечалось, что у участников кружка «Общество независимых» были найдены рукописные отрывки из Радищева и революционных произведений Пушкина. О широком распространении в Одессе революционных произведений Пушкина мы знаем и из других источников. Сохранилось несколько списков революционных произведений Пушкина, обращавшихся в Одессе в 2-е годы⁵. А. Скальковский, реакционный летописец Новороссийского края, вспоминал, что в Одессе 20-х годов больше знали рукописного Пушкина, чем его печатные произведения. «Большую часть его произведений, — писал он, — особенно

¹ Из воспоминаний Н. Тройницкого, Ришельевский лицей и Новороссийский университет, стр. 83.

² Там же.

³ См. «Литературное наследство», т. 58, стр. 298—306.

⁴ См. письма П. Муханова к Рылееву от 13 апреля 1824 г., сб. «Десятилетний век», кн. I, СПб., 1872, стр. 368.

⁵ В. Стратен, Одесский список оды «Вольность» — «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II, Одесса, 1926, стр. 1—4, Подробнее см. В. С. Алексеев-Попов, Пушкин и литературная жизнь Одессы з сб. «Пушкин в Одессе». Одесса, 1949, стр. 104—106.

едко-сатирические, повторяли тайком, мало было в руках писанных, еще меньше печатных его стихов»¹.

В вышецитированных воспоминаниях Тройницкого тоже указывалось, что лицеистам были известны и те произведения Пушкина, которые по цензурным причинам обращались тогда в рукописях.

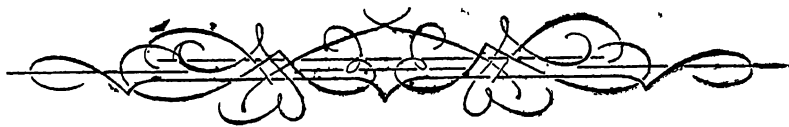
Говоря о влиянии, которое оказал Пушкин на развитие оппозиционных настроений в Одессе, следует вспомнить слова Мицкевича. В своих парижских лекциях о славянских литературах, прочитанных через 16 лет после отъезда из Одессы, он говорил: «Имя Пушкина стало лозунгом всех недовольных, стихи его проникали всюду, их комментируют от Петербурга до Одессы»².

Более углубленное изучение одесского литературного и общественно-политического окружения Пушкина является важной задачей пушкиноведения, и здесь еще возможны некоторые «открытия», как ни интенсивно, казалось бы, изучены материалы по этому кругу вопросов³.

¹ А. Скальковский, указ. рукопись, л. 7.

² А. Мицкевич, Собрание сочинений, т. IV, СПб., 1902, стр. 161.

³ Некоторые стороны общественно-политической жизни Одессы пушкинской поры полнее освещены в моих статьях: Одесса — «Исторический журнал», 1944, № 5—6, стр. 41—49, Мицкевич накануне восстания декабристов. (Мицкевич в Одессе) — «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, (М., 1956), Библиотека чтения Н. Клочкова—сборник «Библиотеки СССР», вып. 7 (М., 1957), стр. 131—140. Некоторые материалы из публикуемой сейчас работы были, с моего согласия, использованы редакцией книги «Одесса. Очерк истории города-героя». Одесса, 1957 (см. особенно стр. 29—30).

З. А. БОРИНЕВИЧ-БАБАШЦЕВА

ОВИДИЕВ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Интерес к античной литературе Пушкин пронес через всю свою жизнь. Он пришел в лицей с большими и многообразными литературными знаниями, почерпнутыми из книг отцовской библиотеки. В лицее он учился русской и латинской словесности у профессора Н. К. Кошанского, не только опытного педагога, но и теоретика, занимавшегося вопросами поэзии. Живой ум, тонкий литературный вкус помогли юноше-поэту отбросить формальное и ненужное в системе лицейского преподавания.

Эстетические теории античности, история и мифология античного мира, произведения римских и греческих поэтов, раскрывающееся в них богатство форм и метров стиха, наконец, латинский язык, изучавшийся Пушкиным в лицее,— все это способствовало живому восприятию античного мира.

В лицейских оценках Пушкина уже проявляется та литературная самостоятельность, которая позволяла ему воспринимать писателя в движении, менять впоследствии характеристики лицейского периода, пересматривать свое отношение к тому или иному писателю.

В поэтах древности Пушкин ценил классическую стройность их произведений. К ним он много раз и по-разному обращался в течение своей жизни, но античные поэты не просто «сопровождали Пушкина». Он обращался к ним часто, но никогда не сливался с ними, не говорил о себе их языком¹.

Любимыми латинскими поэтами Пушкина-лицейца были Тибулл, Гораций, Овидий, к каждому из них он относился по-разному, выбирая для себя наиболее интересное. Из наследия Овидия он выделял любовную лирику.

¹ М. М. Покровский, Пушкин и античность, «Временник Пушкинской комиссии», изд. АН СССР, М.—Л., 1939, № 4—5, стр. 27.

Стихи, сказания об Овидии, цитации из его произведений образуют особый цикл в пушкинском творчестве, возникший из чисто литературных представлений и выросший постепенно в живую, глубоко правдивую характеристику римского поэта-изгнанника, характеристику, обогащающую наши представления и о Пушкине.

Первое упоминание Пушкина об Овидии относится к 1814 г., последнее — к 1836 г.

В послании «К Батюшкову» (1814) Пушкин призывает молодого поэта к творчеству — петь можно о любви, о дружбе, о кровавой битве, или «вооружась сатиры жалом — разить, осмеивать порок», можно следовать Парни, Жуковскому, Ювеналу, но Батюшкову, по мысли Пушкина, наиболее свойственна песнь любви, в этой области он имеет дар и наставника — Овидия Назона.

Мирские забывай печали,
Играй, тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

(1)1(74)

Эпитет *младой* по отношению к Овидию говорит о том, что Пушкин, зная творческий путь Овидия, выделил преобладающие мотивы его ранних произведений. Овидий — поэт любовных песнопений — получает обобщенную характеристику в произведении Пушкина «Сон» (1816) — интересном, шутивно-дидактическом отрывке лицейской поэмы. Определяя тему своего произведения, воспевая сон, Пушкин говорит:

Пускай любовь Овидия поют,
Мне не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней амуры мне не вьют,
Я сон пою, бесценный дар Морфея.

(т. I, стр. 184).

Обобщение *Овидии* выражает здесь мысль Пушкина о том, что Овидий наиболее яркий представитель поэтов-лириков, воспевавших любовь.

Личность римского поэта, его судьба еще не волновали Пушкина в первый петербургский период его творчества. Тема изгнания, присущая поэзии Овидия конца его жизни, у Пушкина еще отсутствует, хотя эта сторона жизни и творчества Овидия была предметом внимания других писателей, современников Пушкина. Так, Батюшков в июле 1817 г. писал Гнедичу: «Овидий в Скифии» вот предмет счастливее самого Tasso».

В лицейский период отношение Пушкина к Овидию носило еще чисто литературный характер — Овидий стоял *в ряду других* античных поэтов, творчество которых Пушкин знал и любил.

Высылка Пушкина на юг в 1820 г., явившаяся следствием

все увеличивающейся популярности его вольнолюбивой политической лирики, способствовала укреплению его передовых идейных позиций и развитию его таланта. Еще П. В. Анненков, не имея вполне правильного представления об обстановке жизни Пушкина на юге, все же отметил, что ссылка ускорила развитие поэта — «он понял, как важность своего призвания, так и размеры собственного таланта»¹.

Когда Пушкин покидал Петербург, были поклонники всюду, куда доходили его стихи, но его популярность значительно возросла именно в момент ссылки. Им интересовались как поэтом политическим, революционным, которого русское правительство несомненно боялось.

Путешествие из Петербурга в Екатеринослав, жизнь на Кавказе и в Крыму познакомили Пушкина не только с новыми местами, новыми людьми, но и с новыми социальными явлениями, имевшими огромное значение для формирования его мировоззрения, его талантов.

Не меньшую роль сыграло и пребывание Пушкина в Кишиневе, куда он приехал 21 сентября 1820 г. и где прожил до 2 июля 1823 г.²

Исследования советских ученых-пушкиноведов раскрыли значение Кишинева, как центра декабристского движения на юге, роль Каменки и Тульчина в этом движении, воздействие революционных событий, происходивших на Западе (в Испании, Италии, Неаполе, Турине), роль Гетерии, как национально-освободительного движения греков, убедительно показали не только связь Пушкина с декабристским движением на юге, но и значение его творчества для этого движения³.

Письма Пушкина кишиневского периода, его художественные произведения, воспоминания современников о нем, различные дневники и мемуары говорят о тесной связи поэта с наиболее деятельной передовой частью интеллигенции Кишинева. Его связь с В. Раевским, поездки в Каменку, посещение дома Орлова, встреча с Пестелем, замысел поэмы «Вадим», его «Узник» и «Кинжал», комедия «Игроки», повести о Мстиславе, интерес к молдавским преданиям XVII в. — «Дука» и «Дафна и Дабижа»⁴ — все говорит о той политической атмосфере, в которой Пушкин, поэт-изгнанник, с одной стороны, был вдохновителем, а с другой, — сам находился под воздействием людей, политическая мысль которых зрела, а гражданское мужество крепло на его глазах.

¹ П. В. Анненков, Материалы для биографии А. С. Пушкина, 1855, СПб., стр. 69.

² М. Я. Цявловский, Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, АН СССР, М., 1951, стр. 245, 390.

³ В. Г. Базанов, В. Ф. Раевский, АН СССР, М.,—Л., 1949.

⁴ Б. В. Томашевский, Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина, «Пушкин, исследования и материалы». АН СССР, М.—Л., 1953.

Пушкин стремился узнать историю края, его географию, о чем свидетельствует поездка поэта по Бессарабии с П. И. Липранди в 1820 г. Он восстанавливал для себя прошлое края, интересовался Каушанами, где до 1806 г. была столица буджакских ханов, под Бендерами искал места боев и могилу Мазепы, в Аккермане осматривал старинный замок, в Измаиле обошел всю береговую часть крепости. В Бессарабии у Пушкина зрели мысль и чувство историка, уводившие его в далекое прошлое. Здесь сложился замысел поэмы о Мстиславе, была написана «Песнь о вещем Олеге», рос интерес к истории эпохи Петра I, к событиям русской общественности, политической жизни конца XVIII века.

Естественно, что Овидий в это время «очень занимал Пушкина».

Как известно, первой книгой, взятой Пушкиным у Липранди, был «Овидий» во французском переводе. Книга эта оставалась у Пушкина с 1820 по 1823 г.— поэт перечитывал произведения римского изгнанника.

4 мая 1821 г. в Кишиневе Пушкин вступил в члены масонской ложи «Овидий» № 25, открыта ложа была 7 июля 1821 г., закрыта в ноябре того же года. Этой ложей руководили участники декабристского движения. «Каменщика призывали к свободе» — говорит Пушкин в послании к П. С. Пушкину.

Была ли кишиневская ложа названа именем «Овидий», потому что Пушкин в ряде своих произведений кишиневского периода обращается к образу сосланного римского поэта или потому, что народное предание об Овидии, старце-изгнаннике, пострадавшем от власти тирана, было распространено среди жителей Кишинева и близлежащих селений, сказать трудно, но скорее можно предположить, что название идет от народного предания, осмыслившего трагическую судьбу Овидия.

Имя Овидия не раз произносилось кишиневскими друзьями Пушкина, как имя поэта, высланного за пределы родины властителем-самодержцем. Образ Овидия волновал и поэта-декабриста В. Ф. Раевского, который в сатире «Смеюсь и плачу», написанной до его ареста (в период с 1818 по 1822 г.), говорит о том, как он горестно воспринимает страдания крестьян, унижение людей, торжество глупости, коварства, хитрости. Люди гибли и гибнут, становясь жертвой предрассудков, гнева, восклицает Раевский. Среди исторических лиц, погибших «жертвою предрассуджений», он и называет имя Овидия.

Взирая как Сократ, Овидий и Сенека,
Лукреций, Таас, Колумб, Камоэнс, Галлилей
Погибли жертвою предрассуджений века,
Интриг и зависти, иль жертвою страстей!..
.. Я слезы лью!

¹ В. Ф. Раевский, Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. «Советский писатель», Л., 1952, стр. 74.

Тема борьбы с самовластием за освобождение личности, за освобождение крестьян, за вольность для человека — была основной в декабристской литературе. Наиболее передовые из декабристов подходили вплотную к решению вопроса об активности действий. Так, В. Ф. Раевский в очерке «О рабстве крестьян», написанном в 1821—1822 гг., развивая мысль о необходимости скорейшего преобразования, писал: «нужны не слабые меры, но решительный и внезапный удар», то есть активная борьба за свободу.

Дело борьбы за освобождение крестьян должно быть осуществлено обязательно. Это подсказывает передовым людям гражданский патриотизм. В том же очерке В. Ф. Раевского читаем: «Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слезы слабых, бурное негодование и ожесточение сильных — и не сострадать им?»¹

Обстановка все разгоравшейся борьбы за свободу усиливала, с одной стороны, интерес декабристов к личности и творчеству Пушкина, с другой — вооружала Пушкина более острой политической мыслью, воспитывала в нем ненависть к тирании, к самодержавию. Именно в это время возникла у Пушкина мысль об Овидии как ссыльном поэте.

С В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым Пушкин не раз обсуждал вопрос о месте ссылки римского поэта. В Бессарабии Пушкин искал следы древности в развалинах старых замков, в местах, где жили древние народы, в названиях городов и селений, в фамилиях и прозвищах жителей, в предметах, которые жители находили в окрестностях Кишинева. Особенно интересовали Пушкина старинные народные песни и предания, внимание к которым было выражением постоянного интереса Пушкина к народному творчеству. Некоторые предания и песни Молдавии стали основой ряда произведений поэта. Пушкина волнует не только относительная близость к месту ссылки Овидия, но особенно народные сказания о нем. Некоторые названия городов и мест в Молдавии (понимаемой географически широко), как например город Овидиополь, озеро Овидия — *Lacul Ovidului* считались связанными с памятью об Овидии, что воспевалось даже в русских стихах². Пушкин мог знать народное предание об Овидии. Поэта особенно волновала мысль о том, что подлинная слава для писателя — это слава в народе. Такая именно слава была у Овидия — «не увял Овидиев венец».

Говоренники Пушкина, а затем мемуаристы и исследователи темы «Пушкин и Овидий» указывали на аналогию, какая

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Гос. изд. полит. лит., т. I, 1951, стр. 369.

² Н. Мизко, Овидий в русской литературе, «Москвитянин», 1854, № 4.

возникла в Бессарабии у Пушкина, любившего сравнивать себя с Овидием.

Так, П. И. Барте́ев говорит, что «элегии могли особенно нравиться Пушкину между прочим и потому, что в собственной участи своей он любил находить некоторое сходство с судьбой римского поэта-изгнанника. Самая близость Овидиополя напоминала о нем Пушкину»¹. Об этом же пишут А. Ф. Вельтман, П. В. Анненков, В. М. Стоюнин, П. О. Морозов и другие. Тема «Пушкин и Овидий» привлекала внимание исследователей и в более позднее время. Сравнительный анализ текстов Пушкина и Овидия дает А. И. Маленин². Рост интереса Пушкина к Овидию в хронологической последовательности раскрывает Д. Якубович³.

Постановка данного вопроса с позиции аналогии, параллели до сих пор остается преобладающей в пушкиноведении. Об этом пишут современные нам исследователи. М. М. Покровский, например, указывает на «меланхолическую параллель» в стихотворении «К Овидию» между его автором и римским элегиком⁴.

Д. Д. Благой отмечает сочувственное внимание Пушкина к «изгнанному» хитрым Августом «несчастному» певцу, усиливаемое постоянно проводившейся Пушкиным аналогией с его собственным положением ссыльного поэта⁵.

Понятия «аналогия», «сочувствие», «интерес», «сопоставление», «намеки», недостаточно точно определяют сущность отношения Пушкина к Овидию. Пушкин воспринимал Овидия глубоко, исторически, *чрезвычайно остро политически*. Через весь овидиев цикл Пушкина проходит мысль о сходстве ситуаций, оба поэта — изгнанники, но это еще не означает сходства поведения. Установив, в чисто биографическом плане, сходство своего положения поэта-изгнанника с положением Овидия, сосланного Августом на берег Черного моря, Пушкин не только в подтексте, но и в тексте своих лирических произведений овидиева цикла, написанных в Кишиневе, идет по пути уяснения для себя линии своего поведения, своего отношения к ссылке, своей роли поэта политического в условиях царской России. Он раскрывает и различное отношение к самому факту изгнания свое и поэта древности. Чувство политической независимости поэта, как

¹ П. И. Барте́ев, Пушкин в южной России, 1914, стр. 71.

² А. И. Маленин, Пушкин и Овидий (отрывочные замечания), Пушкин и его современ., вып., XXIII—XXIV, 1916, стр. 45—66.

³ Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова, Госиздат, М.—Л., 1922.

⁴ М. М. Покровский, Пушкин и античность, «Пушкинский вестник», № 4—5, М.—Л., 1939, стр. 40.

⁵ Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, АН СССР, М., 1950, стр. 293.

выражение стремления к борьбе за свободу народа, заставляет Пушкина идти по пути раскрытия внутреннего контраста между собой и Овидием. Об этом говорит текст пушкинских стихов. В стихотворной части письма к Гнедичу (1821 г.), считая его знатоком античной литературы, Пушкин определяет место своей ссылки: он —

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы,
Забыл и вечный ваш туман...

Здесь Пушкин пользуется обычной для того времени трактовкой причины ссылки Овидия — он сослан за любовь к Юлии, дочери Августа, хотя уже в примечании к произведению «Овидию», а затем к гл. I романа «Евгений Онегин» Пушкин справедливо указывает на то, что тайна Овидия с ним умерла, все толкования — это догадки ученых.

Овидий в изгнании влачит *мрачные дни*, свою *элегическую* лиру он *малодушно* посвятил Октавию и поет ему *молельны лесты*. Пушкин подчеркивает, что элегии Овидия *Tristia* — это *сетования* на свою одинокую жизнь.

О себе же Пушкин пишет: «Все тот же я, как был и прежде», а это значит, что продолжает раздаваться «вольный глас» его поэзии, он не обращается с просьбами к сославшим его. Он не одинок, он среди друзей.

Противопоставив себя Овидию, Пушкин не осуждал римского поэта, но указал на неприемлемость *для себя* линии его поведения по отношению к самодержцу.

Пушкин знал биографию Овидия, перечел ряд его произведений. Перед Пушкиным прошел жизненный и творческий путь римского поэта-изгнанника. Не все в нем было чуждо Пушкину. К моменту изгнания Овидию было 50 лет, он был автором элегий «Науки любви» («*Ars amandi*»), 15 книг «Метаморфоз» и 12 «Месяцеслова». Он был первым поэтом Рима и, тем не менее, его постигло изгнание.

За 9 лет изгнания он написал 5 книг «*Tristia*» (Скорбей), 4 книги «Посланий с Понта» («*Ex Ponto*»), сатирическую поэму «Ибис» и переработал «Метаморфозы»¹.

Раскрывая тему изгнания в своих произведениях, Овидий говорит о своей стойкости, о значении для него творческого труда

...и за жизнь, и за то, что я горю, противлюсь,
что не пришлось этот свет возненавидеть в концец.

¹ Овидий был сослан в 8 г. нашей эры, а умер в 18 г.

Муза! спасибо тебе. У тебя нахожу я отраду,
ты мне в заботах покой, ты исцеление мне!

Но римский поэт все же жалуется на судьбу, молит о помиловании, о возвращении на родину.

Если Пушкин осуждает поведение Овидия по отношению к Августу, то упорный плодотворный труд римского поэта, его творчество служат как бы примером для молодого поэта-изгнанника. Послание «К Чаадаеву» (1821 г.) Пушкин начинает тоже описанием места своей ссылки.

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев — пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.

Варианты послания говорят о том, что Пушкин назвал не только могилу Овидия, но «Лазурь небес чужих, роскошные поля, и моря шумного суровое волнение». Пушкин хочет сохранить в изгнании чувства чистые, гордые. Он не *сетует* на изгнание. Ему нужен только верный друг — Чаадаев, умевший его поддержать в минуту гибели под бездной потаенной, учивший его «смелому терпению». Ему рассказывает Пушкин о той внутренней работе, которая овладела им — он «познал и тихий труд и жажду размышлений», он стремится «в просвещеньи стать с веком наравне».

Он настойчиво работает — ему вновь явились музы.

Он уже много перенес, перенесет и больше «стойческой душой», — он твердо верит в свое освобождение:

Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры.

Стремлением к свободе Пушкин объединяет петербургский и кишиневский периоды своей жизни.

Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим
И счастлив буду я...

Литературные интересы и жизненные впечатления («перечтем», «поспорим», «оживим») находятся здесь во взаимодействии и отражают внутреннюю взволнованность Пушкина при всей сдержанности, эпичности его *послания*.

Творчество Пушкина в годы ссылки тоже росло, ширилось.

С тобой успех узнал
Отшельник неизвестный,

1 О в и д и й, Баллады — Послания, изд. Сабашникова, М., 1913.

говорит Пушкин в стихотворении «К моей чернильнице», характеризуя сложный процесс своей работы и ставя себе в заслугу «правды слог суровый». Пушкин указывает и на то, что

И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты (то есть его чернильница —
муза — З. Б.).

Мысль о том, что он «отшельник», «изгнанник неизвестный», — в период южной ссылки у Пушкина постоянна. Его не могут обмануть ни служебный чин, ни жалованье.

В стихотворении «Кто видел край», мечтая вновь увидеть Крым, Пушкин (в вариантах этого произведения) обращается мысленно к Овидию и расширяет тематику его творчества: за темой любви идет тема изгнания и разлуки. Это близко его настроениям, его собственному творчеству:

В моих руках Овидиева лира,
Счастливая певица красоты,
Певица нег, изгнания и разлуки,
Найдет ли вновь свои живые звуки?

(I 1, 190)

Центральным произведением поэта овидиева цикла является послание, напечатанное в «Полярной звезде» за 1823 г. под заглавием «Овидию» без подписи Пушкина. Характер декабристского журнала, политическое лицо Пушкина, поэта-изгнанника, тема этого произведения, которое сам Пушкин любил и считал лучшим в своем творчестве этого времени, могли привлечь внимание цензуры. Боясь цензурного запрещения и считая, что обычно пугает его имя, Пушкин просит: «поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно» (письмо А. А. Бестужеву от 21 июня 1822 г.).

Послание «К Овидию» написано после поездки в Аккерман, в рукописи есть дата (1821 дек. 26). В нем выражены переживания поэта, его мысли, волнения. Он знает произведения Овидия — «Скорби» («Печаль» — «Tristia») и «Письма с Понта», то есть именно те, которые были написаны римским поэтом в годы изгнания.

В примечании к этому посланию Пушкин указывает место ссылки Овидия — «В своих элегиях он ясно (описывает) назначает место своего пребывания город Томы (Tomī) при самом устье Дуная». Пушкин указывает и срок пребывания Овидия в ссылке — 9 лет, а не двадцать, как говорит Шатобриан.

Послание «К Овидию» построено не на принципе сходства между двумя изгнанниками, а на том внутреннем противопоставлении, которое позволило Пушкину исторически правильно отразить явления прошлого и настоящего. Образ

Овидия Пушкин воспринимал в развитии. Композиционно Пушкин шел от имени Овидия к живому образу римского поэта.

От непосредственного раннего увлечения любовной лирикой Овидия Пушкин идет к глубокому пониманию его зрелого творчества периода изгнания. Весь текст произведения «Овидию» раскрывает особенности мировоззрения и политические позиции Пушкина, его взгляд на роль поэта, на значение не только его творчества, но и его личности.

Основную тональность элегий Овидия Пушкин определяет как *безотрадный плач*. Голос нежной музы Овидия еще не забыт, его «молвой» наполнен край.

В элегиях Овидия описаны места его заточения —

Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.

Пушкин следит мыслью за путешествием Овидия, представляет себе путь и дикие берега, куда он высадился, где «певца любви» ждала «жестокая награда». Пушкин видит местность, какой ее знал Овидий — нивы без теней, холмы без винограда, холодная Скифия и ее свирепые сыны, в которой сам Овидий, может быть, вынужден стать воином — «хранить меч близ лиры оробелой».

Овидий шлет «песни робкие» Октавию, но ничто Августа не тронет — ни слова, ни лета, ни жалобы, ни грусть.

Овидий вдали от родины, он не слышит ее звуков, он безвестен и одинок, он просит лишь о милости — дать ему взглянуть на Рим или хоть приблизить его могилу к «Италии прекрасной».

Элегии Овидия представляются Пушкину как тщетный стон, не тронувший сердца самодержца, но впоследствии дошедший, однако, до потомства.

Вторая часть послания Пушкина написана по принципу контраста. В силу политических позиций Пушкина в эпоху преддекабристскую эта часть прозвучала как декларация поэта-гражданина. То, что Пушкин считал законным и типичным для «златой Италии роскошного гражданина», то не может быть свойственно русскому поэту — суровому славянину.

Маскируясь и утверждая, что он «изгнанник самовольный», Пушкин описывает, что он видит вокруг. Он пришел сюда с севера, повторил песнопения Овидия и увидел, что место изгнания Овидия «пленяет втайне очи» и яркостью красок неба и краткостью зимы, здесь зреет виноград.

Пушкин дает яркую картину края. Он вспоминает Овидия, который

...в первый раз вверял с недоумением
Шаги свои волнам, окованным зимой...

Тень Овидия перед глазами нашего поэта. Он может быть утешен — его слава не увяла, он стал известен следующим поколениям. Он же, Пушкин, молодой певец, затерянный в ссылке, будет безвестен для новых поколений, он *жертва темная* (то есть жертва режима, всего самодержавного уклада), его гений еще не окреп («слабый гений»), его слава еще не упрочилась (о нем может быть только *минутная юлта*). Тень Овидия постепенно становится живым образом. Не славой, а участью изгнанника Пушкин считает себя равным Овидию, но его поведение в изгнании иное.

Не южной изнеженной лирой Овидия оглашал эти пустынные места Пушкин, а северной, суровой. Он скитался в то время, когда на берегах Дуная греки боролись за свободу, а в такое время изгнание еще тяжелее.

Но не унижил век изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

(II) 2) 728)

В этих заключительных строках произведения, не напечатанных в «Полярной звезде», выражена с особой силой независимая, непреклонная позиция Пушкина. Страстно стремившийся к свободе, твердо уверенный в том, что невольник-народ должен быть свободным, Пушкин считает обращение Овидия к Августу не просто проявлением личной слабости римского поэта, а непониманием того, что из себя представляет самодержавная власть, какова роль поэта в обществе.

Те оценки, которые Пушкин давал своему произведению, говорят о том, что он считал послание «Овидию» не только правильной оценкой Овидия, но и своего отношения к ссылке, к самодержавию, своего поведения в условиях изгнания.

Пушкин высоко ценит идею и форму своего послания — об этом он пишет друзьям, ценителям его творчества.

Он, действительно, нашел ту единственную, неповторимую форму, которая позволила ему выразить правдиво и правильно свое отношение к самодержавию. Он обнаружил в этом лирическом произведении высокое умение раскрыть внутреннее движение характера своего героя, показать демократизм своих позиций, политическую прозорливость передового писателя, считающего высшей славой для поэта — жизнь в веках, в народе.

Это произведение Пушкина, как и ряд его других произведений этого периода, позволяет говорить о зарождении и развитии пушкинского реализма в недрах его революционного романтизма. Политическая мысль Пушкина, выраженная в этом стихотворении, облеченная в совершенную художественную форму, нашла отзвук у поэтов-современников, у критиков, у читателей передового демократического круга. Особое внимание привлекала аналогия, заключенная в этом

произведении. Именно это и помешало до конца оценить остро пушкинскую мысль, раскрытой в теме изгнания.

О том, как откликались на стихи Пушкина в разных местах России, как расценивали это произведение, можно судить, например, по письму Кюхельбекера, которое он пишет Пушкину через много лет после появления в печати послания «К Овидию».

Из Баргузина, места своего изгнания, сообщая Пушкину о своем намерении жениться, Кюхельбекер шлет Пушкину и стихотворное послание «Поминки юности» ко дню лицейской годовщины 1836 г. Перед внутренним взглядом ссыльного поэта резче всех выступал образ Пушкина-песнопевца. В 4-й строфе стихотворения Кюхельбекер говорит о том впечатлении, какое произвело в свое время стихотворение «К Овидию» и раскрывает не только свое понимание этого произведения, но и других, близких Пушкину, людей:

Когда и ты, как некогда Назон,
К родному граду простирал объятья,
И над Невою встрепетали братья,
Услышав гармонический твой стон,
С (Чудского озера) седого Пейпуса, волшебный он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дремоту наших мелких попечений,
И погрузил нас в волны вдохновений.

(XVI, 166—168)

Увидев биографическую аналогию, Кюхельбекер, как и другие современники Пушкина, услышал в произведении Пушкина только гармонический *стон*, а не то внутреннее противопоставление, в силу которого Пушкин в условиях декабристского движения, так ему идейно близкого, решал вопрос независимости, гордого терпения, протеста против гнета самодержавия.

В 1821 г. Пушкин просил друзей разузнать, нельзя ли ему хоть на короткий срок приехать в Петербург. Тон его писем часто иронический, но в них нет ни стона, ни скорби. Пушкин с негодованием думал о тех, которые хотели его *видеть униженным, просящим*.

И в последующие годы своего творчества Пушкин обращался мыслью к образу Овидия, воспринимая его многообразно, в зависимости от обстоятельств.

Характеризуя Онегина в первой главе романа, Пушкин подчеркивает наиболее типичную его особенность — он был «истинный гений» в науке страсти нежной,

которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей!

Пушкин возвращается мыслью к молодому Овидию, повторяет характеристику, данную себе Овидием в автобиографии, где римский поэт говорил, что он «Неги любовной певец». Именно такой Овидий может помочь охарактеризовать Онегина. Пушкин опускает другие свои представления о римском поэте и, вопреки свосму же примечанию к стихотворению «К Овидию» и к первой главе «Евгения Онегина», вновь подчеркивает любовную причину ссылки Овидия. Это Овидий времен юности Пушкина, Онегина и других современников поэта. Они не познали еще горечи жизни и им непонятны, чужды «Скорби» Овидия, пережитые самим Пушкиным в годы изгнания. Пушкин был исторически и поэтически совершенно прав.

Тему изгнания Овидия Пушкин повторит и углубит в поэме «Цыганы».

Поэма начата в январе 1824 г. в Одессе. Ко времени своего отъезда Пушкин написал начерно часть поэмы, соответственно 145 стихам белого текста¹.

8 октября 1824 г. поэма (без эпилога) была закончена в селе Михайловском. Рассказ об Овидии был напечатан отдельно в «Северных цветах» за 1826 г.

В поэме старый цыган рассказывает Алеко предание об Овидии, не называя имени римского поэта. Текст этого рассказа и варианты его говорят о стремлении Пушкина дать образ старца, измученного изгнанием, погибшего вдали от родного края.

Тема изгнания осложнена здесь *ожиданием избавления*. Тосковал старец по родному краю, думал о смерти.

Свой милый (г) град (край) вспоминая
И завещал он, умирая,
Чтоб ближе к югу погребли
Его (тоскующие) кости.

(IV, 456)

В черновике, в характеристике старца Пушкин опирается на «старинное предание», которое он в белом тексте определяет более обобщенно —

меж нами есть одно преданье.

Пушкин характеризует Овидия как поэта-изгнанника, о котором заботились чужие люди. Здесь можно видеть истолкование мысли Овидия о том, что в последние три года жизни в изгнании он был утешен — он описал смерть Августа на языке туземцев и заслужил внимание жителей.

Углубление образа Овидия сделано Пушкиным психоло-

¹ М. А. Цявловский, *Летопись жизни и творчества Пушкина*, АН СССР, М., 1951, стр. 428.

гически правдиво. Пушкин расширил свои знания об Овидии, использовал народное сказание, литературные сведения, собственные переживания. Вернувшись на родину, Пушкин был не свободен, еще с большей силой почувствовал он остроту изгнания и жажду избавления.

В рецензии 1827 г. на поэму «Цыганы» А. П. Вяземский отметил пластичность поэмы, ее правдивость, связь с впечатлениями поэта, полученными в Бессарабии. Вяземский защищает Пушкина от нападок критиков, считавших, что «эпизод Овидия, вставленный в четвертую сцену, неприличен устам цыгана».

Вяземский считает закономерным существование народного предания в поэме: «...почему преданию об Овидии не храниться всенародно в краю, куда он, по всей вероятности, был сослан? К тому же бриллиант высокой цены, кажется, везде у места, а эта вставка есть точно драгоценность поэтическая»¹. Но, высоко ценя поэтические особенности рассказа цыгана, Вяземский не останавливается на особенностях образа старца, созданного Пушкиным.

Это сделал Белинский в статье о пушкинских «Цыганах». Рассказ цыгана о старце Белинский не только считает уместным, но раскрывает и принципы типизации образа, созданного Пушкиным.

«Старый цыган рассказывает в поэме Пушкина не историю, а предание и не о поэте римском (цыган ничего не смыслил ни о поэтах, ни о римлянах), но о каком-то святом старике, который был «млад» и жив *незлбною* душой, имел дивный дар песен и подобный шуму вод голос»².

Белинский подчеркнул особенность обобщения в народном предании, которое отошло от фактического исторического материала и создало поэтический рассказ о старце-изгнаннике.

Наше литературоведение подчеркивает фольклорность «Цыган» Пушкина и в смысле изображения народной цыганской жизни и в смысле использования цыганских песен. Что же касается рассказа старого цыгана об Овидии, то в нем фольклорность сочетается с мотивами самого Овидия.

Сейчас можно решительнее говорить о наличии народных сказаний об Овидии, которые могли быть известны Пушкину в годы его жизни на юге, в Бессарабии, и которые он использовал, создавая образ старца Овидия.

Завершил Пушкин овидиев цикл в своем творчестве статьей о сборнике стихотворений Виктора Теплякова «Фракийские элегии» (1836 г.). Статья была помещена в III кн. «Современника» без подписи автора.

¹ А. П. Вяземский, Соч., т. I, СПб., 1878, стр. 318.

² В. Г. Белинский, Собр. соч., т. 3, М., 1891, стр. 474—475.

Указав в статье на некоторую подражательность Байрону в элегиях Теплякова, Пушкин в то же время подчеркивает самобытный талант поэта. Пушкин понимает связь между «Фракийскими элегиями» Теплякова и «Понтийскими элегиями» Овидия. Поэт плывет мимо берегов, прославленных изгнанием Овидия. В описании незримой гробницы Овидия Пушкин видит небрежность автора, неточность, фальшь. Тишина гробницы, громкая как дальний шум колесницы; стон, звучащий как плач души, и т. д.— это фальшиво и незначительно.

Опровергнув французского поэта Грессе, который осуждает Овидия за его «Плачи», Пушкин говорит о том, что книга («Скорби», «Плачи») выше всех произведений Овидия (кроме «Превращений»). В них «более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия». Пушкин ценит у Овидия яркость в описании чужого края, выражение грусти о родном Риме и даже «трогательные жалобы». Пушкин не противоречил себе, когда благодарил Теплякова за то, «что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступается за него». Пушкин думает, что Овидий правдиво и искренне обнаружил в элегиях свой характер. Недостаток Теплякова, по мнению Пушкина, заключается в неумении понять полностью характер Овидия, что ведет к неверным представлениям о римском поэте.

Эта статья Пушкина показывает, как глубоко исторически и психологически подходил поэт к оценке жизненных явлений. Овидий и в этой статье для Пушкина — бедный изгнанник, умерший вдали от родины.

Овидиев цикл — один из показателей связи поэзии Пушкина с действительностью, роста его демократизма, народности, становления его мировоззрения, зарождения и развития реализма — самого передового метода литературы XIX века.

П. И. ЗБАНДУТО

БОРЬБА ПУШКИНА ЗА НАРОДНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД ЮЖНОЙ ССЫЛКИ

«Полемика Пушкина с Вяземским о народности Крылова-баснописца».

«Пушкин,— писал А. М. Горький,— первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял значение литературы на высоту, до него недостижимую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни»¹.

В глубокой народности Пушкина, яркости его таланта, в связи его творчества с освободительной борьбой русского народа — бессмертие поэта.

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Эти слова раскрывают существо пушкинского гения. «Не было еще на Руси,— отметил в 1841 г. В. Г. Белинский,— такой колоссальной творческой силы и так национально, так русски — проявившейся... Пушкин расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русской современностью, обогатил идеями, пересоздал язык»².

В формировании Пушкина, его эстетических и критических позиций период южной ссылки поэта играет важную роль.

¹ М. Горький, История русской литературы, Госполитиздат, 1939, стр. 91.

² В. Г. Белинский, Собр. соч., т. II, 1936, стр. 167.

Пребывание на юге (1820—1824 гг.) ознаменовалось в художественном развитии Пушкина поисками новых творческих путей и своего места в жизни России, становлением на позиции реализма и народности.

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.

Письма поэта из Кишинева и Одессы полны раздумий о роли искусства, о русских писателях и журналах, о критике и цензуре, о романтизме и сатире, о писавшемся в эту пору «Евгении Онегине». К периоду пребывания поэта в Кишиневе и Одессе относится спор его с Вяземским о Крылове — спор, представляющий яркий эпизод борьбы Пушкина за народность и реализм русской литературы.

В разработке принципов новой русской литературы, ее народности И. А. Крылов, баснописец-реалист, выразитель духа русского народа, богатств русского языка, был ближайшим предшественником и старшим современником поэта.

Пушкин высоко ценил Крылова как «истинно-народного поэта», в творчестве которого идейная направленность ба-сен органически слилась с народной их формой. Понятие русского, национального в сознании Пушкина отождествлялось с понятием политического прогресса и защиты народных интересов. Героическая борьба русского народа в Отечественной войне 1812 г. привела к мощному подъему национально-го самосознания в России. Идея национального самосознания имела громадное значение для возникшего в последующие годы движения декабристов и их литературных воззрений в частности.

10—20-е годы XIX в. ознаменованы в России стремлением к созданию национальной русской литературы. В эти годы проблема народности волновала Пестеля, Рылеева, Бестужева, Раевского, Волконского, Грибоедова, Гнедича. «Зеленая лампа» (являвшаяся «побочной управой» «Союза Благоденствия»), членом которой был Пушкин, выработала в 1819 г. программу создания русской литературы и искусства. Отмечая, что рабское подражание иностранному задерживает истинное развитие искусства, программа звала «разрабатывать собственные богатства»¹.

Декабристы гневно клеймили равнодушие к родной культуре. А. Бестужев, которого Пушкин называл «представителем вкуса и верным стражем и покровителем нашей словесности», высмеивал на страницах «Полярной звезды» подражание иностранному.

¹ Б. Л. Модзалевский, К истории «Зеленой лампы», сб. Декабристы и их время, т. I, 1938, стр. 40.

К. Ф. Рылеев, осуждая подражательность как «вериги чуждых мнений», призывал «стараться уничтожить в себе дух рабского подражания»¹.

Главную роль в создании национальной русской литературы декабристы отводили Пушкину. Уже первые его произведения, связанные с прогрессивными интересами страны, вдохновляли декабристов. В свою очередь будущие декабристы повлияли на рост политического самосознания Пушкина. В тесном взаимодействии формировались их взгляды на народность литературы.

Рылеев писал Пушкину: «Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца» (XIII, 133).

А несколько позже он подчеркивал: «На тебя устремлены глаза России, тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь поэт и гражданин» (XIII, 241).

Пушкин неизменно стремился к созданию национальной русской поэзии, работал над усилением общественной роли родной литературы, над созданием подлинно народного искусства. В споре между классиками и романтиками Пушкин не удовлетворялся ни одним из определений народности и дал свое определение народности литературы. В заметке «О народности в литературе» Пушкин писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (XI, 40).

Вместе с тем он раскрывал несостоятельность ограниченного, внешнего истолкования народности: «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тому, что, «изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения» (XI, 40).

Борьба за народность была органически связана у Пушкина с борьбой за реализм. Поэт выступал и против классицизма с его стеснительными канонами, и против салонно-дворянской сентиментальной школы Карамзина. Романтизм привлекал внимание Пушкина враждебностью классицизму, способностью выразить чувство свободы, неудовлетворенностью существующими порядками, обращением к народному творчеству. Однако его отталкивал субъективизм романтиков, уход от действительности, их отвлеченность².

Пушкинский романтизм был переходным этапом на пути к

¹ «Сын отечества», ч. 104, 1825, № XXII, стр. 146.

² Вопрос своеобразия пушкинского романтизма нашел глубокое освещение в советском пушкиноведении, в работах Б. Мейлах, А. С. Пушкин, М.—Л., 1949; Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, М.—Л., 1950.

реализму. От художника Пушкин требовал правды изображения действительности, резко критиковал искусственность и подражательность литературы.

Пушкину в высшей степени свойственно чувство величайшей ответственности за русскую литературу и литературный русский язык. В 1823 г. поэт записал в своих рабочих тетрадях: «Только революционная голова — подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Пушкин считал, что разговорный язык простого народа — основа создания русского литературного языка — «достоин также глубочайших исследований» (XI, 148).

Поэтому Пушкин так пристально изучал народную жизнь, народную речь, собирал песни в Кишиневе, Одессе и Михайловском. «Он учится русскому языку у Крылова, еще больше у своей няньки и всегда у ямщиков, торговков, в трактирах, на постоянных дворах, у солдат»¹.

Народное слово привлекало Пушкина смысловой точностью, образностью, конкретностью, лаконизмом. Поэт уподобляет защитников салонной речи, карамзинистов «паркетным дамам», которые «гнушались просторечием и заменяли его простомыслием».

М. Горький высоко оценил значение Пушкина в борьбе за народность русской литературы и принципы использования поэтом народного творчества. «Язык создается народом, — писал Горький. — Деление языка на литературный и народный значит то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первый, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надо обрабатывать его»².

Пушкин боролся за широкую демократизацию языка, так как считал, что русский литературный язык можно создать только на народной речевой основе. Впервые так ярко раскрывается борьба Пушкина за народный язык и народность литературы в период пребывания Пушкина на юге. Из Одессы в декабре 1823 г. поэт писал П. А. Вяземскому: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (XIII, 80).

В черновом наброске «О причинах, замедливших ход нашей словесности», говоря об общем употреблении в образованных слоях общества французского языка и пренебрежении русским, Пушкин подчеркивает ответственность писателей перед отечественной литературой и языком. Именно поэтому Пушкин

¹ М. Горький, История русской литературы, Госполитиздат, 1939, стр. 101.

² М. Горький, Сбор. соч. в 30 томах, т. 24, стр. 491.

защищает достоинство русских писателей в письме к Вяземскому из Кишинева 6 февраля 1823 г.: «пора... заставить правительство уважать нашим (мнением) голосом — презренье к русским писателям нестерпимо» (XIII, 57).

Пушкин неуклонно зовет писателей к народно-русским началам. «...есть у нас свой язык; смелее — обычаи, история, песни, сказки — и проч.». Эти народные, национальные начала Пушкин отмечает в Крылове. «Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский».

Заслуженно-высоко оценивает Пушкин Крылова, как подлинно-народного писателя. Пример Крылова представляется ему весьма поучительным на путях утверждения реализма и народности в русской литературе.

Интерес к Крылову у Пушкина зародился рано и сохранился на всю жизнь. В 1815 г. в послании «Городок» имя Крылова значится в числе друзей поэта, парнасских жрецов.

«И ты, шутник бесценный», — обращается Пушкин к автору шутотрагедии «Подщипа», увлеченный ее острой политической сатирой и тонкой пародией на «ложно-героическую» трагедию.

Тут вижу я — с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет.
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...

Знакомство Пушкина с Крыловым относится к концу 20-х годов. До ссылки на юг Пушкин встречался с Крыловым в семействе А. Н. Оленина¹, а также на «субботах» Жуковского, где, по словам Плетнева — первого биографа Крылова, — баснописец отдавался «игре своего остроумия... где отсутствие дам, чтение литературных новостей и большая свобода в отношениях развязывали его всегдашнюю осторожность»².

Бесспорно, что внимание к Крылову возрастает у Пушкина в связи с развитием борьбы за направление русской литературы, за ее реализм и народность. Участие Крылова в этой борьбе было очень заметным и не могло не быть оценено Пушкиным, так как И. А. Крылов уже острие своей журнальной сатиры направил против «гносных сатириков», лишенных чувства национального достоинства и патриотизма. Высмеивая сентиментально-прикрашенное изображение крестьян в чувствительных идиллиях, Крылов противопоставил дворян-

¹ М. А. Цявловский, *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, т. I, АН СССР, М., 1951, стр. 138.

² П. Плетнев, *Соч.* т. II, стр. 81.

ским вертопрахам рачительного хлебопашца, который достоин большего уважения, «нежели гордый вельможа и несмысленный судья»¹. Своими комедиями Крылов также вел борьбу против галломании, подражательности и жеманства. Его «Урок дочкам» клеймил вредное для государства «пристрастие высших сословий ко всему, что только носит нерусское имя... в глупом своем чванстве... морщится от русского языка»².

В литературной полемике первой трети XIX в. баснописец занял свою особую позицию. В споре «Беседы» с «Арзамасом» Крылов не разделял консервативных взглядов шишковилов, эпигонов классицизма, он высмеял графа Хвостова — «столпа» «Беседы», бездарность шишковилов в баснях «Демьянова уха» и «Парнас».

Сентиментально-прикрашенному изображению народной жизни, подражательности, искусственности карамзинистов Крылов решительно противопоставил принцип реалистического искусства, тесно связанного с народным творчеством.

Современники понимали самобытность и своеобразие таланта баснописца. «Один только самобытный, неподражаемый Крылов обновлял повременно и ум и язык русский во всей их народности»³, писал А. Бестужев. Он назвал Крылова «крестным отцом» молодого литературного поколения, научившим это поколение говорить по-русски.

И. А. Крылов создал национальную русскую басню, придал ей «жгучий характер сатиры и памфлета»⁴.

Сатирический охват отрицательных сторон русской действительности в баснях Крылова очень велик: социальное неравенство, произвол и жестокость помещиков, казнокрадство и взяточничество чиновников, тунеядство, невежество, кичливость находят в баснях Крылова жестокого обвинителя. Крылов с благородной прямоотой указывает, что корень государства — в народных массах, он требует уважения к народному труду, просвещения русского народа. Стрелы своей сатиры баснописец направлял на всю крепостническую систему. Каждая его басня — небольшая комедия, поэтическая картина, в которой удивительно верно выдержаны характеры действующих лиц, раскрыта их народность. «В его духе, — писал Белинский, — выразилась сторона духа целого народа»⁵.

Пушкин ценил реалистическое отражение русской жизни в баснях Крылова, их сатирическую направленность и глубокую народность. Характерно, что первая поэма А. С. Пуш-

¹ И. А. Крылов, Полное собр. соч. под ред. В. В. Каллаша, т. II, стр. 514.

² Там же, стр. 227—228.

³ «Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 143.

⁴ В. Г. Белинский, Соч. под ред. Венгерова, т. X, СПб, 1914, стр. 462.

⁵ Там же, стр. 266.

кина «Руслан и Людмила» в 1820 г. вызвала нападки тех же представителей реакционной критики, что и «Новые басни» Крылова в 1811 г.

Крылов с возмущением воспринял критику «просвещенной» публики, направленную против Пушкина, ставившую в вину поэту демократические тенденции поэмы, обращение к народной сказке. Рецензенту поэмы «Руслан и Людмила» он ответил эпиграммой в том же «Сыне отечества», где была помещена недружелюбная по отношению к Пушкину статья В. (писателя А. Ф. Воейкова).

Напрасно говорят, что критика легка,
Я критику читал «Руслана и Людмилы».
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка¹

Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. из Каменки писал: «Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня ужасно как тяжка» (XIII, 21).

Так, уже в начале решительной борьбы за народность русской литературы Пушкин и Крылов оказываются союзниками.

Не случайно Пушкин, посылая брату 24 января 1822 г. из Кишинева эпиграмму на Каченовского, обращается к басне Крылова «Демьянова уха»:

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья —
Ежемесячным враньем

покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя, твой друг Демьян» (XIII, 36).

Из баснописцев того времени Пушкин отдавал явное предпочтение Крылову. Сравнивая Крылова с Дмитриевым, Пушкин был не удовлетворен подражательностью, сентиментальностью последнего; поэту хочется «ущипнуть Дмитриева». В письме к Гнедичу от 27 июня 1822 г. из Кишинева Пушкин пророчит о том, «где очутится Ив. Ив. Дмитриев — с своими *чувствами и мыслями* взятыми из Флориана и Легузе» (XIII, 40).

И. И. Дмитриев сильно ослабил общественно-сатирическое направление жанра басни, отошел от Сумарокова в стремлении «сплесть» басню русским образом. Прекрасный версификатор, Дмитриев считал одну только плавность стиха и богатую рифму красотой и совершенством поэзии. «Часто, — писал он, — приходило мне даже на мысль, что я совсем не

¹ И. А. Крылов, Соч., т. III, 1946, стр. 311

поэт, а пишу только по какому-то случайному направлению, по одному навыку и механизму»¹.

Источник своих басен Дмитриев указал в басне «Желания»:

Сердится Лафонтен иль нет,
А я с ним не могу расстаться,
Что делать? Виноват: свое на ум не идет —
Так за чужое приниматься².

Для характеристики отношения Крылова к басням Дмитриева и понимания им народной основы своих басен уместно привести рассказ В. Кеневича по поводу басни «Осел и соловей»: «Какой-то вельможа (по словам одних, гр. Разумовский, других — кн. А. Н. Голицын)... пригласил его к себе и просил прочесть две-три басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен... Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?» — «Не умею», — скромно отвечал поэт... Задетый за живое баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей»³.

Есть глубокий смысл в известном противопоставлении заслуг двух баснописцев: «Дмитриев ввел басню во дворец, Крылов вывел на площадь». Этим противопоставлением хотели унижить Крылова, но в нем сказалась сила народного баснописца, придавшего басне национальный характер, сатирическое направление в противовес басне Дмитриева.

Наиболее ярким защитником Дмитриева и противником Крылова в начале 20-х годов был Вяземский — постоянный корреспондент Пушкина в эту пору.

В 1823 г. в статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» Вяземский слишком высоко подымал достоинства басен Дмитриева. «Вот они: правильность языка, красивость слога, свобода стихосложения, верный вкус, ум острый и замысловатый, воображение не стремительное, но живое, насмешливость не язвительная, но колкая, совершенство отделки и вообще тот глянец искусства, который преимущественно замечен в творениях французов и придает последний блеск красоте, как художественная оправка удваивает достоинства драгоценного камня»⁴.

В этом высказывании явно чувствуется аристократизм Вяземского, восхищавшегося изысканностью слога Дмитриева.

Вяземский писал и о национальном характере русской

¹ И. И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь, 1840, стр. 91—92.

² И. И. Дмитриев, Стихотворения, ч. II, изд. 6, СПб, 1823, стр. 149.

³ В. Ф. Кеневич, Биографические и исторические примечания к басням Крылова, изд. II, СПб, 1878, стр. 84.

⁴ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I, СПб, 1878, стр. 149.

басни, и о причинах популярности басен в русской литературе, и об их оппозиционном характере, но решительно отвергал басни Сумарокова за их грубость, а преимуществ Крылова перед Дмитриевым не признавал. «Дмитриев.— писал Вяземский,— счастливый победитель предшественников, образец, открывший дорогу последователям и соперникам»¹.

Свое противопоставление Дмитриева Крылову Вяземский отстаивал не только в спорах с Пушкиным, но и в переписке с писателями-декабристами. В письме А. Бестужеву Вяземский настойчиво противопоставляет народной реалистической басне Крылова «легкую, изящную» басню Дмитриева, утверждает, что Крылов не может быть образцовым писателем: «Крылова уважаю и люблю, как остроумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева... Что дало ему открытый лист на общенародное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству, у всех на языке: «А философ без огурцов», «Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона» и шутки подобные, да вот и все...»².

Вяземский обнаруживал полное неприятие того, что составляло народную, национальную основу творчества Крылова.

Мнение А. Бестужева было противоположно взглядам Вяземского. Бестужев восторженно писал о баснях Крылова: «И. А. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравоучению. В каждом его стихе виден русский здоровый ум... Его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия»³.

Позиции Вяземского в данном вопросе были неприемлемы для Пушкина. Перед Вяземским и другими учениками и почитателями Карамзина Пушкин решительно отстаивает первенство Крылова в русской басне. 8 марта 1824 г. поэт писал из Одессы: «Жизни Дмитриева» еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь чорт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова. Все его сатиры — одного из твоих посланий, а все прочее — первого стихотворения Жуковского. Ты его когда-то назвал

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1878, стр. 144.

² «Русская старина», 1888, ноябрь, стр. 329—330.

³ А. Бестужев, Полн. собр. соч., т. XI, СПб., 1838, стр. 224.

Le poète de notre civilisation, быть так, хороша наша civilisation!» (XII, 89).

А в начале апреля того же года после чтения «Жизни Дмитриева» Пушкин настойчиво утверждает: «Повторяю тебе перед евангелием и святым причастием — что Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя Василий Львович...» (XIII, 91).

Пушкин считал, что Крылова унижают, когда его ставят не только ниже Дмитриева, но и даже наравне с ним, ибо Крылов для Пушкина неподражаемый, «во многих отношениях самый национальный и самый популярный наш поэт».

Разное толкование народности приводило «к разномыслию в так называемых чисто русских вопросах» между Пушкиным и Вяземским. Среди этих вопросов, прежде всего, и был вопрос борьбы за утверждение национальной русской литературы. Характерно, что Вяземский в «Автобиографическом введении» отрицал обвинение в какофонии, сделанное ему Пушкиным за Послание Жуковскому, напечатанное в «Сыне Отечества» в 1821 г. Он разъяснял: «А вот в чем дело... Пушкина рассердил и огорчил я другим стихом из этого Послания, а именно тем, в котором говорю, что язык наш рифмами беден.—Как хватило в тебе духа,—сказал он мне,—сделать такое признание? Оскорбление Русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесенное»¹.

В плане этих расхождений Пушкина и Вяземского по вопросу развития национальной русской литературы и раскрывается спор Пушкина с Вяземским о Крылове—создателе национальной русской басни. Пушкин высоко ценил Вяземского как своего соратника по «Арзамасу», «Литературной газете» и в дальнейшем по «Современнику». Однако по вопросу национальных основ русской литературы, ее народности уже в 20-е годы между Пушкиным и Вяземским не было единства. Вяземский не разделял национальной гордости декабристов. Чацкий Грибоедова с его страстным протестом против подражания европейскому казался Вяземскому несносным, а борьба Пушкина против подражания иностранной литературе не вызвала сочувствия Вяземского, воспринималась им как «патриотическая щекотливость» поэта. В литературной борьбе 10—20-х годов Вяземский отстаивал позиции карамзинистов с их ориентацией на запад, стремлением к европеизации языка. «Я — европейское растение», — говорил о себе Вяземский и, по собственным словам, постоянно находился под влиянием французской литературы. Борясь против канонов классицизма, Вяземский шел по стопам

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1878, стр. 42.

французских романтиков. Признание самого Вяземского по этому вопросу не оставляет никаких сомнений: «Ум мой был воспитан и образован во французской школе... Связь моя укрепилась с одною французскою литературой, особенно минувшего столетия. Это, кажется, сильно отозвалось во мне... Но при всем моем французском отпечатке, сохранил или приобрел я много и русского закала... Впрочем, за простонародием никогда и не гонялся, никогда не искал я образовать школу из него»¹.

Оговорка «о русском закале» существа спора Пушкина с Вяземским не меняет, что видно из письма Вяземского А. Тургеневу от 19 декабря 1920 г., где Вяземский объясняет свое понимание народности: «Отчего ты думаешь, что я по первому снегу ехал за Делилем... Я себя называю природным русским поэтом потому, что копаюсь на своей земле. Более или менее ругаю, хвалю, описываю русское; русскую зиму, чухонский Петербург, петербургское рождество и пр. пр.» Как видим, понимание народности у Вяземского ограниченное, поверхностное, не содержит пушкинской глубины, демократичности, а относится к толкованиям народности критиками, которые «радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения» (XI, 40).

Такое внешнее толкование народности с позиций эстетизированно-романтической поэтики, поэтики изящества и остроумия не мешало Вяземскому ставить Дмитриева выше Крылова, обвинять Крылова в «первородном провинциализме», а потому противопоставлять Крылову как образцового стихотворца—Дмитриева, стихотворца «избранного меньшинства», которое держится «вечных законов искусства и изящных образцов, дошедших до нас наследством от изящной древности»².

В споре о Крылове затрагивался вопрос направления басен и формы их. По словам Вяземского, спорили до упаду, споры о баснописцах часто возобновлялись, отзывы и суждения становились более резкими. «При зазорной перестрелке нашей мы горячились... Что люди, мне чужие, обвиняли меня в слабости к Дмитриеву и в несправедливости к Крылову, это меня не очень озабочивало и смущало... Но в числе обвинителей моих был и человек мне близкий; суд его был для меня многозначителен и дорог, он мог задирать меня и совесть мою за живое». (Вяземский имеет здесь в виду Пушкина — П. З.)³.

Характерно, однако, что, возвращаясь и через 50 лет к этим же вопросам, Вяземский по-прежнему отстаивает свои

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1873, стр. 58—59.

² Там же, стр. 165.

³ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 158—159.

позиции. Он не принял исправлений и указаний Пушкина на статью «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», а между тем расхождения в споре об Озере касались прогрессивного, демократического понимания народности, реализма русской литературы, утверждаемого Пушкиным, и носили принципиальный характер. Поэт настойчиво отстаивал мысль о том, что Озеров не создатель национальной трагедии, так как все в его поэзии «чуждо духу русского народа», он именовал кисть Озерова «решительно не трагической». Автор народной трагедии «Борис Годунов» Пушкин в споре с Вяземским об Озере, как и в споре о Крылове, отстаивал необходимость жизненной правды в изображении художника, необходимость знания жизни своего народа.

Страстность спора Пушкина о Крылове не случайна: речь шла о направлении развития русской литературы. Пушкин настойчиво утверждал: «Крылов превзошел всех известных нам баснописцев». Первенство Крылова среди русских баснописцев означало для Пушкина защиту национального своеобразия русской литературы, ее реализма, демократизма и народности, борьбу против стремлений обратиться русскую литературу на путь подражания западноевропейским образцам,

Борясь против подражательности, Пушкин уже в 20-е годы расходился с Вяземским, в мировоззрении и поведении которого обозначились элементы, предсказывавшие дальнейшую его эволюцию в консервативном направлении. Глубоко справедливо утверждение Б. С. Мейлаха: «Нужно разрушить легенду о единстве идейно-политических взглядов Пушкина и людей его ближайшего окружения, с которыми он находился в личной дружбе,—с Вяземским, А. Тургеневым, Жуковским. Пушкин был в идейном родстве с людьми декабристского круга, а не с Вяземским и тем более не с Жуковским, который отрывал поэзию от истоков русской культуры»¹.

Борьба Пушкина за реализм явилась выражением патриотизма и народности поэта. Пушкин отчетливо уяснял себе историческое значение народной поэзии и ее роль в создании национальной русской литературы. Интерес поэта, проявляемый им на юге к крестьянским волнениям в России, к национально-освободительной борьбе на Балканах, к историческому прошлому русского народа, связи с южными декабристами, привел Пушкина к народному творчеству,—к поискам в песнях, сказках, былинах выражения народного сознания².

¹ Б. С. Мейлах, Проблемы советского пушкиноведения. Труды первой и второй Всесоюзных пушкинских конференций, АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 71.

² В. В. Томашевский, Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина. Труды третьей Всесоюз. пушкинской конференции, М.—Л., 1953.

В творческом освоении черт русского национального характера для Пушкина было очень важным восприятие мира крыловских образов. Пушкин высоко ценил в баснописце его любовь к русскому народу, веселое лукавство ума и живописный способ выражения. Создатель национальной русской басни обладал огромной силой типизации отрицательных явлений жизни, произносил над ними приговор. При этом в образах своих басенных героев баснописец достигал яркости и неповторимости, подлинной народности.

Народность басен Крылова, их разоблачительная сила привлекали внимание декабристской журналистики и критики. Лучшая басня Крылова «Крестьянин и Овца» была напечатана в «Полярной звезде» за 1823 г.; «Рыбья пляска» воспринималась декабристами как обвинительный акт против всей системы самодержавия и была перепечатана в «Полярной звезде» за 1824 г.; басня «Кошка и Соловей» впервые была напечатана в 1824 г. на страницах «Соревнователя просвещения».

Социальную сатирическую направленность басен седьмой и восьмой книг Крылова, вышедших как раз в период наибольшего подъема декабристского движения, отметил В. Г. Белинский: «Все басни Крылова прекрасны, но самые лучшие, по нашему мнению, заключаются в седьмой и восьмой книгах. Здесь он, очевидно, уклонился от прежнего пути... Здесь он имел в виду более взрослых людей, чем детей, здесь больше басен, в которых герои—люди, именно весь православный люд: даже и звери в этих баснях как-то больше, чем прежде, похожи на людей»¹.

Крылов намечал пути народности и реализма в русской литературе; демократизм баснописца, глубокое знание русской жизни, русской природы, народного языка позволяли баснописцу высоко подниматься над своими предшественниками и современниками.

Крылов создал свою собственную басню, придал ей характер своей нации, отпечаток своего гения. Басни Крылова полны знания особенностей своей страны, ее обычаев, нравов, языка. Он мастерски говорил по-русски и увлекал слушателей сравнениями и метафорами, блистательными и всегда приведенными кстати. Басни Крылова глубоко народны по своему духу, «по русскому уму» баснописца, по его умению видеть, воспринимать действительность по-русски, «прямо русской» кистью ее зарисовывать. Источник басен Крылова—русские народные пословицы и поговорки. Крылов использовал также образы народных русских сказок о животных, явившись и в методе обработки народного творчества

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч. под ред. С. А. Венгерова, т. VI, СПб., стр. 225.

предшественником Пушкина. Создатель басни-сатиры Крылов народен и в заимствованиях образов и сюжетных ситуаций из русской народной сказки о животных, и в изменениях и отступлениях, делаемых им в полном согласии с жизнью и умопредставлениями русского народа.

Наполненная глубоким общественным содержанием и сатирическим охватом современности, реалистическая народная басня Крылова, сочетавшая национальную традицию русской басни с обращением к народному творчеству — связующее звено между критическим реализмом Пушкина и реалистическими традициями предшествовавшей русской литературы¹.

До конца своей жизни Пушкин считал басни Крылова прекрасной школой для молодых писателей. Возражая на статью «Анетея», посвященную разбору 4-й и 5-й глав «Евгения Онегина», Пушкин писал в назидание молодым словесникам: «Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет его.

Кстати о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтобы видеть свойства русского языка» (XI, 71—72).

В 1825 г. Г. В. Орлов осуществил перевод 86 басен Крылова на французский и итальянский языки, желая «познакомить ученый свет и Европу с нашею отечественной словесностью», показать, что русский народ имеет своих поэтов и достоин и с этой стороны уважения и почтения, о чем он и писал в письме, посвященном Крылову. Тексту басен было предпослано введение Лемонте на французском языке. По словам Лемонте, басни Крылова «самые совершенные произведения невского Парнаса, кисть его истинно русская, а в баснях его, как в зеркале, отражается облик народа»².

Пушкин воспользовался предисловием Лемонте и высказал свой взгляд на исторические судьбы России, на историю русской литературы и место в ней Крылова, как представителя духа русского народа, его национальных черт. Пушкин оправдал выбор Орлова, «избравшего истинно народного поэта» (подчеркнуто нами — П. З.), дабы познакомить Европу с литературою Севера».

Подчеркивая народность Крылова, Пушкин писал: «Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было по-

¹ Н. Степанов, И. А. Крылов (монография), ГИХЛ, 1949.

² Сб. статей, читанных в отд. русского языка и словесности АН, т. VI, СПб., 1869, стр. 88.

ставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочесть ему Крылова», (XI, 34).

Крылов для Пушкина «неподражаемый наш поэт», любимец своего народа, выразитель его характера, «духа», создавший русскую басню на основе народного творчества (так пленившего и самого Пушкина). Национальное величие Крылова, выразившего своеобразие русского характера, дает ему право на мировую известность. Это положение своей статьи Пушкин полемически заостряет против Вяземского, отрицающего мировое значение баснописца.

Характерно, что Вяземский не только не упомянул Крылова в «Послании И. И. Дмитриеву», но даже не включил баснописца в число тех 4 русских авторов, о которых он собирался писать в 1824 г. для «Revue Encyclopédique».

Резко отрицательное отношение П. А. Вяземского к демократизму Крылова сказывается в его письме Пушкину от 16 октября 1825 г.: «Твоя статья о Лемонте очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова... Как ни говори, а в уме Крылова есть что-то лакейское. Назови Державина. Потемкина представителями русского народа, это дело другое, в них и золото и грязь наши, но представительство Крылова и в литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление, de lese — nation, тобою совершенное» (XIII, 235).

Пушкин ответил Вяземскому в письме, в котором сообщил и о «Борисе Годунове». «Ты уморительно критикуешь Крылова, молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума» (XIII, 240). Уже шутливая форма ответа подчеркивала творческую близость Пушкина к Крылову.

В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал: «Есть шутки грубые, сцены простонародные. Хорошо, если поэт может их избежать... Если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным» (XI, 141).

Их не избегал Крылов в своих баснях. Их не избегал Пушкин в своем творчестве, когда они были действительно нужны для раскрытия всей правды жизни.

Расхождения между Пушкиным и Вяземским достигают наибольшей остроты в 30-е годы. В заметке «О статьях кн. Вяземского», напечатанной в «Литературной газете» 1830 г., Пушкин, отмечая силу суждения и ловкость софизма Вяземского и защищая Вяземского от нападок «Московского Телеграфа» и «Северной Пчелы», вместе с тем писал: «Часто не соглашаешься с его мыслями... его мнения явно противоречат нами принятым понятиям» (XI, 97).

Статья Пушкина направлена на защиту благородной независимости русских литераторов, их патриотизма и народности, что было дорого поэту в баснописце Крылове.

Смерть Пушкина глубоко опечалила Крылова. По словам А. П. Савельевой, «Пушкин посетил Крылова за день или два до дня своей дуэли с Дантесом. Он был особенно, как-то даже искусственно, весел, говорил г-же Савельевой любезности, играл с ее малюткой-дочерью, нянчил ее, напевал песенки, потом вдруг торопливо простился с Крыловым. Когда же тот узнал, что великого поэта не стало — баснописец, всегда спокойный, невозмутимый, — воскликнул:

— О, если бы я мог это предвидеть, Пушкин. Я запер бы тебя в моем кабинете, я связал бы тебя веревками... Если бы это знал!»¹.

Спор Пушкина с Вяземским о первенстве Крылова среди русских баснописцев заключил В. Г. Белинский.

Защиту Вяземским первенства Дмитриева среди русских баснописцев критик охарактеризовал так: «Кумовство и приходские отношения некогда старались даже доставить пальму первенства Дмитриеву; тогда это было забавно, а теперь было бы нелепо»².

Белинский смело поставил вопрос о первенстве Крылова среди русских баснописцев. «Басни Дмитриева, — писал Белинский, — искусственные цветы в нашей литературе. Эти растения явно пересажены с родной почвы на чужую и возвращены в теплице... Крылов один у нас истинный и великий баснописец»³.

Белинский, с самого начала своей деятельности выдвинувший принцип народности литературы, в 40-е годы наполнивший его глубоким содержанием, в своих исканиях опирался на факты русской действительности, на живой опыт русской литературы, и в том числе на деятельность Крылова и Пушкина. Ложной народности славянофилов Белинский противопоставил истинно народных поэтов Пушкина и Крылова, указал также на их различие. «Поэзия Крылова должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячи рек, и больших и малых»⁴.

¹ «Русский архив», кн. III, 1877, стр. 402.

² В. Г. Белинский, Избр. соч., М., 1948, стр. 276.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 262, 263.

⁴ В. Г. Белинский, Избр. соч., ГИХЛ, М., 1948, стр. 275.

В. В. МАРТЫНОВ

ПУШКИН И МИЦКЕВИЧ — ПОЭТЫ-ЛИРИКИ

(некоторые вопросы языка и стиля)

Литература, посвященная Пушкину и Мицкевичу, воздействию политических и эстетических взглядов декабристов и Пушкина на формирование мировоззрения великого польского поэта, чрезвычайно обширна. Однако до сих пор отсутствуют работы о языке и стиле произведений обоих поэтов в плане возможного взаимовлияния. А между тем стилистический анализ художественного наследия Мицкевича и Пушкина раскрывает огромные возможности перед исследователем. В языке и стиле лирики Мицкевича становится осязаемым воздействие творческой манеры Пушкина, а в художественных особенностях «Медного всадника» — влияние поэтических приемов Мицкевича.

Настоящая статья посвящена рассмотрению первого из этих вопросов.

Мицкевич сам отлично видел неразрывную связь пушкинского поэтического новаторства с революционными идеями декабризма. В некрологе, посвященном Пушкину, великий польский поэт писал: «Это явление (творчество Пушкина — В. М.) предвещало великую литературную революцию на севере; все разговоры в салонах вращались вокруг достоинств и недостатков новой поэтической системы. Борьба классицизма и романтизма могла разгореться в России каждую минуту, и что особенно важно, в это самое время готовилась и политическая революция»¹.

¹ Dzieła wszystkie Adama Mickiewicza. Wydał i objaśnił Tadeusz Pini, t. IV, we Lwowie, str. 217—218. Поэтические произведения Мицкевича цитируются также по этому изданию. По техническим условиям польская графика в цитатах и сносках не сохраняется.

То, что заметил Мицкевич, проглядели его исследователи. Изучая исторические связи Мицкевича с представителями русского революционного движения, русской культуры и искусства, они забывали о «великой литературной революции на севере», которая была связана с новаторской поэтикой Пушкина и не прошла бесследно для польского поэта.

В произведениях Пушкина Мицкевич увидел правду жизни и поэтическую непосредственность, какой не находил ни в современной ему польской литературе, ни даже в своем собственном раннем творчестве.

Националистически настроенные польские буржуазные литературоведы стремились представить Мицкевича в русский период его жизни одиноким изгнанником, окруженным тайными и явными врагами, вынужденным отказаться от общественной жизни. Русский язык, русскую литературу, русскую культуру они объявляли чуждыми польскому поэту.

Трудно придумать что-нибудь более нелепое.

Мицкевич родился в Новогрудке, провел свое детство среди белорусского населения и к моменту поступления в Виленский университет даже плохо владел польским литературным языком. Русизмы были обычным явлением в его произведениях¹. В Виленском университете Мицкевич изучал русскую литературу. Поэт и его друзья восхищались Жуковским и подражали его балладам. Уже в 1820 г. через юриста В. Пелчинского, который, вероятно, был посредником между филоматами и петербургскими тайными обществами, в Вильно узнали о Пушкине. Наиболее ранние переводы из Пушкина печатались в «Дзеннике Виленском». Таким образом, еще перед отъездом в Россию Мицкевич хорошо знал русский язык и русскую литературу. Если к этому прибавить, что в России он нашел и политических единомышленников, то станут ясными причины быстрой эволюции творчества Мицкевича на русской почве.

Удивительным, поэтому, кажется объяснение Калленбаха, который пишет следующее:

«В истории языка и стиля Мицкевича пребывание в России сыграло весьма важную роль. Ни разу впоследствии поэт не имел достаточно времени и охоты работать над своим языком и стилем... В николаевской России изгнанник из Литвы был одинок и лишен возможности вести общественную работу. Тогда-то неизбежно вся энергия духа и мысли обратились на слово, которое временно само должно было стать общественным делом»².

¹ J. Kallenbach, O języku i stylach Mickiewicza. Język Polski, Rocznik VII, 1922, str. 66, а также II Kallenbach, Adam Mickiewicz, t. I; Lwow—Warszawa—Krakow, 1926, str. 81.

² J. Kallenbach, O języku i stylach Mickiewicza. Język Polski, Rocznik VII, 1922, str. 71.

Таким образом, по Калленбаху, огромные изменения в области языка и стиля, которые претерпело творчество Мицкевича на русской почве, объясняются духовным одиночеством поэта и наличием... свободного времени. Это заведомо тенденциозное объяснение не нуждается в опровержении, тем более, что сам Калленбах не выяснил характера изменений в творческой манере поэта, поспешив в то же время указать на их причины.

Колоссальная польская мицкевичана знает лишь несколько статей, посвященных языку и стилю произведений Мицкевича. Что же касается творческого взаимовлияния Пушкина и Мицкевича в области использования художественных приемов, то в литературоведении вовсе отсутствуют работы на данную тему.

Прежде чем приступить к выяснению характера тех изменений, какие претерпела на русской почве художественная манера Мицкевича, необходимо выяснить, какова она была до приезда поэта в Россию.

Стихи Мицкевича виленско-ковенского периода часто были окрашены таинственным и мрачным колоритом, полны словесных предчувствий. Действующими лицами в них выступали волки, совы, души живых и мертвых, сопутствовавшие человеку на каждом его шагу. Естественное сливалось со сверхъестественным. Народные поверья использовались односторонне. Нагромождение ужасов создавало атмосферу искусственную, скорее затемнявшую, чем раскрывавшую настроения и чувства поэта. Из стихотворений, написанных в это время, наиболее характерным является посвященное Марыле Верещакувне «Прочь с глаз моих» (1822). В нем поэт говорит о силе своей любви к Марыле, образ которой никогда не исчезнет из памяти... Стихотворение проникнуто глубоким лиризмом, который, однако, насыщается однообразно тоскливой тональностью.

Вот строки, передающие тоску поэта по любимой:

Na kazdem miejscu i o kazdej dobre,
Gdzien z toba plakal, gdziem sie z toba bawil,
Wszedzie i zawsze bede ja przy tobie,
Bom wszedzie czastke mej duszy zostawil.

(В месте том и в день тот, где плакал с тобой и где веселился, всюду и всегда я буду с тобой, ибо всюду там оставил частичку души моей).

Это прекрасное лирическое описание, заключительную фразу которого можно толковать вполне реалистически («часть души моей» значит «воспоминание обо мне»), в дальнейшем как бы заслоняется зловеще мистической картиной:

Wtem blyskawica nocna zamigoce,
Sucha w ogrodzie zaszelsze grusza,

I ouszczyk z jekiem w okno zalopose,
Pomyslisz sobie, ze to moja dusza.

(Вдруг вспыхнет ночная молния, сухая груша зашелестит в саду, сова с протяжным криком хлопает крыльями под окном, и подумаешь ты, что это душа моя).

Таким образом, воспоминания здесь связываются с поверьем о возвращении души человека к любимым местам. Общая тональность стихотворения та же, что и в балладах того времени и в первых частях «Дзядов». Лирика этого периода характеризуется сложными метафорами и сравнениями, часто затемняющими мысль поэта. Так, например, стихотворение «В альбом» все заключено в рамки чрезвычайно сложного сравнения:

Blogo temu, kto w twojej pamieci utoni,
Jak ten koral, lub owa jagoda perlowa,
Co ja woda Baltycka w swem przeczystym lonie
Pod lazurowa barwa na wieki przechowa.
Lecz ja, jak drobny kamyk, ni krasa koralu,
Ni wdziekiem perlowego dochodzacy blasku,
Chcialbym choc jedna chwilke poigrac w tej fali,
Nim, zapomniany, legne w niepamieci piasku.

(Благо тому, кто в памяти твоей утонет, как коралл или жемчужина, которую воды балтийские в своем прозрачном лоне под лазурью на века спрячут. Но я, как камешек, не похожий по красоте и блеску на кораллы и жемчужины, хотел бы только мгновенье поиграть в волне, прежде чем, забытый, лягу на песок забвения).

Память сравнивается с морем, мысль о человеке с кораллом, а песок, на который оседают кораллы, должен означать забвение. Сравнение настолько сложное, запутанное, что заключительная строка при первом чтении остается непонятной. Ясно, что при таком условии не может быть и речи о непосредственном выражении чувств поэта. Подобные сравнения имеются и в других произведениях этого периода.

Мицкевич еще часто пользуется традиционными эпитетами, не способствующими усилению выразительности стиха. Например:

wyrok smutny	— грустный приговор,
west chnienie gleboke	— глубокий вздох,
ogrod piekny	— прекрасный сад и др.

У него встречаются нарушения естественного, свойственного живому польскому языку порядка слов. Особенно часто встречаем отделение определения от определяемого путем вставки между эпитетом и словом, к которому он относится, одного или нескольких слов. Например:

...smiertelna zlowi krola twego matnia.
(смертельная словит короля твоего ловушка)

...w jaskrawych dowcipu ozdobach.
(В ярких остроумия украшениях).

...rownie swiete, a milsze powtarzac nazwania.
(столь же святые, но более милые повторять названия) и др.

Основным же свойством творчества Мицкевича литовского периода является незначительное, сравнительно с последующим периодом, количество лирических стихотворений, преобладание поэзии балладной. Такие лирические стихи, как «К друзьям» и «К М...» фактически являются балладами.

Пушкинская лирика 1820—1824 гг. характеризуется отсутствием однообразно-грустной тональности. Веселие и грусть незаметно сменяют друг друга. Стихотворение становится впечатляющим, психологически правдивым, жизненным. Это свойство пушкинской лирики, кстати говоря, отличает ее от байроновской¹.

К тому времени были уже созданы шедевры пушкинской лирики: «Погасло дневное светило» (1820 г.), «Редеет облаков летучая гряда» (1820 г.), «Я пережил свои желанья» (1821 г.), «Ночь» (1823 г.) и другие.

Жизненной непосредственностью веет от первого стихотворения этого периода («Погасло дневное светило»):

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминанием упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает,
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мгло,
Желаний и надежд томительный обмен...
Шумы, шуми послушное ветрило,
Волнуйся подо мной угрюмый океан.

Лирику Пушкина этой поры характеризует душевный бунт, проникнутый сознанием собственных сил. Поэт сравнивает себя с орлом («Узник», 1822 г.).

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляет лишь ветер... да я.

Пушкин избегает сложных метафор и сравнений. Сравнения его просты и выразительны. Например:

Над морем я влачил задумчивую тень
(«Редеет облаков летучая гряда»)²
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
(«Я пережил свои желанья»...)

¹ Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, М.—Л., 1950, стр. 254—255.

² Видимо, любимая тогда пушкинская метафора. В. В. Виноградов находит ту же метафору в стихотворении «Домовому». См. Известия АН СССР, Отд. яз. и лит., т. VIII, вып. 3, 1949, стр. 203.

Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный
(«К моей чернильнице») и другие.

Среди пушкинских эпитетов в то время преобладают, правда, еще традиционные (волшебные края, гостеприимная кровля, измена хладная и т. д.).

Эмоциональность пушкинского стиха находит свое выражение не в эпитетах, а в динамическом раскрытии движения души или реального действия. Характерным с этой точки зрения является стихотворение «Ночь» (1823 г.). Стихотворение отличается крайней эмоциональной напряженностью. Достигается это тем, что за исключением первых двух строк, все стихотворение представляет собой сплошной речевой поток.

Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут полны тобой.
Во тьме твои глаза блистают предо мной,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твою... твою...

Эффект непрерывного эмоционального действия частично достигается переносом сказуемого на начало следующей строки.

Близ ложа моего печальная свеча
Горит;
...Мои стихи, сливаясь и журча,
Текут.

Пушкинское поэтическое новаторство не могло не производить огромного впечатления на широкие круги читателей. Когда в 1825 г. Мицкевич приезжает в Одессу, все здесь живет воспоминанием о Пушкине. Его стихи передаются из уст в уста, переписываются в альбомы, размножаются в списках. О том, какого огромного распространения достигли пушкинские стихи в устной передаче даже за пределами русского общества, свидетельствуют факты из польской пушкинианы. Мицкевичем написана эпиграмма на одного из деятелей эмиграции Яна Чинского, которая напоминает известную пушкинскую эпиграмму на Воронцова:

W pol jest zydem, w pol polakiem,
W pol jakobinem, w pol zakiem,
W pol cywilnym, w pol zoldakiem,
Lecz zato calym, lajdakiem.

(Полуеврей, полуполяк, полуюкобинец, полушкольник, полугражданский, полусолдат, а в целом прохвост).

Юлиуш Словацкий в своей поэме «Бенёвский» также использовал перефразировку той же пушкинской эпиграммы.

В 1837 г. появился сонет Станислава Яшовского «Пушкин», последние строки которого звучат следующим образом:

«Читает тебя салонный панок из Петрограда, читает купец, ведущий караваны из Китая, башкир, вооруженный луком, и крепкий татарин. Читает тебя в грустной хижине у подножья скал камчадал, одетый в собольи меха, наполнивший котел рыбьим жиром»¹.

Ясно, что подобные строки не могли возникнуть у автора, незнакомого с пушкинским «Памятником». «Памятник», написанный в 1836 г. был, однако, опубликован в 1841 г. Известный польский пушкинист Мариан Топоровский считает, что стихотворение Пушкина проникло за границу в рукописи.

Тем более ясно, что, появившись в Одессе, Мицкевич мог быстро ознакомиться с творчеством Пушкина периода южной ссылки.

Именно в Одессе и произошли те изменения в творческой манере польского поэта, которые наложили свой отпечаток на все последующее его творчество. «Великая литературная революция на севере» начала оказывать свое воздействие на Мицкевича. Мрачный колорит раннего творчества сменяется ровным расположением света и тени, тонкими нюансами душевных движений, с легкой юмористической окраской. Образцом в этом отношении может служить знаменитое «Сомнение» (1825 г.):

Gdy cie nie widze — nie wzdycham, nie placze;

Nie trace zmyslow, kiedy cie zobacze;

Jednakze, gdy cie dlugo ogladam,

Czegos mi braknie, kogos widziec zadam,

I teskniac, sobie zadaje pytanie:

Czy to jest przyjazn, czy to jest kochanie.

(Когда тебя не вижу, не вздыхаю и не плачу, не лишаюсь чувств, увидев тебя; однако, если тебя долго нет, чего-то мне не достает, кого-то хочу увидеть, и, тоскуя, себя я спрашиваю, дружба это или любовь).

Мицкевич создает такие блестящие юмористические зарисовки, как «Сватовство». На смену сложным метафорам и сравнениям приходят сравнения и образы, удивительные по своей выразительности и лаконичности. Например:

„bym byl dla ciebie zdrowiem i pokojem,

(чтобы я для тебя был здоровьем и покоем)

...czemu, chcac z toba uczucia podzielas,

Nie moge duszy prosto w dusze przelac.

(почему, пожелав разделить с тобой чувство, не могу душу в душу перелить).

¹ St. Jaszowski, Sonety ku czci uczonych slowian, IV, Puszkini. Slowianin, Zebrany i wydany przez Stanislaw Jaszowskiego, t. I, Lwow; 1837, str. 9.

В стихах одесского периода Мицкевич редко прибегает к эпитетам вообще (в стихотворении «К ДД» — 1 эпитет, в стихотворении «Сомнение», в котором шесть строф — 2 эпитета). Почти совершенно отсутствует традиционное нарушение порядка слов. Стих Мицкевича становится динамичным, с яркой эмоциональной окраской. Показательно в этом отношении стихотворение «К ДД» с его троекратным повторением глагола в конце каждой строфы.

Nie smiem przerywac, nie smiem odpowiadac,
I tylko chcialbym sluchac, sluchac, sluchac.

Usta pomykam i sluchac nie zadam,
Tylko calowac, calowac, calowac.

(Не смею прерывать, не смею отвечать,
И только хотел бы слушать, слушать, слушать.)

Usta zakrywam i sluchac nie chcu,
Tylko celowac, celowac, celowac).

Особенно показателен цикл любовных сонетов. Часть из них написана еще в Литве, часть в Одессе, но для определения даты написания, пожалуй, никаких дополнительных данных не нужно — настолько одесские отличаются от литовских.

Приведем для сравнения заключительные строки двух сонетов.

Сонет «Воспоминание» (написан в Литве):

A ksiezyc, z pod bladego wyjrzawszy obloku,
Snezne piersi i zlote roz o swiecal pierscienie
Boskiego wdziem twoim przydajac uroku.
W momencie serca porywa sladkie zachwycenie
Usta sie spotykaja, oko ginie w oku,
Lza z lza, i z westchnieniem miesza sie westchnienie.

(А месяц, выглянув из-за бледного облака, осветил снежную грудь и золотые кудри, придав божественную прелесть твоей красоте. Тогда сердца охватывает сладкий восторг, уста встречаются с устами, око с оком, слеза со слезой и вздох смешивается со вздохом).

Сонет «Доброй ночи» (написан в Одессе):

Dobranoc! Obroc jeszcze raz na mnie oczeta,
Pozwol lica! Dobranoc! Chcesz na slugi klasnac?
Daj mi piers ucalowac! Dobranoc! Zapieta,
Dobranoc! Juz ucieklasz i drzwi chcesz zatrzasnac!
Dobranoc ci przez klamke! Niestety-zamkniela!
Powtarzajac: «dobranoc» nie dalbym ci zasnac.

(Доброй ночи! Еще раз глазки свои подыми ко мне, покажи лицо Доброй ночи! Хочешь слуг позвать? Дай грудь поцелую. Доброй ночи! Прикрыта. Доброй ночи! Убежала и дверь хочешь захлопнуть. Доброй ночи через дверную скважину! Увы, закрыта! Повторяя «доброй ночи», я не дал бы тебе уснуть.

Чрезвычайная динамичность второго сонета, сплошь состоящего из коротких фраз и постоянного повтора «Доброй ночи», полное отсутствие в нем традиционных эпитетов — все это выгодно отличает сонет «одесский» от «литовского».

Польское буржуазное литературоведение объясняет перелом в творчестве поэта его одесскими любовными увлечениями, однако в таком случае непонятно, почему его ковенский роман, например, с Ковальской, не оказал аналогичного влияния на творчество поэта. Известно, что стихотворение, посвященное Ковальской, написано полностью в старой манере.

В 1828 г. Мицкевич перевел известное пушкинское стихотворение «Воспоминание». Перевод этого стихотворения следует отнести к числу самых совершенных переводов в мировой литературе. Силлабо-тонический шестистопный ямба подлинника, естественно, передан тринадцатислоговым силлабическим стихом, в котором нечетные строки оканчиваются двумя амфибрахиями. Последнее придает стиху некоторую медлительность, что вполне соответствует содержанию. Стихотворный перевод чрезвычайно точен. Почти нет никаких расхождений с подлинником. Полностью сохранен замечательный пушкинский образ:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Единственное отступление от подлинника следующее:

У Пушкина:

В бездействии ночном живей горят во мне
Змен сердечной угрызения.

У Мицкевича:

Wtenczas mnie ukaszenia sercecznej gadziny,
Bezczynnemu, strozej pieka.

Т. е. у Пушкина под «бездействием ночным» разумеется время, когда досуг позволяет углубиться в воспоминания. У Мицкевича ...mnie bezczynnemu (мне бездеятельному). Расхождение объясняется, видимо тем, что Мицкевич считал тему стихотворения непосредственно связанной с декабристским движением и поэтому предполагал, что Пушкин казнит себя за бездеятельность, за то, что не принял участия в борьбе.

В заключение необходимо кратко остановиться на балладах, написанных Мицкевичем во время пребывания в России. Впоследствии они были переведены Пушкиным («Дон-зор» и «Трое Будрысов»).

Баллады, написанные Мицкевичем в предшествующий период творчества, как уже говорилось, отличались мрачным однообразным колоритом, были полны предчувствий и сверхъестественных сил. В свое время Словацким и Одынцем была написана пародийная баллада «Czy to bies, czy to pies?» (Бес это или пес?), которая сыграла свою роль в преодолении ультраромантического балладного направления. Характерно, что Мицкевич преодолевает это увлечение балладной фантастикой в русский период своего творчества.

В русской литературе создателем нового типа баллады был Пушкин. Таков пушкинский «Жених» — реалистический рассказ, написанный под сильным влиянием народного творчества: «Утопленник» — с его неподражаемой иронией. «Бесы» — прекрасное описание снежной бури в духе народных поверий, но без всякого вмешательства сверхъестественных сил.

Переводя в 1833 г. баллады Мицкевича, Пушкин написал «Гусара» — блестящую пародию на фантастическую балладу. (Такие пародии были распространены в ту пору в русской литературе — В. М.). Существуют чрезвычайно любопытные данные о том, что Мицкевич написал свои две баллады, которые впоследствии перевел Пушкин, под влиянием русских пародий. Это и усилило реалистический элемент в балладной поэзии Мицкевича.

Г. Фельчакувна в своей работе «Строфа Мицкевича» указывает на то, что размер баллад «Дозор» и «Трое Будрысов» создан в подражание Жуковскому, его переводу баллады Вальтер Скотта «Замок Смальгольм» (1822). Доводы Фельчакувны были впоследствии повторены Ю. Клейнером и А. Важиком. Однако оставалось все же непонятным, для чего Мицкевичу необходимо было подражать переводной балладе Жуковского. Яркий свет на этот вопрос пролил К. Заводзинский. Он установил, что на мотив «Смальгольмского барона» существовала значительная пародийная традиция, в том числе шуточная баллада, написанная Бестужевым тем же размером¹.

Баллада Мицкевича «Дозор» характеризуется стремительностью развития действия, реалистическими описаниями и, что особенно важно, индивидуализацией языка героев. Характерное для речи воеводы «Hej, kozaku, ty chamie» и «Ciszey, plemie hajducze!» превосходно передано Пушкиным. Пушкин, правда, несколько смягчил образ казака.

¹ A. Wa z y k, Mickiewicz i wersyfikacja narodowa, Warszawa, 1951, str. 103., K. W. Z a w o d z i n s k i, Studia z wersyfikacji polskiej, Wroclaw, 1954, str. 454—460.

У Мицкевича:

Panie! Jakis bies mie napada
Ja nie moge zastrzelic tej dziewczki.

(Пане, бес какой-то напал на меня. Я не могу застрелить эту девуку).

У Пушкина:

Пане, целить мне не можно.

Польское или украинское «не можно» удачно воссоздает местный колорит. Пушкин перевел балладу своим любимым размером — четырехстопным хореем. Характерно, что тем же размером написаны «Утопленник» и «Бесы».

Баллада «Трое Будрысов» написана в той же манере сурового лаконизма, ярких речевых характеристик. Речь старого Будрыса, с большим искусством переданная Пушкиным, по-народному образная, полна сравнений.

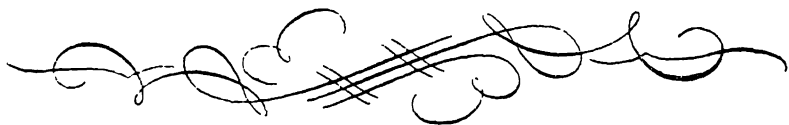
...dziengi ¹ , jak lodu	(денег, как льда)
..bursztynow, jak piasccu.	(янтаря, как песку)
...lice bielsze od mleka.	(лица белее молока).

Пушкин добавил: Очи... будто две свечки, хотя в подлиннике — gwiazdeczki, то есть звездочки. Спорно, насколько в устах Будрыса правомерно последнее сравнение. Пушкин, видимо, почувствовал здесь диссонанс и намеренно снизил образ подлинника.

Реализм баллад «Дозор» и «Трое Будрысов», их близость к народной поэзии, социальная заостренность первой из них, несомненно и побудили Пушкина перевести их. Характерно, что Пушкин перевел эти баллады, отказавшись от перевода уже переписанных им отрывков III части «Дзядов», созданной Мицкевичем после отъезда из России в условиях эмиграции и проникнутой во многом мистическими настроениями.

Творческая история написанных Мицкевичем в России лирических стихотворений и баллад подтверждает наше положение о влиянии «великой литературной революции на севере» и особенно творчества Пушкина на характер тех изменений, которые претерпела художественная манера Мицкевича на русской почве.

¹ Руссизм в устах Будрыса понятен и закономерен.

Е. П. КОВАЛЬЧУК

МИЦКЕВИЧ О ПУШКИНЕ

В жизни Адама Мицкевича, полной невзгод, разочарований, безудержного стремления служить своему народу, светлым периодом явилось пятилетие, проведенное поэтом в России и на Украине.

Самую яркую страницу пребывания польского поэта в России представляет общение в период 1826—1829 гг. Пушкина и Мицкевича — этих двух «радостных явлений», по выражению Горького, славянских литератур. Дружба великих поэтов — это пример не только тесного духовного общения и творческого взаимообогащения двух поэтов, но и взаимосвязей польского и русского народов.

Отправляясь в Россию на положении политического ссыльного, Мицкевич томился тяжкими предчувствиями, отголоски которых ощущаются в элегически прозвучавших «Размышлениях в день отъезда», — стихах, написанных в Одессе в октябре 1825 г. Вскоре, однако, жизнь показала бессосновательность таких настроений поэта, их окончательно рассеяло пребывание в Москве. Еще зимой 1824 г. началось сближение польского поэта с передовой Россией. Тогда же впервые наметились те оценки общественной и литературной жизни России, которые десятилетие спустя нашли свое окончательное оформление в литературно-критических опытах Мицкевича позднейших лет. Мицкевич обладал незаурядным дарованием критика, что было отмечено еще Пушкиным («поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток словенской поэзии»). К сожалению, поэт не оставил такого литературно-критического труда, в котором дал бы последовательно развернутую картину русской литературной жизни,

хотя эту жизнь Мицкевич не только наблюдал, но и активно в ней участвовал.

Высказывания Мицкевича по вопросам русской литературы, представляющие чрезвычайно большой интерес, разрозненно встречаются в его переписке. В наиболее законченном виде они изложены в некрологе, посвященном памяти Пушкина, и в курсах лекций по истории славянских литератур, прочитанных в Париже.

Между написанием некролога и лекциями по курсу славянских литератур прошло пять лет. Тем не менее во всех случаях мы наблюдаем сохранение единой точки зрения, раскрытой в некрологе, посвященном Пушкину, схематично, а в курсе славянских литератур более пространно.

Хотя оба эти произведения содержат ряд значительнейших мыслей, ни в одном из них А. Мицкевич не использовал те возможности, которыми он располагал как исследователь-литературовед и критик. Как отмечает сам Мицкевич в письме к Вяземскому в 1839 г., он «не придает ей (статье, посвященной памяти Пушкина — Е. К.) хотя бы малейшее литературное значение».

Некролог, помещенный во французском журнале «Le Globe» за подписью «Друг», появился тотчас же после гибели Пушкина. Легко предположить, что Мицкевич, потрясенный безвременной гибелью своего русского друга, не смог в небольшой по объему заметке журнала, рассчитанного на широкие слои читателей, до конца раскрыть сложнейшую тему — исчерпать всю сумму вопросов, связанных с творчеством Пушкина. Точно так же специфическими являются условия создания и назначение курса истории славянских литератур, прочитанного А. Мицкевичем. Этот крупнейший литературно-критический труд поэта, который отразил политические и эстетические воззрения на сложнейшем этапе его жизненного пути, предназначался для чтения перед случайным, постоянно обновляющимся составом слушателей в «Collège de France». Однако без преувеличения можно сказать, что даже при такого рода обстоятельствах, Мицкевич высказал много ценных мыслей, не утративших интереса в наши дни. Значение их определяется прежде всего тем, что они — результат живых непосредственных наблюдений современника. Кроме того, Мицкевич, оценивая литературную жизнь России с позиций революционера, в определении ее ведущих черт и роли ее корифея — Пушкина, во многом оказался созвучным Белинскому. Следовательно, литературно-критические работы Мицкевича, посвященные русской литературе, являются еще одним свидетельством, убеждающим в последовательности революционных и демократических позиций великого польского поэта. Но нельзя обойти молчанием и то, что рассматриваемые литературно-критические опыты А. Мицкевича содержат некоторые

спорные, а подчас и ошибочные положения. Это легко объяснить тем, что с одной стороны, они создавались почти десять лет спустя после того, как Мицкевич оторвался от русской почвы; с другой стороны, конец 30-х и начало 40-х годов — время опубликования некролога и создания курса славянских литератур, как известно — труднейшая полоса в жизни поэта, с которой совпали и тяжелые разногласия с колонией польских эмигрантов и начало периода мистико-религиозных заблуждений. К тому же понимание глубоких мыслей автора подчас затрудняется отсутствием той общепринятой литературоведческой терминологии, которой пользуются исследователи и критики в наши дни. Трудности и возможность неправильного истолкования данных текстов А. Мицкевича связаны с отсутствием в 30—40-е годы прошлого столетия термина «реализм», который, как известно, современное содержание приобрел лишь к концу XIX в.

Отдельные высказывания Мицкевича о русской литературе и Пушкине встречаются в его переписке с польскими друзьями 1824—1829 гг. Одним из первых ощущений Мицкевича, возникших при сближении с литературной жизнью России, было восхищение ее богатством. В одном из первых писем к Одынцу, написанном из Москвы, польский поэт выражает негодование по поводу той недооценки значения русской культуры и литературы, которая существует не только в Западной Европе, но и в Польше.

Отличительной чертой русской литературы 20-х годов, особо восхищавшей его, А. Мицкевич считает ее оппозиционность по отношению к правящей самодержавной России, а особенностью гражданского облика ее деятелей — нежелание эту оппозиционность скрывать. В первом курсе славянских литератур, характеризующая литературную жизнь страны в первую треть XIX в., Мицкевич пишет: «В России того времени можно было наблюдать характерное явление: могущественный монарх, чтимый во всей Европе, которому достаточно было послать любому иностранному писателю перстень или табакерку, чтобы в наиболее авторитетных французских и немецких газетах появились статьи, защищающие его политику и восхваляющие его особу, — этот монарх не мог добиться ни единой строфы ни от кого из русских поэтов, ни единой статьи от сколько-нибудь известного русского писателя»¹.

Пережив вместе с передовой Россией события 14 декабря 1825 г. и их последствия, Мицкевич высшие достижения русской литературы той поры ставит в непосредственную связь с декабристским движением. Говоря в некрологе, посвященном памяти Пушкина, об отношении русских литераторов к гото-

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, Государственное издательство художественной литературы, М., 1954, стр. 381.

вившемуся декабрьскому восстанию, Мицкевич замечает: «Вскоре, точно по сигналу, вся русская литература стала на сторону оппозиции... К чести русских литераторов надо признать, что в этом случае они проявили душевную твердость и бескорыстие»¹.

Воплощение всех лучших черт национальной русской литературы Мицкевич видел в Пушкине, в лице которого встретил не только искреннего друга, но и единомышленника в общественно-политическом и поэтическом отношении. Имеются многочисленные свидетельства современников, в которых приведены ставшие теперь достаточно популярными факты личного общения двух великих поэтов славянства. Воспоминания братьев Ксенофонта и Николая Полевых, упоминания в переписке Вяземского, Зин. Волконской, Каролины Павловой помогают воссоздать в деталях историю взаимоотношений Пушкина и Мицкевича. Факты, приведенные в этих источниках, несомненно представляют значительный интерес, однако они раскрывают только внешнюю сторону вопроса. В них обычно перечислены личные встречи поэтов, даны описания обстоятельств, при которых они происходили. Этим далеко не исчерпывается значение взаимоотношений Пушкина и Мицкевича.

Дружба поэтов была, конечно, не только дружбой двух ровесников, связанных общим кругом литературных знакомств, но примером внутреннего взаимопонимания, основанного на общности гражданских и поэтических устремлений.

Первая встреча Мицкевича и Пушкина, как известно, произошла в середине октября 1826 г. в Москве. Впоследствии, вспоминая пребывание в России, Мицкевич многое переоценивал, во многом заблуждался, но с первых встреч через всю жизнь он пронес, восторженное отношение к великому русскому поэту.

Впервые с высказываниями Мицкевича о Пушкине мы встречаемся в письме к Одынцу, написанном из Москвы в марте 1827 г. Польский поэт подчеркивает личное обаяние, образованность, широкую осведомленность Пушкина в вопросах литературы: «...в разговоре (Пушкин — Е. К.) очень остроумен и увлекателен, он много и хорошо читал, знает новейшую литературу; его понятия о поэзии чисты и возвышенны»². Заключительная часть фразы звучит особенно значительно, если учесть то обстоятельство, что Мицкевич был чрезвычайно сдержан и лаконичен в переписке.

С первых встреч с Пушкиным Мицкевич разделял его взгляды на литературу, ему было внутренне близко пушкинское отношение к ней. Именно это помогло Мицкевичу в годы

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, Государственное издательство художественной литературы, М., 1954, т. 4, стр. 92.

² Там же, т. 5, стр. 380.

пребывания в России пережить расцвет поэтического дарования, с удивительной наблюдательностью определить то выдающееся место, которое принадлежит Пушкину в истории отечественной и мировой культуры.

Как бы перекликаясь с Белинским, Мицкевич говорит о Пушкине как о величайшем явлении в литературе и творческую деятельность его представляет как определенный этап в развитии русской литературы. В первом курсе по истории славянских литератур Мицкевич отмечал: «...раздался голос, заглушивший все остальные и открывший эру в русской истории: голос Александра Пушкина»¹. В определении значения Пушкина, как зачинателя нового и высшего этапа в процессе развития русской национальной литературы, выросшего на достижениях предшествующего этапа, А. Мицкевич необычайно близок к положению, выдвинутому Белинским. Замечательно то, что в своем определении роли Пушкина Мицкевич, не зная характеристики Белинского, близок к нему даже текстуально. Невольно вспоминается образ, использованный Белинским — о реках русской поэзии, слившихся и составивших могучее море поэзии — Пушкина.

Мицкевич с удивительной тонкостью ощутил и передал внутреннее содержание пушкинского периода русской литературы. Мицкевич один из первых оценил утверждение Пушкиным художественного реализма. Его понимание Пушкина как основоположника реализма в русской литературе особенно четко выступило в оценке «Евгения Онегина». Восхищаясь «Онегиным», Мицкевич называет его «самым народным из всех произведений Пушкина». Он пишет дальше: «... сюжет и персонажи «Онегина» взяты из действительной жизни, из русского домашнего быта... Но поэт постиг тайну облагораживания всего, идеализирования, нигде не впадая в преувеличения»². Справедливо усматривая в «Онегине» вершину творческих достижений Пушкина, А. Мицкевич показал, что в этом произведении воплощены принципы реалистического метода. Он говорит о «простоте» «Онегина», которую вероятно противопоставляет романтической усложненности, о «прекрасно славянском, национальном» начале произведения.

Оценку пушкинского реализма Мицкевич строит на сопоставлении «Онегина» с «Дон-Жуаном» Байрона. Указывая на превосходство «Онегина», польский поэт утверждает, что в произведении Байрона преобладает субъективное начало, в то время как у Пушкина он видит широту изображения жизни в целом (следует подразумевать передачу типических явлений русской действительности — *Е. К.*).

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, Государственное издательство художественной литературы, М., 1954, т. 4, стр. 381.

² Там же, стр. 94.

Особенно высоко ценит Мицкевич реалистическое начало в изображении широкого народного фона в трагедии Пушкина «Борис Годунов», на первом чтении которой он присутствовал.

Признание принципов реалистического метода в художественном творчестве, заложенных Пушкиным, помогло Мицкевичу и в его оценках польской литературы. Оно сказалось уже в его статье, написанной им в Москве «О критиках и рецензентах варшавских», помещенной в качестве вступления к изданному в Петербурге в 1829 г. двухтомному собранию сочинений. Мицкевич бросил вызов реакционному лагерю польской литературы, отстаивавшему право на жизнь обветшалых форм классицизма. В этой статье, представляющей яркий образец полемической публицистики, проявилось влияние Пушкина на взгляды Мицкевича по вопросам литературного творчества.

В своих высказываниях Мицкевич обнаружил понимание революционной роли Пушкина, оценил то место, которое занимал наш поэт в русском освободительном движении. В то время как другие современники всемерно старались преуменьшить значение революционной роли Пушкина, а Белинский, который переживал тогда еще полосу исканий, а также в силу цензурных условий, не мог говорить об этом «во весь голос», Мицкевич отметил, что на основании даже самых ранних произведений Пушкина «на него стали смотреть как на вождя интеллектуальной оппозиции», как «на политическую фигуру, опасную для правительства»¹.

В некрологе читаем: «Первое стихотворение, проникнутое суровым якобинством (Мицкевич имеет в виду стихотворение «Кинжал» — *Е. К.*) и глубокой ненавистью к существующему строю, облетело всю Россию. Вскоре имя Пушкина становится лозунгом для всех недовольных элементов России»². Пример тому, как звучало и воспринималось в самодержавной России пушкинских времен слово, рожденное в бурях французской революции конца XVIII в., — якобинец — дан в бессмертной комедии Грибоедова. Преклоняясь перед Пушкиным, Мицкевич говорит о его «якобинстве», совершенно справедливо подчеркивая как основную черту, характеризующую его творчество — пафос свободолюбия и общественного протеста.

Мицкевич, как об этом уже говорилось выше, отмечал, что передовая русская литература первой трети XIX в. развязалась под знаком борьбы с самодержавием. С большой определенностью Мицкевич говорит об органической связи всей передовой русской литературы с движением декабристов. Да-

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 1, Государственное издательство художественной литературы, М., 1954, стр. 93.

² Там же, т. 4, стр. 381.

вая неправильную оценку декабрьскому восстанию (ошибочность позиций Мицкевича в данном вопросе была раскрыта уже Герценом), Мицкевич все же в связи литераторов с декабристами правильно видит высокую гражданственность нашей отечественной литературы. Так, он творческую деятельность Пушкина до 1825 г. раскрывает в плане связи с декабристами и подготовки к событиям 14 декабря.

Подробно излагая факты жизни Пушкина осенью и зимой 1825 г. в лекции от 7 июля 1842 г., Мицкевич говорит о том, что поэт спасся от расправы только в силу «чудесной случайности».

Оценивая Пушкина как выдающееся явление мировой литературы, Мицкевич в то же время настойчиво подчеркивает национальный характер его творчества. Для Мицкевича наш поэт — гениальный выразитель русской нации.

Как совершенно справедливо отмечал Мицкевич, в процессе развития Пушкина как художника усиливается национальное начало его творчества. Именно к концу 20-х годов определилась его роль как национального русского поэта. В некрологе Мицкевич говорил: «Вместо того, чтобы с жадностью пожирать иностранные романы и журналы, некогда его исключительно интересовавшие, он предпочитал теперь слушать народные сказки, былины, народные песни и зачитывался историей родной страны. Казалось, он навсегда покидал чужие края, срастался с Россией, пускал корни в народную почву»¹. Мицкевич, провозгласивший у себя на родине необходимость обращения поэта к неиссякаемому источнику — народному творчеству, указавший на великое значение национального начала поэзии, закрепивший эту точку зрения своей творческой практикой — «Романсами и балладами», поэмой «Гражина» и другими, как никто другой из современных Пушкину поэтов мог оценить величайшее прогрессивное значение этой стороны деятельности русского собрата.

В решении этого вопроса следует отметить единство взглядов великого польского поэта и представителя русской революционной демократии Белинского. Как известно, Белинский, выступивший за три года до гибели Пушкина со своими статьями, посвященными поэту, точно так же настойчиво подчеркивал роль Пушкина как великого выразителя русской нации.

Интересно и правильно решена Мицкевичем проблема «Пушкин и Байрон». Точка зрения Мицкевича так ясна и справедлива, что приходится удивляться бесконечной путанице, существовавшей на этот счет в течение более чем столетия.

Так, не греша против истины, Мицкевич говорит о том

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, Государственное издательство художественной литературы, М., 1954, стр. 95.

увлечении поэзией Байрона, которое пережил молодой Пушкин в ранний период своего творчества: «Пушкин попал в байроновскую орбиту, вращался вокруг этой звезды, как планета, входящая в ее систему и сверкающая ее светом». Однако тут же Мицкевич отмечает: «Но при всем этом Пушкин не столько подражал его (Байрона — Е. К.) произведениям, сколько находился под воздействием духа своего любимого поэта»¹. Легко понять, что в данном случае Мицкевич говорит о том, что обоих поэтов — Байрона и Пушкина — объединяла неудовлетворенность действительностью.

Со всей определенностью Мицкевич дальше утверждает: «Он не был фанатическим байронистом. Если бы произведений английского поэта вовсе и не существовало, Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи»². Из высказываний Мицкевича следует вывод, что даже не пройдя через период увлечения Байроном, Пушкин остался бы самим собой.

Показывая отличие обоих поэтов, Мицкевич первенство оставляет за Пушкиным. Знаменательно, в чем Мицкевич усмотрел его превосходство над Байроном. Говоря о «Евгении Онегине» и «Дон Жуане», Мицкевич замечает, что «Евгений Онегин» — «поэма» по его терминологии — «проникнутая печалью гораздо более глубокой чем та, которой пронизана поэзия Байрона»³. В то время как у Байрона преобладает субъективное, индивидуалистическое начало, у Пушкина выступает более глубокое проникновение в суть явлений общественной жизни, изображение не субъективных чувствований, а заострение социальной проблематики.

Показательно, что осуждающее отношение Мицкевича к байроновскому индивидуалистическому началу перекликается с пушкинским. Так невольно вспоминается «Гарольдов плащ», которым Онегин «облек свой безнадежный эгоизм».

И в некрологе, посвященном памяти Пушкина, и в курсе славянских литератур Мицкевич высказал немало ошибочных воззрений как в решении больших узловых проблем, так и в частности.

К числу наибольших заблуждений польского поэта в оценках Пушкина в первую очередь следует отнести датекую от истины характеристику деятельности и творчества Пушкина после разгрома декабрьского восстания. Мицкевич говорит: «Разгром восстания произвел сильное впечатление на Пушкина. С тех пор он лишился смелости и страсти»⁴, т. е. приписывает Пушкину пессимизм, апатию, настроения упадка — черты, которые, впрочем, приписывались Пушкину и не-

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, Государственное издательство художественной литературы, М., 1954, стр. 91.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 388.

которыми другими толкователями его творчества. Продолжая развивать эту мысль, Мицкевич неправильно представляет подлинный смысл аудиенции, данной Николаем I поэту. В глазах Мицкевича лицемерное заявление российского самодержца о том, что отныне он будет единственным цензором поэта — явилось благодеянием для Пушкина, который якобы пытался впредь не огорчать своего «высокопоставленного цензора».

Мицкевич приходит также к заключению, что передовая часть русского общества перестала верить Пушкину, а поэт тяжело переживал потерю своего имени «пророка», «учителя» передовой Руси. В этих оценках последнего десятилетия жизни и творчества Пушкина легко увидеть неправильное восприятие Мицкевичем «Стансов» («В надежде славы и добра»), стихотворения «Друзьям» («Нет, я не льстец»). В то же время Мицкевич не говорит, возможно по незнанию, о таких произведениях Пушкина как «В Сибирь», «Арион», свидетельствующих о верности поэта идеям свободы и делу декабристов.

Показывая Пушкина в неразрывной связи с литературной и общественной жизнью России, представляя его как вершину русской литературы, Мицкевич заключает свои литературно-критические опыты о Пушкине в обоих случаях неправильно. По мнению Мицкевича, с безвременной гибелью поэта русская литература понесла такую утрату, которую ей никогда не удастся восполнить. Некролог Мицкевича заключается такой фразой: «Пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной России ужасный удар. Есть Жуковский, Крылов..., но никто однако не заменит Пушкина. Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше нежели один раз мог появиться человек, сочетающий в себе столь разнообразные способности»¹.

Польский поэт, переживавший в начале 30-х годов крушение гражданских надежд, не понял того, что принципы художественного творчества, заложенные Пушкиным, могут быть продолжены и развиты его великими преемниками, поднявшими на новую ступень патриотические и освободительные идеи, выдвинутые литературой пушкинского периода.

Говоря о частностях, в которых заблуждался Мицкевич, следует вспомнить и о том, что он безусловно неправильно толковал в курсе лекций славянских литератур стихотворение «Пророк». В этом произведении польский поэт, по его выражению, усматривал лишь «библейское начало», считая, что якобы Пушкин видел назначение поэта в жречестве, пророчестве. Такого рода оценка пушкинского «Пророка» может восприниматься как прямое порождение товянизма Мицкевича.

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, Государственное издательство художественной литературы, М., 1951, стр. 96.

Выходя за пределы литературно-критических работ польского поэта, в данной связи представляется необходимым вспомнить отрывок «Памятник Петру I». Изображая Петра — «царя-кнудержца в римской тоге», мечтавшего о покорении всех земель и всех народов, Мицкевич показывает Пушкина как своего единомышленника. Так рождается образ двух юношей, обнявшихся и укрытых одним плащом, у фальконетовского памятника. Как известно, Пушкин, не разделяя точку зрения польского собрата, ответил ему в «Медном всаднике» с позиций русского патриота.

Сознавая наличие отдельных заблуждений Мицкевича в его литературно-критических опытах, посвященных русской литературе и Пушкину, следует признать, что само его обращение к данной теме и общее ее решение свидетельствуют о том, что братская дружба русского и польского народов, достигшая высшего расцвета в наши дни, имеет свои корни в прошлом.

И. М. ДУЗЬ

УКРАИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

(Поэма «ПОЛТАВА»)

Великий гений русского народа А. С. Пушкин первый поистине национальный поэт. Его творчество наиболее сильно и тонко отражает черты русского национального характера, его порыв к свободе и героический подвиг на поле брани, трудолюбие и светлый оптимизм, моральную стойкость и силу патриотических чувств. Одновременно творчество А. С. Пушкина глубоко интернационально, оно проникнуто сердечной любовью к большим и малым народам, их культуре и национальной самобытности.

Страстно и вдохновенно звучат строки пушкинской музыки, посвященной Украине и украинскому народу. В них мы неизменно чувствуем большую любовь и сочувствие поэта к украинскому народу, глубокую заинтересованность его историей, правильное понимание исторического акта воссоединения Украины с Россией, осуществленного Богданом Хмельницким.

Вместе с тем Пушкин верно понимал предательскую сущность Мазепы, который стремился насильственно оторвать украинский народ от русского народа, отдав его на поругание татарским, шведским, польским и иным поработителям. Украинский советский поэт М. Рыльский в одной из своих статей отмечает, что характеристика Мазепы, данная Пушкиным, полностью совпадает с той оценкой, которая сложилась в украинском народе.

Украинские буржуазные националисты ненавидели поэта за то, что он раскрыл историческую правду в убедительных художественных образах. Они противопоставляли великого русского поэта Тарасу Шевченко, всячески фальсифицировали произведения Пушкина, находя в них «нездоровую эротику и цинизм».

Советское литературоведение отбросило эти вымыслы и убедительно показало, что пребывание поэта на Украине оста-

вило неизгладимый след как в его биографии и творчестве, так и в культурной, общественно-политической жизни украинского народа, в творчестве многих украинских писателей.

Во время южной ссылки в Одессе, Киеве, Каменке Пушкин нашел любовь и гостеприимство у лучших, передовых представителей украинского народа. Здесь он ближе сошелся с декабристами, вырос в этот период в своем мировоззрении.

Великий сын русского народа встречался с простыми людьми — украинцами, страдавшими от социального и национального гнета. Чутким сердцем он вникал в народное горе и нужду. Поэт слушал и записывал очаровательные украинские народные песни, в которых высказывались думы и чаяния народа.

А. С. Пушкин хорошо знал историю украинского народа. Как свидетельствует историк М. Погодин, великий поэт мечтал написать историю Украины. Среди архивов поэта за 1825 г. сохранился план такого исторического исследования. В нем читаем: «Историческая программа» (об истории Малороссии). Что ныне называется Малороссией? Что составляло прежде Малороссию? Когда отторглась она от России? Долго ли находилась под владычеством татар? От Гедемина до Сагайдачного, от Сагайдачного до Хмельницкого, от Хмельницкого до Мазепы, от Мазепы до Разумовского». Характерной в этом плане является заинтересованность поэта общностью судеб украинского и русского народов. Он понимал, как на это указывают слова — «когда отторглась она (Украина — И. Д.) от России?». что между двумя братскими народами существует давнишняя историческая дружба, скрепленная общностью их происхождения и борьбой за свободу и независимость. Поэту была дорога свобода украинского народа. Он с негодованием писал в 1822 г.: «Екатерина II закрепостила вольную Малороссию».

Украинская тема нашла свое отражение в многочисленных произведениях Пушкина. В письмах и стихотворениях он увещивал «тенистую Каменку». Тепло вспоминает поэт златоглавый Киев. В стихотворении «Гусар» бывалый солдат поучает молодежь: «толь дело Киев, что за край!» В стихотворении ««Бородинская годовщина» поэт вспоминает «наш Киев дряхлый, златоглавый сей пращур русских городов». Одессе, ее порту и городу, Пушкин посвятил несколько строф в «Путешествии Онегина», где воспел упорный труд горожан по благоустройству своего города:

Но уж дробит камень молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованной броней.

Некоторые украинские «исследователи» А. С. Пушкина, как справедливо отмечает академик А. И. Белецкий¹, пытались до-

¹ Наукові записки Київського державного університету, Збірник філологічного факультету, т. XIII, вип. II, 1954.

казать, что пребывание поэта на Украине и в частности украинская природа, быт, ее история не нашли отражения в произведениях поэта. Это обвинение бросалось Пушкину потому, что украинские буржуазные националисты хотели, чтобы поэт создал образ «идиллической Украины», отступил от правды жизни. Однако поэт-реалист показал не «идиллическую Украину», а крепостную, правдиво воссоздал ее историческое прошлое.

Полнее всего украинская тема отражена Пушкиным в поэме «Полтава». В ней, как справедливо указал украинский советский драматург А. Корнейчук, поэт «воспел вековечное единство русского и украинского народов»¹.

Буржуазные националисты, как и либерально-монархические писатели, пытались доказать, будто пушкинская поэма — это «апофеоз самодержавию и империализму», будто она написана, как «благодарность» императору Николаю, который возвратил поэта из ссылки, что этой поэмой Пушкин «согласился с царским самодержавием». Фальсификаторы утверждали, что великий русский поэт смотрел на исторические события «сквозь призму официальных русских источников» и якобы поэтому искажил образ Мазепы. Рябинин — Скляревский, например, так и писал: «Интересует Пушкина в Мазепе не духовная или моральная сущность его, а только внешний вид». Он пытался доказать, что поэт высоко оценивал Мазепу, но «боялся быть мазепичцем», ибо «это была николаевская эпоха, когда у поэта за спиной стоял деспот-царь».

Такая антинаучная стряпня полностью отвечала политической программе украинского буржуазного национализма. Националисты, ненавидя Богдана Хмельницкого, искажали его светлый образ, фальсифицировали, в частности, исторические события, связанные с Переяславской радой, с актом воссоединения Украины с Россией. Именно поэтому во время петлюровщины они пытались уничтожить памятник Богдану Хмельницкому в Киеве. В противовес Хмельницкому националисты поднимали на щит Мазепу.

Советская историческая наука разгромила эти попытки исказить историю, а советское литературоведение защитило и раскрыло идейное величие и художественное совершенство пушкинской поэмы «Полтава»².

Поэма «Полтава» написана поэтом в 1828 г. О процессе ее

¹ Радянське літературознавство, 1949, № 12, стр. 6.

² Таковы исследования Д. Благого, Историческая поэма Пушкина, А. М. Соколова, «Полтава» Пушкина и «Петриады», Н. В. Измайлова. К вопросу об исторических источниках «Полтавы», работы украинских литературоведов и исследователей — академика А. И. Белецкого, доктора филологических наук Е. П. Кирилюка; поэта-академика М. Рыльского, Д. Косарика и др.

создания А. С. Пушкин писал: «Полтаву написал я в несколько дней, больше не мог бы ею заниматься и бросил бы вовсе». Однако история создания поэмы более сложная. Скорее всего замысел произведения возник в период пребывания поэта на Украине и, в частности, в Киеве. Возможно даже тогда, когда поэт осматривал лавру и остановился около могилы Искры и Кочубея, чтобы записать стихи, высеченные на гробнице, и прозаическую запись: «Року 1708 июля 15-го дня, посечены средь обозу войскового за Белою Церковью на Борщаговце и Ковшовом благородный Василий Кочубей, судья генеральный; Иоан Искра, полковник полтавский. Привезены же тела их июля 17-го в Киев и того же дня в обители Печерской на сем месте погребены».

Пушкин, детально изучив историю украинского народа, поставил своей задачей показать, что Полтавская битва решила судьбу России, существование русского народа, как великой нации. Поражение привело бы к уничтожению национальной суверенности и государственности. В связи с этим предательство Мазепы было особенно отвратительным. С этих позиций и подошел А. С. Пушкин к оценке деятельности Богдана Хмельницкого и Мазепы. Он решительно выступил против тех, кто пытался отождествить их деятельность. В предисловии к поэме «Полтава» поэт писал: «...Некоторые писатели хотели сделать из него (Мазепы — И. Д.) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича — своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победой, предателем Карла после его поражения; память его, предана церковью анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества.. (IV—505)¹.

Эти слова четко определяют отношение Пушкина к Богдану Хмельницкому и Мазепе, дают право сделать вывод, что поэт высоко оценивал деятельность Хмельницкого и приветствовал исторически прогрессивный акт воссоединения Украины с Россией.

В краткой и сжатой поэтической формуле Пушкин утверждает закономерность дружбы и взаимопомощи украинского и русского народов. Он подчеркивает всю опасность отторжения Украины от России и осуждает тех, кто пренебрегает великой традицией единства, так ярко утвердившейся со времени Богдана:

Так, своеводем пылая,
Роптал юность удалая,
Опасных алча перемен,

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание соч. в 10 том., АН СССР. М.—Л., 1949. Далее ссылки на это издание.

Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
(IV, 259).

Анализируя этот отрывок, еще раз можно убедиться, что поэт прославляет эпоху Богдана Хмельницкого, борьбу украинского народа с польской шляхтой. Богдан Хмельницкий по Пушкину вел «счастливые споры», а борьба за свободу и независимость украинского народа называется в поэме «святой», «святыми» называются и договоры Хмельницкого с Москвой. Нарушение этой политической линии, то есть нарушение договора с русским государством поэт считает «опасными переменами». В этом сказалась большая политическая прозорливость Пушкина, четко определилось его отношение к историческому акту воссоединения Украины с Россией.

Прославляя Богдана Хмельницкого и его деятельность, поэт выступает с резкой критикой врага украинского народа Мазепы. Пушкин одним из первых писателей глубоко понял реакционную антинародную сущность политики Мазепы, рассчитанную на отторжение Украины от России.

А. М. Соколов в своем исследовании «Полтава» Пушкина и «Петриады» вполне справедливо отмечает, что, «защищая Петра от Мазепы, Пушкин защищает не самодержавие от революционеров, но интересы государства от изменника родины. Пушкин борется не против революции, а против самостийности. Он осуждает в Мазепе не революционность, а вероломство, коварство, измену»¹.

Однако некоторые поэты и писатели неправильно понимали образ Мазепы, они увенчивали его романтическими лаврами, говорили о Мазепе, как «о борце за свободу» и т. д. Еще в 1819 г. появилась поэма Байрона «Мазепа», в которой поэтизировался один эпизод из юности Мазепы. Антиисторический подход к созданию образа Мазепы мы находим даже у Рылеева. В 1827 г. вышла из печати повесть Е. Аладьина «Кочубей», в которой также больше романтики, чем истории. И только Пушкин в поэме «Полтава» нарисовал реалистический образ предателя народа, выразителя идеологии казацкой старшины, раскрыл все омерзительное двоедушие Мазепы:

Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим
Что ни единой он обиды,
С тех пор как жив, не забывал,

¹ А. М. Соколов, «Полтава» Пушкина и «Петриады», сборник Пушкин, Временник Пушкинской комиссии АН СССР, 1939, № 4—5, стр. 86.

Что далеко преступны виды,
Старик надменный простирал,
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него,
(IV, 260).

В Мазепе, как видим, сосредоточены бесчестие и надменность, лицемерие и коварство. Он ненавидит свободу, готов лить народную кровь, чтобы отторгнуть Украину от России и стать властителем. У него, наконец, нет отчизны, и поэтому Пушкин называет его самыми отвратительными именами — «иудой» и «змием»: «Сам Царь Иуду утешал...», «Куда бежал Иуда в страхе...», «Не знаешь ты, какого змия ласкаешь на груди своей...» и т. д.

Для более полного раскрытия отрицательных черт образа Пушкин использует меткие сравнения, эпитеты и метафоры. Мазепа «других хитрей», «дышит злобой», у него «коварная душа» и т. д.

Характеристика, данная поэтом Мазепе, полностью соответствует той оценке, которая сложилась в украинском народно-поэтическом творчестве. В фольклорных произведениях подчеркиваются эпитетами «проклятый Мазепа», «бісова твар», «проклятий пес», «превращий Мазепа» и т. д. В украинской народной песне поется:

У Києві на Подолі
Порубані груші
Погубив же *пес Мазепа*
Невинні душі.

Об этом же говорится и в русской песне:

Тот Мазепа, *пес прокляты*.
В поле стал шатрами,
Подчевал вином зеленым,
Сладкими медами.

В народных легендах, песнях и думах Мазепа характеризуется как хитрый и лицемерный. Такую же характеристику встречаем и в поэме Пушкина:

Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простой.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать...
(IV, 259—260).

Свое политическое кредо Мазепа исповедует Марии, накануне казни ее отца Кочубея. Это кредо-предательство народных интересов:

Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державы
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра...
(IV, 272).

И Мазепа стремился предать Россию, русский народ, однако он не был поддержан простыми трудовыми людьми Украины. Предательство Мазепы вызвало широкую волну народного протеста.

Во многих строфах Пушкин показал народ, который с недоверием относится к действиям Мазепы. Перед казнью Кочубея и Искры народ молчит, выражая тем самым им свое сочувствие:

За упокой души несчастной
Безмолвно молится народ...
(IV, 285).

и далее:

Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат...
(IV, 285).

Здесь мы находим прямое продолжение взглядов на народ и его роль в истории, выраженных Пушкиным в трагедии «Борис Годунов».

Однако в «Полтаве» Пушкин идет дальше. Он показывает рост сознательности народа, созревание его ненависти к предателю народных интересов. Поэт нарисовал эпизодический, но колоритный и многозначущий образ представителя народа, в котором воплощена величественная сила народного гнева.

В то время, как Мазепа стоял, окруженный кликой бунтовщиков, родственников и старшин,

Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках
С безумной яростью в очах...
(IV, 297).

Но раздался выстрел. Сраженный пулей мститель упал на поле брани. Однако и тогда

Потухший зрак
Еще грозил врагу России.
(IV, 297).

Так трудовой украинский народ осудил Мазепу за его гнусные намерения отторгнуть его от братского народа; так стремились лучшие представители народа физически уничтожить предателя. И в эпилоге, говоря о всенародном проклятии Мазепы, поэт писал:

Забит Мазепа с давних пор;
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доньне,
Грозя, гремит о нем собор.
(IV, 302).

Поэт дважды употребляет слово «грозит», подчеркивая этим ненависть народа к предателю его интересов. Это же чувство ненависти оттеняется словами «с безумной яростью в очах». Некоторые исследователи поэмы «Полтава» пытались доказать, будто казак, стремящийся уничтожить Мазепу, руководствовался личными интимными чувствами, хотел отомстить Мазепе за разбитую любовь. В этом случае исследователи ссылались на слова:

И имя нежнее Марин
Чуть лепетал его язык...
(IV, 297).

Считаем, что такая точка зрения ошибочна, ибо слова «грозил врагу России» подтверждают, что Мазепа был для казака не только личным врагом, но в первую очередь общественным.

Народную ненависть к Мазепе и любовь к братскому русскому народу поэт передал также в образе полковника Семена Палая, любимого народного героя, поборника русско-украинского единения. Поэт трижды вспоминает в «Полтаве» имя Палая и каждый раз характеризует его как народного любимца, мужественного и храброго воина. Пушкин называет полковника «наш Палей», «Мазепы враг, наездник пылкий» и т. д.

В примечаниях к поэме Пушкин, комментируя текст, писал: «Семеон Палей, хвостовской полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как *закоренелый враг* (подчеркнуто нами—И. Д.), был возвращен из ссылки и находился в полтавском сражении» (IV, 304).

Следуя фольклорным произведениям и историческим документам, Пушкин показал помощь Палая Петру I, как выражение помощи украинского народа. Так, в одном из сказаний Петр I, обращаясь к народу с просьбой о помощи, спрашивает: «Нет ли между вас богатыря?» Вышел парень лет 16 и сказал Петру: «Я бы помог, однако летами молод. А есть замурованный в темнице Семен Палей. Он побьет шведов».

И Петр освобождает Палая, который собрал затем народ и

разгромил шведов. Этот же мотив мы встречаем и в поэме «Полтава».

Народная ненависть к предателю Мазепе выражена также в образах Кочубея, Искры, а также тех людей из народа, которые доставляют их «доносы» о предательских намерениях гетмана Петру.

Таким образом, Мазепа в своей измене одинок, его не поддержал украинский народ, который остался верен священной клятве, данной на исторической Переяславской раде. Этот исторический факт с гениальной простотой утверждён в поэме Пушкина «Полтава».

Значительно позже поэт опять возвращается к Мазепе и записывает слова Петра: «Слава богу, что в помысле его (Мазепы — *И. Д.*) и пяти человек нет».

Мазепе в поэме «Полтава» противопоставляется Петр. Его образом А. С. Пушкин еще и еще раз ставил вопрос о необходимости объединения всех славянских земель в едином и могучем русском государстве. Великий поэт, подобно В. Г. Белинскому, был глубоко убежден, что будущий прогресс Украины возможен только в единении с Россией.

Поэт мечтал о великой объединенной Руси, просвещенной державе, несущейся как птица-тройка, перед которой постораниваются другие народы и государства, державы, стоящей во главе прогрессивного человечества. А. С. Пушкин понимал, что этой великой идее посвятил себя Петр. Ибо

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной,
Он знал ее предназначенье.

Именно поэтому А. С. Пушкин так высоко подымал образ Петра. Он был дорог поэту своей патриотичностью, пониманием судеб России, преклонением перед силой народа.

Петр в поэме «Полтава» — цельная и мужественная натура, героический характер. Его судьба — это судьба России. Заботам о ее государственном, экономическом и культурном росте он отдается полностью, не щадя своих сил и жизни. Он заботился о личных интересах, подчинив их интересам родной Отчизны. Вместе с Петром росла и крепла Россия. Об этом поэт пишет:

...Была то смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

И далее:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.
(IV, 257).

Окрепла Россия, «перетерпев судеб удары», она «мужала с гением Петра». С гением Петра она должна была отстоять свою государственную целостность и независимость. В таком конкретно историческом плане воскрешает А. С. Пушкин картины Полтавской битвы, раскрывает глубокий смысл деяний Петра.

Полтавская битва для Петра не этап личного возвышения, а историческая необходимость, большое государственное дело. Россия должна была выдержать самый большой экзамен тогдашней эпохи — выиграть Полтавскую битву, защитить свою честь и независимость от авантюристических намерений «воинственного бродяги» Карла и гнусного изменника Мазепы. Петр глубоко осознал свою историческую миссию государственного деятеля, преобразователя России, защитника ее целостности.

С негодованием встречает Петр весть об измене Мазепы, о его своеволии. Он принимает срочные меры, чтобы развенчать изменника, не допустить порабощения Украины шведами. По указу императора казаки избрали гетманом стародубского полковника Ивана Скоропадского, Мазепу предали анафеме, «того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы,— читаем в «Журнале Петра Великого»,— вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с быком), оную персону бросили в палачевские руки, которые палач, взяв и прицепя за веревку, ташил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили». (IV, 308).

Пушкин об этом писал:

Кто опишет
Негодование, гнев царя
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает ката.
(IV, 291).

Быстро и энергично собирает Петр войска. Это сильная армия, состоящая из «полков блестящих, стойких, послушных, быстрых и спокойных». Поступок Мазепы — это своеволие, а Петр, как справедливо отмечает А. С. Пушкин, начинает народную войну (IV, 291).

И разгорается бой — жестокий и справедливый. Петр, как будто «свыше вдохновенный», благославляет полки на правое дело. Он твердо верит в победу русского оружия.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
(IV, 296).

И здесь же великий поэт дает меткую реалистическую портретную характеристику Петру:

Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза

Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза...

Читая эти строки, ощущаешь и могущественную фигуру Петра, и его уверенную поступь, и всю силу его душевных переживаний. В сравнении — «он весь как божия гроза» — заключено пушкинское понимание значения полтавской битвы. Это, по мнению поэта, очистительная, благотворная гроза, которая обеспечит дальнейший расцвет России.

Полтавский бой решил историческую судьбу России. Об этом метко сказал выдающийся русский критик В. Г. Белинский. Он писал: «Россия громами Полтавской битвы возвестила миру о своем пробуждении к европейской жизни, о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования».

Это прекрасно понимал А. С. Пушкин, показывая Петра в окружении народа — вождей и войска, раскрывая его великодушные к врагам:

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен
При кликах войска своего,—
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.
(IV, 299).

Таким образом, разоблачая Мазепу — изменника народа, вскрывая его властолюбие и эгоизм, политическую ограниченность, А. С. Пушкин противопоставляет ему цельную натуру деятеля Петра. Этой прозрачной антитезой — противопоставлением двух политических сил, поэт еще раз подчеркивает справедливость единения русского и украинского народов.

Разрабатывая тему Украины в поэме «Полтава», Пушкин широко использовал украинскую народную песню. В последних строках поэмы он показал свое глубокое знание украинского фольклора. В поэму Пушкин ввел образ кобзаря, который поет о давно прошедших днях:

Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.
(IV, 302, 303).

Пушкин, говоря о судьбе Украины и украинского народа, нарисовал прекрасные пейзажные картины, которые помогают

глубже раскрыть душевные переживания героев. Многие пейзажные картины поэмы «Полтава» стали хрестоматийными и вошли в сокровищницу мировой литературы. Такова картина тихой украинской ночи:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой церковью сияет... и т. д.
(IV, 275).

Поэма А. С. Пушкина «Полтава» привлекла внимание украинских прогрессивных деятелей и писателей. В 1829 г. отзыв на поэму пишет выдающийся фольклорист и общественный деятель М. Максимович. Он одобряет поэму и отмечает, что поэт «понял совершенно и объяснил сей характер» (характер Мазепы — *И. Д.*), что «портрет сей, принадлежащий к лучшим местам поэмы, так верен, что почти на каждый стих можно привести подтверждательные события»¹.

Еще при жизни великого русского поэта поэму «Полтава» перевел на украинский язык Е. Гребенка, посвятив свой труд А. С. Пушкину. В наше время поэму «Полтава» переводили такие выдающиеся украинские поэты, как М. Рыльский, В. Сосяра и другие.

Таким образом, совершенно очевидно, что украинская тема является органической частью творчества великого поэта. Он знал историю Украины, понимал историческое значение роли Хмельницкого и предательскую сущность Мазепы. Пушкин правдиво воссоздал исторические факты, связанные с воссоединением Украины с Россией. В этом выражается прогрессивность взглядов Пушкина — поборника русско-украинского единения.

¹ «Атеней», 1829, май

М. А. ЛЕВЧЕНКО

ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИВ. ФРАНКО

История народа, по словам А. С. Пушкина, принадлежит поэту. Ее героические страницы привлекали внимание выдающихся писателей. К ней обращались Пушкин, Гоголь, Шевченко. Славные дела наших предков волновали творческое воображение продолжателя их традиций, великого украинского писателя И. Я. Франко (1856—1916).

Еще в начале своей литературной деятельности, в середине 70-х гг., Ив. Франко проявляет серьезную заинтересованность историческими сюжетами, обращается к летописям и народному творчеству, посвященному прошедшим эпохам. Уже ранние произведения поэта, и особенно поэма «Буйт Митусы», по своим социальным мотивам резко отличались от произведений на историческую тематику писателей Западной Украины, где жил и работал Ив. Франко.

Позже, в расцвете своего таланта, великий украинский писатель пишет такие выдающиеся произведения на историческую тему, как поэма «Иван Вышенский», драма «Сон князя Святослава», повесть «Захар Беркут». Названные произведения отличаются друг от друга не только по жанровым признакам, но и по охвату исторических событий. Если драма «Сон князя Святослава» посвящена отображению периода Киевской Руси, то в повести «Захар Беркут» раскрывается героическая борьба тухольцев против монголо-татарского нашествия в 1241 г. Но как в первом, так и во втором случаях, независимо от исторического периода, Франко стремился подчинить свое произведение задачам революционной борьбы. Пламенный революционер-демократ считал, что описание славного прошлого должно волновать читателя, вызывать в нем подъем патриотических чувств.

Разработка исторической темы шла в условиях особенно острой классовой борьбы. Буржуазно-националистические писатели в своих произведениях искажали историческую правду, освободительную борьбу украинского народа. Исходя из своих классовых, субъективистских и идеалистических установок, они показывали народ как стихийную, разрушающую силу истории, идеализировали казацкую старшину, отводили ее представителям решающие позиции в развитии исторических событий. Эта реакционная концепция особенно ярко выражена в романе П. Кулиша «Черная Рада». С реакционных позиций рисовал историческое прошлое О. Стороженко; идеализировал гетманат и казацкую старшину Б. Гринченко в своих псевдонимистических стихах и думах. В Галиции «москвофилы» воспевали князей и царей как носителей общегосударственной тенденции, а «народовцы» прославляли князей как предшественников «украинской государственности» и «национальной идеи». Они охотно избирали героями своих произведений гетманов и представителей казацкой старшины, противопоставляя их «народной толпе». Все это отвечало интересам эксплуататорских классов, ненавидевших народ, пытавшихся всячески унизить роль народных масс в развитии истории.

В подобных произведениях история раскрывалась через внутреннюю биографию, личную судьбу персонажей. Но так как герой (какую бы он роль ни играл в исторических событиях) не в состоянии раскрыть через свою личную психологию все богатство исторической эпохи, то история неизбежно искажалась, получала поверхностное отображение. Характер, раскрываемый в отрыве от народных масс, терял типичные черты, превращался в голую схему, в рупор реакционных идей автора, как это имело место в романе Кулиша «Черная Рада».

Ив. Франко страстно разоблачал порочность и антинародность подобного толкования истории, остро критиковал работы Кулиша и Грушевского по истории Украины. Уже в начале своей литературной деятельности двадцатилетний Франко в «Литературных письмах» заявляет, что «роман исторический» должен представлять «живой, общественный интерес», что «истории про князей и панов» «способны завести на ошибочный путь даже писателей с сильным, объективным талантом»¹.

Позже, в 1892 г., писатель с еще большей категоричностью утверждал: «Времена князей и бояр обросли мхом, и кого у нас теперь к ним привлечете? Все эти Ярополки, Олеги, Настаси, которых выводят на сцену наши драмописатели, были чистой мертвечиной и не имеют никакой поэтической ценности»².

Эти утверждения Ив. Франко не имеют, конечно, ничего

¹ М. С. Возняк, *З життя і творчості Ів. Франка*, АН УРСР, Київ, 1955, стор. 49.

² Ив. Франко, *Твори*, т. XVI, Київ, 1955, стор. 184.

общего с отрицанием исторической тематики вообще. Практикой своего творчества писатель доказал, что он любит и чтит героическую историю своего народа, что она имеет «поэтическую ценность». Выдающийся украинский писатель выступал не против исторической темы, а против тех произведений, в которых история превращалась в «историю князей и бояр». Для Ив. Франко история, прежде всего, была историей народа, а не отдельных личностей. Эта история имела для писателя большую «поэтическую ценность».

В этом отношении украинский писатель продолжал славную традицию Пушкина, с именем которого связано начало новой эры в развитии исторического жанра в художественной литературе. Пушкин, которого Ив. Франко относил к числу самых выдающихся поэтов и писателей мира, сыграл значительную роль в формировании его литературно-эстетических вкусов.

Об интересе Франко к творчеству Пушкина свидетельствует уже первый его сборник «Баллады и рассказы» (1876 г.), в котором были помещены два перевода произведений русского поэта: «Шотландская песня» и «Русалка». Позже Франко продолжает переводить произведения Пушкина, в частности переводит все его драматические произведения. Особенно значительной была работа Франко над переводом «Бориса Годунова». Переводчик стремился точно передать оригинал, его торжественную величавость и плавность.

Произведения Пушкина, в частности исторического жанра, всегда привлекали внимание И. Я. Франко, что сказывается уже на первых критических высказываниях писателя («Литературные письма»). Им же в 1914 г., незадолго до смерти, написана статья о «Борисе Годунове». Но мысли о пушкинской драме вынашивались на протяжении долгих лет. В этой статье украинский писатель называет пушкинскую драму первой национальной, народной драмой, определяет ее высокую художественную ценность, подчеркивает умение Пушкина отображать дух исторической эпохи. Франко говорит о большом историческом и литературном значении драмы, об ее большом «чисто человеческом интересе».

Историческое значение пушкинской трагедии состояло еще и в том, что в ней — впервые не только в русской, но и в мировой драматургии — народ выступает центральной и решающей силой исторического процесса. Через все произведение Пушкин проводит идею неустойчивости власти, если она не опирается на общественное народное мнение, не пользуется поддержкой в народе. Народ в драме выступает судьей событий. Все, что вызывает отрицательный приговор народа, должно погибнуть, сойти с исторической арены.

Эта пушкинская идея проходит через все творчество Ив. Франко. С особой силой она ощутима в исторической драме из времен Киевской Руси — «Сне князя Святослава». В

этой драме Ивана Франко, как и в «Борисе Годунове» Пушкина, решающее значение в развитии исторических событий принадлежит «мнению народному». В самую критическую минуту борьбы с коварным Гостомыслом, сторонником претендента на киевский престол князя Всеслава, руку помощи Святославу подает народ. Святослав остается на княжеском престоле только благодаря поддержке народа.

Как и в трагедии Пушкина, народ у Франко наделен чертами высокой моральной чистоты. Народу ненавистны тяжкие злодеяния, свершенные в сугубо эгоистических целях. В пушкинской трагедии эта ненависть, противостоящая идеалу высокой моральной чистоты, олицетворенной в народном сознании в образе замученного царевича, развязывает страшную в своей мощности народную силу. Подобная же ненависть к Всеславу, «что руки свои в братской крови полоскал», беспощадно опрокидывает в драме Ив. Франко планы заговорщиков. Кажется, Гостомysl сделал все для того, чтобы убить Святослава и посадить на престол его противника, подступающего к Киеву со своим войском. Заговорщики заняли двор князя и его палаты. Но этот временный перевес ничто пред силой народной. Народ не поддержал Всеслава, потому что дружба Святослава с Овлуром обещает стране благосостояние, мир, прекращение кровавых раздоров.

Тема народа — движущей силы общественно-исторического процесса — ставилась Ив. Франко и в других произведениях. Она стоит в центре повести «Захар Беркут» — первой исторической повести в украинской литературе, в которой объектом изображения была взята не жизнь князей и бояр, а жизнь народа. Борьба тухольцев с монголо-татарскими захватчиками заканчивается поражением татар. Победой заканчивается и борьба тухольцев с боярином Тугаром Вовком. Страстно, с большой убедительностью Франко утверждает, что нет сил, которые могли бы покорить народ.

Одной из центральных проблем литературы XIX в. была проблема героя и народа. Она волновала умы многих выдающихся художников слова. Вполне понятно, что реакционная, буржуазно-шовинистическая литература подходила к разрешению данной проблемы с неправильных, антиисторических позиций. В произведениях реакционного направления народ исключался из истории и исторического сюжета.

Впервые проблема героя и народа нашла свое верное решение в творчестве Пушкина, Гоголя, Шевченко. Сила героя раскрывалась ими в неразрывной связи с народом. Именно глубокая и органическая связь с народными массами — главная черта образа Пугачева у Пушкина. Руководитель крестьянского восстания выступает у поэта выразителем интересов и стремлений народных. Сила и слабость Пугачева — это сила и слабость восстания, возглавляемого им.

Интересно, что образ Пугачева, созданный Пушкиным, органически вошел в творческое сознание Шевченко, и это дает возможность убежденно говорить о преемственности пушкинских традиций. В повести «Близнецы» Шевченко писал: «Я незаметно въехал в Татищеву крепость... и, пока переменяли лошадей, я припомнил «Капитанскую дочку», и мне как живой представился грозный Пугач в черной бараньей шапке и в красной епанче, на белом коне...»¹.

Идеи героя сильны тогда, когда они находят поддержку в народе, отвечают его кровным интересам. Герой превращается в ничтожную куклу, если он идет против народа и не выражает его стремлений и чаяний. Пушкин в поэме «Полтава» ярко показал, что народ не пошел за предателем Мазепой, думающем только об исполнении своих подлых честолюбивых планов. Народ пошел за Петром, который думал не о личной славе, а делал то, что было нужно и полезно для страны.

Франко, как и его великие предшественники Пушкин, Гоголь, Шевченко, неоднократно ставил в своем творчестве проблему героя и народа. Наиболее полное философское обобщение эта проблема нашла в поэме «Мойсей». В этом произведении, воспевая могущество и жизнеспособность народа, высказывая непоколебимую веру в его светлое будущее, Франко утверждает, что вести народ к лучшему будущему может только тот руководитель, который верит в силы народные. Именно таким стойким и мужественным руководителем выступает Захар Беркут в одноименной повести Франко. Он неотделим от народа. Борьба за его интересы и свободу — цель жизни Захара. Любовь к общине, к своей родной земле дает силу мудрому Беркуту смело выступать против внутренних и внешних врагов.

Франко, как и Пушкин, подчеркивал, что настоящий патриотизм — это патриотизм народа. В незавершенной повести «Рославлев» Пушкин с необычайной теплотой рисует образ русской женщины Полины — выразительницы патриотических чувств народа. Пафос ее жизни — патриотизм, любовь к отчизне. Образ Мирославы из повести «Захар Беркут» Ив. Франко во многом напоминает этот пушкинский образ. Как и Полина, Мирослава вышла из господствующего класса. Но любовь к народу, вера в его силы помогают ей порвать со своей средой, перейти на сторону Тухольской общины, стать настоящей патриоткой. Из произведений Ив. Франко встают волнующие образы людей, самоотверженно любящих свой народ, свою родную землю. В этой многогранной галерее, наряду с образом Захара Беркута, чарующим блеском сияет образ Ивана Вышенского из одноименной франковской поэмы.

Выдающийся публицист XVI—XVII в. неоднократно привлекал внимание поэта. В Вышенском Франко видел великого

¹ Т. Г. Шевченко, Твори, т. 2, Київ, 1955, стор. 452.

патриота. Именно эти черты с особенной художественной выпуклостью и подчеркнуты в поэме. Общественные патриотические идеалы Вышенского неизмеримо выше личных интересов. В сознании Вышенского любовь к народу побеждает аскетизм монаха. Конфликт поэмы строится на столкновении двух этих противоположных начал. Пламенный борец за народные интересы решает отдать остатки своих сил поработенному народу.

Как уже было сказано выше, внимание Ив. Франко, как Пушкина и Гоголя, привлекали те страницы истории, где наиболее ярко сказалась роль народа. Это в свою очередь определяло взгляды писателя на соотношение элементов истории и литературного вымысла в художественном произведении.

Вопрос соотношения этих элементов стоял довольно остро в литературном процессе прошлого. Реакционные писатели или полностью подчинялись букве «исторической правды» или же игнорировали исторические материалы, допуская полное своеволие в обращении с историей. Но игнорирование художественной правды, как и правды исторической, вело к искажению исторических событий.

Пушкин и Гоголь — каждый своим путем — впервые в истории нашей литературы добились гармонического синтеза художественной и исторической правды. Пушкин в «Борисе Годунове» показал, что можно дополнять историю изображением таких деталей и фактов в жизни и поведении исторической личности, которые, являясь художественным вымыслом, однако, вполне отвечают данному времени и характеру. Гоголь и Шевченко также хорошо понимали, что педантично следуя букве истории, нельзя художественно отобразить жизнь эпохи, показать события, человеческие отношения.

Не вводя в «Тараса Бульбу» ни одного реального исторического персонажа, Гоголь отобразил правдиво и полно в этом произведении народную жизнь и борьбу той эпохи.

В «Гайдамаках» Шевченко убийство Гонтой своих детей не отвечало историческим фактам, но эта деталь нужна была поэту, чтобы подчеркнуть безграничную преданность героя делу народа. Великий Кобзарь создавал героические, мужественные характеры, которые должны были стать образцом поведения в борьбе против современного поэту крепостнического строя.

В вопросе о соотношении элементов истории и художественного вымысла Ив. Франко в значительной мере перекликался с Пушкиным, Гоголем, Шевченко. В предисловии к повести «Захар Беркут» он писал: «В деталях я разрешал себе дополнять скупой исторический скелет поэтической фикцией. Главное основание взято отчасти из истории (нашествие монголов и их вожака Петы), а отчасти из пересказов народных... Действующие лица выдуманы, местность описана по возможности верно»¹.

¹ Ив. Франко, Твори, т. VI, Київ, 1951, стор. 490.

Повесть «Захар Беркут» содержит много исторических воспоминаний о событиях первой половины XIII в. Они и являются историческим фоном повести. В «Захаре Беркуте» исторически достоверно рассказывается о походе татар на угров и переходе через Галицию, вспоминается о неудачном бое под Калкой, исторически точно показана классовая борьба, правдиво отображен быт Галиции XIII в., но сама борьба Тухольской общины—«поэтическая фикция» писателя, не противоречащая однако исторической правде. Она нужна не только для того, чтобы показать утопическую картину будущего бесклассового общества, но и отобразить дух изображаемой эпохи, когда наши предки героически защищали свою родную землю от татарско-монгольских захватчиков.

Пушкин и Гоголь указывали на необходимость глубокой связи исторического произведения с современностью. В повести «Капитанская дочка», отображая героическую страницу крестьянского восстания, Пушкин одновременно выступал и против крепостнического строя. Отрицание в «Борисе Годунове» власти, которая не пользуется поддержкой народа, также наносило удар самодержавному строю. У Пушкина прошлое помогало ему решать вопросы политической, моральной и бытовой жизни его эпохи. Франко также считал, что историческое произведение должно живо перекликаться с современностью. Для писателя «повесть историческая имеет ценность, когда ее основная идея может завлечь современных, живых людей»¹. Но это не значит, что Франко придерживался поверхностной модернизации прошлого. Писатель резко выступал против превращения исторических персонажей в выразителей «личных понятий автора». Одной из причин его отрицательного отношения к роману «Черная рада» Кулиша был тот «личный тон» автора, который приобрел характер и форму морально-поучительной сентенции.

Давая резко отрицательную оценку реакционной писанине на историческую тематику, Франко восторженно отозвался о трагедии Карпенко-Карого «Сава Чалый». В этой пьесе он увидел величавый образ непокоренного народа, способного уничтожить всех своих врагов и предателей, почувствовал утверждение верности народным интересам, борьбе против социального и национального гнета. Это—по определению Франко—придавало трагедии большую действенную силу «для современной Украины» и давало право поставить «Саву Чалого» в ряд «архипроизведений нашей литературы»².

Продолжая традиции Пушкина и Гоголя, Франко стремился создать полнокровные художественные образы людей,

¹ Ив. Франко, Твори, т. VI, Київ, 1951, стор. 489.

² Ив. Франко. Літературно-критичні статті, Київ, 1950, стор. 387.

которые бы по условиям своей жизни, своей морали, интересам, психологическому складу выступали настоящими представителями своего времени, данной исторической эпохи. Франко избирал те исторические события, которые по своим идейным направлениям нашли бы живую перекличку с современностью. Как и Пушкин, украинский писатель понимал прошлое, современное и будущее, как единое целое сложного исторического процесса.

Франко творил в эпоху капитализма, переходившего уже при его жизни в империализм. Его деятельность протекала в отсталой Галиции—в ту пору колонии лоскутной Австро-Венгерской империи. Конкретные исторические условия ставили перед писателем и свои конкретно исторические задачи. Этим задачам должны были служить и произведения писателя исторического жанра. Слова, которые провозглашает Овлур в финале драмы «Сон князя Святослава — «Пусть сгинет, кто кровавит Русь раздором»—находили живой отклик в условиях политической жизни Западной Украины. Они били по украинским буржуазным националистам, по польской шляхте, по немецким колонизаторам—по всем, кто стремился помешать братскому союзу и дружбе украинского и русского народов.

Такое решение вопроса, имевшего современную актуальность в историческом произведении, было связано с идеей высокого гуманизма—основной идеей всей передовой русской литературы, начиная с Пушкина.

В исторических произведениях писателей прошлого героические характеры выступали прямой антитезой миру пошлости, лжи и лицемерия. Какой моральной чистотой и силой веяло от образа Полины из пушкинского «Рославлева», от гоголевского Тараса Бульбы—живого укора мелким и ничтожным Иванам Ивановичам и Иванам Никифоровичам, прозябавшим в миргородских лужах.

Героическая фигура Захара Беркута противостояла у Франко тем трусливым и изменчивым эгоистам из мелкобуржуазного болота, которые торговали интересами народа. Писатель сознательно героизировал образ Захара Беркута, ставившего общественную жизнь выше личной.

В своих исторических произведениях Франко никогда не идеализировал прошлое. В нем он искал то, что может быть полезным для будущего. Продолжая и обогащая пушкинские традиции в разработке исторического жанра, Франко создал оригинальные, самобытные произведения, которые стали гордостью украинской литературы.

А. В. НЕДЗВЕДСКИЙ

ПУШКИН В УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ¹

Поэзия Пушкина всегда светила своим читателям яркими, призывными огнями, звала к счастью и радости. Свободолюбивый дух ее был опасен для тогдашнего социального строя, и потому царское правительство особенно озабочено было тем, чтобы эта поэзия не проникала в среду угнетенных народов. Царизм всячески препятствовал тому, чтобы стихи лучших русских поэтов переводились на языки этих народов, ибо заложенное в них зерно протеста падало бы здесь на особо благодатную почву, сеяло бы опасный дух непокорности и сопротивления.

Самые тяжелые запрещения, которые тяготели во времена царизма над украинским словом, украинской литературой, не давали возможности печатать на украинском языке переводы литературных произведений с других языков. Это запрещение распространялось и на произведения Пушкина.

Когда в 80-х годах прошлого столетия был подготовлен к изданию сборник переводов пушкинских произведений, цензура разрешение на печать не дала. Запрещение оказалось распространенным даже на перевод стихотворения «Два ворона», сделанный Боровиковским еще при жизни Пушкина и напечатанный в петербургском журнале «Вестник Европы» за 1830 г.

Такое же запрещение постигло попытки выпустить пушкинские переводы на украинском языке в 1899 г., когда праздновалось столетие со дня рождения поэта. «Хотя по существу в ней,—гласил цензурный отзыв по поводу одной

¹ В основу работы взята глава из написанной автором на украинском языке книги «Пушкін та радянська Україна» (о пушкинском юбилее 1937 г. в УССР), дополненная материалами последующих лет.

такой книжки переводов,—не заключается чего-либо противозензурного, но, руководствуясь высочайшим повелением от 18/30 мая 1876 г., коим переводы на малоросийское наречие не допускаются, цензор не признает возможным дозволить настоящую рукопись к печати».

Царизм явно боялся расширять число слушателей и читателей пушкинских произведений за счет миллионов украинских крестьян, которые жадно слушали бы переводы бессмертных произведений великого поэта на своем родном языке.

Однако, несмотря на эти неблагоприятные условия, интерес к пушкинскому творчеству среди широких кругов украинской демократической общественности неизменно рос. Лучшие, передовые, прогрессивные умы из среды деятелей украинской культуры понимали, какое огромное значение имеет Пушкин, достойно оценивали его творчество, учились на его бессмертных образах. В каждой смене литературных поколений можно встретить переводчиков Пушкина, которые обогащали этими переводами украинский литературный язык. Каждое поколение соответственно своей социальной направленности, своим художественным вкусам—делало эти переводы по-разному, но близкими Пушкину были, конечно, лишь поэты демократического лагеря.

Первые переводы пушкинских произведений были сделаны еще при жизни Пушкина Боровиковским и Гребенкой. Вслед за Пушкиным, который придал «Двум воронам» русский народный колорит, и Боровиковский ориентировался в своем переводе на украинскую народную песню. Боровиковский пишет «козак» там, где у Пушкина «богатырь», «козачка молодая» там, где у Пушкина «хозяйка молодая». В другом своем переводе—«Зимовий вечір» Боровиковский шел еще дальше, внося в пушкинский текст совсем новые мотивы, взятые из украинской народной песни. Пушкинские строки «Спой мне песню, как синица тихо за морем жила» приобрели у Боровиковского совсем иное звучание: «Заспівай як мати сина виганяла до орди» (?!).

В бурлескном тоне дал перевод «Полтавы» Евгений Гребенка. Хотя Гребенка серьезно относился к делу и свой перевод посвятил Пушкину (экземпляр перевода Гребенки был в пушкинской библиотеке), тем не менее он зачастую изменял пушкинский текст до неузнаваемости. В результате исчезла героика полтавской эпопеи. Вульгаризмы, грубые слова и обороты снижают пушкинскую поэму.

В таком, например, тоне говорит в переводе Гребенки жена Кочубея по адресу Мазепы:

Бриdkий, мерзенний, глянть, поганець!
Чи можна? Ні, паскудний ланець,
Гріха ти не збудуєш, злий!

Неудачными были и многие другие места. Например слова: «Украина глухо волновалась, давно в ней искра разгоралась»—выглядят у Гребенки в совершенно ином, сниженном стиле: «Тоді Україна мурмотіла, мов літом бджіл на сонці рій».

Суровы, полны героической приподнятости и высокого патриотического чувства строки «Полтавы», осмысляющие значение петровской эпохи и битв этой эпохи для роста страны:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок неожиданный и кровавый
Задал ей шведский палладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

В пародийно-бытовом тоне переведено и это место. Исчезла в нем всякая приподнятость чувств, исчезла суровая героичность. Не узнать Петра в том образе, который очерчен у Гребенки:

За білого царя Петра.
(Колись давно робилось дуже)
Він був розумний, гарний, дужий,
Шмигляв — в шатро із під шатра—
За тридев'ять земель в чужині —
Дививсь на дивовижі там,
І те заводив в Московщині,
Що льготою було людям.
Попавсь небіжчик в анацію
Як швед крутив, бач, веремію,
В Москву слав військо звідусіль,
Поки не вивчивсь воювати
Петро—та й дав поганям знати,
Оддякував за хліб, за сіль.
Вершляг хоч шлянку розбиває,
Та штуку з криці вигинає.

Теми лексическими средствами, которыми пользовался Гребенка, с помощью бурлескных, травестийных эпитетов, конечно, нельзя было переводить Пушкина так, чтобы перевод был достоин оригинала. Для этого надо было значительно глубже проникнуть в дух, в стиль пушкинского творчества. Отдельные попытки разрешить перевод пушкинских стихов приемами, отличными от приемов Гребенки, встречались и в его время. Там, где пушкинские слова «зато завидных женихов ей шлет Украина и Россия» Гребенка переводил: «Зате моторних женихів свати товчуться у порога», а «всем

женихам отказ»—«Всім молодим гарбуз», малоизвестный переводчик Шпигоцкий нашел очень близкое к Пушкину звучание украинского текста. В своем переводе отрывка из «Полтавы», названном «Марія», напечатанном в 1831 г., он писал:

Зате надиво й женихів
Москва й Україна їй слала,
Вона ж вінця, як ланцюгів,
Лякалась, відо всіх тікала
І всіх з нічим впроводжала,
Аж ось сам гетьман шле сватів.

Подойти к разрешению задачи перевода Пушкина на украинский язык стало возможным лишь тогда, когда появился Шевченко, который поднял украинский литературный язык на такие высоты, с которых можно было, по выражению М. Рылского, парить рядом с Пушкиным. Хотя Шевченко никогда не переводил Пушкина, значение его творчества для дальнейшего освоения украинской литературой богатств пушкинского поэтического слова огромно.

С глубоким уважением относился Шевченко к Пушкину, о чем свидетельствует ряд высказываний и в его дневнике, и в повестях, написанных на русском языке. Пушкинские образы витают в сознании Шевченко, когда он пишет свои повести, например «Прогулку с удовольствием и не без морали».

В послешевченковскую пору Пушкина на украинский язык переводят Старицкий, Мирный, Франко, Грабовский и другие.

Все они переводят гораздо ближе к оригиналу, глубже проникая в дух пушкинской поэзии, в ее стилевые особенности.

Однако и в эту пору встречаются случаи, когда переводчики теряют колорит пушкинской поэзии, переводят совсем иным размером, дают большее количество строк по сравнению с оригиналом. Ярким примером такого перевода, который превращен в *вариацию* авторского текста, может служить «Песнь о вещем Олеге» в том виде, в каком ее перевел Степан Руданский:

Не у гості, а на кості
Ходили козарі
То не пиво ж ім і буде,
А кров і пожари.
Вже зібрався Олег віщий
На вражу недолю,
Іде конем лютогровим
По чистому полю.

Вся торжественность пушкинского тона («Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам...»), весь колорит произведения потеряны со сменой размера, каким на-

писан оригинал. Между тем Степан Руданский рассматривал свою работу не как вариацию, а именно как перевод.

Иной, своеобразный подход к переводу пушкинских произведений у Старицкого — поэта, давшего ряд вполне доброкачественных переводов. Представитель демократической поэзии 70-х годов, Старицкий, испытавший в своем творчестве значительное влияние Некрасова, часто вносил некрасовские тона и в переводы пушкинских стихов, несколько социологизировал пушкинские строфы. «Аполитичные», как очевидно считал переводчик, пушкинские строки «Спой мне песню, как синица тихо за морем жила», Старицкий неожиданно «политизировал» и давал в таком виде:

Заспівай мені про волю,
Що вже мохом поросла,
Що теперь мов та дитина
В сповиточку спать лягла!

В другом случае, переводя пушкинскую «Деревню», Старицкий просто сокращал то, что не вполне отвечало его политическим тенденциям демократа. После строки «Везде следы довольства и труда» он выбросил 14 строк, сразу перейдя к строке «но мысль ужасная здесь душу омрачает», стремясь скорее раскрыть «суть», «смысл» всего стихотворения: показ того рабства, в котором находилось село. И в некоторых других переводах Старицкий также «дополнял» Пушкина, развивал общественные мотивы в большем объеме, чем это имело место в оригинале.

Несмотря на эти и другие недостатки в работе Старицкого, она явилась все же этапной в деле переводов Пушкина на украинский язык. В одной из рецензий на украинское издание Пушкина 1937 г. писалось даже, что «от Старицкого до М. Рыльского в тысячу раз меньше расстояние, нежели между тем же Старицким и его старшим современником Руданским»².

Вряд ли, конечно, есть нужда прибегать к таким арифметическим эффектам: они снижают то принципиально-новое, что заключено в советском научно-художественном стиле перевода. Но, вместе с тем, несомненно, что Старицкий по-новому, по сравнению с предшественниками, повернул направление переводческой работы. Старицкий и выступавшие после него в качестве переводчиков Пушкина украинские поэты стремятся сохранить отличие пушкинского стиля и формы, передать величие пушкинского стиля, его ритм.

Много поработал над переводами из Пушкина Иван Франко, который вообще необычайно много сделал для обогащения

¹ В исправленной редакции 90-х гг. Старицкий устранил это явное несоответствие оригиналу. (Первоначально цитируемый вариант относится к 1868 г.).

² «Литературный журнал», 1937, № 6.

украинской литературы лучшими сокровищами мировой поэзии. Словно венчая многолетнюю свою переводческую деятельность, Франко на склоне жизненного и творческого пути взялся за переводы из Пушкина. Он остановил свой выбор на его драматургии, перевел и «Бориса Годунова», и «маленькие трагедии».

Томик переводов Франко вышел фактически уже после его смерти в 1917 г. (хотя на титульной странице и обозначен 1914 г., но издание задержалось из-за военных событий). В написанное им же предисловие, освещающее для галицкого читателя мировое значение пушкинской поэзии, Франко включил многочисленные свои же переводы пушкинской лирики. Отдельные стихотворения представлены в отрывках, большинство же переведено полностью, причем Франко при выборе произведений для переводов обратил внимание на те стихи, которые наиболее отчетливо представляют рост мировоззрения великого русского поэта.

Запрещения, которые налагало царское правительство на литературные переводы на украинском языке, приводили к тому, что большинство переводимых пушкинских произведений не могли быть напечатаны в пределах России и находили место лишь на страницах западно-украинской печати.

На руку царизму, не позволявшему распространять пушкинские произведения на украинском языке, действовали украинские буржуазные националисты. В своей зоологической ненависти к Пушкину и к русской культуре они заявляли, что переводы произведений великого поэта вовсе не нужны, поскольку, мол, желающие читать его стихи прочитают их на русском языке. Иначе полагали и действовали писатели демократического лагеря. Они систематически популяризировали произведения Пушкина, как и других выдающихся русских поэтов и писателей.

Украинский поэт революционер-демократ Павло Грабовский, почти вся сознательная жизнь которого прошла в тюрьмах и в ссылке, переводит, будучи в Сибири, стихотворение Пушкина «Послание в Сибирь». И пушкинский призыв к декабристам — претерпеть все муки ссылки в полной уверенности в своей моральной победе — оказывается обращенными к самому Павлу Грабовскому — узнику царского самодержавия.

Только после победы социалистической революции украинские народные массы смогли получить на своем родном языке произведения великого Пушкина, точно так же, как получили они в переводах произведения многих других гениев русской и мировой литературы. Первое издание пушкинских переводов появилось еще в конце 20-х гг. Особенный размах переводческая работа приобрела в связи с приближением пушкинского юбилея 1937 г. К участию в ней были привлечены виднейшие поэты Советской Украины — Павло Тычина, Максим Рильский,

Микола Бажан, Володимир Сосюра, Микола Терещенко, Андрей Малышко, Леонид Первомайский и многие другие. Широкое поле для творческого соревнования получила и поэтическая молодежь, которая дала немало высококачественных переводов, вполне достойных памяти великого Пушкина.

Еще задолго до юбилея в периодической прессе начали появляться переводы пушкинских произведений на украинском языке.

Навстречу юбилею немало переводов было напечатано в газетах как в столице — Киеве, так и на периферии. Киевская центральная газета «Вісті» регулярно в каждый выходной день печатала главу за главой, строфу за строфой перевод М. Рыльского «Евгеній Онегін». Навстречу юбилею ЦО КП(б)У «Комуніст» начал печатать «подборки» лучших украинских переводов пушкинских произведений, которые должны были войти в готовившееся издание Гослитиздата. В первой такой подборке 20 сентября 1936 г. были напечатаны «Памятник» (в переводе М. Рыльского), отрывок из первой песни «Руслана і Людмили» (М. Терещенко), «Казка про попа і наймита його Балду» (М. Рыльского). Во второй подборке 24 сентября были помещены переводы: «Моцарт і Сальєрі» (М. Бажана), эпилог «Кавказського бранця» (В. Сосюры), «Аріон» и «Я пережив свої бажання» (М. Рыльского). Среди переводов, помещенных в газете 18 октября — перевод «Послання в Сибір», сделанный Л. Первомайским. Многие из этих переводов вскоре после появления на страницах «Комуніста» были перепечатаны областными, городскими, районными, заводскими газетами¹.

Немало переводов навстречу юбилею было напечатано в украинской «Літературній газеті», в «Комсомольці України», которые несколько раз давали страницы и подборки, посвященные юбилейной дате. Еще в сентябре 1936 г. «Літературна газета» напечатала в двух номерах (42—43) полностью «Кавказського бранця» в переводе В. Сосюры. Впервые на украинском языке прозвучали нежные и прозрачные строки пушкинского посвящения:

Прійми з усмішкою цей спів —
Дар музи вільної, як хвиля,
Що я в солодкий час натхненного дозвілля
Тобі в вигнанні присвятив.

Ценная инициатива была осуществлена «Комсомольцем України». Одна из литературных страниц газеты — 18 октября 1936 г. — была посвящена произведениям Пушкина в пе-

¹ Гайворонская районная газета (Одесская обл.), не ограничиваясь популяризацией пушкинского творчества на своих страницах, отпечатала у себя в типографии небольшой сборник избранных переводов пушкинских стихов на украинском языке для распространения в своем районе.

реводах студентов Киевского университета. Эти переводы отличались свежестью поэтического языка, творческим проникновением в мир идей и чувств великого творца оригинала. Они оказались настолько удачны, что некоторые из переводов молодых литераторов, участников этой страницы, были представлены затем и в двухтомном собрании «Вибраних творів».

Работы молодых переводчиков появлялись также и на страницах «Літературної газети». Работая над переводами из Пушкина, молодежь расширяла свое собственное творческое мировоззрение.

Немало было сделано и на периферии.

Винницкая газета «Більшовицька правда» издала небольшой сборник — «Поезії» Пушкина (81 стр.) в переводах местных винницких писателей и начинающих авторов, выпущенный, как указано в книжке, по постановлению областного пушкинского комитета.

Инициатива была проявлена и одесской газетой «Чорноморська комуна». Накануне юбилея (6 февраля) она дала страницу «Сатира О. С. Пушкіна», переводы для которой были выполнены одесскими поэтами. Г. Плоткин и А. Портенко перевели отрывок из «Гавририады» («І каже він: з байками Моїсея...»), «В. Л. Давидову», «На одужання Лукулла», «Живий курилка», эпиграммы на графиню А. А. Орлову-Чесменскую и на О. С. Стурдзу. Прозаический отрывок «История села Горюхина» был переведен О. Ленковским. Этот почин был тем более ценен, что в двухтомных «Вибраних творах» сатира Пушкина не была представлена вовсе.

Навстречу юбилею немало стихотворений было переведено одновременно несколькими поэтами, и каждый из них стремился возможно полнее передать мысли и чувства, заложенные в пушкинских творениях.

Юбилей был отмечен выходом большого двухтомного собрания «Вибраних творів» А. С. Пушкина (до 1100 страниц большого формата). Для этого издания, вышедшего под редакцией М. Рыльского, М. Терещенко и П. Тычины, в Государственном литературном издательстве УССР были подобраны действительно лучшие переводы из числа выполненных нашими поэтами за время подготовки к юбилею. Все переводы делались по полному собранию сочинений А. С. Пушкина в шести томах, изданному в Москве в 1935 г. Государственным издательством художественной литературы. Вокруг переводческой работы объединилось 27 поэтов — как опытных и известных, так и молодых, начинающих.

Собрание это, выпущенное Гослитиздатом УССР, содержало основные произведения Пушкина. В первом томе были помещены исключительно стихи, сказки и поэмы великого поэта. Здесь было напечатано 79 стихотворений, 5 сказок и

8 поэм («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Граф Нулин», «Полтава», «Медный всадник»). Первому же тому была предпослана большая статья М. Горького о Пушкине.

Во втором томе были напечатаны драмы («Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Русалка»), роман в стихах «Евгений Онегин» и прозаические произведения («Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Рославлев», «Дубровский», «Пиковая Дама», «Кирджали», «Египетские ночи», «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум»).

По внешнему виду это издание производило самое приятное впечатление. Книги были отпечатаны на прекрасной бумаге, четким и красивым шрифтом, снабжены хорошо оформленными иллюстрациями, даны в хороших переплетах.

С максимальным приближением к оригиналу, страстно и вдохновенно звучат по-украински строки послания «До Чаадаева» (перевод Г. Брежнева):

Товариш вір, зійде вона,
Зоря принадливого щастя,
Росія збудиться від сна
І на руїнах самовластя
Напише наші імена!

Серьезно отнеслись наши советские поэты к классическому наследию, избежали привнесения чуждых оригиналу мотивов. Теперь в новом переводе стихотворения «Зимовий вечір» мать уже не «выгоняет сына в орду», как это было у Боровиковского. В полном соответствии с пушкинским обращением к синице был выдержан перевод П. Г. Тычины:

Заспівай же з горя, горя,
Як синиця десь жила,
Як дівчина, ясна зоря,
По водицю вранці йшла.

Точно так же в новом переводе «Пісні про віщого Олега» (Ю. Карского) сохранена торжественная приподнятость стиха, сохранены пушкинская форма и размер — и ничто не напоминает уже произвольного перевода-пересказа, который делал Руданский:

Збирається віщий Олег-войовник
З хазарами знов воювати,
За напад — мечам і пожарам прирік
Він ниви хазарські і хати,
Із військом своїм, в царгородській броні
Князь іде полями на вірнім коні.

Точно, без отступлений, передал Рыльский ритмическую структуру «Медного всадника». «Он следует,— писал П. Ан-

токольский,— за Пушкиным во всех поворотах интонаций, в паузах, прерванных строках, в чередовании рифм, в характере строф»¹.

Наши советские поэты учли опыт предшественников, постарались избежать многих ошибок, допущенных в свое время. Определился новый, наш советский научно-художественный стиль перевода. Он характеризуется бережным отношением к слову великих мастеров, уважением к классическому наследию.

В своей статье «Пушкин українською мовою» М. Рыльский, один из переводчиков Пушкина и редакторов юбилейного двухтомника, подробно остановился на тех задачах, которые осознаны были коллективом украинских советских переводчиков.

«Во-первых — это необходимость найти соответствующий тон, ключ, регистр. Мы смеемся над терминами давней поэтики, которая делила стиль на три категории: высокий, средний и низкий. Но мы не можем не согласиться, что когда пушкинское торжественное: «Затрепетал мертвец» переведено: «Затріпався мертвяк», то это не перевод, а искажение.

Другая задача переводчика — это решительная необходимость найти творческую доминанту автора. Что это значит — найти творческую доминанту? — Дело в том, что воссоздать все стороны оригинала буквально точно — невозможно. Следовательно, под творческой доминантой мы понимаем ту черту авторов, которая является основной для него, самой характерной, ведущей. Ирония Анатоля Франса, гневный пафос Шевченко, Некрасова, сарказм Маяковского, сумеречные полутоны Верлена, песенность Беранже — вот что должен в первую очередь передать переводчик. Для этого иногда приходится пожертвовать второстепенными чертами оригинала. Перевода без жертв не бывает.

Иногда дело идет о доминанте данного места. Например, переводя пушкинское: «шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой» или шевченковское: «гармидер, галас, гам у гай», — переводчик должен позаботиться о звукописи в первую очередь, ибо тут она играет первую скрипку. Следовательно, здесь надо пожертвовать образной или иногда логической стороной. Конечно, лучше было бы ничем не жертвовать, к этому можно и нужно стремиться, но это идеал, которого не всегда можно достичь»².

Перевод произведений мастеров литературы требует от

¹ П. Антокольский, «Медный всадник» на украинском языке, «Правда» от 29 сентября 1936 г., № 269 (6875).

² Журнал «Літературна критика», 1937, № 1. (Также в сборнике Института Укр. литературы АН УССР «О. С. Пушкин» (Статті та матеріали), Київ, 1938.

переводчиков высокой поэтической культуры, тонкого чутья, которое позволило бы схватить мельчайшие нюансы в тексте, проявить необходимую гибкость в обращении с поэтическим словом. Максим Рыльский вполне прав, когда в цитированной нами статье говорит, что переводы Пушкина являются прекрасным средством для самих поэтов-переводчиков заострить свое языковое оружие, поднять украинскую языковую культуру на высшую ступень развития. Переводы Пушкина обогащают украинский язык, украинскую поэзию, и М. Рыльский справедливо высказывает уверенность в том, что поэты, работая над переводами из Пушкина, чувствовали, как при тяжелом, но и радостном искании словесного эквивалента или хотя бы параллели к пушкинскому оригиналу, расширяют свое собственное творческое мировоззрение и совершенствуют свои собственные творческие средства.

Украинская печать положительно расценила выпуск «Вибраних творів» как событие подлинно огромной важности для украинской литературы, как достойный подарок поэтов и книгоиздателей республики к всесоюзному пушкинскому празднеству. Сравнивая с современными целый ряд переводов старых украинских поэтов (в частности и таких, которые не вносили чуждых для оригинала мотивов, не подменяли перевод пересказом), критика четко отдала преимущество новым советским переводам.

«Переводить Пушкина,— пишет в одном из таких критических обзоров А. И. Белецкий,— значит создать на своем языке произведения, которые сочетают... удивительную простоту с утонченным мастерством; новаторство с внимательным подражанием узаконенным образам; точность формы с полной ее внутренней свободой. Эти требования старая украинская литература удовлетворить, конечно, не могла»¹.

Работа переводчиков была нелегкой. Особенная сложность, как указывалось в критике, заключалась в том, что украинская литература, богатая в прошлом своим показом крестьянской жизни, очень мало освещала жизнь господствовавших классов и сословий. «Показа петербургского света, аристократической жизни изнутри, с его мечтами, мыслями, предрассудками, представлениями, трагедиями, радостями — у нас не было»².

Тем более радостным был успех коллектива переводчиков, развеявший возможные опасения по поводу того, смогут ли наши поэты воссоздать на украинском языке «тяжелозвонкое скаканье» совершенных строф Пушкина. «Строфы «Евгения Онегина» в украинском переводе,— пишет один из

¹ «Комуніст», Київ, 1 марта 1937 г., № 50 (5325).

² «Літературний журнал», 1937, № 6.

рецензентов,— свидетельствуют, что язык наш созрел, приобрел небывалую силу, принципиально нет уже такого нюанса в оригинале, чтобы не найти ему адекватного у нас»¹. Это, добавим от себя, вполне, закономерный вывод, свидетельствующий о возмужании украинской культуры, как культуры социалистической, культуры, вышедшей из рамок села, в которые хотели ее втиснуть националистические «идеологи», и ставшей культурой всей нашей многообразной советской жизни.

Однако, из этого факта вытекают и повышенные требования к переводчикам, которые не всегда использовали все резервы и богатства современного украинского литературного языка. В рецензиях на первое издание переводов — наряду с достижениями — было обращено внимание на недостаточное совершенство отдельных мест в переводах. Например, в блестящем переводе «Евгения Онегина» потеряна была афористичность некоторых выражений, которые стали уже поговорками в быту: «А счастье было так возможно, так близко» («А счастья видилось безмежне так близько») или «Я вас люблю, к чему лукавить, но я другому отдана и буду век ему верна» («Я вас люблю (пощо таїти) та з ким я стала довінця, зостанусь вірна до кінця»). Вполне естественно, что эти отдельные ошибки и неточности проистекали не из характера переводческого таланта Рыльского, большого мастера стиля, а связаны были со сжатостью сроков, недостаточных для перевода таких эпохальных произведений, как «Евгений Онегин». В последующих изданиях М. Рыльский во многом усовершенствовал звучание своего перевода.

Выпуск «Вибраних творів» явился, вполне естественно, лишь началом работы украинских переводчиков над пушкинским наследием и еще не разрешал полностью задачи поэтического освоения Пушкина на украинском языке. Справедливо указывал П. Антокольский, что «перевод поэтического произведения с родственного языка — одна из самых сложных задач для поэта, трудных и часто невыполнимых. Близость или совпадение множества коренных слов и общность синтаксиса на первый взгляд облегчают работу. Но это — обманчивая легкость. Как раз те черты, которыми языки отличаются друг от друга, т. е. незначительные отклонения в звучании одинаковых корней и больше всего разность интонации, являются существенной преградой»².

Некоторые, однако, ошибки переводчиков имели принципиальное значение и учесть их важно было для дальнейшей работы. Так, переводчик «Обвала» П. Тычина сосредоточил внимание на чудесной звукописи пушкинского стихотворения

¹ «Літературний журнал», 1937, № 6.

² «Правда» № 269 (6875) от 29 сентября 1936 г.

в ущерб его простоте, в ущерб точности передачи содержания. В результате стихотворение приобрело в переводе характер звуковой арабески — звуковая сторона была утрирована, чего нет у Пушкина.

М. Терещенко, переводя «Ночь», допустил ничем не оправдаваемое изменение пушкинской стихотворной формы антологической пьесы, писанной «александрийским» стихом с цезурой на точно определенном месте.

Досадны были и пропуски в отборе текстов для издания. В первом томе отсутствовали такие шедевры пушкинской лирики, как «Зимняя дорога», «На холмах Грузии», «Он между нами жил», «Подруга дней моих суровых», отсутствовали произведения, важные для политической характеристики поэта: «Андре Шенье», «Свободы сеятель пустынный», эпитафии и т. д. Во втором томе не было, к сожалению, переводов «Домика в Коломне», «Анжело», «Сцен из рыцарских времен». Поспешность в издании сказалась и на отсутствии необходимых для отдельных произведений пояснений.

Однако эти и другие недостатки, которые могут быть отмечены, нисколько не снижают большой ценности работ, напечатанных в «Вибраних творах». Критика подчеркнула высокое качество переводов, выполненных раньше всего самими редакторами издания — М. Рыльским (ему принадлежала наиболее ответственная роль в издании: он перевел полностью «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Пир во время чумы», две сказки и 15 лирических стихотворений, П. Тычиною (перевел «Зимний вечер» и др. стихи) и М. Терещенко (перевел «Руслана и Людмилу», «Каменного гостя» и 6 стихотворений). Как указал А. И. Белецкий, ряд переводов представлял собою большое достижение украинской советской поэзии. Это, в первую очередь, переводы «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Сказки о попе и работнике его Балде», выполненные М. Рыльским, а также перевод «Моцарта и Сальери», сделанный М. Бажаном.

Выпуском двухтомника «Вибраних творів» не ограничилось, однако, издание произведений Пушкина на украинском языке в юбилейном году. Так издательство «Молодий більшовик» выпустило отдельной книгой переводы пушкинской прозы. В Государственном литературном издательстве УССР небольшими книжками, в изящных обложках, с портретами поэта вышли издания отдельных произведений — «Евгенія Онегіна», «Мідного вершника», «Руслана і Людмили», «Кавказького бранця», «Полтави» на украинском языке. Отдельными книжками были изданы в украинских переводах каждая из маленьких трагедий Пушкина, каждая из его сказок, каждая из «Повістей Белкіна».

Детиздат ЦК ЛКСМ выпустил роскошным иллюстрированным изданием «Казки» Пушкина в переводах М. Рыльского

и Н. Забилы (в книгу вошло 6 сказок). Гослитиздат УССР выпустил переведенное П. Тычиной еще в 1925 г. либретто к опере Н. А. Римского-Корсакова «Казка про царя Салтана» (по Пушкину).

В годы Великой Отечественной войны еще ближе стали всем народам нашей страны великие наши культурные ценности и среди них — бессмертное наследие Пушкина. Проникнутые глубокой сыновней любовью к России, несокрушимой верой в русский народ, стихи Пушкина вдохновляли советских людей разных национальностей на подвиг.

Отстояв в борьбе с кровавым фашизмом свои великие культурные ценности, наш народ в послевоенное время значительно расширил взаимосвязи и взаимообогащение братских национальных литератур. Всенародно был отпразднован пушкинский юбилей в 1949 г. — 150-летию со дня рождения поэта.

Гослитиздат УССР в 1949 г. снова выпустил, на этот раз большим однотомником (850 страниц), произведения Пушкина на украинском языке. Ряд переводов для нового издания был сделан заново. Так, М. Рыльский и А. Малышко перевели совместно поэму «Полтава» (их работа заменила во многом неудачный прежний перевод С. Голованивского). Новый перевод «Бориса Годунова» дал М. Терещенко. Появилось и много новых, лучших переводов пушкинской лирики.

В новом издании помещен отсутствовавший в издании 1937 г. перевод «Графа Нулина», выполненный в свое время Ю. Карским. Напечатаны переводы других произведений, каких не было в издании 1937 г.: «Узгір'я Грузії укрив туман» (И. Муратов), «Зимова дорога» (А. Малышко), «Няні» (Е. Дробязко).

Украинская литературная общественность все время рассматривала перевод произведений Пушкина и других выдающихся представителей русской поэзии как дело большой чести и большой ответственности. Качество переводов обсуждалось не только в юбилейные месяцы, но и повседневно. Так, очень существенной была критика перевода «Памятника» в редакционном выступлении ведущего украинского литературного журнала «Вітчизна». Перевод этот принадлежит такому мастеру украинской поэзии, как М. Т. Рыльский. Он сделал очень много — и как переводчик, и как редактор переводов, чтобы донести до украинского читателя сокровища пушкинской поэзии. Однако в данном конкретном случае его постигла досадная неудача.

В первом четверостишии Пушкин говорит о своем памятнике:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

М. Т. Рыльский перевел эти строки таким образом:

Олександрійський стовп, у славі необорний,
Йому не досягне чола

«О какой «славе» Александра I говорит переводчик», — спрашивала редакция «Вітчизни» и напоминала, что Александр I, которого сам Пушкин в другом стихотворении называл: «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой», нагло присвоил себе подвиги русского народа, возглавляемого Кутузовым, в Отечественной войне 1812 г.¹

Учтя критику, переводчик изменил эти строки, снял допущенное раньше искажение. Теперь, в новом издании, читаем:

Олександрійський стовп, в гордливості незборний,
Йому не досягне чола.

Правда, и по поводу этой новой редакции академик А. И. Белецкий замечает, что в переводе «дерзость» оригинала смягчена, и напоминает, что у «Памятника», как и у самого поэта, «непокорная глава»². Конечно, здесь несомненные «потери» по сравнению с оригиналом, но они уже не столь значительны, как в предыдущей редакции.

Возражения у редакции «Вітчизни» вызвала еще одна строфа в переводе:

І довго буду тим я дорогий народу,
Що добрість у серцях піснями викликав,
Що в мій жорстокий вік прославив я свободу
І за провинних обставав.

Слово «провинних» заменило пушкинское «падших» («и милость к падшим призывал»). Пушкин имел в виду тех, кто пал в борьбе против самодержавия и крепостничества и кто шел рядом с ним в этой борьбе. Никакого осуждения не могло, естественно, быть у поэта по адресу тех, кому он писал в Сибирь:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Не может быть поэтому и речи о какой-либо «вине» Пушкина, и тем более тех, кто пал в неравной борьбе и кто был

¹ Про спотворений «Памятник», «Вітчизна», січень 1953, № 1, стр. 175.

² О. Білецький, Геній російської поезії (До виходу творів О. С. Пушкіна в українському перекладі), «Радянська Україна» 14/V 1954, № 113 (1936).

единомышленником поэта! В новом издании изменено и это место. Читаем теперь: «І за упалих обставав».

Для дальнейшего улучшения качества переводов Пушкина имело большое значение развернувшееся в республике широкое обсуждение вопросов переводческого мастерства. С очень ценными соображениями по вопросу о переводах Пушкина на украинский язык неоднократно выступал М. Рыльский, причем его статьи всегда показывали, как строго, самокритически относится поэт к собственной переводческой работе, постоянно совершенствуя свои переводы от одного издания к другому.

К празднеству 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954 г.) было издано уже четырехтомное собрание сочинений Пушкина на украинском языке. Первый том нового издания составила поэзия, второй — поэмы и сказки, третий — «Евгений Онегин» и драматические произведения, четвертый — художественная проза и избранные статьи.

В новом издании широко представлена пушкинская сатира. С. Олійник и Д. Билоус перевели эпиграммы и сатирические стихотворения, Остап Вишня — «Историю села Горюхина». Впервые Е. Дробязко перевел на украинский язык «Гаврилиаду».

Наново была переведена на украинский язык вся проза, причем над переводами работали крупнейшие мастера украинской прозы. «Дубровского» перевел О. Гончар, «Повести Белкина» — М. Стельмах, «Путешествие в Арзум» — П. Козлянюк.

Впервые на украинском языке появилось и критическое наследие Пушкина, содержащее глубокие мысли о реализме и народности в литературе.

Е пам'ять по мені,
Е серце, де живу я завжди,

писал Пушкин в 1830 г. Одним из ярких доказательств того, как живет эта благодарная память о Пушкине в народе, и явилось это новое издание его произведений в украинских переводах. Как обогащают сокровищницу украинской культуры, украинский литературный язык переводы из Пушкина!

Прекрасно перевел пушкинское «19 октября» Степан Крыжановский¹, сохранив всю образную систему и ритмику пушкинского стиха:

Вже ронить ліс багряне убрання,
Сріблить мороз поля зів'ялі й голі,
З-за гір прогляне, наче мимоволі,

¹ Удачу С. Крыжановского отметила Е. Старинкевич в статье «Великое содружество» (Украинские переводы русских классиков), «Литературная газета, 13/V 1954 г., № 57 (3241).

І погасає тихе сяйво дня.
Палай, каміне, в келії пустинній,
А ти, вино, негод осінніх друг,
Хоч би на мить, у чаші легкопінній
Дай забуття моїх гірких недуг.

Мы ярко чувствуем тут присушую только Пушкину необычайную торжественность и в то же время поэтическую прозрачность описаний природы, сочетающуюся с приподнятостью человеческих чувств.

Успех украинских советских поэтов — переводчиков Пушкина подготовлен всем предшествующим развитием украинской поэзии — и, прежде всего, гением Шевченко. Это благотворное шевченковское влияние можно почувствовать, например, в переводе Володимира Сосюры строф из «Цыган», описывающих цыганский табор:

Цигани табором гучним
По Бесарабії кочують.
Вони на березі річнім
У шатрах подраних ночують.
Як вільний спів, ночівля їх
І мирний сон під небесами.
Поміж коліс возів тяжких,
Напівзакритих килимами,
Горить вогонь: Сім'я кругом
Вечерю варить в чистім полі,
Пасуться коні; за шатром
Ручний ведмідь лежить на волі.

Цитируя эти строки, Ник. Ушаков правильно замечает, что реалистическая точность описания, естественность интонации отсутствовали бы в переводе Сосюры, если бы украинская поэзия не знала реалистической точности и естественной интонации Шевченко, так любившего Пушкина. В связи с этим Ник. Ушаков напоминает строки шевченковской «Відьми»:

Коло осіннього Миколи,
Обідрані, трохи не голі,
Бандерським шляхом уночі
Ішли цигани. А йдучи
Звичайне, вольнее — співали,
Ішли, ішли, а потім стали,
Шатро край шляху разп'яли,
Огонь чималий розвели
І кругом його посідали.

Точно так же удача Микола Бажана, переведившего «Мюцарта и Сальери», и Микола Терещенко, переведившего «Каменного гостя», подготовлена Лесей Украинкой — «ведь железный стих ее драматических произведений, хотя бы «Каменного хозяина», так близок к пушкинскому стиху»¹.

¹ Ник. Ушаков, Дар братской любви (Издание произведений А. С. Пушкина в переводах поэтов и писателей Советской Украины), «Правда Украины», 8/V 1954 г., № 108(3694).

По сравнению с изданиями 1937 и 1949 гг. переводчики, чьи работы фигурируют и в новом, четырехтомном издании, во многом усовершенствовали свои переводы. Однако, критика делает нашим поэтам справедливые порой упреки, что сделано еще далеко не все для передачи пушкинского слова во всей его точности.

Так, по замечанию акад. Белецкого, неудачна в переводе стихотворения «Я помню чудное мгновенье», выполненном В. Сосюрою, замена слов «как мимолетное виденье» словами «як осяйне видіння раю», — поскольку самый образ «райского видіння» глубоко чужд Пушкину. Нарушает образную систему данного стихотворения и другая замена: вместо — «и я забыл твой голос нежный, твои небесные черты» — у переводчика сказано: «І я забув твоє обличчя, твій стан і голос ніжний твій». Между тем, Пушкин нигде не говорит ни о лице, ни о стане, т. к. «характерной чертой всего данного произведения Пушкина является нарочитая абстрактность женского образа, о котором идет речь... Пушкин говорит в нем не столько о реальной женщине, сколько о чудесном впечатлении, которое он получил от действительности, и о том, какую роль сыграла она в его творческой жизни»¹.

В прекрасный перевод «Анчара», принадлежащий А. Малышко, напрасно внесена динамичность в картину мертвой пустыни. Ветер у Пушкина появляется лишь в четвертой строфе, тогда как в начале стихотворения ничто не нарушает страшного, немого спокойствия пустыни...

Несомненно, однако, что с каждым новым изданием произведений Пушкина на украинском языке недостатков, ошибок в переводческой работе становится все меньше. Растет мастерство поэтов, работающих над переводами, более требовательным становится каждый к своей работе. Большое значение имеет постоянное внимание общественности и прессы к вопросам перевода, строгая товарищеская критика проделанной работы. Переводы становятся ближе к оригиналу, полновочнее и ярче.

Вдохновенное слово Пушкина звучит красиво и мелодично на украинском языке. Переведенный на украинский язык, Пушкин становится еще ближе украинскому читателю, как это образно показал в своем стихотворении «В Овидиопеле» наш земляк — одесский поэт Юрий Трусов:

Где Пушкин легкой проходил походкой,
искал Овидия желанный след,
на берегу, что стал от соли сед,
я увидал покинутую лодку.
Как будто только что, неторопливый,

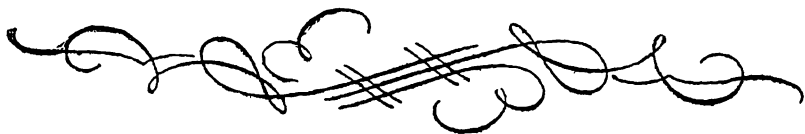
¹ О. Білецький, Геній російської поезії (До виходу творів О. С. Пушкіна в українському перекладі), «Радянська Україна», 14 V 1954, № 113(9936).

ушел поэт в синеющий туман,
взглянуть на дальний белый Аккерман;
на древних стен замшелые массивы.
И вот тогда на берегу широком
Я услышал стихи.

Невдалеке
читал на украинском языке
рыбак-колхозник
пушкинские строки ¹.

1

¹ Ю. Трусов, В Овидиополе, «Знамя коммунизма» (Од.), 19/V
1954 г., № 100 (3682).

М. М. КОПЫЛЕНКО

ОДЕССКИЕ РУКОПИСНЫЕ АЛЬБОМЫ 20-х ГОДОВ XIX в. С ТЕКСТАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Систематическое изучение списков и копий произведений А. С. Пушкина, сделанных в первой половине XIX в., имеет особое значение для литературоведения. Такое изучение позволит обнаружить произведения А. С. Пушкина, которые в настоящее время считаются утерянными¹. Вполне возможно, что они сохраняются в рукописных копиях, сделанных разными лицами, в библиотеках, музеях, частных собраниях.

Просмотр всех этих собраний, полный учет и исследование всех произведений, обращавшихся среди читателей с именем А. С. Пушкина в рукописных копиях, может дать неожиданные и ценные результаты.

С другой стороны, рукописные копии тех или иных произведений А. С. Пушкина дают возможность судить о степени их распространения и о той форме, в которой они входили в читательское сознание в разные годы.

Исходя из этого, нами изучены 4 рукописных альбома 20-х годов XIX в., хранящихся в отделе редких книг и рукописей Одесской Государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. В этих альбомах содержатся 2 произведения А. С. Пушкина в двух копиях, 31 произведение — в одной копии и 3 про-

¹ Ряд подобных произведений (8-я глава «Евгения Онегина», первое стихотворное послание В. А. Жуковскому 1815 г., антиправительственные стихи 1817—1820 гг. и т. д.) названы в статье Т. Г. Цявловской. См. «Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции», М.—Л., 1953, стр. 382—386.

изведения, приписываемые А. С. Пушкину, всего 40 списков, подлежащих рассмотрению¹.

Три альбома из указанных относятся к архиву Фадеевых (один из них принадлежал А. М. Фадееву, а два других — его жене Е. П. Фадеевой и дочери Е. А. Ган) (Фад. (116-VII), Фад. (190-1) и Фад. (315-V)).

Приводим некоторые сведения о владельцах этих альбомов.

Андрей Михайлович Фадеев (1789—1867) принадлежал к высшим кругам чиновной знати александровских и николаевских времен. Почти вся его деятельность прошла на юге России, где он занимал высокие посты в администрации по управлению переселенческими колониями. В 1834—1835 гг. А. М. Фадеев служил в Одессе в должности члена попечительного Комитета о переселенцах под председательством Инзова². Сборник А. М. Фадеева относится к началу 20-х годов XIX в. В нем содержатся выписки из политических и экономических сочинений Мордвинова, Потоцкого, Шишкова и другие, а из произведений А. С. Пушкина — ода «Вольность».

Жена А. М. Фадеева, Елена Павловна Фадеева (1789—1860), была женщиной для своего времени очень образованной, склонной к научным занятиям³. О любви Елены Павловны к поэзии красноречиво говорят оставшиеся после нее альбомы⁴, а об особом интересе к личности и поэзии А. С. Пушкина — сделанная ею в конце альбома (Фад. (315—V) запись: «Альманах «Северные цветы» на 1828 год уже печатается и выйдет непременно около 20 декабря сего года... Между мно-

¹ Пушкинские тексты содержатся и в хранящемся в ОГНБ им. А. М. Горького рукописном журнале воспитанников Ришельевского лицея «Ареопаг». Обзор и исследование этого журнала произведены в статьях А. М. Дерibasа, Пушкин, Статьи и материалы, вып. 1, Одесса, 1925, и В. С. Алексеева-Попова, сб. «Пушкин в Одессе», Одесса, 1950.

² Интересующий нас рукописный сборник А. М. Фадеева поступил в ОГНБ им. А. М. Горького не в эти годы, а позже, в 80-х годах XIX в., когда в Одессе проживал сын Андрея Михайловича, известный военный писатель и публицист генерал Ростислав Андреевич Фадеев. В архиве Фадеевых содержится отрывок публицистического сочинения Р. А. Фадеева, писанный им собственноручно. Он подарен библиотеке сестрой Р. А. Фадеева Надеждой Андреевной Фадеевой предположительно в 1884 г. (после смерти Р. А. Фадеева). Вероятно, тогда же Н. А. Фадеева передала библиотеке и другие рукописи семейного архива с интересующими нас пушкинскими текстами.

³ Е. П. Фадеева занималась ботаникой, орнитологией, минералогией, археологией и нумизматикой, собирала украинские народные песни. Перечень ее научных работ (57 томов разных форматов), к сожалению, неопубликованных и утерянных, составлен Н. А. Фадеевой (см. Фад., 185-III, стр. 210—211).

⁴ Кроме альбомов с пушкинскими текстами в архиве Фадеевых хранятся два других альбома Е. П. Фадеевой более раннего периода со стихами поэтов конца XVIII—нач. XIX вв. (Фад. (185-III) и Фад. (347-III)). В архиве хранится также «Отрывок из журнала Елены Павловны Фадеевой» — дневник путешествия в Крым, совершенного в 20-х годах XIX в. (Фад. (54-VI))

гими прекрасными произведениями поэзии будет поэма А. Пушкина «Граф Нулин». И портрет Пушкина, выгравированный Уткиным с поясного портрета О. А. Кипренского».

Эта запись, как и бумага (с водяными знаками 1826 и 1827 гг.), указывает дату составления альбома—1827 г. В нем содержатся 2 поэмы А. С. Пушкина: «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Записаны они не самой Е. П. Фадеевой, а другим лицом, с более ровным, каллиграфическим почерком. Источниками записей послужили издания: «Кавказский пленник», 1822 и «Бахчисарайский фонтан», 1824, но посвященные Н. Н. Раевскому, которым начинается поэма «Кавказский пленник», переписано не с печатного издания, а с какого-то списка. Помимо poem А. С. Пушкина, в альбоме помещены стихи А. Муравьева, В. Жуковского, Е. Баратынского, А. Хомякова, И. Козлова, В. Туманского и (что очень важно!) 16 дум К. Ф. Рылеева, произведения, которые были в то время запрещены.

Дочь А. М. Фадеева, Елена Андреевна Ган (1814—1843) известна как писательница под псевдонимом Зинаида Р-ва. Альбом составлялся ею в 14—16-летнем возрасте в Екатеринославе (теперешнем Днепропетровске)¹. В этом альбоме 73 стихотворения. Из них 16 принадлежат А. С. Пушкину: «Демон», «Жуковскому», «Добрый человек», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Умолкну скоро я!», «Иностранка», «Виноград», «К Н. М.», «Красавица перед зеркалом», «Слеза». «Увы! Зачем она блистает», «Я пережил свои желанья», «Сожженное письмо», «Пробуждение», «К морю», «Редает облаков летучая гряда». Все они, за исключением двух («К Н. М.» и «Слеза»), переписаны из «Сочинений А. С. Пушкина», 1826. «К Н. М.» переписано из «Невского Альманаха на 1826 г.», а «Слеза», бесспорно, восходит к какому-то неизвестному списку.

Кроме произведений А. С. Пушкина в альбоме Е. А. Ган помещены стихи В. Жуковского, Ф. Батюшкова, А. Муравьева, Н. Языкова, Ф. Глинки, И. Козлова, А. Дельвига и других поэтов той поры, а также «Стансы» и «Наталья Долгорукова» К. Рылеева.

Приводим новые чтения тех пушкинских стихов из альбомов Фадеевых, которые, несомненно, восходят к неизвестным в науке спискам².

¹ Е. А. Ган родилась в Екатеринославе и прожила там до 1834 г.

² Приводятся строки, которых нет ни в одном из напечатанных до сих пор вариантов.

1. «Вольность»

Как известно, ода «Вольность» впервые была опубликована в Лондоне Герценом во второй книжке сборника «Полярная звезда» в 1856 г., а в России — П. А. Ефремовым — в его первом издании собрания сочинений А. С. Пушкина, т. I, 1880.

При жизни А. С. Пушкина ода распространялась в рукописных копиях, из которых в науке известно 65 (не считая трех автографов). Рассматриваемый список пополняет число уже известных копий оды очень интересным экземпляром. Этот список дает 10 новых чтений отдельных строк.

№ стихов	Текст по академическому изданию, т. II, 1947, стр. 45—48	Текст по альбому Фад. (190—1)
25	Лишь там над царскою главою	Лишь там под царскою Главою
30	Где сжатый верными руками	Где сжатый мощными Руками
35	Где неподкупна их рука	Где неподкупная рука
36	Ни алчной скупостью, ни страхом	Наемной алчностью и страхом
43	Где иль народу иль царям	Где и народу и царям
51	Главой развенчанной приник	Челом повенчанным приник
70	Но грозно спящий средь тумана	Но грозно спящий след тумана
86	Как звери вторглись янычары	Как с зверством вторглись янычары
87	Падут бесславные удары...	Несут преступные удары.
96	Народов вольность и покой	Народа Вольность и покой.

Следует указать на близость данного списка к основному автографу оды: 13 стихов совпадают с основным автографом при отличиях в других копиях и лишь 11 стихов совпадают с другими копиями при отличиях в основном автографе.

2. Посвящение Н. Н. Раевскому

№ стихов	Текст по академическому изданию, т. IV, 1937, стр. 91—92	Текст по альбому Фад. (315—V)
3	Тебе я посвятил изгнанной	Тебе я посвятил пустынной
5	лиры пенье Когда я погибал, безвинный, безотрадный	лиры пенье. Когда гроза и вихрь мой челн о камни били.
6—9	—	отсутствуют
37	Как жертву милую, как верный цвет надежды	Как жертву милую, надежды верный цвет.
38	Я рано скорбь узнал, постиг- нут был гоненьем	Я рано скорбь узнал, узнал людей и свет.
39	—	отсутствует
40	Но сердце укрепив свободой и терпеньем	Но сердце укрепив терпеньем.
41	И счастье моих друзей	И счастье друзей.

3. «Слеза»

№ стихов	Текст по академическому изданию, т. I, 1947, стр. 49	Текст по альбому Фад. (116—VII)
1	Вчера за чашею пуншевою	Вчера за чашей круговою
3	И молча с мрачною душою	И молча с ладною тоскою
5	Скажи, что смотришь на дорогу?	Что мрачно смотришь на дорогу?
9	К груди поникнув головою	Увы, уж нет ее со мною
10	Я скоро прошептал	Я грустно отвечал.
11	„Гусар! Уж нет ее со мною!..“	К груди приникнув головою
12	Вздохнул и замолчал	Сказал и замолчал!
14	И канула в бокал	И капнула в бокал!
15	Дитя! ты плачешь о девице	Дитя, ты плачешь за девицей
17	Оставь, гусар... Ох! сердцу больно	Оставь, Гусар! ах, сердцу больно
19	Увы! Одной слезы довольно	Увы! слезы одной довольно.

Помимо альбомов Фадеевых произведения А. С. Пушкина содержатся в альбоме Павла Ивановича Река (РПК. 52). Кроме стихов А. С. Пушкина в нем помещены произведения К. Рылеева, «Горе от ума» А. Грибоедова, стихи Д. Давыдова, А. Туманского и других поэтов пушкинской поры.

На титульном листе альбома дарственная надпись: «В знак дружбы и расположения почтеннейшему Павлу Ивановичу Г-ну Реку доброжелательный ему и навсегда преданный друг Игнатий Данков». Почерк надписи не соответствует ни одному из тех почерков, которыми записаны стихи в альбоме. Следует предположить, что Павлу Ивановичу Реку была подарена незаполненная записями чистая книга и что сам П. И. Рек был одним из составителей альбома. В карман верхней крышки переплета вложена записка следующего содержания: «Рек был посажен в Киевскую крепость и переписывал (там?). Рек женат на сестре Николая Тимофеевича Белого, от которого куплена книга».

Судя по бумаге и почерку, записка относится к более позднему времени, чем альбом. Факт, упомянутый в записке, нам не удалось проверить. Трудно предположить, чтобы заключенный в крепость в 1827—1828 гг. имел возможность там переписывать стихи Рылеева или «Горе от ума». Тексты в альбоме записывались тремя-четырьмя лицами, и это также говорит против того, что он составлялся в крепости. Если П. И. Рек

действительно был заключен в крепость, то это случилось, вероятно, либо до, либо после составления альбома. Нам пока не удалось получить каких-либо сведений о Павле Ивановиче Реке¹.

В альбоме есть данные о времени и месте его составления. В левом нижнем углу читаем: «1828 года. Волынской губернии (село) Привитово». Над дарственной записью помещено двустишие: «Во всякой книге, как и здесь, хорошего с дурным есть смесь». Такого рода сентенции пишут, обыкновенно, уже после того, как альбом полностью или частично заполнен. А так как название села и дата записаны той же рукой и теми же чернилами, что и двустишие, то следует предположить, что и они появились после заполнения альбома или большей его части. Село Привитово во второй половине XIX в. относилось уже не к Волынской, а к Минской губернии и называлось Привитовка. Оно затерялось в глуши Пинских болот, в самой южной оконечности Белоруссии на границе с Украиной. Название села украинское, а не белорусское.

Украинская особенность отмечена нами и в орфографии некоторых слов в тексте поэмы «Войнаровский» К. Ф. Рылеева. Так, на стр. 350 слово «дружины» написано через *ы* (после *ж*). На стр. 400 та же особенность в слове «силы». Составители альбома были, видно, людьми недостаточно образованными. Во многих местах встречаются орфографические ошибки². В тексте поэмы «Граф Нулин» безграмотно переписаны французские слова³ и исковеркано имя композитора Россини⁴.

В альбом включено 15 стихотворений А. С. Пушкина, поэма «Граф Нулин» и три стихотворения, приписываемые А. С. Пушкину. Перечисляем произведения А. С. Пушкина в таком порядке, как они записаны: «Охотник до журнальной драки», «Веселый пир» (в альбоме—«Вечерний пир»), «Друзьям» (в альбоме—«Прощание»), «Золото и булат», «Граф Нулин», «К... (Керн)» (в альбоме—«К Г. В...й»), «К Аделе» (в альбоме—«На рождение малютки»), «Нереида», «К Морфею», «Редет облаков летучая гряда» (в альбоме озаглавлено

¹ Фамилия Река встречается в «Московском некрополе» и в «Провинциальном некрополе Севера России». Те из Реков, деятельность которых относится к первой половине XIX в., принадлежали к мелкочинному дворянству. Владимир Константинович Река, умерший в Москве в 1877 г., по нашим предположениям, племянник Павла Ивановича, дослужился до чина полковника. В «Списке подполковникам по старшинству» 1874 г. числится Константин Иванович Река, который, возможно, был братом Павла Ивановича.

² Особенно показателен в этом отношении текст стихотворения Щербатского «Осман» (стр. 265—269), в котором чьей-то рукой исправлено 31 ошибочное написание «е» вместо «ъ», 3 ошибочных написания «ь» вместо «е» и зачеркнут «ъ» внутри слова «сътихов».

³ an jourz вместо à jour, banls mots вместо bons-mots.

⁴ С мотивами Россина, Пьера et cetera, et cetera.

«Элегия»), «Гречанке», «Увы, зачем она блистает?» (в альбоме озаглавлено «Элегия»), «Война! Подъяты наконец» (в альбоме озаглавлено «Мечта воина»), «Русалка», «Алексееву» (в альбоме — «Послание к А.»), «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Сверка вариантов убеждает нас в том, что источниками для записей пушкинских текстов служили:

1. «Полярная звезда». Карманная книжка для любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым на 1823, 1824 и 1825 гг. (для 9 стихотворений).

2. «Стихотворения А. С. Пушкина» 1826 г. («Охотник до журнальной драки» и «Русалка»).

3. «Мнемозина». Альманах, изданный В. Одоевским и В. Кюхельбекером («Веселый пир»).

4. «Новости литературы», 1825 г., кн. XI, № 3 («Мой друг, забыты мной следы минувших лет»).

5. «Московский вестник», 1827 г., № 2 («Золото и булат»).

Что же касается стихотворения «Я помню чудное мгновенье» и поэмы «Граф Нулин», то мы полагаем, что они списаны с рукописей, а не с печатных изданий. Тексты этих произведений в альбоме содержат чтения, не представленные ни в одном издании:

4. «Я помню чудное мгновенье»

(в альбоме «К Г. В...й»)

т и с л	Текст по академическому изданию, т. II, 1947, стр. 416—407	Текст по альбому Река (52)
5—8	—	отсутствуют
19	В глуши, во мраке заточенья	В глуши, в забвенья заточенья.
14	Тянулись тихо дни мои	Тянулись глухо дни мои.
17	Душе настало пробужденье	Но снова чудное мгновенье
18	И вот опять явилась ты	Передо мной явилась ты
21	И сердце бьется в упоенье	И я добыча восхищенья.
22	И для него воскресли вновь	И для меня воскресли вновь.

5. «Граф Нулин»

№ стихов	Текст по академическому изданию, т. IV, 1950, стр. 235—248	Текст по альбому Река (52)
18	Он холку хватъ и в стремя ногу	Он чолку хватъ и в стремя ногу
195	Порою с барином шалит,	Порою барина смешит,
279	Коснуться хочет одеяла,	Уже руки ее коснулся
280	—	отсутствует
281	Но тут опомнилась она,	Гнев благородный в ней проснулся.
282	И гнева гордого полна,	И честной гордости полна,

Из стихотворений, приписываемых А. С. Пушкину, одно оказалось принадлежащим Баратынскому. Оно является краткой характеристикой эпиграммы, как особого рода стихотворного произведения. Поэтому оно и названо в альбоме «Изображение эпиграммы». У Баратынского же это стихотворение называется просто «Эпиграмма»¹.

Другие два стихотворения, по характеру своему также эпиграммы, нами не определены. Одна из них антиклерикальна по содержанию:

Мои друзья! вот диво
Стоит здесь гроб.
Во гробе поп.
В попе вино и пиво.

Другая описывает в карикатурном виде какую-то женщину:

Очеса
Чудеса
Под глазами небеса
Волоса

¹ Текст, представленный в альбоме:

Окоченная летунья,
Эпиграмма хохотунья,
Эпиграмма егоза
Трется, вьется средь народа
И завидит лишь уroda,
Разом вцепится в глаза.

Наблюдаются некоторые отличия и один лишний стих по сравнению с текстом, приведенным в первом томе «Полного собрания стихотворений» Баратынского («Советский писатель», 1936).

Как леса
Брови в виде колеса
Поясница как оса
А филейные мяса
Оттопырились сопса (sic!)

Отметим еще одну эпиграмму, авторство которой в альбоме не обозначено. Это, несомненно, эпиграмма на Аракчеева.

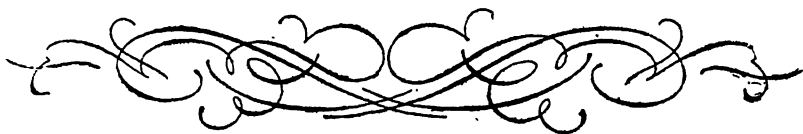
Девиз его гласит, что предан он без лести.
Чему же предан он? Коварству, подлости и лести.

Помещение такой эпиграммы в альбоме красноречиво говорит о прогрессивных устремлениях составителей. Об этом еще более ярко свидетельствует обращение составителей к творчеству К. Ф. Рыльева¹ и А. С. Грибоедова².

В заключение следует отметить, что рукописные альбомы Фадеевых и Река представляют известный интерес для пушкиноведения. Они свидетельствуют о необычайной популярности произведений великого поэта на Украине в 20-х годах XIX в.

¹ Один из составителей переписал поэму «Войнаровский» с какой-то рукописи, а затем неоднократно исправлял текст в разных местах и заполнял пропуски. Уже в первоначальной записи есть стихи, изъятые цензурой из прижизненных изданий поэмы. Произведенные затем исправления во многом совпадают с теми, которые были сделаны исследователями по старейшим авторитетным спискам при подготовке Полного собрания стихотворений, 1934.

² Первоначальная запись «Горе от ума» в альбоме близка к так называемой «посредствующей» редакции между музейным автографом и жандровским списком (см. И. К. Пиксахов, Творческая история «Горе от ума», М.—Л., 1928, стр. 130). В дальнейшем составитель (тот же, который исправлял текст поэмы Рыльева) внес множество исправлений и дополнений. Они сделаны либо по спискам с окончательного текста жандровской рукописи, либо даже с рукописи, близкой к позднему так называемому «булгаринскому списку».

3 А. БОРИНЕВИЧ-БАБАЙЦЕВА

ВЫСЫЛКА ПУШКИНА ИЗ ОДЕССЫ

Разработка вопросов о высылке Пушкина из Петербурга на юг России в 1820 г., а также о высылке поэта из Одессы в Михайловское принадлежит к числу тех тем, которые не нашли правильного освещения в дореволюционном пушкиноведении.

Полное понимание и правильное истолкование этих событий было невозможно в условиях самодержавной власти и цензурного гнета. Дореволюционные пушкинисты не были вооружены тем философским мировоззрением, которое помогает понять биографию писателя в ее связи с общественной жизнью страны.

После Великой Октябрьской революции пушкиноведение опирается на появление все новых и новых архивных и мемуарных материалов, на глубокое научное марксистское изучение особенностей исторической эпохи 20—30-х годов XIX столетия, на понимание хода развития мировоззрения Пушкина и отражение его в произведениях поэта. Однако и до сих пор еще нет единства в освещении ряда отдельных событий из жизни Пушкина, в частности различно трактуется вопрос о высылке поэта из Одессы в Михайловское.

После репрессий, проведенных в 1822 г. в Кишиневе по отношению к деятелям преддекабристского движения, Пушкин тяготился одиночеством и стремился в Одессу. Этот город, молодой, новый, представлялся Пушкину одним из центров борьбы за свободу.

В июне 1823 г. Пушкин приехал в Одессу уже прославленным поэтом-изгнанником, чьи политические стихи навлекли на него гнев правительства и вызвали восторг людей передовой мысли.

В Одессе Пушкин застал обособленный высший светский

круг русского дворянства, круг, который увеличился и несколько изменился со времени приезда Воронцова, так как сюда переселились многие русские, украинские и польские семьи, образовавшие блестящий «двор Воронцова».

Росла здесь русская, украинская и иностранная буржуазия, которая видела свою силу в богатстве, вела торговлю и добивалась прав и титулов, покупая их за деньги.

По отношению к общему составу населения — ремесленникам, крестьянам, городским рабочим — довольно многочисленной была в Одессе прослойка русской и украинской демократической интеллигенции.

Аресты в Одессе декабристов в 1826 г. (дела декабристов братьев Булгари, Суханова, Сухачева и «Общества независимых»), характер одесской масонской ложи, более демократической по своему составу, чем в других городах, деятельность тайного общества греческих патриотов-гетеристов, к которым присоединялись русские вольнодумцы, дают возможность говорить о том, что Одесса по характеру политической и умственной жизни своих передовых людей жила на уровне передовых центров России и Украины. Отголоски в Одессе европейских революционных событий (в Испании, Италии) были сильнее, чем в других местах.

До приезда Пушкина в Одессу здесь были известны его политические стихи, о чем говорят одесские списки оды «Вольность»¹, альбомы одесситов-современников, воспоминания лицейцев Ришельевского лицея, для которых Пушкин был любимым поэтом. У Пушкина были в Одессе, по словам Воронцова, и «энтузиасты-поклонники» и страстные противники, ненавидевшие поэта.

В политическом, идейном и литературном развитии Пушкин в Одессе пошел значительно дальше петербургского и кишиневского периодов своей жизни, определив новый этап в развитии не только своего творчества, но и всей русской литературы.

Рост революционного движения на юге, обострившееся отношение к самодержавию и крепостному режиму, более глубокое понимание жизни народа и морального облика его лучших людей, стремление к политической независимости, демократизм поэта и историзм его взглядов дают ему возможность по-новому подойти к событиям окружавшей его жизни.

В одесский период творчества Пушкин вырабатывает принципы новой эстетической теории — эстетики реализма, открывает новый этап в развитии русской художественной литературы. Он высоко оценил значение русской литературы, как литературы критической, определил и свою роль в ней: «Оппози-

¹ Пушкин, Статьи и материалы, сборн. Од. Дома ученых, вып. II, 1926, стр. 1—2

ция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я изподтишка поддразнивал, ожидая чего-то» (XIII, 99).

Вместе с тем у него постепенно складывается представление о новом типе поэта — свободном от необходимости служить царской власти, свободном в направлении своего творчества. Современный поэт — не слуга муз, а упорный боец за дело народное, враг крепостного права. Творчество для него — труд, единственная профессия, дело не личное, не частное, а общественное, национальное.

Основное чувство Пушкина — стремление к независимости — получило, таким образом, новую направленность.

В связи с ростом у Пушкина сознания своих задач как писателя-профессионала, обостряется его конфликт с теми, кто видел в нем лишь мелкого чиновника, а не поэта.

Черновое письмо к Казначееву от 22 мая 1824 г. убедительно говорит о том, что Пушкин не считает себя чиновником, служба никогда не являлась его целью. Он четко формулирует отношение поэта к своему делу: «Ради бога, не думайте, чтобы я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость» (XIII, 93).

Расстояние от Одессы до Москвы и Петербурга не позволяет интенсивно заниматься литературой, а на 700 рублей получаемого жалования Пушкин смотрит как на «паяк ссылочного невольника», но он готов от него отказаться, если это жалование лишает его независимости, готов подать в отставку.

В смысле поэтического творчества одесский год жизни Пушкина был многообразен, богат произведениями и сложен в силу новых исканий поэта. В Одессе Пушкин закончил «Бахчисарайский фонтан», запечатлев в нем свои крымские мысли и чувства, начал поэму «Цыганы» — романтическое по сюжету произведение, показывающее, как в недрах его складывался реализм. Критерием поведения личности для Пушкина становится вопрос о поведении личности в обществе.

Зародившееся в передовой молодежи русского дворянства недовольство жизнью Пушкин расценил как шаг вперед в жизни и мировоззрении своих современников и творчески его отобразил. От этюдов Пушкин перешел к обобщающему полотну — роману «Евгений Онегин», который начат был в Кишиневе и продолжен в Одессе (здесь написаны две с половиной главы романа).

Какими строфами Пушкин заключил свой роман в Одессе — сказать трудно (на строфе XXXVII 3-й главы романа стоит

пометка — 5 сент. 24 г. Михайл.), но основные образы романа уже определились в год одесской жизни поэта.

Особенность этого «самого задушевного произведения» Пушкина — в осознанном отходе поэта от романтизма, в желании дать сюжет из обычной жизни, показать общественное лицо героя, его конфликт с обществом, особенности его национального характера.

В процессе создания романа все яснее выступают не только существенные стороны русской действительности и отношения к ним Пушкина, но и те особенности новых эстетических требований нового метода, которыми Пушкин эту действительность изображал.

Кроме поэм и двух с половиной глав романа, Пушкин в Одессе написал свыше 30 лирических стихотворений. Среди них такие, которые свидетельствуют о силе его политической мысли, политического чувства, о художественном мастерстве поэта, ясно говорят о переходе Пушкина на путь писателя-реалиста и в лирике.

На разгром революционного движения на Западе он откликнулся стихотворением «Свободы сеятель пустынный» (ноябрь 1823 г.) и поставил вопрос о политической роли поэта-вольнодумца; отозвался на реакционную политику Священного союза, во главе которого стоял Александр I. Свое чувство любви он раскрыл в замечательных лирических произведениях и дал в них то обобщение глубоких переживаний, которое умеют передавать великие знатоки человеческого сердца — подлинные поэты-лирики. Действуя оружием сатиры, он осмеял модных аристократов в произведении «Жалоба», посмеялся над Воронцовым в стихотворении «Певец Давид был ростом мал»; выразил свое саркастическое отношение к действительности рядом эпиграмм.

Свои искания и сомнения Пушкин отразил в стихотворении «Демон», в котором современники видели портрет А. Н. Раевского, скептика, обладавшего резким охлажденным умом и саркастическим словом, но стихотворение было, очевидно, выражением и душевных исканий, мучений и борьбы, знакомых самому поэту, что проявилось в романе «Евгений Онегин».

Откликнулся Пушкин в Одессе на смерть Наполеона, посвятив ему оду. Она приводится впервые в письме Пушкина из Одессы к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. (XIII. 78—79). Пушкин отметил губительную роль Наполеона для революционной Франции:

...Обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил.

Говоря о наполеоновских войнах, Пушкин подчеркивает, что в России Отечественная война 1812 г. разбудила силы на-

родные: русский народ осознал в борьбе против захватчика свой «высокий жребий».

Согласившись взять Пушкина в Одессу, Воронцов ждал от него покорности, желания сделать чиновную карьеру или, во всяком случае, хотел видеть в нем поэта, прославляющего его как наместника края. Пушкин же мужал в своем гении, в своей самостоятельности, в стремлении к независимости и шел дорогой поэта, боровшегося за свободу народа.

Характеризуя в «Воображаемом разговоре с Александром I» Инзова, Пушкин в подтексте этого разговора дает как бы параллельные характеристики Воронцову. «Инзов меня очень любил и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне скуки ради французские журналы. Генерал Инзов добрый, почтенный. Он русский в душе. Он не предпочитает первого английского шелопаю своим соотечественникам. Он уже не волочится, страсти в нем давно погасли; он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет их; не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив».

То, что Инзов — русский в душе, — это основное, наиболее близкое Пушкину качество Инзова. В Воронцове же Пушкин видит гонителя русского просвещения, покровителя иностранцев, которому милее английский шелопай подлинного русского.

Пушкин никогда не любил «стеснительного этикета» высшего света, помещиком себя никогда не чувствовал, карьера чиновника была ему навязана и ненужна. Все интересы Пушкина были связаны с литературой и ее успехами.

Для Воронцова свободолюбивые стремления поэта, популярность его поэтического творчества в условиях роста революционного движения в Бессарабии и Одессе были просто страшны.

Насколько волновало Воронцова растущее на юге политическое движение и роль Пушкина в нем, видно из официальных писем Воронцова в Петербург к лицам, близким ко двору, и в доносах на Пушкина, адресованных Нессельроде.

В выступлении Пушкина за независимость в одесский год его жизни мы видим проявление той борьбы, которую вели «первые дворянские революционеры», «лучшие люди эпохи», самые выдающиеся деятели дворянского переворота с русским самодержавием, с его сатрапами, борьбы, в которой В. И. Ленин видел «революционное движение против царизма»¹.

Политическая обстановка, в которой Пушкин прожил последние месяцы в Одессе, и характер его деятельности в это время являются первопричиной его высылки из Одессы.

На первое место при изучении причин высылки Пушкина из

¹ В. И. Ленин, Соч., Изд. IV, т. 18, стр. 14; т. 20, стр. 223; т. 23, стр. 234.

Одессы выступает связь его с декабристским движением, с декабристской идеологией, отразившейся и в его поведении, и в его творчестве.

Пушкин подошел к критическому пониманию политического государственного устройства России и увидел стремление к подавлению личности и в крепостном режиме, и в государственном устройстве, и в юридическом кодексе, и в цензурном уставе.

От частного и личного Пушкин шел к общему, к объективной оценке всей системы русской жизни.

Как известно, первые биографы Пушкина в силу цензурных условий и своих идейных позиций обходили молчанием причины высылки поэта из Одессы.

«В конце 1824 г. Пушкин оставил Одессу», — пишет его первый биограф П. А. Плетнев в некрологе о Пушкине, помещенном в «Современнике» за 1838 г.¹ В «Словаре достопамятных людей Русской земли», составленном Бантыш-Каменским (1847 г.), говорится о причинах ссылки поэта в Михайловское, ответственность возлагается на Пушкина: «8-го июля он (Пушкин) по высочайшему повелению уволен был от службы, а 11 числа велено перевести его из Одессы на жительство в Псковскую губернию с тем, чтобы находиться под надзором местного начальства. Он сам подписал приговор своими резкими суждениями и вольными чересчур стихами, которые переходили из рук в руки и были предметом общего разговора и удивления»².

П. В. Анненков в «Материалах к биографии Пушкина» основную причину высылки видит в том, что Пушкин был плохим чиновником. Указывает Анненков и на то, что командировку на саранчу Пушкин воспринял как оскорбление, ответил на нее резко и был выслан³. Именно эти объяснения П. В. Анненкова получили наибольшее распространение в литературе о Пушкине и оживают иногда в работах современных литературоведов.

В своей книге «Ал. Серг. Пушкин в Александровскую эпоху», написанной в 70-е годы (1874 г.), тонко раскрывая особенности общественной жизни, внутреннего мира Пушкина и его творчества, Анненков, однако, подчеркивает заботу Воронцова о Пушкине и считает, что основанием для решения правительства было частное письмо Пушкина к одному из друзей об атеистической философии⁴.

В. Я. Стоюнин в работе «Пушкин» (1880 г.) высказывает

¹ П. А. Плетнев, Соч., СПб., 1885, т. 1, стр. 374.

² Д. И. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей Русской земли, СПб., 1847, стр. 71—72.

³ П. В. Анненков, Материалы для биографии А. С. Пушкина, СПб., 1855.

⁴ П. В. Анненков, Ал. Серг. Пушкин в Александровскую эпоху, СПб., 1874.

правильную для того времени мысль о том, что столкновение Пушкина с Воронцовым было проявлением не личной борьбы, а борьбы с правительством. Вольнодумство Пушкина, высказанное в частном письме, послужило для Александра I главным обвинительным пунктом против Пушкина. Указывает В. Я. Стоюнин и на то, что в высших кругах общества, особенно после Семеновской истории, росло недовольство против Пушкина из-за ходивших по рукам политических стихов поэта. Но В. Я. Стоюнин не обвиняет правительство, а считает, что оно бережно наказало Пушкина, щадя его талант...¹

Ревность Воронцова, закулисная роль Ал. Раевского в деле высылки Пушкина из Одессы были выдвинуты в записках Ф. Ф. Вигеля, в воспоминаниях гр. Капниста², в работах представителей «психологической школы» и так называемой «школы медленного чтения».

Один из первых исследователей жизни Пушкина в Одессе Н. О. Лернер, суммируя вопрос о высылке Пушкина из Одессы, говорит о столкновении двух характеров — Воронцова и Пушкина, об обиде Пушкина из-за командировки на саранчу, о ревности Воронцова и о роли А. Раевского в этом деле, о популярности Пушкина в Одессе, об его эпиграммах, об атеистическом письме Пушкина, но не дает характеристики эпохи и тех общественных условий, в силу которых Пушкин был выслан из Одессы³.

Постепенно глухие формулировки первых исследователей жизни Пушкина заменяются более определенными, но не менее неверными указаниями на честолюбие поэта, его обиду из-за командировки на саранчу, на резкость его эпиграмм против Воронцова, на оскорбленное самолюбие наместника, на его ревность по отношению к Пушкину.

Не останавливаясь на всех работах о Пушкине, вышедших за первые десятилетия после революции, укажем на то, что вопрос о связи Пушкина с декабристами, об агитационной роли его творчества, об его вольнодумстве, о стремлении Воронцова очернить поэта, поставлен, например, в юбилейный 1937 г. в работе Н. Л. Бродского — «А. С. Пушкин»⁴.

Однако и здесь Пушкин не показан как выразитель декабристской идеологии, не раскрыты в полной мере значение его гражданской поэзии.

Юбилейная литература 1949 г. повторила, к сожалению, некоторые старые мотивы высылки Пушкина из Одессы.

«Жизнь Пушкина в Одессе, куда он приехал в 1823 г., — пи-

¹ В. Стоюнин, Пушкин, СПб, 1881, стр. 211.

² Гр. Капнист, К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы, «Русская старина», кн. V, 1899.

³ Н. О. Лернер, Пушкин в Одессе, «Пушкин» под редакцией С. А. Венгерова, т. II, стр. 262—280.

⁴ Н. Л. Бродский, А. С. Пушкин Биография, Госиздат, М., 1937.

шет Б. Мейлах, — осложнилась конфликтом с его начальником Воронцовым, новороссийским генерал-губернатором. Конфликт был вызван пренебрежительным отношением Воронцова к Пушкину, тогда уже известному писателю». К этому прибавлено еще «честолюбие Пушкина», на которое ссылается Воронцов в своем донесении на имя Нессельрода, и письмо Пушкина, «где он писал о своем атеизме»¹. Причины ссылки поэта в Михайловское в основном сведены к личным мотивам в отношениях Пушкина и Воронцова.

В научно-популярном очерке «А. С. Пушкин» И. Сергиевский говорит о столкновении между Пушкиным и Воронцовым и объясняет его тем, что Воронцов хотел, по отношению к Пушкину «разыграть роль высокого покровителя», великодушно снисходящего к «слабостям» поэта и пекущегося об его «исправлении». А. Пушкин справедливо видел в такого рода покровительственно-снисходительном отношении, хотя бы и маскируемом самой утонченной светской вежливостью, унижение своего человеческого достоинства. Особенно неудачным нужно признать следующее за этим утверждение автора: «...на этой почве между ним (поэтом — З. Б.) и Воронцовым вскоре *начали разыгрываться кое-какие мелкие недоразумения* (подчеркнуто нами — З. Б.). Ряд убийственных отзывов высказанных поэтом о своем начальнике и быстро ставших известными последнему, а главное — ряд не менее убийственных эпиграмм, направленных против него, — все это привело к тому, что Воронцов решил пустить в ход все имеющиеся в его распоряжении средства». Есть у автора и указание на то, что Воронцов видит в Пушкине лишь одного из подчиненных ему чиновников, от которых он вправе требовать аккуратной и исполнительской работы. Поводом для высылки Пушкина из Одессы И. Сергиевский считает письмо Пушкина с упоминанием о занятиях атеизмом².

Иван Новиков в книге «Александр Сергеевич Пушкин» дает ложную характеристику пушкинской Одессе и совершенно неверно излагает вопрос о ссылке Пушкина из Одессы. Он пишет о том, что Одесса, «этот чудный приморский город, еще совсем молодой, обернулся к Пушкину двояко: поэтическим живым обликом и мертвенно-злой чиновничьей маской». И далее: «Одесса была город торговый, где «все на денежку», а рядом с купечеством город кишел, как невод в хороший улов, отборным чиновничеством, где все «по буквам закона да в порядке чиновничьих служебной лесенки»³.

¹ Б. Мейлах, А. С. Пушкин, Очерк жизни и творчества, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 56.

² И. Сергиевский, А. С. Пушкин, научно-популярный очерк, Гослитерат. музей, М., 1949, стр. 35.

³ И. Новиков, Александр Сергеевич Пушкин. Жизнь и творчество, Крымиздат, 1949.

И. Новиков справедливо отвергает мысль о том, что отношения Воронцова и Пушкина могли испортиться лишь из-за того, что поэт был очарован женой Воронцова. Однако весь смысл столкновения Пушкина и Воронцова, по мысли автора, в том, что «генерал-губернатор мнил себя неизмеримо выше маленького чиновника своей канцелярии, хотя тот был и поэт. Но Пушкина этот тон свысока, естественно, лишь раздражал, и Воронцов наталкивался с его стороны на подчеркнутую независимость. Это Воронцова волновало все больше и больше. Наконец, он решил хорошенько прочувствовать молодого поэта, сбить с него спесь и распорядился отправить его в мае 1824 г. на саранчу».

«Развязку распри» И. Новиков видит в эпиграмме Пушкина на Воронцова¹.

Таким образом, еще до сих пор указываются такие причины высылки Пушкина из Одессы, как «мелкие недоразумения», «саранча» и эпиграммы, честолюбие поэта и чиновничья требовательность его начальника. А между тем, речь должна идти о том глубоком идейном выражении передового мировоззрения поэта, которое он обнаружил в своих граждански-сильных, политически-ярких художественных произведениях.

Национальное самосознание Пушкина, укрепившееся и развившееся в период южной ссылки, его политические взгляды, осознанное им значение художественной литературы вообще и своей поэтической деятельности в жизни общества стали особенно четкими к концу одесского года жизни Пушкина.

Рост революционного преддекабристского движения на юге, с одной стороны, и охранительная реакционная политика русского самодержавия, с другой, привлекали к личности и деятельности Пушкина в Одессе дружеское внимание энтузиастов-поклонников, вызывали ненависть представителей самодержавия.

До марта месяца 1824 г. Пушкин жил в Одессе относительно спокойно, с начала марта и по день высылки положение его становилось все более трудным, напряженным.

Ход событий всего лучше виден из писем Воронцова и Пушкина, из полуофициальных и официальных донесений Воронцова и тех дел, которые хранят архивы «О коллежском секретаре Пушкине»².

Материалы эти собраны и систематизированы в работах

¹ И. Новиков, Александр Сергеевич Пушкин. Жизнь и творчество. Крымиздат, 1949, стр. 73, 74, 77.

² Дело о приезжающих в Одессу лицах, рассеивающих вредные толки. Секретная часть канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, 1824 (Цит. по изд. «Пушкин, Статьи и материалы»).

Б. Л. Модзалевского¹, П. Щеголева². Они дополнились опубликованными не так давно вновь найденными письмами Воронцова к П. Д. Киселеву³ и приведены в извлечениях в «Летописи жизни и творчества Пушкина»⁴. Последовательное чтение этих писем и донесений, в свете современного изучения движения декабристов на юге, позволяет сделать вывод о том, что в Петербурге и Одессе знали и боялись политического движения молодых вольнодумцев, видели в Пушкине активного участника этого движения, опасались воздействия его личности и творчества как поэта политического, передового.

Письма Воронцова к П. Д. Киселеву, П. М. Лонгвинову, его донесения-доносы Нессельроде говорят о том, что начальник края понимал политическую обстановку и видел рост протеста, боялся воздействия поэзии и личности поэта.

Воронцов сообщает, что хотя Пушкин стал сдержаннее, чем был в Кишиневе, он следит за ним и через Гурьева⁵, и через Казначеева⁶, и через полицию (письмо к П. Д. Киселеву от 6 марта).

Самовольно избавиться от этого политически-опасного человека Воронцов, однако, не мог. Поэтому 28 марта он послал Нессельроде официальную просьбу об удалении Пушкина из Одессы. Он заявлял, что Пушкин имеет влияние на общество, где и без него бродят сумасбродные и опасные идеи. Особенно пугало Воронцова, что Пушкин окружен «множеством восторженных поклонников его поэзии, которые кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель». В Кишиневе же поэт найдет «ту же среду в боярах и молодых греках». Поэтому, прикрываясь «заботой» о поэте, Воронцов просит об удалении Пушкина в другую губернию.

Из Кишинева 2 мая Воронцов отправил Нессельроде полуофициальное письмо в связи с принятием в Молдавию греческих выходцев. В этом письме Воронцов сообщал, что за ними установлен надзор через секретных агентов и полицию, такой же надзор установлен и за молодыми людьми других национальностей. Затем в письме следовала просьба — «Избавьте меня от Пушкина; может быть он превосходный молодой чело-

¹ Б. Л. Модзалевский, К истории ссылки Пушкина в Михайловское, Пушкин, «Прибой», 1929, стр. 67—94.

² П. Щеголев, Из записной книжки архивиста. А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов, «Красный архив», т. 1(38), 1930.

³ «Литерат. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 42.

⁴ М. А. Цявловский, Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, АН СССР, М., 1951, стр. 450, 464, 771.

⁵ А. Д. Гурьев — градоначальник в Одессе.

⁶ А. И. Казначеев — правитель канцелярии М. С. Воронцова.

век и хороший поэт, но я не хочу его долгие видеть ни в Одессе, ни в Кишиневе»¹.

В ходе этих событий нужно принять во внимание и тот рескрипт от 2 мая 1824 г., который получил Воронцов из Петербурга. В рескрипте говорилось о том, что «в Одессу стекаются из разных мест и в особенности из польских губерний и даже из военнослужащих без позволения своего начальства многие такие лица, кои с намерением или по своему легкомыслию занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние»².

В Петербурге явно опасались роста революционного движения на юге. В свете этих событий совершенно иной характер приобретает и так называемое дело о саранче, которое в дореволюционном пушкиноведении часто рассматривалось как одна из основных причин разрыва между Пушкиным и Воронцовым. Эта командировка, в которой Пушкин должен был пробыть месяц, была вызвана явным желанием Воронцова удалить Пушкина из Одессы.

Через несколько дней после возвращения из командировки Пушкин послал прошение об отставке по слабости здоровья. Однако решение правительства оказалось иным. 8 июля 1824 г., на основании представления Нессельроде, состоялось постановление об исключении со службы чиновника Пушкина и о высылке его из Одессы в село Михайловское Псковской губернии.

В письме от 11 июля 1824 г. Нессельроде сообщает Воронцову, что Александр I согласился с предложением Воронцова об удалении Пушкина из Одессы. В этом письме приведены следующие основания для удаления Пушкина: 1) доводы Воронцова, на которых он основывает свои предположения; 2) другие сведения, подкрепившие эти доводы; 3) характер литературной деятельности Пушкина — «Все доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом вступлении его на общественное поприще».

Текст официального отношения Нессельроде к Паулуччи, под надзор которого направлялся Пушкин, уже совершенно не замаскирован: «Пушкина его величество положил сослать в Псковскую губернию, вверяя его вашим, господин маркиз, несыпным заботам и надзору местных властей». Это было суровое решение, так как оно не являлось удовлетворением просьбы Пушкина об освобождении его от службы, а содержало в

¹ М. А. Цявловский, *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, М., 1951, стр. 464.

² А. Флоровский, *Собрание высочайших грамот и указов в архиве упраздненного Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления*, Одесса, 1912.

себе запрещение служить на государственной службе и отправляло поэта открыто в ссылку.

В письме Нессельроде к Воронцову раскрыты те причины ссылки Пушкина, которые легко выступают из всей обстановки, из всего хода действия.

Правительственный Петербург боялся Пушкина еще в пору высылки его в 1820 г. Поэт не «исправился» — он стал и более независим, и более смел, еще более известен передовой России. Автору «Оды» и других вольных стихов, автору рассуждений о преимуществах атеистической философии не могло быть места в Одессе. Его прошение об отставке—«дерзость», так как службой только прикрыта была ссылка, разрешение же служить было милостью по отношению к опальному поэту.

В вопросе о ссылке Пушкина в Михайловское речь должна идти не о *поводе* — атеистическом письме, «саранче» или ревности, а о той глубокой исторической *причине*, которая была вызвана ростом революционного преддекабристского движения и ролью Пушкина в нем.

Новые публикации о Пушкине дают право говорить о все крепнущих связях Пушкина с декабристами.

Из письма М. С. Волконского Л. Н. Майкову (1899 г.) видно, что С. Г. Волконскому действительно было поручено принять Пушкина в Тайное общество и что он этого не исполнил, боясь, чтобы Пушкин не попал на плаху.

Поручение принять Пушкина могла дать только либо Тульчинская Управа Союза Благоденствия, либо уже организующееся в эту пору Южное Тайное общество (март, 1821 г.). Директория этого общества — Пестель и Юшневский — могли дать соответствующее указание С. Г. Волконскому.

Пушкин встречался в С. Г. Волконским в 1824 г. в Одессе. «Пушкин пишет Онегина и занимает собою и стихами всех своих приятелей», — пишет Волконский Вяземскому 16 июня 1824 г.¹

Какое значение придавал Воронцов отъезду Пушкина из Одессы, можно судить по тому, что градоначальник Гурьев специально извещал Воронцова, находившегося на Кавказе, о состоявшемся распоряжении о высылке Пушкина из Одессы.

Предписание о выезде было вручено Пушкину 29 июля, он должен был уехать из Одессы 30, но в этот день он еще посетил театр и слушал оперу Россини «Турок в Италии», а покинул Одессу поэт только 31 июля².

Согласно полученному маршруту, Пушкин должен был ехать через Николаев, Елисаветград, Кременчуг, Чернигов, Витебск. Через Киев опальному поэту было запрещено ехать.

¹ М. Нечкина, Новое о Пушкине и декабристах, «Лит. насл.», № 58, стр. 166.

² М. А. Цявловский, Летопись жизни и творчества Пушкина, М., 1951, стр. 490.

Этот город был на примете у царских администраторов, как один из очагов революционного движения.

А. И. Подолинский, поэт-романтик пушкинского времени, оставил воспоминание о встрече с Пушкиным в Чернигове. Пушкин рассказал ему, что едет из Одессы в деревню, но что «усмирение его не совсем еще кончено и, смеясь, показал свою дорожную, где по порядку были прописаны все города, через какие именно он должен был ехать»¹.

В своих письмах из Михайловского Пушкин много раз указывал на то, что он был сослан в глухую деревню «за две строчки перехваченного письма». Так писал он Плетневу, Дельвигу в феврале 1826 г.

Пушкин, бесспорно, прибежал к такой официальной версии с тем, чтобы отвести от себя большую вину, перенести ответственность на одесскую администрацию и правительство, тем более, что мера наказания была слишком строгой. Сопоставление новой ссылки в Михайловское с первой ссылкой, вызванной распространением антиправительственной литературы, не могло казаться Пушкину «простой несправедливостью», так как он понимал, что дело не в нескольких неосторожных фразах частного письма².

В «Воображаемом разговоре с Александром I», в котором Пушкин выступает и в качестве обвиняемого и в качестве обвинителя, он излагает все причины своей ссылки из Одессы в их совокупности. Он указывает на свою оду «Вольность», то есть на свои антиправительственные произведения петербургского периода, на отношение к себе Воронцова и на перехваченное частное письмо об атеизме, две строчки которого были приняты за «всенародную проповедь». Только совокупность всех этих причин правильно раскрывает обстановку, отношение правительства к Пушкину и значение его творчества и личности в политическом движении накануне декабря 1825 г.

Насколько правительство Александра I боялось Пушкина и какой яркой представлялась его фигура в революционном движении, можно судить по тем нитям, которые тянутся из Одессы к секретным наблюдениям за Пушкиным в 1826 г., во время крестьянских восстаний в Псковской губернии.

В июле 1826 г. из Петербурга был послан в Псковскую губернию тайный полицейский агент А. К. Бошняк. Поручение ему дал один из руководителей политического сыска И. О. Витт. В бытность Витта в Одессе в 1824—1825 гг. Бошняк вел наблюдения, в качестве провокатора над членами Южного общества в Одессе³. Тот факт, что И. О. Витт, жив-

¹ Пушкин в воспоминаниях современников, 1950, стр. 311—312.

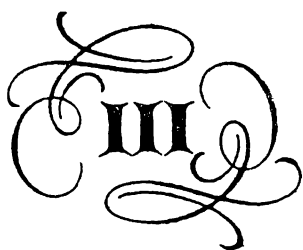
² С. Бонди, Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I», «Литер. насл.», № 58, М., 1952, стр. 162.

³ Г. Дейч и Г. Фридлендер, Пушкин и крестьянские волнения. 1826 «Лит. насл.», т. 58, М., 1952, стр. 205.

ший в Одессе во время пребывания здесь Пушкина, посылает в Псковскую губернию Бошняка, провокатора и тайного агента, принимавшего участие в раскрытии деятельности Южного общества¹, свидетельствует, о том, что сосланный из Одессы Пушкин, как деятель политический, не перестал казаться опасным русскому правительству.

Отклики на ссылку Пушкина из Одессы в Михайловское в петербургских литературных кругах были такими негодующими именно потому, что в новой ссылке поэта справедливо увидели не просто «козни» Воронцова, но предвестие какого-то надвигающегося разгрома.

¹ Н. Н. Мурзакевич, Автобиография, СПб, 1889, стр. 69—70.

Р. М. ВОЛКОВ

РЕАЛИЗМ И НАРОДНОСТЬ БАЛЛАД ПУШКИНА

Отечественная война 1812 г. и подъем национального самосознания в России, вызванный событиями 1812—1815 гг., остро поставили вопрос о народности и о «русской теме» в литературе.

Значение войны 1812 г. и последующих заграничных походов для подъема национального самосознания подчеркивал А. А. Бестужев: «Наполеон обрушился на нас — все страсти, все выгоды пришли в волнение; взоры всех обратились на поле битвы, где полсвета боролось с Россией и целый свет ждал своей участи. Тогда слова: Отечество и слава электризовали каждого. Каждый листок, где было что-нибудь отечественное, перелетал из рук в руки с восхищением». И тут же Бестужев отмечал упадок национального самосознания и возврат к старому преклонению перед Западом в послевоенные годы: «Войска возвратились с лаврами на челе, но с французскими фразами на устах, и затанцвавшая страсть к галицизмам захватила вдруг все состояния сильнее, чем когда-либо»¹. На требования, предъявляемые к литературе будущими декабристами, людьми, которых воодушевляли идеи революционного патриотизма и народности, — создать произведение «богатырское», подлинно русское, народное, — Пушкин ответил поэмой «Руслан и Людмила»².

¹ «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». Цит. по изданию «Декабристы—поэзия, драматургия и проч.», ГИХЛ, М.—Л., 1951, стр. 543.

² Р. М. Волков, Народные истоки поэмы-сказки «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, Ученые записки Черновицкого государственного университета, т. XIV, изд. Львовского университета, 1955, стр. 3—74.

В годы, когда А. С. Пушкин завершал свою поэму-сказку «Руслан и Людмила», господствующим в литературе жанром являлась баллада.

«Балладный стиль в его отборе и художественном преломлении дает тон, доминанту эпической поэзии этого времени», говорит Л. А. Булаховский, отмечая, что «признанный мастер его в это и последующее время — В. А. Жуковский»¹.

«Жуковский начал свое поэтическое поприще балладами. Этот род поэзии им начат, создан и утвержден на Руси: современники юности Жуковского смотрели на него преимущественно как на автора баллад.. Первою балладою, обратившею на Жуковского общее внимание, была «Людмила», переделанная им из Бюргеровской «Леноры», которую он впоследствии перевел»².

Эта баллада была напечатана поэтом в 1808 г. в журнале «Вестник Европы», который он в те годы издавал. Баллада явилась вольной переработкой баллады «Lenoge» Готфрида Августа Бюргера, положившего этой балладой начало развитию жанра немецкой баллады, опиравшейся на традиции народных поверий, легенд и песен.

Баллада Бюргера «Lenoge», вышедшая в свет в 1773 г., была «настолько новым и неожиданным событием в немецкой поэзии, что она тотчас же привлекла к себе всеобщее внимание. В короткий период времени «Ленора» Бюргера становится широко известной во всей европейской литературе: ее переводят на датский, шведский, голландский, английский, португальский, фламандский, латинский и французский язык»³.

В Англии вышло семь переводов, один из которых принадлежит Вальтер-Скотту. «Английские переводчики поступали с подлинной «Ленорой» весьма свободно и придавали рассказу местный национальный колорит»⁴.

Широкая популярность баллады Бюргера «Ленора» объясняется художественным мастерством поэта, высоко оцененным А. В. Шлегелем, И. Шерром и Г. Гетнером⁵.

Однако не меньшее значение имело то, что сюжет баллады Бюргера, примыкающий к широко распространенным народ-

¹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, т. I, Киев, 1941, стр. 66.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М., 1955, стр. 167—168.

³ И. Созонович, «Ленора» Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзии европейской и русской, Варшава, 1893, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 6—7.

⁵ A. W. von Schlegel, Charakteristiken und kritiken, Königsberg, 1801, II, 44.

И. Шерр, Всеобщая история литературы, изд. 3, т. II, СПб, 1880, стр. 229.

Г. Гетнер, История всеобщей литературы XVIII в., т. I, изд. 2, СПб, 1896, стр. 367.

ным поверьям и рассказам о привидениях и мертвецах, восходит к народной сказке о женихе-мертвце, известной у западноевропейских народов и у славян¹. Это позволяло при обработке баллады Бюргера «Ленора» придать ей местный национальный колорит, правда, как правило, поверхностный.

По этому же пути свободной обработки сюжета «Леноры» пошел и В. А. Жуковский в своей балладе «Людмила». Следя в развитии сюжета за Бюргером, а тем самым и за народной традицией, русский поэт, для придания своей балладе местного национального колорита, считает достаточным упомянуть в первой строфе баллады, что «Людмила» ожидает возвращения жениха:

Из далеких чуждых стран
С грозной ратью славян.

В дальнейшем жених-мертвец говорит:

Близ Наревы дом мой тесный...
Там в Литве в краю чужом.

Таким образом, место и время действия перенесено в Московскую Русь XV—XVI в. ко времени Ливонских походов, к чему и сводится весь национально-исторический колорит баллады «Людмила». В. А. Жуковский вводит в балладу архаическую и просторечно-народную лексику, сохраняя в основном тот «сглаженный стиль», за который на него нападали «архаисты»².

В 1816 г. появляется в печати баллада П. А. Катенина «Ольга», представляющая, как и баллада Жуковского «Людмила», переработку баллады Бюргера «Ленора». П. А. Катенин переносит место и время действия баллады в Петровскую Россию: жених Ольги — участник Полтавской битвы

Войск де ля Петровых славу,
С ним ушел он под Полтаву;
И не пишет ни двух слов
Все ли жив он и здоров.

Баллада Катенина «Ольга» насыщена живой народно-разговорной лексикой и словосочетаниями, причем, стремясь ближе передать оригинал, резкость его некоторых выражений, поэт излишне склонен к употреблению вульгаризмов. В том

¹И. Созонович приводит варианты песни и сказки о женихе-мертвце — шведский, датский, английский, венгерско-цыганские, кельтский, романские, исландский, голландские, немецкие, южнославянские, западнославянские, австро-венгерские, венгерско-немецкие, венгерско-армянские, мадыарские, мораво-немецкий, восточнопруссские, литовские, польские, сербские, болгарские, албанские, греческие, русские, украинские.

Ю. Тынянов, Архаисты и новаторы, Л., 1923, стр. 106.

же году появляется критическая статья Н. И. Гнедича «О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора»¹.

Отметив, что «стихотворения Г. Жуковского родили и многих поклонников, и многих противников, и подражателей, и современателей», Н. И. Гнедич с иронией характеризует жанр баллады: «Какой ряд предвижу я убийц и мертвецов, удавленников и утопленников. Какой ряд бледных жертв смерти балладической, и какой смерти». И как образцы такой «смерти балладической» приводятся выдержки из баллад П. А. Катенина — «Наташа» и «Убийца»: «Там красавица, как сидит, как спит — к жизни с милым умирает², здесь — убийца удавливает старика, несмотря, что на него глядит плешивый месяц...³. Но кто исчислит все вымыслы творцов, для которых нет ничего невозможного, нет ничего невероятного, ничего низкого». Обращаясь затем к балладе «Ольга», Гнедич пишет: «Пробегая оглавление журналов и находя в Вестнике Европы стихотворение Ольгу и в Сыне Отечества Ольгу, я спешил познакомиться вдруг с двумя Ольгами, но с первого взгляда увидел, что эти обе Ольги—одна и та же старая знакомка Бюргерова Ленора».

«Ба, да Ольга еще и с вариантами: в Московском журнале: что поете вы не к месту? А в Петербургском: что вы воете не к месту? Это сделано верно для того, чтоб угодить вкусу обеих столиц».

Указавши, что «Людмила» есть оригинальное русское, прелестное стихотворение, для которого идея взята только у Бюргера», Гнедич подчеркивает близость баллады Катенина «Ольга» к «Леноре» Бюргера: «Ольга. Вольный перевод Бюргера. Вольный? В этом однакож я попрошу позволения усомниться». Исходя в дальнейшем из положения, что «Ольга» представляет просто перевод «Леноры» Бюргера, Гнедич и рассматривает придирчиво текст баллады Катенина, сопоставляя его с соответствующими местами «Леноры».

Гнедичу возражал А. С. Грибоедов в своей статье «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»⁴.

Можно согласиться с Гнедичем, говорил Грибоедов, что начальное двухстишие баллады Катенина уступает по выразительности «Леноре» Бюргера, но нельзя принять его замечания относительно двухстишия:

Рать под звон колоколов
Шла почитать от всех трудов —

¹ «Сын Отечества», 1816, № 27.

² Со ссылкой «Сын Отечества», 1815, кн. 15.

³ Со ссылкой «Сын Отечества», 1815, кн. 23.

⁴ А. С. Грибоедов, Соч., ГИХЛ, М., 1953, стр. 367—378.

«не под, а при звоне...», поскольку предлог под с винительным падежом употребляется в смысле — при звуках чего-нибудь¹.

Грибоедов имел полное основание возразить Гнедичу: «Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике; она напр., никак не допускает, чтоб:

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город под звон колоколов, плясать под музыку.— Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением».

Баллада Катенина «Ольга» не была «вольным подражанием» «Леноре» в духе «Людмилы» Жуковского, но и не была «вольным переводом из Бюргера», как определяет сам Катенин. Балладу Катенина «Ольга» сближает с балладой Жуковского «Людмила» прежде всего общий оригинал, к которому обе баллады восходят. В основе «Ольги» Катенина, как и «Людмилы» Жуковского, один и тот же сюжет: народная сказка о женихе-мертвце, немецкий вариант которой обработан Бюргером. Но место действия баллад перенесено на Русь: XV—XVI столетия — у Жуковского, XVIII столетие — у Катенина. В такой переработке баллады Бюргера находит свое выражение стремление создать русскую национальную балладу, народную по сюжету и по языку, отсюда — просторечно-народная лексика, более умеренная у Жуковского и подчеркнута-грубоватая у Катенина, что связано с образом героини.

У Жуковского этот образ смягчен, что придает, по мнению Н. И. Гнедича, балладе «Людмила» национальный русский характер: «Краски поэзии, тон выражений и чувств, составляющие характер и дающие физиогномию лицам, обороты, особенно принадлежащие простому наречию, и отличающие дух народного языка русского — вот чем Ленора преображена в Людмилу».

Такое смягчение образов баллады Грибоедов, напротив, считает недостатком «Людмилы» Жуковского, противоречащим идейному замыслу: «Вообще, как хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смиренном, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать?»

Также, по мнению Грибоедова, не оправдан художественно и образ жениха-мертвца: «этот мертвец слишком мил: живому человеку нельзя быть любезнее».

Пушкин также противопоставлял «Людмиле» Жуковского

¹ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, М., 1939, стр. 356: Уснул под разговор.— Под шум ветра.— Танцы под аккомпанемент рояля.

«Ольгу» Катенина: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной бюргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем Манфреде сделал из Фауста: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания (разрядка моя — Р. В.); он написал Ольгу» (Пушкин, XI, 221).

С этим замыслом Катенина Пушкин связывал язык и стиль «Ольги». «Но сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнение в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым» (Пушкин, XI, 221).

Придерживаясь близости образа и стиля к первоисточнику — «Леноре» Бюргера, своей балладой «Ольга» Катенин бросает вызов сторонникам «сглаженного стиля». Но если так, то Гнедич был прав, требуя большей близости баллады Катенина к «Леноре» Бюргера.

Конечно, ни «Людмила» Жуковского, ни «Ольга» Катенина, как верно отмечает П. Топер, «не были по сути дела настоящим переводом не только в нашем смысле слова, но и по тогдашним представлениям»¹. Но если катенинская «Ольга», по сравнению с «Людмилой» Жуковского, свидетельствовала о стремлении ближе подойти к немецкому подлиннику, баллада Катенина, как и баллада Жуковского, была по сути попыткой создать русскую подражательную балладу с заимствованным сюжетом, приспособленным к русской действительности средствами языка и стиля, с установкой на простонародность, которую сам Катенин понимал как «грубость выражений», подчас неоправданную содержанием: так, немецкое *gesindel* — сброд, умышленно переведено бранно-презрительным — сволочь, что не вызвано контекстом.

Таким образом, спор шел о степени близости подражания к оригиналу, причем Гнедич оправдывал вольное подражание, как подражание с переделкой на русские нравы центрального образа, чем оправдан, по его мнению, язык и художественно-изобразительные средства, совокупностью которых и создается русский национальный колорит баллады Жуковского: и наоборот, если перевод, то — точный, близкий к языку оригинала, тогда как Грибоедов допускал «вольный перевод», понимаемый как свободное выражение средствами языка переводчика смысла оригинала. Эти две точки зрения нашли свое

¹ Вопросы художественного перевода, сборник статей, М., 1955, стр. 57.

выражение в споре о передаче строки баллады Бюргера—*Verloren ist, verloren!* — у Катенина — Нет надежды, нет как нет¹. По поводу этих строчек Гнедич писал: «Нет! не то! не то! не то!», требуя таким образом более близкого к оригиналу русского выражения, а Грибоедов возражал ему: «То, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе».

Вопрос о принципах перевода и о языке ставился Грибоедовым и Гнедичем все же попутно. В основном решался вопрос о создании жанра национальной русской баллады, народной по сюжету, образам, художественно-изобразительным средствам, языку и стилю.

Образы сентиментально-романтической Людмилы у Жуковского, как и образ Ольги у Катенина, стремившегося «со всей резкостью» воспроизвести образ бюргеровской Леныры, одинаково не народны. И Жуковский и Катенин обращались к тому песенному стилю, какой характерен для сборника Чулкова, причем Жуковский ищет «пристойных» слов и выражений, смягчая «грубость» простонародности, Катенин же, напротив, подчеркивает простонародность языка и стиля, прибегая к вульгаризмам, ничем не оправданным, тогда как в народном творчестве вульгаризмы всегда оправданы художественным замыслом, выполняя определенную идейную и стилистическую функцию.

Останавливаясь на широко распространенных в 20-х годах понятиях народности, Пушкин сводит их к двум основным линиям: «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения» (12. IX. 40).

«Ольга» Катенина, как и «Людмила» Жуковского, отвечали только одному критерию — народности в словах. с установкою на просторечно-разговорную лексику. Что касается сюжета и образов, то они далеки от критерия — выбора предметов национальных, народных, поскольку сюжет обеих баллад целиком заимствован, как и вся композиция, у Бюргера.

Наличие в русском народном творчестве рассказов о жемине-мертвеце давало возможность создать на этот сюжет балладу подлинно народную, однако ни сентиментально романтический образ Людмилы, ни близкий к немецкому оригиналу образ Ольги не отвечают характеру русской женщины, как он отображен в русской народной песне и сказке, и, кроме русских имен, в «Людмиле» и «Ольге» ничего русского нет.

¹ Ср. у Жуковского: Что прошло — невозвратно.

Неправдоподобие характеров в обеих балладах справедливо отмечено было и Гнедичем и Грибоедовым.

Задачу создания русской народной баллады решил Пушкин. Без нарочитой установки на литературную и языковую архаику, а равно и на подчеркнутую просторечно-разговорную и народную лексику, он создает жанр русской баллады, национально-народной по сюжету, реалистической по существу.

В 1822 г. Пушкиным написана «Песнь о вешем Олеге», первая русская подлинно национальная баллада с историческим сюжетом. В своей балладе он обращается ко времени объединения русских земель вокруг «матери городов русских» — Киева, когда, согласно летописным данным, Олег, князь Новгородский, собрал большое войско и хитростью захватил Киев.

По первоначальному плану баллады, набросанному Пушкиным — Олег — в Византию — Игорь и Ольга — Поход (Пушкин, II, 2, стр. 741), видно, что поэт первоначально предполагал следовать рассказу Карамзина, который в главе V тома I «Истории Государства Российского» излагает события в следующем порядке: «Завоевания Олеговы. Нашествие угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Договор с империею. Кончина Олега». Летописный рассказ о победоносном походе Олега на Царьград у Карамзина завершается так: «В знак победы герой повесил свой щит на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатством, им привезенным... единогласно назвал Олега вещим, то есть мудрым, или волхвом»¹. В дальнейшем повествовании Карамзина рассказывается, как «волхвы предсказали князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и герой скончался». Этот рассказ Карамзин заключает своим рассуждением: «можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его; но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности». Первоначальный план баллады Пушкина «Песнь о вешем Олеге» был отброшен, очевидно, как растянутый: баллада открывается описанием выступления Олега в поход против хазар, уже после похода на Царьград.

Пушкин избрал для своей баллады летописный рассказ о неудачной попытке вешего князя перехитрить судьбу. В ос-

¹ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, изд. 5, кн. I, СПб., 1842, стр. 81.

нове этого рассказа содержится представление о судьбе, выраженное в народной поговорке: «От судьбы не уйдешь»¹.

Раскрывая «Образ мыслей... тогдашнего времени», Пушкин рисует встречу Олега с кудесником перед походом, который и предсказывает князю: «Но примешь ты смерть от коня своего».

Так, краткое замечание Карамзина о предсказании волхов превратилось у Пушкина в развернутое предсказание кудесника, психологически гениально обоснованное: самая неожиданность рокового предсказания должна была произвести сильное впечатление на князя X в., верившего безусловно в то, что от судьбы не уйдешь. Пушкин в одной строфе передал целую гамму переживаний Олега, смущенного и обеспокоенного предсказанием и нарисовал трогательное прощание князя с конем.

В письме к А. А. Бестужеву из Михайловского Пушкин писал: «Тебе, кажется, Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе — есть черта трогательного простодушия; да и прищестствие само по себе в своей простоте имеет много поэтического» (Пушкин, XIII, Переписка, № 131)².

У Карамзина переходом к рассказу о том, как сбылось предсказание кудесника, служит краткое — «прошло четыре года». В балладе Пушкина проходит много лет, что передано единственным сравнением:

И кудри их белы как утренний снег
Над славной главою кургана.

В дальнейшем у Карамзина мы читаем: «В осени пятого вспомнил Олег о предсказании и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами...».

В балладе Пушкина этот эпизод развернут в форме прямой речи, обычной для народного эпоса, причем в словесном оформлении, более близком к «Львовской летописи», изданной в 1792 г. и находившейся в библиотеке Пушкина³.

Пушкин рисует затем поездку Олега на берег Днепра, где

¹ Ср.: Всякая судьба сбудется.— Всякому своя судьба. (Д. Сл., IV, 356) здесь и ниже ссылка на «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля» (даются по изд. 1955 г.)

² В дальнейших цитатах — «Переписка», № ...

³ Б. Томашевский, Пушкин, книга первая, АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 547; также К. А. Немирова-Кая, «Песнь о вешем Олеге» и летописное сказание», Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им. А. И. Герцена, т. 76, 1949.

лежат кости коня, причем в заключительном двустишии сочетанием глаголов — мо ю т ...з а сы па е т ...в ол ну е т... — образно передается длительность времени, прошедшего после смерти коня. Прощание Олега с конем, сжато изложенное у Карамзина, в балладе Пушкина развернуто в целую прочувствованную речь Олега, восходящую, как к источнику, к той же «Львовской летописи»¹

Баллада приближается к развязке и завершается концовкою — описанием тризны по Олеге. Последняя строфа баллады заключается двустишием:

Бойцы поминают мннувшие дни
И битвы, где вместе рубились они,

она повторяет двустишие, которым завершалась картина пира Олега с дружиной, образуя таким образом своеобразное кольцевое эпифорическое противопоставление пира и тризны. Так, Пушкин, не отрицая критерия «народности в словах», как и критерия «выбора предметов из отечественной истории», создает балладу в духе своего широкого определения народности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (Пушкин, XI, 40).

Сохраняя традиционный для баллады фантастический колорит, Пушкин реалистически трактует фантастику, раскрывая корни народных верований и народной психологии, тот «образ мыслей», на основе которых слагается данный фантастический сюжет. «Песнь о вещем Олеге» была напечатана лишь в декабре 1824 г. в альманахе «Северные Цветы» за 1825 г., то есть уже после высылки Пушкина в Михайловское.

В Михайловском Пушкин обращается к живым истокам народного творчества — к песням и сказкам, о чем пишет и брату: «Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории» (Переписка, № 115). И позже, в январе 1825 г., в письме к Вяземскому он сообщает: «Живу недорослем, валяюсь на ле-

¹ Б. Томашевский. Пушкин, книга первая, АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 547; также К. А. Немировская, «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание», Ученые записки Ленинградского пединститута г.м. А. И. Герцена, т. 76, 1949.

жанке и слушаю старые сказки да песни» (Переписка, № 129).

В период Михайловской ссылки (сентябрь 1824 г.— август 1826 г.) Пушкиным записаны свадебные народные песни и сказки, впоследствии литературно им обработанные.

Первой литературной обработкою сказочного сюжета Пушкиным была баллада «Жених», черновой текст которой закончен в декабре 1824 г., белой текст датирован 30 июля 1825 г. (Пушкин, Соч., II, 2). Пушкинской записи этой народной сказки до нас не дошло, но в записях В. И. Чернышева имеется 5 ее вариантов (№ 1, 6, 9, 55, 65).

Баллада «Жених» была напечатана в июле 1827 г. в журнале «Московский Вестник» с подзаголовком — *простонародная сказка*, — который был снят в издании 1829 г., что говорит о колебании самого Пушкина в определении жанра этого произведения, поскольку «Жених» представляет по сюжету, и особенно по обработке сюжета, русскую народную сказку, по стихотворной же форме — балладу.

В статье о «Евгении Онегине» Белинский в 1844 г. писал: «До Пушкина русская поэзия была не более как попятливою и переимчивою ученицею европейской музы, — и поэтому все произведения русской поэзии до Пушкина как-то походили больше на этюды и копии, нежели на свободные произведения самобытного вдохновения»¹. Критик отмечал затем отсутствие подлинной народности в балладах Жуковского: «Жуковский написал две «русские» баллады — «Людмилу» и «Светлану», но первая из них есть переделка немецкой (и при том довольно дюжинной) баллады, а другая, отличаясь действительно поэтическими картинками русских святочных обычаев и зимней русской природы, в то же время вся проникнута немецкою сентиментальностью и немецким фантазмом»².

Белинский точно так же полагал, что в поэмах «Руслан и Людмила» и «Братья-разбойники» Пушкин был не больше как учеником подобно своим предшественникам, — но не в поэзии только как они, а еще и в попытках на поэтическое изображение русской действительности. Этим ученичеством и объясняется, почему в «Руслане и Людмиле» так мало русского и так много итальянского, а «Разбойники» так похожи на шумливую мелодраму»³.

¹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. VII, АН СССР М., 1955, стр. 432.

² Там же, стр. 432—433.

³ Там же, стр. 432—433.

К произведениям Пушкина, в которых русская поэзия из робкой ученицы явилась даровитым и опытным мастером, Белинский относит балладу «Жених»: «Эта баллада, и со стороны формы и со стороны содержания, насквозь проникнута русским духом, и о ней в тысячу раз больше, чем о «Руслане и Людмиле», можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»¹.

Приводя затем сцену сватовства, критик заключает: «И такова вся эта баллада, от первого до последнего слова! В народных русских песнях, вместе взятых, не больше русской народности, сколько заключено ее в этой балладе»².

Специальную главу посвятил балладе «Жених» Н. Сумцов: «Жених» — образцовая стихотворная передача сказки. Рассказ течет последовательно, просто, самая оживленная и бойкая часть передана в диалогической форме, в чем выразилось необыкновенное чувство народности»³.

Н. Сумцов видел «типическое художественное воспроизведение народности не столько в основной фабуле, не столько в ходе рассказа, сколько в обрисовке всей сцены действия и действующих лиц, в особенности в языке, где подобрано все яркое, выразительное, меткое и сильное». Допуская, что «сказка о девице и разбойниках, по-видимому, не русская по происхождению, но русские давно уже усвоили ее», Сумцов полагал, что Пушкин «возвел ее в перл русского создания»⁴.

К аналогичному выводу приходит и Д. Д. Благой: «...в основе «Жениха» лежит весьма распространенный народно-сказочный сюжет»⁵.

Если Азадовский склонен говорить о народности баллады «Жених» «условно, так как источник ее еще не выяснен в полной мере»⁶, то В. И. Чернышев безоговорочно утверждает, что «после ранних попыток и планов литературной обработки книжной и былевой сказки в том виде, в каком она сохранилась в устах крепостных сказочниц и сказочников начала XIX в. и в литературных переработках XVIII в., — Пушкин пи-

¹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. VII, АН СССР, М., 1955, стр. 433—434.

² Там же.

³ Н. Сумцов, Этюды о Пушкине, «Русский филологический вестник», т. XXXVI, 1896.

⁴ Там же.

⁵ Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, М.—Л., 1950, стр. 392.

⁶ М. К. Азадовский, Источник сказок Пушкина. Временник Пушкинской комиссии, I, АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 135.

шет в Михайловском переую для него и для всей русской литературы настоящую русскую сказку «Жених» (1825), народность которой удостоверяется несколькими фольклорными записями¹. Положение Н. Сумцова, что «сказка на тему пушкинского «Жениха» записана у многих народов и что от Уральских до Пиренейских гор во всей восточной, северной и центральной Европе циркулирует в сущности одна сказка», требует уточнения.

Прежде всего, сказка о женихе-разбойнике известна в двух редакциях, чего Н. Сумцов не различал, и что отмечено у Больте — Поливки³.

В первой редакции, к которой относится сюжет баллады Пушкина «Жених», девушка (купеческая дочь, поповна, дочь мельника, королевна) попадает в лесу в жилище разбойников, где, спрятавшись, становится свидетельницей убийства разбойниками девицы, которую они привезли. Спустя некоторое время, разбойники сватают эту случайную свидетельницу их злодеяний. Во время сватовства девушка рассказывает обо всем, что она видела, будто бы во сне, либо как сказку. Разбойники разоблачены и схвачены⁴.

Во второй редакции сказки разбойники преследуют убегающую от них свидетельницу их злодеяний, которая, спрятавшись (обычно трижды: в сене, на возу с горшками, с кожами, в дупле дерева и т. п.), спасается от своих преследователей⁵.

В ряде вариантов сказки о женихе-разбойнике основная линия повествования осложнена экспозицией: в отсутствие ро-

¹ Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах наблюдения и исследования В. И. Чернышева, АН СССР, М.—Л., 1950.

² Н. Сумцов, Этюды о Пушкине, «Русский филологический вестник», т. XXXVI, 1896.

³ Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm Neu bearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polivka, I. B. Leipzig, 1913, № 40, стр. 370—375 (в дальнейших ссылках — Больте — Поливка).

⁴ У Больте-Поливки отмечено 17 немецких вариантов, 7 датских, 1 норвежский, 3 шведских, 2 английских, 2 французских, 1 румынский, 1 словенский, 7 сербо-кroatских, 7 чешских, 1 вендский, 2 словацких, 11 польских, 1 словинский, 4 великорусских, 6 украинских, 4 белорусских, 2 литовских, 1 финский, 2 венгерских, 2 цыганских, 1 армянский, 6 индийских. Всего 91 вариант.

⁵ Кроме того, в записи В. И. Чернышева 3 варианта — № 6, 9, 65. У Больте-Поливки отмечено 15 немецких вариантов, 4 датских, 1 исландский, 3 французских, 7 итальянских, 1 португальский, 1 албанский, 1 румынский, 1 сербо-кroatский, 3 болгарских, 4 чешских, 1 словацкий, 1 вендский, 1 словинский, 14 польских, 3 великорусских, 8 украинских, 6 белорусских, 1 литовский, 1 латинский, 1 цыганский. Всего 78 вариантов.

Кроме того, в записи В. И. Чернышева 2 варианта — №№ 1 и 55.

дителей девушки разбойники пытаются ограбить дом, но храбрая девушка убивает (ранит) одного (нескольких) из них.

Следуя в основном сюжету народной сказки, Пушкин, как отметил Н. Сумцов, «передал все главные мотивы сказки в таком порядке, в каком они идут в большинстве вариантов».

Отступая от композиционной схемы народной сказки о женихе-разбойнике, Пушкин опустил описание приключений девушки у разбойников, открывая балладу предельно-сжатым рассказом о возвращении героини домой после таинственного трехдневного исчезновения:

Три дня купеческая дочь
Наташа¹ *пропала*;
Она на двор *на третью* ночь²
Без памяти вбежала.

Завершающий четверостишие глагол *вбежала*, осложненный разговорным *без памяти*, создает яркий образ девушки, чем-то сильно взволнованной.

Поскольку вся баллада написана восьмистишиями, распадающимися, обычно, на два четверостишия, причем каждое представляет завершенную художественно и синтаксически мысль, во втором четверостишии рисуется душевное состояние чем-то потрясенной героини, что передается сочетанием трех глаголов нарастающей силы: не слышит... дрожит... еле дышит:

С вопросами отец и мать
К Наташе стали *приступать*³,
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Но тайна остается нераскрытой; душевное состояние родителей обрисовано посредством повтора глагола *тужить*, традиционного в народно-поэтической речи, причем повтор усилен единоначатием, полученным в результате инверсии:

Тужила мать, тужил отец,
И долго *приступали*,
Но *отступились* наконец,
А тайны не узнали.

Настойчивое желание родителей узнать тайну, закончившееся неудачей, подчеркнуто просторечными антонимами — *приступали*... *отступились*, где противоположное значение глаголов, при единстве корня, достигается приставками — *при* — *от* — противоположного характера.

¹ Вариант — Татьяна.

² В черновом варианте — в четверту ночь.

³ *Приступать* — здесь в значении помогать чего-нибудь. неотступно добиваться; ср.: Что ты приступаешь, как с ножом к горлу? (Д. Сл., III, 448).

Появление таинственного молодца вызывает у Наташи чувство смущения:

*Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — в вот
Промчалась перед ними
Лихая трелька с молотком.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех, и давит!*

Эта чисто русская бытовая картинка, полная движения, что передано сочетанием глаголов — *промчалась... стоя правит... гонит... давит*, — глубоко народная и по языку, сменяется описанием испуга Наташи; после чего, как отметил Н. Сумцов, «читатель с нетерпением ждет разгадки, где пропадала Наташа, чего так смущал ее проехавший мимо молодец». Но тайна по-прежнему остается неразгаданной.

Проехавший мимо таинственный молодец наутро засылает сваху. Пушкин вводит описание сватастья, развернутое в трех восьмистишиях, строго согласное с великорусским свадебным обрядом, причем, как верно отметил Н. Сумцов, «выделяется мастерское изображение свахи».

*Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.
Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;*

1 Черновые варианты:

*Сидит однажды у ворот
И было поздно уже и вот
.
Санями, крытыми ковром
Проворный сам он правит,
Кричит, поет и давит.*

Ср.: *У наших у ворот* всегда хороход. (Д. Ст., I, 245)

Ср.: Сбирала невеста подружек,
Посадила *подружек* высоко... (Пушкин, Асад., II, 500, № 8).

Ср.: Во той во беседашке девиды сидят,
Девиды сидят, речи говорят. (Пушкин, Асад., II, 521, № 11).

Здесь и ниже песни, записанные Пушкиным, привожу по изданию
А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах, т. II,
М.—Л., Академия. 1936.

Согласие отца вызывает испуг Наташи, силу которого пол-т передает нагнетанием глаголов:

Наташа к стенке *уперлась*
И слово *молвить* хочет —
Вдруг *зарыдала, затряслась,*
И *плачет и хохочет*¹.

Эта сцена отчаяния невесты, вызывающая вопрос — почему, завершается бытовой глубоко народной сценкой вылизания переполоха:

В смятыни сваха к ней бежит,
Водой студеной поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Впечатление тайны усилено, поскольку испуг Наташи остается непонятным и нераскрытым.

Обычно сватанье завершалось со стороны невесты изъявлением покорности родительской воле. Так и в балладе Пушкина:

Кружится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая *воля ваша.*
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мёд варите,
Да суд *и а пир зовите* 2.

¹ Черновые варианты:

Она о стену оперлась

Вдруг зарыдала, затряслась...

Ср.: *Уперся* рогами в стену, как бык, да и стоит. (Д. Сл., IV, 501).

Ср.: Не даст слова *молвить*. (Д. Сл., II, 340).

Ср.: *Затрясся* от испугу, что осиновый лист. (Д. Сл., I, 653).

Ср.: *Плачет*, как на девичнике. (Д. Сл., III, 119).

Ср. Кто как хочет, тот так и *хохочет*. (Д. Сл., IV, 563).

² Ср.; Во письме пишет красна девица;

Не крушишь о мне ты душа моя. (Чулков, 466, № 183).

Ср.: *Охает* дядя, на тетку глядя. (Д. Сл., II, 775).

Ср.: Черновой вариант: Родные, воля ваша.

Покорность невесты родительской воле подчеркивается и в свадебных причитаниях:

Ни в уме было ни в разуме,
В помышление того не было,
Чтобы красной девице замуж идти.
Произволил сударь батюшка,
Похотелся моей матушке. (Чулков, 190, № 149).

Ср.: *Звал* волк козу на *пир*, да коза нейдет. (Д. Сл., III, 112).

Ср.: И сотворил *пир на весь мир*. (Афанасьев, IV, 55, № 152).

Ср.: *На весь мир* пирог не испечешь. (Д. Сл., III, 112).

Ср.: Девушки пиво варили,

Красные пиво варили,

Девушки *меды ставили,*
Красные *меды ставили*. (Чулков, 226, № 189).

Ср.: Стали, жить да быть, животы наживать, — *на славу* всем люлям.
(Афанасьев, IV, 35, № 150).

Последнее желание Наташи придает ее поведению еще большую таинственность.

Богато народно-бытовыми чертами и насыщено народною лексикою и народными словосочетаниями описание пира по случаю заручин. На пиру жених обращается к невесте с вопросом:

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит;
О чем невеста тужит?»¹

Своим обращением к невесте жених невольно помогает ей раскрыть тайну. Наташа рассказывает о своем приключении к лесу так, будто видела она все это во сне; причем рассказ ее слагается, согласно эпическому утروению, из трех звеньев.

В первом звене:

«Мне снилось — говорит она,—
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно, чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели².
И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде серебро да золото,³
Все светло и богато»³.

¹ Ср.: Как взговорит красна девица. (Чулков, 179).

Ср.: И только из них один боярин

Ставр Годинович не пьет, не ест

И при своей братье не хвастает. (К. Д., 185, №).

Ср.: Не тужила, не плакала — пошла Марфа за Якова.— Живет не жужит, и никому не служит. (Д. Сл., IV, 451).

² Во лесах во дремучих

Тут брала девка ягоды,

Брамши-то она в лесу заблудилася.

(Пушкин, Academia, II, 494, № 8).

³ Ср. разговорное: Ни души нет дома. (Д. Сл., I, 504).

Ср.: Во сне видел, да наяву прозевал. (Д. Сл. IV, 270).

Ср.: Поблюдную песню:

У Спаса в Чигасах за Яузою, слава,
Живут мужики богатые,
Гребут золото лопатою,
Чисто серебро лукошками (Чулков, 764, № 61).

Сочетанием глаголов — *стучу... зову... вхожу... гляжу...* создается эмоциональная насыщенность рассказа. Жених объясняет сон в духе народного снотолкования¹.

А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать жить тебе *богато*².

Во втором звене Наташа продолжает свой рассказ:

Постой, *сударь*, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
*И диву дивуалась*³
Вдруг слышу крик *и конский топ..*
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов..
Взошли двенадцать молодцов,
А с ними *голубица*
*Красавица-девица*⁴.

¹ Ср.: Что возговорит родная ее матушка:

Ты дитя мое, дитя милое,
Я тебе дитя етот сон рассужу... (Чулков. 163, № 121)

Ср.: *Сон правду скажет* да не всякому. (Д. Сл., IV, 270).

² Ср.: *Худое* дело везде пспело. (Д. Сл., IV, 568).

³ Ср. свадебное величание:

Ты Сафрон господни не скупися,
С золотой гривной расступися
Ты спасибо Софрон Лифантьевич *сударь*.
(Чулков, 760, № 50).

Ср.: И только атаманы тому *дивуются*. (К. Д., 118, № 18).

Ср.: Княгине поднес *камку* белохрушагую. (К. Д., 3). Форма *кам.* *ча* не встречается в народных песнях и не отмечена словарями — ни у Даля, ни у Д. Н. Ушакова.

⁴ Ср.: печатный вариант.

Я погасила свечку
Да поскорее дверью хлоп.

Ср.: Лай, хохот, пенье, свист и *хлоп*,
Людская мольв и *конский топ*. («Евгений Онегин», гл. V).

В примечаниях к роману Пушкин писал: «В журналах осуждали слово *хлоп*, *мольв* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские... Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка»

Ср.: Не мечись, моя *голубка*, на его ты слова,
Вить его то слова все обманчивые. (Чулков, 216, № 180)

Ср.: Девица, *девица-красавица* моя,
Что же ты девушка невесела сидишь? (Чулков, 207, № 169)

Взошли толпой, *не поклонясь,*
Икон не замечая;
За стол садятся, *не молясь*
И шапок не снимая.
На первом месте брат *большой,*
По праву руку брат *меньшой,*
По леву голубица
Красавица-девица.
Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье»¹.

И вторично жених перебивает рассказ, предлагая свое толкование сна в народном духе:

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

В третьем звене рассказ невесты достигает кульминационной точки:

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет *похмелье, гром и звон.*
Пир весело бушует,
Лишь девица *горюет.*
Сидит, молчит, *ни ест, ни пьет.*
И током *слезы точит,*
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая *точит;*
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит»².

¹ Ср. отвечающее общепринятым нормам народного быта и обычая поведение Ильи Муромца:

Идет во гридню во светлую,
Он молится Спасу со Пречистою,
Бьет челом князю со княгиною,
И на все четыре стороны. (К. Д., 168, № 24).

И рядом нарушение этих привычно народно-бытовых норм послем Кглина-царя, свидетельствующее о его невежестве:

А Спасову образу *не молится,*
Владимиру князю *не кланяется,*
И в Киеве людей ничем зовет. (К. Д., 166, № 24).

Оценку такого поведения дает Илья Муромец:

Гой еси сударь Владимир князь,
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанной? (К. Д., 168, № 24).

Ср. народную поговорку, обращенную к невеже, не снявшему шапки при входе в избу: Это тебе не кабак, а кто в шапке — тот дурак.

Ср. поговорку: Хоть шей горшок — да сам *большой*.

² Ср.: Не хмель беда, а *похмелье*. (Д. Сл., III, 367).

Ср.: *Гром* не грянет, мужик не перекрестится. (Д. Сл.; I, 397).

Ср.: Колокольный *звон* не молитва, а *крик* не беседа. (Д. Сл., I, 672).

На фоне разгульного пира Пушкин рисует образ девицы, душевное состояние которой раскрывается сочетанием глаголов — *сидит... молчит... не пьет... не ест... слезы точит...*

Динамичность повествования нарастает к концу, что достигается нагнетанием глаголов: берет (нож)... точит... глядит... хватает... губит... рубит..., причем семантически: при сопоставлении, основанном на омофоне — слезы точит — нож точит, — оттеняется отчаяние беспомощной девушки и свирепость бездушного разбойника.

И в третьем звене жених перебивает рассказ Наташи, на этот раз объявляя его неправдоподобным:

«Но это — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лух,
Поверь, *душа-девица*!»¹.

В ответ Наташа предъявляет кольцо, как вещественное доказательство:

Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Впечатление, которое произвел рассказ Наташи на присутствующих, передано с предельной краткостью и выразительностью, одним глаголом — привстали с места.

Так рассказывается тайна поведения Наташи, рассказ достигает высшей точки напряжения, а затем следует развязка:

Кольцо *катится* и *звенит*.
Жених *дрожит*, *бледнея*;
Смутились гости.— Суд гласит:
«Держи, *вязать злодея!*»

Ср.: Князи и бояре пьют, едят, потешаются
И только из них один боярин

Ставр Годинович *не пьет, не ест*, (К. Д., 85, № 14).

Ср.: Поехали пировать, а пришлось *горе горевать*. (Д Ст., I, 378).

Ср. заплачку невесты: *Во слезах она слово молвила* (Чулков, 749, № 33).

¹ Ср. в песнях, записанных Пушкиным:

Как сказали про девицу
Напрасную небылицу. (стр. 517, № 6).

Ср.: *Что потужит ли, погорюет ли*
Красная девица (стр. 515, № 3).

Ср.: *Мой батюшка не лихой*,
Тебе будет не чужой (стр. 496, № 11).

Ср.: По тому по ручейку
Ходила гуляла княгиня-душа (стр. 497, № 2). (Пушкин, Асафетта, II)

Злодей окован, обличен,
И скоро *смертию казнен*¹.

Завершается баллада традиционной сказочной словесной формулой и с х о д а, свободно видоизмененной поэтом:

Прославилась Наташа!
И вот вся чesня наша.

В балладе Пушкина широко использованы такие художественно-образительные средства русской народной сказочной и эпической поэтики, как *повторы, подхваты, единоначатие, эпифора, эпитеты*, усиливающие выразительность речи.

Язык баллады насыщен живой народной и просторечной лексикой, богат народной фразеологией и словосочетаниями, отражающими вложенное в них народное мирозерцание, причем Пушкин широко и свободно пользуется «Словом о полку Игореве», «Древними русскими стихотворениями» К. Данилова и собранием песен Чулкова, а равно и своими записями народных песен и сказок и своим знанием живого народного быта и языка.

Баллада Пушкина «Жених» — не простой пересказ народного сказочного сюжета, не стилизация под народный сказ, а органический сплав народного сюжета, народных образов, народной поэтики и композиции, народных художественно-образительных средств, фразеологии и словосочетаний, живой разговорной лексики, народного быта и обычаев, народного мирозерцания,— всего того, что сжато изложено Пушкиным в его определении народности.

На требование декабристской среды и декабристского литературного окружения — создать национальную русскую народную балладу — Пушкин ответил к 1825 г. созданием баллады с сюжетом из отечественной истории — «Песнь о вещем Олеге» и созданием баллады — сказки с сюжетом из народного быта — «Жених». Балладой-сказкой «Жених» Пушкина завершается борьба в русской литературе 20-х годов за создание русской народной национальной баллады, и в то же время Пушкин этой балладой-сказкой открывает новый период борьбы за подлинную народность и реализм в литературе, развернувшейся в 30-х годах XIX столетия.

В 1823 г. Пушкиным написана баллада «Утопленник», напечатанная впервые в «Московском Вестнике» в 1829 г. с подзаголовком «простонародная песня». В этом же году эта баллада вошла в «Стихотворения Пушкина», часть вторая с под-

¹ Ср.: *Катились* кяточки по липову мосточку. (Д. Сл., II, 97).

¹ Ср.: *Хоть* пусто, да *звенит* (Д. Сл., I, 672).

Ср.: *Соболь бежит, а шкурка дрожит*. (Д. Сл., I, 494).

Ср.: *С испугу побледнел* как полотно. (Д. Сл., I, 100).

Ср.: И велели *казнить* *торговую казнью* — бити кнутом и после кнута повесить в жаркие дни против солнца. (Афанасьев, № 113)

заголовком «простонародная сказка». Стихотворение написано четырехстопным хореем, переходящим в псоны, которыми отделяются слова, логически и художественно подчеркнутые или оттеняемые.

Баллада «Утопленник» открывается живой бытовол, полной движения, сценкой:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца»¹.

Беспокойство рыбака, вызванное этим сообщением, выразительно передано одним четверостишием, насыщенным простонародно-разговорной грубоватой лексикой:

«Врите, врите, бесенята,—
Заворчал на них отец:—
Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам *ужо* мертвец!»².

Причина беспокойства рыбака раскрывается в следующем четверостишии:

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я *ввек* не *разберусь*;³
Делать нечего; *хозяйка*,
Дай *кафтан*: *уж* *поллетись*...»⁴.

Здесь в каждом слове выражена та боязнь суда в народе, которая нашла свое выражение в народной пословице, сказке

¹ Ср.: *Мертвец* у ворот не стоит, а свое возьмет. (Д. Сл., II, 320)

² Ср.: Зерна мели, а много (лишнего) *не ври*. (Д. Сл., I, 259).

Ср.: Худое молчанье лучше доброго *ворчанья*. (Д. Сл., I, 242)

Ср.: *Ай же ребята!* (двусмысленная похвала) (Д. Сл., IV, 88).

Ср.: *Ужо*, пострел, я тебя! (Д. Сл., IV, 477).

Ср.: *Ох, уж мне эти дети*. (Д. Сл., II, 774).

³ Ср.: Незнайка дома сидит, *знайку* в *суд* ведут.— В *суд* ногой — в карман рукой.— Где *суд*, там и неправда. Порешил *суд*, и будешь худ. (Д. Сл., IV, 355).

Ср.: Чей грех, тот и *в ответе*. Перед начальством *обин* за *стек* *отвечает*. (Д. Сл., II, 717).

Ср.: *Я ввек* не *видывал*, и *вовск* не *увиджу*. (Д. Сл., I, 218).

Ср.: В *суде* все *разберется*. (Д. Сл., IV, 14).

⁴ Ср.: *Хозяйка* лежит—все *лежит*; *хозяйка* с *постели* и *все* на *ногах*.— *У* меня *хозяйка* захворала. (Д. Сл., IV, 557).

Ср.: И *кафтан* греет, когда *шубы* нет.— Хоть *кафтин* и *сер*, а *ум* не *черт* съел. (Д. Сл., II, 99).

Ср.: Старик *чуть* *плетется*. (Д. Сл., III, 125).

и новости (подтверждаемая и Некрасовым¹, а заключительным *поплетусь* передано, с какой неохотой отправляется рыбак.

Приближение рыбака и детей к месту, где лежит труп утопленника, передано сочетанием указательных слов *вон* и *э-во т!*, которыми дети указывают отцу на мертвеца — сперва издали — вон, затем вблизи э-во т:

Где ж мертвец? — Вон, тятя, э-во т!²
В самом деле *при реке*,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке³.

Используя народную поговорку — «мертвый 'ничего не скажет, а за него спросится» — поэт пишет:

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый? купец?⁴

Подчеркнувши равнодушие рыбака к судьбе утопленника —

Мужику какое дело? —⁵,

Пушкин рисует действия мужика, который спешит избавиться от трупа:

Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого

¹ Ср.: *Суд приехал...* допросы... тошнехонько:

Догадались деньги собрать

Осмотрел его лекарь скорехонько

И велел где-нибудь закопать.

(Н. А. Некрасов, полное собр. соч. и писем, т. II, ОГИЗ, М., 1948, стр. 116).

² Ср.: У Дала: *Вон* — нар. указат. места: там, вдали. (Д. Сл., I, 240).
Вот — пск. нар. указат. — о близком предмете: здесь, тут, (Д. Сл., I, 253).

Ср.: *Эвоче*—мест, указ.—вот где: *Эвоче* лежит. (Д. Сл., IV, 662).

³ Ср.: *Город при реке*. (Д. Сл., III, 397).

Ср.: *Мертвый* ничего не скажет, а за него спросится. (Д. Сл., II, 319).

⁴ Ср.: Горе *горемыка*, хуже лапотного лыка. (Д. Сл., I, 379).

Ср.: Кто в лесу убилися? бортник; кто в реке утонул? рыбак (Д. Сл., IV, 116).

Ср.: *Во хмелю* да во сне человек в себе не волен (Д. Сл., IV, 554).

Ср.: Грабежи есть, воровство есть, а *воров* нет (Д. Сл., I, 243).

Ср.: *Недогадливость* твоя всему виновата. (Д. Сл., II, 511).

Ср.: *Аль* тебе в лесу лесу мало? (Д. Сл., I, II).

⁵ Ср.: *Какое тебе дело* до этого? (Д. Сл., I, 510).

Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом¹.

Согласно народным представлениям душа мертвеца не находит покоя, пока тело не будет предано погребению. Таким образом, мужик, из боязни иметь дело с судом, лишил утопленника «могилы и креста», тем самым он совершил моральное преступление.

Душевное состояние рыбака, взволнованного своим поступком, передано грубоватой лексикой в его обращении к детям:

«Вы, *щетки!* за мной ступайте!
Будет вам *по калачу*,
Да смотрите ж, *не болтайте*,
А не то *поколочу*»².

Причем переход от задабривания к угрозе выражен любимыми Пушкиным омофонами — по калачу — поколочу.

По народному поверью — «утопленник — к стуже либо к ненастью». (Д. Сл., IV, 521). И в балладе рисуется непогода, разыгравшаяся к ночи:

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воеет, вдруг он внемлет
*Кто-то там в окно стучит*³.

¹ Ср.: *Спеши*, да не торопись.— Не торопись начинать, а *спеши* кончить. (Д. Сл., IV, 302).

Ср.: *Мертвым телом* хоть забор подпирай. (Д. Ср., IV, 448).

Ср.: Мелка река, да *круты берега*. (Д. Сл., II, 203).

Ср.: Живой не без места, *мертвый не без могилы*. (Д. Сл., II, 337).

Ср.: *Лежать под крестом, в могиле*. (Д. Сл., II, 190).

Ср.: *Утопленников* и опойцев на меже хоронят. (Д. Сл., IV, 521).

² Ср.: Он еще в *щечках* заморен (смолоду глуп). (Д. Сл., IV, 655).

Ср.: Не рука крестьянскому сыну *калачи* есть.—

Не корми *калачом*, да не бей в спину кирпичом. (Д. Сл., II, 777)

Ср.: Полно *болтать-то*, ино болтнешь, не воротись. (Д. Сл., I, III)

Ср.: Не били, а только колотили. (Д. Сл., II, 141).

³ Ср.: В день не спится, в *ночь* не естся. (Д. Сл.; II, 557).

Ср.: *Разыгралась погода* верховая, волновая.— Видючи *погоду*, за реку не езд. (Д. Сл., III, 155).

Ср.: *Лучина* трещит и мечет, к *ненастью*. (Д. Сл., II, 275).

Ср.: В песнях зап. Пушкина: Что же ты, *лучинчика*, не ясно горшишь. Не ясно горнишь, не вспыхиваешь? (Пушкин, *Academia*, II, 521, № 11).

Ср.: От хозяина, чтобы пахло ветром, от хозяйки *дымом*. (Д. Сл., I, 506).

Ср.: Храбр после рати, как залез *на полатах*.

На полатах лежать, так и ломтя не видать (Д. Сл., III, 11).

Просьба путника дать на ночь приют настораживает рыбака, совесть которого не чиста и который скрывает свой страх в нарочито грубом ответе:

«Кто там?» — «Эй впусти, хозяин!»
«Ну какая там беда?
Что ты ночью бродишь, каин?
Чорт занес тебя сюда!»
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно». —
И ленивою рукою
Подымает он окно².

И расстроенному воображению мужика рисуется страшный образ утопленника, явившегося «за могилой и крестом»:

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним³.
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились⁴.
И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясая ночь он напролет,
И до утра все стучались
Под окном и у ворот⁵.

В заключительной строфе баллады раскрывается, как возникают подобные поверья и рассказы в народной среде, при-

¹ Ср.: *Хозяинушка* и хозяйюшка, *пустите* прохожих ночевать. (Д. Сл., IV, 557).

Ср.: *Что бродишь* без дела? (Д. Сл., I, 129).

Ср.: *Каин*—браи., самый наглый сорванец. отчаянная голева, готовый на все. (Д. Сл., II, 75).

Ср.: *Куда тебя нелегкая* занесла? (Д. Сл., I, 608).

² Ср.: Волоковое окно, оконце или проем четверть в полтора, с локом, задвижным изнутри ставнем, для опросу проходящих, для подач и милостынь, для выпуска дыма в курных избах. (Д. Сл., II, 663).

³ Ср.: *Луны катится* по небу. (Д. Сл., II, 96).

Ср.: *Гольям* родился, гол и умру. (Д. Сл., I, 371).

⁴ Ср.: *Пошел* ко дну *раков ловить*.— Пойду в баню черным, из бани выйду красным (рак). (Д. Сл., IV, 57).

⁵ Ср.: *Гостяли* зовут... недобрых людей, незванных посетителей, воров, особенно грабителей по Волге.— Гость на двор, и беда на двор. (Д. Сл., I, 386).

Ср.: *Обмереть* от страха, от изумления, столбенеть. (Д. Сл., II, 602).

Ср.: *Точу лопни* глаз, кто не любит нас. (Д. Сл., II, 267).

Ср.: *Трясется*, что *Каин*; что осинový лист. (Д. Сл., IV, 439).

Ср.: *Ночь напролет* сидел. (Д. Сл., II, 455).

чем синонимическими словосочетаниями — есть слух... говорят — подчеркивается фантастичность этих рассказов:

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет¹;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настанет,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот².

Баллада «Утопленник», напечатанная впервые в 1829 г. в «Московском Вестнике» с подзаголовком простонародная песня, в том же году вошла в «Стихотворения Пушкина», часть вторая—с подзаголовком простонародная сказка, тогда как, печатая в том же собрании своих стихотворений балладу «Жених», Пушкин, как отмечено выше, снял подзаголовок простонародная сказка, с которым эта баллада первоначально была напечатана.

Эти колебания Пушкина в определении жанра стихотворений «Жених» и «Утопленник» говорят о том, что поэт, обращаясь к сюжетам народно-сказочным, настойчиво искал той формы, которая отвечала бы жанру литературной сказки.

В незавершенном (точнее—неотделанном) стихотворении «Всем красны боярские конюшни» Пушкин отходит от традиционной формы баллады, найдя тот народный размер, каким впоследствии им написана «Сказка о медведихе», затем «Сказка о рыбаке и рыбке», а также «Песни западных славян»³.

¹ Ср.: *Глас народа — глас божий.* (Д. Сл., II, 462).

Ср.: Не всякому *слуху* верь.— *Слухи* ветром носит. (Д. Сл., IV, 225).

Ср.: *Говорят, слух есть.* молва ходит. (Д. Сл., I, 353).

Ср.: Все *до поры*, то времени. (Д. Сл., III, 310).

² Ср.: Голь мудра, берет *с утра*. (Д. Сл., IV, 522).

Ср.: Разбушевлася, *расходилася* божья погодушка.

Ср.: *Ночью* все дороги гладки. *Ночью* не видно, холодно, тепло ли. (Д. Сл., II, 557).

Ср.: Лучше подать в окно, чем стоять *под окном*. (Д. Сл., II, 663).

Ср.: У наших *у ворот* всегда хоровод. (Д. Сл., I, 245).

³ Ср.: Всем красны боярские конюшни:

Чистотой, пристугой и коньями;

Всем довольны добрые кони:

Кормом, стойлами и надзором.

Ср.: Как весенней теплою порою.

Из-под утренней белой зорюшки,

Что из лесу, из лесу дремучего... (Сказка о медведихе).

Ср.: Жил старик со своею старухой

У самого синего моря;

Он и жили в ветхой землянке,

Ровно тридцать лет и три года. (Сказка о рыбаке и рыбке).

Ср.: Не два волка в овраге грызутся,

Отец с сыном в пещёре браются. (Песня о Георгии Чернем).

В. М. СИДЕЛЬНИКОВ

ПУШКИН И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Вопрос об отношении А. С. Пушкина к народной поэзии не раз ставился и освещался в литературоведении. Одни исследователи пытались выяснить, под влиянием каких фактов складывались взгляды русского поэта на устное поэтическое творчество, другие стремились определить характер этих взглядов, третьи — в чем выражались вообще фольклористические интересы Пушкина.

Проделанная работа дала ряд любопытнейших наблюдений, большой фактический материал, но в то же время оставила следы неверных и даже порочных концепций. Особенно ошибочны те работы литературоведов, в которых всячески умалялась роль подлинной народной поэзии в творческом процессе Пушкина, а интерес его к фольклору объяснялся влиянием западноевропейских источников¹. Подобного рода высказывания не выдерживают никакой критики, они порочны и требуют всяческого порицания.

Пушкин — писатель большого культурного диапазона. В своем творчестве он безусловно пользовался культурным наследием западноевропейских народов, но все его творчество выводить только из западноевропейских влияний нельзя. Пушкин в своем творчестве крепко связан с русской культурой. Он проявлял огромный интерес к русской народной поэзии. Этот интерес его к народной поэзии, особенно в годы зрелого творчества, вызван глубоким вниманием поэта к жизни свое-

¹ П. В. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, СПб, 1874; М. К. Азадовский, Литература и фольклор, Л., 1938, его статьи в «Литературном Ленинграде», 1934, № 59, «Резец», 1936, № 1 и др., А. Ахматова, «Звезда», 1933, № 1 и другие работы.

го народа, к истории народных движений. Пушкин часто общался с русскими крестьянами, дворянами, казаками и другими прослойками тогдашних «низов», изучая их быт, нравы, поэтическое творчество. Кроме того, Пушкин прекрасно читал народную поэзию по сборникам Н. Курганова, М. Чулкова, Н. Львова, Кириши Данилова и других. Знаком был Пушкин с образцами народной речи, народного языка и песенного творчества и по древнерусским повестям, летописям и другим документам древней письменности. Материал устно-поэтического творчества им широко был использован в творческой практике. В Пушкине «русская природа,— писал Н. В. Гоголь,— русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»¹.

Стало быть, русский «народ, его язык, его характер и эпос— вот та почва, в глубину которой уходят корни пушкинского гения»².

Пушкин высоко ценил народное творчество, считал его лучшим источником для обогащения и оживления русского литературного языка. Обращаясь к начинающим и молодым писателям своего времени, он говорил: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели,— чтоб видеть свойства русского языка»³. В полемической своей статье по поводу критических выступлений журналистов об «Евгении Онегине» поэт также утверждал, что «изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка»⁴.

Интерес к народной поэзии у Пушкина возникает еще в детские годы. От своей бабушки М. А. Ганнибал — «старухи русского склада», прекрасно знавшей народную поэзию, он не раз слышал народные сказки и предания. Семья Пушкиных проводила лето в ее подмосковном селе Захарове, где поэт непосредственно знакомился с бытом народа. В Захарове часто «раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы,— и стало быть,— замечает современник поэта,— Пушкин имел возможность принять народные впечатления»⁵. Рядом с этим селом находилось село Большие Вяземы, принадлежавшее в свое время Борису Годунову. О пребывании Годунова в этих местах сохранились предания, которые несомненно дошли и до Пушкина. Его друг Н. Павлищев в «Воспоминаниях» (М., 1890) указывает, что народная поэзия процветала и в доме родителей поэта. Но самую значительную роль в вос-

¹ Н. В. Гоголь о литературе. Сборник. М., 1952, стр. 40.

² Газета «Правда», 8 августа 1939.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, кн. I, М., 1948, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 126.

⁵ П. Аннепков, А. С. Пушкин, Материалы для его биографии и оценки произведений, СПб., 1873, стр. 5.

питании в Пушкине любви к народной поэзии сыграла няня поэта — Арина Родионовна. Арина Родионовна принадлежала к тем русским крестьянкам, которые в совершенстве владели русской народной речью и прекрасно знали устное поэтическое творчество. По воспоминаниям друзей Пушкина мы знаем, что няня поэта была не только хранительницей «волшебной старины», но и была мастером-рассказчиком, обладавшим даром художественного слова. И Пушкин безусловно воспринял от нее не только сюжетные богатства произведений народной поэзии, но и образную народную речь, манеру сказывания, традиционные приемы, ритмический рисунок устного повествования. Об этом говорит и переписка его с друзьями, и многие стихотворения: «Сон», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Зимний вечер», «Няне», «Вновь я посетил» и другие.

В годы жизни поэта в Михайловском няня была лучшим другом ему, лучшим собеседником. От ее сказок Пушкин приходил в восторг. «Знаешь ли мои занятия? — писал он брату Льву в 1824 г. — До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»¹ Нескоро позже, в январе 1825 г., говорит он об этом и в письме к Вяземскому: «Покаместь я один-одинешенек, живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни»².

С особой любовью поэт относился к народным песням, которые он слышал не только от старой няни, но и от крепостных крестьян, дворовых девушек, дорожных ямщиков во время своих поездок по России. Сохранились воспоминания пушкинского кучера, записанные от него много лет спустя после смерти поэта, о том, как Пушкин собирал народные песни на ярмарке в Святогорском монастыре³. Вспоминают об этом и другие крестьяне — современники поэта⁴. Когда Пушкин бывал у Вульфов в Старицком уезде Тверской губернии, то всегда стремился к общению с крестьянами и дворовыми, не чуждался их, а «часто с ними разговаривал и шутил, и крестьяне его также не чуждались, любили с ним беседовать и считали его за человека доброго, веселого и большого шутника»⁵.

Особенно волновали А. С. Пушкина народные песни о Разине и примыкающие к ним так называемые «разбойничьи песни». Надо заметить, что это он впервые тему бурлацкой песни

1 А. С. Пушкин, Сочинения, т. XIII, стр. 182.

2 Там же, стр. 135.

3 «Русская старина», кн. V, 1899, стр. 272

4 «Русский Архив», 1892, № 1, стр. 96; А. Мошин, Новое об 11 великих писателях, 1908, стр. 71.

5 Сб. Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания, вып. 1, Тверь, 1903, стр. 243.

вводит в русскую литературу. В черновых набросках к «Отрывкам из путешествия Онегина» мы читаем такие строки:

Струится Волга — бурлаги,
Опершись на багры стальные
Урывным голосом поют—
Про тот разбойничий приют —
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну...¹

«Пушкин был первым русским писателем, — писал Горький, — который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности»², лицемерным тенденциям придворных поэтов — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу»³.

В кубанских и донских степях Пушкин слушает казачьи песни о Степане Разине. Этот народный герой, названный им «единственным поэтическим лицом русской истории», привлекал его. Пушкин потом записывает ряд песен о Степане Разине: «Песню о сыне Стеньки Разина», «Как на утренней заре, в толь по Каме по реке», «У нас-то было, братцы, на тихом Дону», «На заре было, братцы, на утренней». Две из них Пушкин перевел на французский язык.

Во второй половине 1826 г. он сам пишет три песни о Степане Разине в подлинном народном духе. Но поэт не механически включал в свой песенный текст отдельные слова и выражения из разинского фольклора, а творчески все это перерабатывал. Причем, при художественной обработке Пушкин сохраняет в неприкосновенности все особенности народных песен. Он сохраняет и облик народного героя. Так, например, в своей песне «Как по Волге реке, по широкой» крестьянский вождь Разин показан им так же величественно, как это мы видим в народных песнях и преданиях.

Летом 1827 г. Пушкин собирался поместить песни о Степане Разине в «Северных цветах» на 1828 г., но цензура не разрешила ему это сделать. Об этом запрещении Пушкина сообщает Погдину 31 августа 1827 г.: «Стансы к царю им позволены, песни о Стеньке не пропущены»⁴.

В 1833 г., во время поездки по Оренбургским степям, Пушкин записал от казаков ряд песен о Пугачеве. Его интересовало народное отношение к пугачевскому движению. Известно, что

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1937, стр. 480.

² Горький имеет в виду идею «официальной народности», которая вошла в пресловутую формулу «православие, самодержавие и народность», характеризовавшую реакционную политику Николая I.

³ М. Горький, История русской литературы, М., 1939, стр. 95—96.

⁴ А. С. Пушкин, Переписка, т. II, АН СССР, № 332.

всего в Исковской и Оренбургской губерниях поэт записал более пятидесяти народных песен и передал их П. В. Киреевскому¹. Пушкин записывал и сказки, пословицы, поговорки, отдельные народные выражения. Об этом мы узнаем из его переписки, из воспоминаний родственников и знакомых поэта. Так, 29 января 1912 г. «Новое время» извещало читателей, что «внук поэта А. С. Пушкина сообщил сегодня сотрудникам газет, что он нашел в старинном портфеле своего деда пакет с собственноручными записями русских пословиц и поговорок».

Пушкин всегда восхищался образностью и красочностью народных песен, сказок, преданий, меткостью и остроумием народных пословиц и поговорок, поражался лаконичности и красноречивости устного народного сказа. В «Замечаниях о бунте» он дает высокую оценку пугачевским воззваниям, считая их высокими образцами народного красноречия. «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам,— писал он,— есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного»².

Пушкин внимательно исследовал подобного рода материалы, они знакомили его с образным и сочным русским языком, с отношением народа к существующему общественному строю. Кроме того, во всех этих материалах поэт видел неисчерпаемые творческие силы народа, его патристические чувства, любовь к родине, преданность ей. Но важно заметить, что поэтическое творчество русского народа для Пушкина—не свидетельство покорности народа, его смирения и «глубокой унылости», а художественный материал, раскрывающий все стороны народной жизни, народного характера. В устной поэзии Пушкина привлекал мотив борьбы с произволом, свобода, простор и народный оптимизм. Этим объясняется его интерес к поэтическому материалу о народных восстаниях. В стихотворении «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой») поэт прекрасно передал эти народные мечты и стремления, почему оно стало самым популярным пушкинским произведением в народном бытовании.

Если славянофилов интересовала только русская традиционная крестьянская песня, то внимание Пушкина привлекает казахский и калмыцкий фольклор, грузинские, молдавские и цыганские песни. И весь этот материал он поэтически претворил в своем творчестве с учетом всех особенностей национальных художественных культур, стилей и форм.

Пушкин был великим русским национальным поэтом и в то же время он с огромным увлечением относился к поэзии других народов. Пожалуй не было другого крупного русского поэ-

¹ См. «Песни, собранные Н. В. Киреевским». Новая серия. вып. 1, М., 1911, стр. XLVI.

² А. С. Пушкин, Собрание сочинений, т. V, М., 1947, стр. 496.

та, который бы так интересовался поэзией всех народов и особенно народов, живущих в России. Эта присущая ему черта отличала его от националистических и реакционных кругов общества, ставила значительно выше современников и сделала любимым поэтом всех народов мира.

Пушкин, однако, не ограничивался устным народным творчеством. Биографы поэта и мемуарная литература не раз отмечали широкое использование им «российских песенников», которых к первой четверти XIX столетия насчитывалось уже свыше семидесяти сборников¹. Особенно интересовал Пушкина «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769 г.). Он несомненно сыграл некоторую роль в развитии у поэта интереса к народному творчеству. В «Истории села Горюхина» от имени И. П. Белкина поэт говорит: «Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда не читывали, и во всем доме, кроме азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего письмовника, никаких книг не находилось. Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые, незамеченные красоты»². Пушкина привлекала сама личность автора этого «Письмовника», и он хотел написать его биографию.

Был в библиотеке Пушкина и сборник Кирши Данилова — «Древние российские стихотворения» (1804 г.). Поэт Вяземский отмечает в воспоминаниях, что в день свадьбы Пушкина он видел этот сборник в кабинете поэта «на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана»³.

Имелся у Пушкина и четырехтомный труд И. М., Снегирева «Русские в своих пословицах» (М., 1831—1834 гг.). Поэт был знаком с собирателем и даже обещался дать разбор «Пословиц» Снегирева. В дневнике от 15 мая 1836 г. И. М. Снегирев записывает: «Утром я был у Пушкина, который обещался написать разбор моих «пословиц»⁴. В библиотеке Пушкина было одно из лубочных изданий «Истории славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любовными песнями и портретом»⁵ (о нем Вушкин также собирался писать). «Полное собрание русских пословиц и поговорок» И. Богдановича (СПб.,

¹ См. подробный библиографический указатель «Российский песенник» в докторской диссертации В. М. Сидельникова «Развитие русской лирической народной песни», М., 1949, в Вс. библиотеке им. В. И. Ленина, Дд 51—10/3 — шифр.

² А. С. Пушкин, Сочинения, М., 1928, стр. 539.

³ А. С. Пушкин, т. IV, изд. Брокгауза — Ефрона, СПб., 1910, стр. 59.

⁴ «Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты. М., 1935, стр. 284.

⁵ Первое издание этого сборника было в 1779 г. В «Приложении» было 47 народных песен.

1785), «Собрание 4291 древних российских пословиц» А. Барсова (1770 г.) со многими отметками поэта на полях, «Украинские народные песни» М. Максимовича (1834 г.) и другие.

С тридцатых годов XVIII столетия устное поэтическое творчество привлекается как ценнейший материал при создании отечественной истории и географии (В. Н. Татищев), этнографии (С. П. Крашенинников) и филологии (М. В. Ломоносов, В. К. Тредияковский, Н. Львов). В начале XIX в. появляется ряд интереснейших статей и исследований о народной поэзии в «Северном вестнике», «Русском вестнике», «Сыне Отечества», в альманахе «Аврора», «Полярной звезде» и других. И надо полагать, что любознательный Пушкин знал все эти труды и относился к ним очень внимательно. Известно, как он высоко ценил «Описание земли Камчатки» (СПб., 1755 г.) С. П. Крашениникова, содержащее в себе богатейший этнографический и фольклорный материал. За семь дней до своей дуэли Пушкин труд этот подробно законспектировал и составил план своей статьи о Камчатке¹. В заметках при чтении книги Крашениникова он отмечает народные поверья и сказки коряков и камчадалов.

Как видим, Пушкин был одним из наиболее подготовленных и серьезных собирателей устной поэзии. Он хорошо знал теоретические труды своих предшественников и был знаком с опытом их собирательской работы. Поэтому к записи народных песен, сказок и других жанров устной поэзии он подошел уже с определенными и ясно осознанными взглядами на народное творчество. Следовательно, нельзя утверждать, как это пытаются делать некоторые исследователи, что «Пушкин подошел к народно-поэтическому богатству совершенно неподготовленным, как любитель»².

Для Пушкина устное поэтическое творчество было «не мистическим откровением судеб народа, а зеркалом подлинной и неприукрашенной жизни». Вот почему поэт при записи песенных текстов старался сохранять в неприкосновенности все их своеобразие, снабжая некоторые произведения устной поэзии пространными примечаниями и пояснениями. При записи свадебных песен он точно указывает, к какому моменту обряда та или иная песня приурочена. Пушкин понимал необходимость подобных примечаний для дальнейшей обработки собранного материала. И в этом мы видим Пушкина не только собирателя-этнографа, но и чуткого литератора, обладавшего художественным вкусом. Пушкин не всегда обращает внимание на фонетические особенности песни или сказки, но почти всегда сосредоточивает свое внимание на тех ее особенностях, которые

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, кн. 1, М., 1948, стр. 328—239.

² Пушкин, т. IV, изд. Брокгауза Ефрона, СПб., 1910, стр. 57.

обладают эстетической выразительностью. Его привлекают в народном песенном тексте простота, удивительная чистота и правильность, живость и образность языка, лукавая ирония, острая сатира. И важно отметить, что Пушкин каждую песню или сказку воспринимал не механически, а творчески, вставляя иногда в тексты свои слова, выражения.

Собрание народных песен настолько увлекает Пушкина, что он задумывает даже издать их. 16 декабря 1831 г. Н. М. Языков сообщал, что Пушкин говорил ему, «что он слил все донные напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку»¹. О желании Пушкина издать русские народные песни упоминает и Киреевский в письме к Языкову от 12 октября 1832 г.: «Пушкин намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много»². Однако поэт не осуществил своего намерения, он передал все свои материалы П. В. Киреевскому, пообещав к его песенному собранию написать предисловие. Но и этой статьи он не написал, в его бумагах сохранился лишь «План статьи о русских песнях»³.

Всего известно в записи Пушкина свыше пятидесяти народных песен, сохранившихся в автографах поэта, в копиях Киреевского и других лиц. Из них: свадебных песен — 32, необрядовых — 23, песен разинского цикла — 4. Кроме того, ряд песенных текстов мы находим в его художественных произведениях: «Капитанской дочке», «Истории села Горюхина» и др.

Свои записи Пушкин в основном производил в с. Михайловском⁴ и близлежащих селениях. Такое предположение было высказано еще П. В. Киреевским в 1840-х гг. после того, как он получил от Пушкина тетрадь с записями песен. «Вероятно он,— писал Киреевский,— записал их у себя в деревне Псковской губернии»⁵. Сейчас нам уже точно известно, что местом записи большинства песен было Михайловское и близлежащие селения. В 1937 г. проф. С. А. Бугославский, побывав в деревнях Вороницы, Замари, Савкино и других, расположенных по соседству с Михайловским, записал ряд вариантов к пушкинским записям. При рассмотрении своих записей и пушкинских он установил их самое близкое текстуальное родство и огромное сходство тех и других с северно-русскими вариантами: архангельскими, вологодскими, пинежскими. В результате такого тщательного анализа исследователь пришел к убеждению, что основная часть песен записана Пушкиным в Михайловском

¹ «Исторический вестник», 1883, № 12, стр. 534.

² Н. Лернер, Труды и дни, М., 1903, стр. 92.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI. кн. 1, М., 1948, стр. 366.

⁴ Село Михайловское—ныне Пушкинский заповедник, бывш. Опоченское у., в настоящее время Пушкинский район Калининской обл. стп.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М., 1911.

и вышепозванных деревнях¹. Отдельные же тексты песен из коллекции Пушкина записаны в Болдине, во время поездок его по Оренбургским степям и на Урал. Например, тексты «Из Гурьева городка» и «Уральские казаки» являются отрывками так называемых «казенных» песен. Песня «Один-то был у отца у матери единый сын» очень близка к уральским казачьим песням². Песня «Друг мой милый, красно солнышко мое» обнаружена в болдинской тетради Пушкина. Следовательно, записана она в Болдине. Песня «Как у нас было на улице», по свидетельству А. Д. Голохвастова, была также записана в Болдине.

Песни, переведенные Пушкиным на французский язык для писателя Лева-Веймера, и некоторые песенные отрывки, включенные им в произведения, заимствованы из сборников Чулкова, Новикова, Прача-Львова и других. Возможно, что какая-то часть песен, встречающаяся в «Капитанской дочке» и других произведениях, могла быть воспроизведена Пушкиным по памяти, так как он немало знал народных песен и, по отзывам современников, недурно их читал³.

Таким образом, народную песню во всем ее разнообразии Пушкин изучал из уст народа, печатных источников и т. д. Песенные сборники у него были всегда под руками. Получал он книги с народными поэтическими текстами и от своих друзей. Так, например, по его желанию младший Раевский посылает ему в Бессарабию с В. П. Горчаковым несколько книжек русских сказок. Надо полагать, что посылались ему и сборники песен.

Пушкин один из первых указал на огромное значение народной поэзии для художественной литературы. Он считал, что подлинный русский писатель должен непременно овладеть поэтическим наследием народа, где содержатся превосходные образцы народной речи. «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» — писал он в 1832 г. В. И. Далю⁴. Пушкин стремился овладеть мастерством народных рассказчиков, песенников, овладеть всеми «тайнами» народного творчества, народной речи и неоднократно к этому призывал писателей своего времени. «Вслушивайтесь в простонародное наречие, — говорил он молодым писателям, — в нем

¹ «Пушкин». Временник пушкинской комиссии, М.—Л., 1941, № 6, стр. 182.

² Ср. казачьи песни И. И. Железнов, Очерки быта уральских казаков, т. III, 1888, стр. 124.

³ С. П. Шевырев говорит, что Пушкин «прекрасно читал русские песни». «Москвитянин», т. II, 1843, стр. 237; Д. Майков, Пушкин, 1899, стр. 331.

⁴ Л. Майков, Пушкин, СПб., 1899, стр. 418.

«можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах»¹.

Теоретические взгляды Пушкина на словесное творчество народа глубоки и всегда обоснованы. Фольклор для него является средством познания народности и формы ее выражения, источником для обогащения литературного языка. «Пушкин стремился к созданию демократического национально-литературного языка на основе синтеза книжной культуры литературного слова с живой русской речью, с формами народно-поэтического творчества»². По свидетельству поэта Вяземского и других пушкинских друзей, поэт не раз высказывал очень интересные суждения по вопросам народной поэзии. Нам известны его правдивые и убедительные высказывания о народных песнях, народной драме, пословицах, о народном языке. И во всех рассуждениях чувствуется большая любовь поэта к своему национальному искусству.

Пушкин ведет беспощадную борьбу с теми литераторами, которые избегали народных речений и стремились к «европейскому жеманству и французской утонченности»³. Сам Пушкин в своей творческой работе часто обращается к фольклору. Он дал блестящие примеры творческого использования фольклора, в особенности песенного фольклора, к которому он, как поэт, обращался более всего. «Пушкин был полным цветом русской поэзии,—говорит С. П. Шевьрев,—органически выросшим, раскрывшимся и принявшим в себя все ее прежнее развитие, начиная от Ломоносова и включая древний коренный сок, таившийся в народных песнях»⁴.

Прежде всего остановимся на тех произведениях, в которых народные песни упоминаются или приводятся в отрывках, цитируются в качестве эпиграфов и т. д. В стихотворном наброске «В поле чистом серебрится», написанном в 1833 г., Пушкин упоминает об очень популярной в народе песне «Лучина». Эта классическая песня именно в эти годы была широко распространена в обществе. В обработке Д. Кашина ее исполняла известная исполнительница народных песен Е. С. Сандунова. Входила она и в репертуар знаменитой цыганской певицы Стеши Сидоровой. Пушкин безусловно слышал эту песню в исполнении своих современниц. В стихотворении «Зимний вечер» он упоминает две народные песни, «Спой мне песню, как синица тихо за морем жила, спой мне песню, как девица за водой по утру шла». Эти песни—«За морем синичка не пышно жила» и «По улице мостовой, по широкой столбовой, шла девица за

¹ А. С. Пушкин, Полное собр. сочинений, т. VI, кн. I, М., 1948, стр. 79.

² В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 227.

³ См. об этом письмо Пушкина из Одессы поэту Вяземскому за 1823 г., ноябрь, А. С. Пушкин, Сочинения, т. VIII, СПб, 1887, стр. 14.

⁴ С. Шевьрев, «Москвитянин», ч. II, кн. 3, 1843, стр. 182.

водой» были очень распространены во времена Пушкина как в массовом народном бытовании, так и среди высшего общества. Первая из них очень старинная народная песня, «Голос скромный», как указывается в песенниках. Она помещалась почти во всех печатных песенных сборниках, начиная с кургановской «Российской универсальной грамматики» 1769 г. (Российская универсальная грамматика или всеобщее письмо-слово, СПб., 1769). Вторая песня также встречается почти во всех песенниках и сборниках.

Описывая святочные гадания в пятой главе «Евгения Онегина», Пушкин цитирует две строчки из подблюдной народной песни «Там мужички-то все богаты» («У Спаса в Чигисах за Язуой живут мужики богаты»); соединяя эти строчки с припевом, характерным для всех подблюдных песен, поэт называет подблюдную песню про «кошурку» («Уж как кличет кот кошурку в печурку спать»). Познакомиться с этими песнями поэт мог по «Новейшему карманному российскому песеннику» за 1815 г., по сборнику М. Чулкова и других.

В «Борисе Годунове», в сцене «В корчме на литовской границе», когда хозяин подносит вина бродягам-чернецам, Варлаам затягивает народную песню «Как во городе во Казани», затем поет песню «Молодой чернец постригся».

От всей сцены «в корчме» веет народным колоритом. Действующие лица в этой сцене простые люди — царские приставы, бродячие чернецы, хозяйка корчмы — крестьянка. Говорят они простым народным языком, речь их пересыпана пословицами и народными выражениями. Вот речь Варлаама: «Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да и я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли, все нам равно, было бы вино... да вот и оно!» Или еще: «А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку... Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю, ино дело пьянство, а иное чванство, хочешь жить как мы — милости просим, нет — так убирайся, проваливай, скоморох попу не товарищ».

Особенно широко использована народная песня Пушкиным в «Капитанской дочке». Здесь она дается и как эпиграф к отдельным главам и вводится в текст. Во второй главе повести «Вожатый» в качестве эпиграфа Пушкин привел отрывок из солдатской песни «Сторона ль моя сторонушка» (Сб. Прача, 1815, стр. 58.). В третьей главе «Крепость» эпиграфом послужила песня «Мы в фортеции живем», относящаяся к официальным солдатским песням, она сложена по-видимому каким-нибудь полковым пиитом. К пятой главе «Любовь» дано два эпиграфа, отрывок из народной лирической песни «Ах, ты, девка, девка красная» и две строчки из песни «Вещевало мое сердце, вещевало», опубликованные в сборнике М. Чулкова

(Собрание разных песен, СПб., 1913, стр. 125). К шестой главе «Пугачевщина» Пушкиным взяты два стиха из эпитафии исторической песни про Ивана Грозного «Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, старые старшки, будем сказывать» (П. Якушкин, Соч., 1884, стр. 599). К седьмой главе «Приступ» он дает начало песни петровской эпохи о казни атамана стрельцов. Взял Пушкин эту песню из сборника М. Чулкова, несколько изменив ее текст. К двенадцатой главе в качестве эпитафии приведена свадебная песня, которая обычно поется невесте-сироте — «Как у нашей яблонки ни верхушечки нет, ни отросточка». Эта песня встречается почти во всех сборниках среди бытовых и обрядовых песен. В восьмой главе Пушкин приводит целиком одну из замечательных разбойничьих песен: «Не шуми, мати, зеленая дубравушка». Он дает ее как любимую песню Пугачева. Эту же песню он упоминает в девятой главе «Дубровского» и переводит ее на французский язык. Песня эта есть в сборнике М. Чулкова (стр. 173), но Пушкин взял ее из новиковского песенника, указав в рукописи страницу этого сборника. Надо сказать, что песенные сборники Чулкова, Новикова, Прача-Львова были обычными источниками, откуда Пушкин черпал нужный ему песенный материал.

Пушкин хорошо знал не только традиционную крестьянскую песню, но и песни дворовых, городскую песню. В конце «Истории села Горюхина» он приводит песню дворовых, называя ее «сатирическим стихотворением» Архипа Лысого, «Ко боярскому двору Антон староста идет».

Интересно указание Пушкина на происхождение этой новой народной песни, образцом которой он дает стихотворение Архипа Лысого: «Сии песни заимствованы большею частью из русских, сочиненных солдатами-писателями и боярскими слугами, но приносившими очень вкусно к правам горюхинским и к различным обстоятельствам»¹.

В «Домике в Коломне» Пушкин упоминает «жалобные напевы» популярных сентиментальных песен, получивших, благодаря массовым песенникам, распространение в городской среде: романс на слова И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек с музыкой Ф. Тица и песенку Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Выйду ль я на реченьку» с мелодией Себастьяча Жоржа. Эти народные тексты, да и другие фольклорные песенные цитаты, имели органическую связь с текстом того произведения, в которое они были введены Пушкиным. Иногда они дополняли характеристику действующего лица (см. «Домик в Коломне»), иногда раскрывали замысел автора или содержание произведения (см. песни в эпитафиях к «Капитанской дочке»).

Первые попытки Пушкина написать произведения на основе народного песенного творчества относятся еще к ранней мо-

¹ Пушкин и его современники, вып. 38—39, Л., 1930.

лодости поэта, к годам пребывания его в лицее — «Романс» («Под вечер, осенью ненастной»), «Казак» («Раз, полунощной порою»)¹, «Бова» (отрывок из поэмы).

В 1823 г., в подражание русской сатирической песне «Круг я печки хожу», Пушкин пишет шутивное стихотворение «Я вокруг Стурдзы хожу», являющееся эпиграммой на молдаванина А. С. Стурдзу, религиозного писателя, крайнего реакционера. Во время пребывания Пушкина на юге Стурдза служил библиотекарем в Одессе². Об этом Стурдзе Пушкин писал П. А. Вяземскому из Одессы 14 октября 1823 г.: «Вот тебе новость в том же роде. Здесь Стурдза монархический». Приведем стихотворение Пушкина о нем и первые строчки народной песни, использованной поэтом:

ПУШКИН

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического³.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Круг я печки хожу,
Круг муравленные,
Я на печку гляжу
На муравленную...

(П. Шейн, Великорусс, СПб., 1898, стр. 299)

Как видим, стихотворение Пушкина про Стурдзу по своему складу и тону является пародией на народную песню «Круг я печки хожу».

Имитация начала детской игровой песни видна и в эпиграмме на М. Т. Каченовского «Жив, жив курилка». В содержании эпиграммы ясно отражаются характерные черты этой игры-песни.

Песня «Как жениться задумал царский арап», имеющая прямое отношение, по мнению исследователей, к повести «Арап Петра Великого», по своему складу напоминает народные песни из свадебного цикла. Такие слова и выражения из этой песни, как «похаживает», «поглядывает», «выбрал себе сударушку, черный ворон белую лебедушку», «чернешенек», «она-то душа белешенька» очень близки к словарному составу народных песен.

К свадебной песенной поэзии, к шуточным игровым песням, к приговорам дружек можно отнести многие поэтические стро-

¹ В рукописном черновом наброске стихотворения «Казак» помечено: «Подражание малороссийскому» — А. С. Пушкин, Полное собр. соч., т. 1, 1937, стр. 48.

² Стурдза Александр Скарлатович род. в 1791 — умер в 1854. В 1840-х гг. он был первым попечителем Одесской богадельни сердобольных сестер.

³ На Стурдзу у Пушкина есть эпиграмма:

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стойшь лавров Геростата
И смерти немца Коцебу.

(А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. II, кн. 1, 1947, стр. 78).

Картина Б. И. Лебедева «Пушкин слушает джюзу».

ки из сказки Пушкина о разбойниках — «Жених» и стихотворение «Сват Иван, как жить мы станем»¹

К стихотворению «Колокольчики звенят» Пушкин создает припев, напоминающий припев из народных песен: «Ай, люшеньки-люли». И по своей ритмике это стихотворение близко к плясовым песням. Отрывок стихотворения «Не видала ли, девица», относящийся к 1835 г., напоминает песенные диалоги из народных казачьих любовных песен:

— Не видала ль, девица,
Коня моего?
— Я видала, видала
Коня твоего....

(А. С. Пушкин, т. III, 1948, стр. 412).

Песенные интонации, сравнения, повторения, параллелизмы и другие особенности народной песенной лирики мы встречаем во многих стихотворениях Пушкина, в его гозмах «Полтава», «Братья-разбойники», «Кавказский пленник», «Евгений Онегин». Вот пример отрицательного сравнения так характерного для народной лирики, встречающийся в первой песне поэмы «Полтава»:

Не серна под утес уходит,
Орла послыша тяжкий лет,
Одна в сених невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

Образ невесты, ожидающей результата «сговоров», воскрешает перед нами аналогичную картину из народного свадебного обряда.

Еще пример отрицательного сравнения, характерного для народной лирики, из зачина «Братьев-разбойников»:

Не стая воронов слеталась
На груди тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась...

В плаче Ксении по жениху («Борис Годунов») явно звучат интонации и стиль народных причитаний. Знаменитый пушкинский «Узник» навеян народной песней.

Песенка из третьей главы «Евгения Онегина» (строфа XXXIX) «Девицы, красавицы, душеньки-подруженьки» по своему языку, стилю и ритмике примыкает к народным песням. Об этом свидетельствуют не только известный печатный текст песни, но и отдельные пушкинские варианты к некоторым строчкам этого произведения. Вместо этой песни в чернозой редакции была другая: «Вышла Дуня на дорогу помолвившись богу», которая также ведет нас к народным источникам — женским песням о разлуке с милым.

¹ Анализ баллады «Жених» нами в статье опущен, поскольку в данном сборнике печатается статья проф. Волкова на эту же тему.

Особенно яркие примеры творческого использования Пушкиным песенного творчества мы обнаруживаем в «Русалке». Великий русский демократ Чернышевский видел в «Русалке» истинно народное произведение, в котором прекрасно рассказана «обыкновенная история» жизни девушки-крестьянки без излишних приукрашиваний и именно так, как это повествуется в устных народных преданиях об отношении бар к своим крепостным, в народных песнях.

Для основного сюжета этого драматического произведения Пушкин использует народные рассказы об утопленниках, русалках, ряд народных лирических песен об обманутой девушке из песенников. Особенно яркие следы народной песенной традиции в приговорах свата и словах хора. Пушкин вводит текст свадебной песни, им записанной: «Сватушка, сватушка, бестоловый сватушка». В текст «Русалки» она введена с незначительными изменениями. По своему ритмическому складу народная песня и пушкинский текст однородны.

Четыре стиха со слов «Сватушка, догадайся» повторяются еще в двух различных пушкинских записях, сделанных им по видимому от одной и той же певички. Народные интонации слышим мы и в песне «По камушкам, по желтому песочку», которую исполняет во время свадебного пира «один голос» (см. народную песню «Как по крупному красному бережку» в «Песеннике», ч. II, 1760, стр. 162).

В черновых дополнительных сценах к «Русалке» мы встречаем строчки, написанные народным стихом, как, например, разговор княгини с мамкой:

— Княжна княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Голову повесила?...

Или:

— Дитя мое, дитятко, не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи, сама рассуди:
Удал добр молодец, что вольный петух...

Или:

Полно же, милая, сама рассуди:
Ты всем-то взяла, всем-то хороша!
Лица красотой, умом-разумом,
Лебединой походочкой,
Соловьиной поговорочкой,
Тихим ласковым обычаем...¹

Известно, что до Пушкина писали в «народном духе» поэты XVIII века, писали в «народном духе» Дельвиг и Мерзляков, но все они старательно обходили социальные мотивы. Песни

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание соч., т. III, М., 1936, стр. 472—473.

этих поэтов «неудачны,—писал Добролюбов¹.—Они не хотели понять, что достоинство поэта заключается в том, чтобы уметь уловить и выразить красоту, находящуюся в самой природе предмета, а не в том, чтобы самому выдумывать прекрасное». Они постарались откинуть все, что напоминает о действительной жизни то есть откинуть всякую поэзию и, на место того, придумали одеть мужиков в поэтические кудри да в богатые кафтаны, баб нарядить в великолепные ксскошники и душегрейки, сделать их сентиментальными пастушками и придать им приторные, ненатуральные, небывалые чувствования»².

Народность и национальная самобытность искусства и литературы, по мнению Белинского, вытекает из тесной связи деятеля с общественной жизнью народа, с его интересами и устремлениями. Творчество Пушкина именно таково. Оно теснейшим образом связано с жизнью народа. «При имени Пушкина,— говорит Гоголь,— тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших выше его и не может более назваться национальным, это для нас решительно принадлежит ему»³.

В устной поэзии Пушкина привлекает не только ее художественные особенности, но и глубокое содержание. Поэт вдумывается в каждую строчку народной песни, старается понять смысл каждого песенного слова и выражения.

Пушкин в своей творческой практике не ограничивался изучением и использованием только русского фольклора, он интересовался поэтическим творчеством других народов. С сербского Пушкин переводит несколько народных легенд из сборника Вука Караджича; Проспера Мериме — «Песни западных славян», из романа Вальтер Скотта «Рой-Рой» он перекладывает шотландскую песенку о неверной жене «Воротился ночью мельник» и включает ее в драматическое произведение из немецкой средневековой жизни, которое получило название «Сцены из рыцарских времен». Эту песенку поет рыцарям мешанин Франц. Все эти переводы отличаются высоким художественным мастерством. В них мы видим тонкое понимание образов и художественных особенностей оригинала.

Некоторые стихотворные тексты Пушкин творчески переосмысляет, придает им русский песенный колорит. Так, например, подлинную запись сербской песни «Соловей» из собрания Караджича он передает чисто русским песенным складом. И это произведение вполне можно принять за оригинальную русскую песню, так как оно заключает в себе много форм и обра-

¹ Н. Добролюбов, А. В. Кольцов, его жизнь и сочинения М., 1865, стр. 14—15.

² Там же.

³ Н. В. Гоголь о литературе, М., 1952, стр. 40.

зов нашей народной поэзии и сюжетно несколько сближается с русскими песнями:

ПУШКИН:

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца...

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ:

Соловей мой, соловуюшка,
Соловей мой, батюшка!
Полети, мой соловуюшка,
На мою дальнюю сторонушку...

(А. С. Пушкин, т. I, 1937, («Собр. русских песен», 1790, стр. 89).
стр. 353).

Пушкин безусловно знал эти песенные тексты и пользовался ими. Сборники народных песен, где встречаются варианты данной песни, у Пушкина были в собственной библиотеке.

На основе шотландской песни в 1828 г. Пушкин создает замечательную песню «Ворон к ворону летит», ставшую народной. На основе испанского народного творчества он пишет стихотворение «Ночной зефир струит эфир», положенное на музыку М. И. Глинкой.

Особенное внимание Пушкин уделяет песенному творчеству народов России. Поэт внимательно изучал народную поэзию не только русскую, но и грузинскую, башкирскую, казахскую, татарскую, молдавскую и другие.

В «Капитанской дочке» (глава XI) устами Пугачева Пушкин рассказывает калмыцкую сказку «Про орла и ворона». очевидно слышанную им в Оренбургских степях. В архиве поэта была обнаружена запись пересказа казахского предания о несчастной любви батыра Козы Корпеша и красавицы Баян Слу, видимо кем-то из чиновников (выходцев из башкир) для него записанной во время поездки поэта на Урал.

На Кавказе Пушкин знакомится частью по рассказам, частью по собственным наблюдениям с бытом горцев, слушает их песни. В поэме «Кавказский пленник» мы находим «Черкесскую песню», которую поют девушки горянки. Этой песней Пушкин хотел как-бы усилить «местный колорит». Но нам кажется эта песня далека от горского песенного фольклора и является примером пушкинской стилизации. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин дает характеристику грузинским песням. «В Тифлис,—говорит он,—я прибыл 1-го августа. Здесь остался несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских». Одну из песен Пушкину перевели на русский язык, и он записал ее во второй главе «Путешествия», сопроводив следующими своими замечаниями: «Голос песен грузинских приятен, мне перевели одну из них слово в слово, она, кажется, сложнее-

на в новейшее время, в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

Душа, недавно рожденная в раю!
Душа, созданная для своего счастья!
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни.
От тебя, весна цветущая,
От тебя, луна двухнедельная,
От тебя, ангел мой хранитель,
От тебя ожидаю жизни...

Эта песня, как установлено исследователями, принадлежит перу грузинского поэта Дмитрия Туманишвили (ум. в 1821 г.).

В «Бахчисарайский фонтан» Пушкин вводит татарскую песню «Дарует небо человеку», которую поют невольницы в гареме хана Гирея. Она также написана Пушкиным в подражание народным песням. В 1824 г. татарская песня Пушкина была положена на музыку В. Ф. Одоевским.

Произведения Пушкина о юге написаны с глубоким знанием народной поэзии и быта горцев Кавказа и обитателей южного побережья Крыма. Гоголь был высокого мнения об этих произведениях Пушкина. В своей заметке «Несколько слов о Пушкине» он писал: «Он один только певец Кавказа; он влюблен в него всею душою и чувствами, он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами. Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где его душа коснулась юга. На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу»¹.

В Бессарабии и в Москве (в Грузинах и в доме Нащокина) Пушкин увлекается «дикими напевами» цыган. В Грузинах его восхищал старик-цыган, образ которого предстает пред нами в следующих поэтических строчках Пушкина:

...так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую,
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля.

(А. С. Пушкин, т. III, М., 1948, стр. 467).

В своем стихотворении «Княгине З. А. Волконской» Пушкин говорит о знаменитой цыганской исполнительнице народных песен и романсов Степаниде Сидоровой, известной под именем Шешки и прозванной за свой «серебряный» голос русской Каталани.

Пушкин прекрасно знал быт, нравы и песенное творчество цыган. В поэме «Цыганы» он дает ряд опозитизированных эт-

¹ Н. В. Гоголь о литературе, М., 1952, стр. 41.

нографических картин из быта этого народа, словно списанных с натуры.

Широко использовано Пушкиным поэтическое творчество украинского народа. Пушкин знаком был со сборником М. А. Максимовича¹ («Малороссийские песни», М., 1827, и «Украинские народные песни», М., 1834). Сохранилось воспоминание Максимовича о беседе его с Пушкиным по поводу украинских народных песен. «В 1829 году,— рассказывает Максимович,— когда Пушкин воротился в Москву из своего кавказского странствования, я застал его в одно утро за письменным столом; перед ним были развернуты малороссийские песни издания 1827 года. «А я это обкрадываю ваши песни!»— сказал он и, взяв со стола прерванное моим приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мені с жинкой не возиться,
А тютюн да люлька
Козаку в дорозі
Знадобиться!»²

В сборнике «Рукою Пушкина» (стр. 552), изданного в 1935 г., мы находим еще одно доказательство интереса Пушкина к украинским песням. На оборотной стороне письма Гоголя к Пушкину (июль, 1834 г.) поэт записывает несколько строк украинской песни:

Черна ріля заорана,
Гей, гей
Черн. etc.
И кулями засіяна
Білим тілом взволочена,
Гей, гей
И кровію смочена etc.

Мотивы украинской лирики встречаются во многих произведениях Пушкина. Впервые они зазвучали в лицейских стихах поэта. В 1814 году он пишет стихотворение «Казак», в основу которого положен традиционный образ «удалого казака», похищающего красную девицу. В украинском фольклоре есть песни, близкие по своему сюжету к пушкинскому тексту. На связь «Казака» с украинским песенным фольклором указывал и сам поэт. В рукописном черновом наброске этого стихотворения Пушкин приписал: «Подражание малороссийскому»³.

Украинские песенные интонации слышатся в стихотворении «Дон», «Делибаш» и других. В основу стихотворения «Гусар»

¹ Во времена Пушкина было издано несколько сборников украинских песен. Н. Цертелева, М. Максимовича, О. Бодянского, П. Лукашевича.

² «Литературный вестник», т. III, кн. 1, 1902, стр. 113.

³ А. С. Пушкин, Полное собр. соч. т. I. М., 1937.

положено подлинное украинское предание о погоне ведьмы и солдата на шабаш, широко распространенное в народе¹.

Подобное предание было использовано Гоголем в «Пропавшей грамоте». Возможно при написании своего «Гусара» Пушкин использовал в 1833 г. какой-нибудь устный рассказ Гоголя, с которым у него были дружеские отношения. Мог познакомиться Пушкин с подобным материалом из произведения О. Сомова.

В своей работе над «Полтавой» Пушкин пользовался не только книжными источниками («История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского, «История Карла XII» Вольгера, «Мазепа» Байрона, «Войноровский» К. Рыльева и др.), но и устными материалами. Поэт останавливает свое внимание на «думах» и «песнях», связанных с именем Мазепы. В пятом примечании в поэме «Полтава» Пушкин писал: «Предание приписывает Мазепе несколько песен, донные сохранившихся в памяти народа. Кочубей в своем допосе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепой. Она замечательна не в одном историческом отношении². Пушкин имеет в виду песню, приписываемую Мазепе: «Всі покою широ прагнуть, а не в еден гуж тягнуть»... С этой песней и со сведениями о ней Пушкин познакомился из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (1822 г.). В третьей части этой «Истории» (стр. 196—198) приведен допрос Кочубея и к нему приложена украинская дума, написанная якобы Мазепой.

В первой песне своей поэмы Пушкин также говорит о песнях Мазепы, которые «всегда певала» дочь Кочубея — Мария. В эпилоге поэт снова останавливается на украинских песнях, связанных с гетманом и Марией. Здесь же он дает и образ слепого украинского кобзаря:

...Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит³.

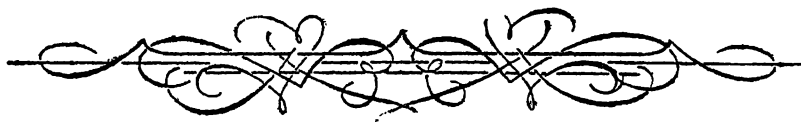
Кроме песен, приписываемых Мазепе, Пушкин несомненно знал и народные песни о Мазепе. С ними его мог познакомить Максимович, который в своем сборнике украинских народных песен за 1834 г. помещает «Песню про Мазепу».

Обращение к народной поэзии обогатило творчество поэта новыми мотивами, новой тематикой, сделало его язык необычайно гибким и метким. Народное творчество явилось одним из факторов развития пушкинского реализма.

¹ Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина Харьков, 1900, стр. 272.

² А. С. Пушкин, Поэмы и сказки, т. II, М., 1949, стр. 323

³ Там же, стр. 322.

Н. Н. ФАТОВ

«ЭЗОПОВ ЯЗЫК» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУШКИНА ЮЖНОГО ПЕРИОДА

Изучая литературу прошлого, мы никогда не должны забывать цензурных условий, заставлявших наших прогрессивных писателей многого не договаривать, на многое только намекать, прибегать к системе иносказаний, всевозможных «маскировок», к «эзопову», «рабьему» языку — в легальной, подцензурной литературе¹.

Писателям поневоле приходилось приспосабливаться к цензуре, становиться предварительными цензорами своих произведений, исключать из них часто наиболее важные в идейном смысле места, на многое только намекать, полагаясь на догадливость читателя.

Конечно, это порождало нецензурную, нелегальную литературу, которая все-таки, несмотря на все препоны и рогатки, распространялась. Вспомним знаменитые слова Пушкина из «Послания к цензору»:

Барков шутивных од к тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.

Но, не говоря уже о том, что такие стихи было писать опасно, писатель, разумеется, стремился печататься — лишь это обеспечивало ему действительно большую аудиторию. А в печати всего сказать было нельзя. Поэтому приходилось прибе-

¹ С интересным докладом на эту тему выступил несколько лет тому назад К. И. Чуковский (см. «Некрасовский сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 51—85).

гать к намекам, а иногда даже говорить прямо обратное тому, что хотелось сказать. Сравнение подцензурных произведений наших писателей с тем, что они писали в своих нелегальных произведениях, в дружеских письмах, что говорили в откровенных беседах, дает возможность понять всю разницу манеры речи — откровенной и подцензурной.

Возьмем стихи, которые писал Пушкин об Александре нелегально — от «Ура! в Россию скачет кочующий деспот...», до X главы «Евгения Онегина» с ее знаменитыми дошедшими до нас строками:

Вл. (адыка?) слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда.

И — знаменитое заявление Пушкина в письме к Жуковскому, что он «подсвистывал» Александру до самого гроба, а также желание Пушкина написать историю Александра I «пером Курбского».

Но в печати Пушкин вынужден был осторожно писать о Екатерине II и даже «восславлять» ее, называя «Великою Женою» («Воспоминания о Царском Селе», 1829), говорить о ее гуманном отношении к героине «Капитанской дочки». А в «Записках», не предназначенных к печати, разоблачение «закрепостившей вольную Малороссию» Екатерины, этого, по выражению Пушкина, «Тартюфа в юбке и короне», достигает предельной силы и исторической доказательности.

В нелегальном «Послании в Сибирь» к декабристам поэт, рискуя, конечно, многим, ясно и точно определил их историческую роль: «не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». Это были не только слова утешения, которые поэт посылал в «мрачные пропасти земли» своим «друзьям, братьям, товарищам», но и гениальная историческая оценка дела декабристов. Не случайно в характеристике декабристов, данной Лениным, мы находим ту же мысль: «но их дело не пропало». В этом стихотворении Пушкин предвидел и будущее торжество революции:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

А в легальном стихотворении «Арион», которое Пушкин решился опубликовать лишь в 1830 г., то есть 3 года спустя после того, как оно было написано, поэт, используя древнегреческий миф, мог только отдаленно намекнуть на свою роль в декабристском движении.

Многочисленные варианты многих пушкинских произведений показывают, как зачастую за прошедшими через цензуру

словами и выражениями скрываются иные, гораздо более резкие, которые поэт вынужден был переделывать или исключать!

В «Пророке» Пушкин говорит о призвании поэта—«глаголом жечь сердца людей». Но наряду с этой — подцензурной — страстной декларацией мыслью о назначении поэта, Пушкин, по-видимому, написал и другого, явно нелегального «Пророка» с переданной нам друзьями поэта концовкой:

Восстань пророк, пророк России!
Позорной ризой облекись,
Иди, и с вервием на вые
К убийце гнусному явись¹.

В чистовом автографе «Деревни» Пушкин написал: «Я твой, я променял порочный двор цирцей». Так было и напечатано в подцензурном начале стихотворения. А Герцен в нелегальной «Полярной звезде» напечатал: «Я твой, я променял порочный двор царей». Известен также вариант к строчке: «И рабство падшее по манию царя» — «И рабство падшее и *падшего царя*». Правда, большинство наших пушкиноведов считает вариант «падшего царя» не пушкинским, но мы не видим никаких оснований не доверять этому списку. Ведь одновременно с «Деревней» Пушкиным написаны его знаменитые «Сказки», («Noë!»), эпиграммы, в это же время поэт говорил об «обломках самовластья». Почему же в таком случае поэт не мог мечтать увидеть и «падшего царя?»

До сих пор идут споры о том, что же хотел сказать Пушкин в ряде своих произведений, в таких, например, как «Сцена из Фауста», «Маленькие трагедии», «Анжело», «Медный всадник» и другие.

В стремлении понять подлинного Пушкина мы должны попытаться расшифровать все его умолчания, вскрыть намеки, аллюзии, прочесть скрытый подтекст его произведений. И порою нас тут ждут еще неожиданные и поразительные открытия.

Позволим себе напомнить ту замечательную расшифровку «Подражаний Корану», которую несколько лет тому назад в докладе на Всесоюзной Пушкинской конференции дал Б. В. Томашевский. Обычно «Подражания Корану» воспринимались, как доказательство «всеобъемности» и «всеотзывности» таланта Пушкина, который, возможно, в результате встреч с мусульманами во время жизни на юге заинтересовался их верованиями и, словно сам перевоплощаясь в правоверного мусульманина, передал их психологию. Обычно исследователи старательно выясняли, по какому именно переводу Пушкин читал «Коран», какие его суры он переложил и прочее.

¹ В настоящее время, как известно, большинство наших пушкиноведов склонны признавать эти строки, принадлежащими Пушкину, или во всяком случае, восходящими к пушкинскому тексту.

А вот Б. В. Томашевскому пришла счастливая мысль — вскрыть внутренний смысл «Подражаний Корану», исходя из той обстановки, в которую Пушкин попал, когда он получил приказание немедленно следовать в Михайловское «в далекий северный уезд». У Пушкина не могла не возникнуть мысль: как он должен вести себя? смириться или по-прежнему оставаться верным долгу передового народного поэта, соратником декабристов? Если все это учесть, то совершенно по-новому прозвучат слова Аллаха:

Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй?

В тесной связи с современностью звучали, а потом и переосмыслились после декабристского восстания строки:

Блаженны падшие в сраженьи...
Вы победили: слава Вам,
А малодушным посмеянье!..

Это выступление Б. В. Томашевского можно оценить, как замечательное открытие в области расшифровки «эзоповского языка» Пушкина.

Многие свои произведения Пушкин совершенно сознательно зашифровал, о чем он прямо говорил своим близким друзьям. Например, в письме к П. А. Вяземскому Пушкин спрашивает: «Читал ты моего А. Шенье в темнице?» и говорит: «Суди об нем, как езуит — *по намерению*» (ПСС, ак. изд. XIII, 188; подчеркнуто мною — Н. Ф.) В другом письме к Вяземскому, посланном с «оказией», Пушкин признается, что он, восхваляя «деда Шишкова», «подличал благонамеренно», так как имел в виду «пользу нашей словесности» (XIII, 136). Пушкин писал и об «обиньяках», заключающихся в «Борисе Годунове». Во многих случаях, конечно не всегда, мы имеем прямые указания Пушкина. Но, учитывая мировоззрение поэта и всю конкретную обстановку «жесточкого века», имеем возможность раскрыть подлинный смысл многих пушкинских творений.

Рассмотрим ряд произведений Пушкина, написанных им или задуманных в годы южной ссылки поэта — во время его пребывания на Украине и в Молдавии.

В Кишиневе поэтом была написана знаменитая «Песня о вещем Олеге». Как обычно объясняли эту внешне спокойно-эпическую историческую балладу? Говорили о любви Пушкина к истории, об интересе его к древней Руси, о знакомстве с летописным рассказом, о лекциях Кайданова и т. д. Обо всем этом, конечно, можно и даже, до некоторой степени, нужно говорить, но раскрывает ли это подлинный смысл гениального пушкин-

ского произведения? Почему все-таки Пушкин, живя в ссылке в Молдавии и находясь в резко оппозиционном настроении, выпущен дать обязательство ничего не писать против правительства, и все же создал это, с цензурной точки зрения, совершенно невинное произведение, и что он им хотел сказать?

Если поверить самому Пушкину, то написал он потому, что его очень тронула... любовь Олега к своему коню. Поэт сам об этом говорит в письме А. А. Бестужеву: «Тебе, кажется, Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе — есть черта трогательного простодушия, да и происшедшее само по себе и своей простоте имеет много поэтического» (XIII, 139). Ссылаясь на авторитет Пушкина, так обычно и толкуют причину написания этого стихотворения¹.

Но можно ли принять это пушкинское объяснение замысла «Песни»? Едва ли. Думается, что оно написано для усыпления цензуры. Описано-де давно случившееся «поэтическое» событие, и так трогательна любовь старого князя к своему коню! Поэт именно это и хотел показать.

Пушкину удалось обмануть цензуру и... некоторых ее комментаторов. «Песнь о вещем Олеге» благополучно прошла через цензурные рогатки (хотя поэт 3 года не решался ее печатать!). Читатели и критики тоже восприняли ее, как «поэтическое» воспроизведение летописной легенды. Даже Белинский ничего особенного в «Песне» не усмотрел. Охарактеризовав как «исполненную поэтической прелести» и «удивительно выдержанную в тоне и содержании», Белинский поместил ее в длинный список «переходных» пьес.

Но вспомним слова кудесника:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

Не в этих ли строках подлинный идейный смысл «Песни»? В них, по существу, выражено очень многое: «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен». Подлинного глашатая правды не запугаешь и не подкупишь! «Правдив и свободен» вещий язык поэта-пророка, который уже в юные годы заявлял: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа».

Очевидно не случайно Пушкин старался отвлечь внимание своих друзей-корреспондентов от сути дела в наиболее невинную сторону, в сторону идиллической любви Олега к своему

¹ См. например, комментарии в последнем ПСС Пушкина, «Огонек», т. I, 1954, стр. 491—492, а также примечание к трехтомнику изд. «Библиотека поэта», т. I, Л., 1954, стр. 600.

коню, а, возможно, и намекал друзьям, как следует толковать «Олега» в случае, если в цензуре возникнут сомнения и стихотворение придется защищать. У нас есть прямое доказательство, что Пушкин особенно боялся именно того, как будут восприняты слова кудесника. В «тетради Капниста», л. II, Пушкин сделал такую запись:

№ 3 в Пес. о вещ. Ол. строфа
Волхвы не боятся и пр.

должна быть означена «Это ответ кудесника, а не мои рассуждения», II ч. стр. 1113 (подчеркнуто мною—Н.Ф.). Не яснее ли ясно, что Пушкин более всего опасался, что цензура примет слова волхва за мысли самого автора!

Таким образом, есть все основания считать, что в «Песне о вещем Олеге» Пушкин решал одну из центральных проблем декабристской литературы — проблему поэта-гражданина, борца с самовластьем.

Полны иносказаний и намеков и многие другие произведения Пушкина южного периода. Так, совершенно ясны намеки «Кинжала», отражающие те окрепшие в Кишиневе настроения, которые возникли у Пушкина еще в Петербурге, когда на собраниях «общества умных» Якушкин «обнажал царевбийственный кинжал», а Пушкин читал «свои ноэли». Совершенно явной угрозой, если не царю, то Аракчееву, звучали слова поэта:

Немое лезвие злодею в очи блещет...
Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной...

А в известной эпиграмме на Аракчеева Пушкин уточнил назначение «свободы тайного стража, карающего кинжала».

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон;
Кинжала Зандова везде достоин он...

В стихотворении «В. Л. Давыдову» Пушкин, гозоря об «эвхаристии другой» и приглашая поднять чашу «за здоровье тех и той», употреблял совершенно прозрачные иносказания:

Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет..

А после тревожного вопроса: «Ужель надежды луч исчез?» следует ярко революционный, хотя внешне и «эзоповским языком» написанный финал стихотворения:

Но нет! — Мы счастьем наладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

Несомненны иносказания и в «Узнике», где звучит призыв улететь на свободу из «темницы сырой»; в стихотворении «Кто волны вас останозил» звучит страстный призыв к буре:

Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот,—
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх *невольных* вод.

Вспомним еще стихотворение «Генералу Пушкину», которого поэт называет «грядущим Квиругой»¹. И, наконец, пушкинская «Птичка». В этом, на первый взгляд невинном стихотворении поэт говорит, что «наблюдая родной обычай старины» — выпуская на праздник «благовещенья» птичку из клетки, — он счастлив, что смог «хоть одному творенью... свободу даровать»...

Эти стихотворения, конечно, формально никак нельзя было признать написанными против русского правительства, но все они, безусловно, в завуалированной форме содержат призыв к свободе, к революционной борьбе против самодержавно-крепостнического строя. Вспомним, что говорил Пушкин в то время в откровенных беседах с друзьями, хотя бы по записям в известном нам теперь документе-дневнике кн. П. И. Долгорукова за 1822 г.²

Пушкин, по его же собственным словам, «подсвистывал» Александру I — «до самого гроба». Еще в лицее в сказке «Бова», мечтая «сравняться с Радищевым», поэт несомненно намекал на недавнюю смену царей на Российском престоле, на Александра I, который вступил на престол, перешагнув через труп своего отца:

Царь Дадон со славою царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бедокира *Слабоумого*...
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его...

В Кишиневе Пушкин пишет острополитическую сказку «Царь Никита». В этой сказке внимание читателя на первый взгляд отвлекается пикантным, не совсем пристойным анекдотом, который и составляет как бы основу сюжета «Царя Ни-

¹ Квируга — вождь восстания в Испании.

² Полный текст дневника Долгорукова опубликован в сб. «Звенья», т. 9, 1951, стр. 5—154.

киты». Но суть-то, думается, не только в этом анекдоте, но и в остросатирических намеках сказки. Вспомним ее начало:

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато:
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу.
Кушал, пил; молился богу,
И от разных матерей,
Прижил сорок дочерей...

Невольно напрашивается сравнение с той характеристикой, которая дана Александру I в «Noël»:

...Я сыт, здоров и тучен:
Меня газетчик прославлял;
Я пил и ел и обещал —
И делом не измучен.

Современны были, конечно, и слова «о богоугодней важной дуре» и нашей «чопорной цензуре»... О сознательном желании вызвать современные аллюзии говорят и такие строки:

А от Бэбок повивальных,
Как узнал о том народ,—
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался
А иной, хоть и смеялся.
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.

К этим строкам вполне подходит знаменитое заключение «Золотого петушка»:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок!

В бытность на юге Пушкин задумал и начал писать «Евгения Онегина». Известно, что по «первоначальному замыслу» Пушкин хотел привести Онегина в общество декабристов¹. Да это и не удивительно, если мы учтем убеждения Пушкина, которые у него сложились в 1817—1819 гг. в Петербурге, где разворачивается действие начала романа. Вспомним о близких связях Пушкина с Пестелем, В. Раевским, о его посещениях Каменки, Тульчина, о состоявшемся, наконец, решении принять самого Пушкина «в число» будущих декабристов².

В предисловии к роману Пушкин прямо заявляет, что он списал «жизнь петербургского молодого человека в конце 1819 г.» (VI, 638).

Первая глава романа с полной ясностью говорит нам, что

¹ Воспоминания М. В. Юзефовича, Памяти Пушкина, «Русский архив», 1888, III(2), стр. 443.

² «Литературное наследство», т. 58, 1952, статья М. В. Печкиной, Новое о Пушкине и декабристах, особо стр. 162—163.

Пушкин видел в Онегине идейно-близкого ему человека, своего «приятеля», друга, с которым он проводил долгие часы, гуляя «на берегах Невы». Начав писать свой роман, Пушкин явно считал его нецензурным: «о печати и думать нечего, пишу спус-тя рукава», — сообщал Пушкин о начатом «труде» кн. Вяземскому (XIII, 73). «Пишу теперь новую поэму, в которой забал-тываюсь до нельзя. Бируков (цензор — Н. Ф.) ее не увидит»... (письмо Дельвигу, XIII, 75). «Об моей поэме нечего и ду-мать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (письмо к А. А. Бестужеву из Одессы от 8 февраля 1824 года — XIII, 88).

Правда, вскоре Пушкин пришел к мысли — печатать «Ев-гения Онегина» ценою каких угодно сокращений, пропусков, о чем явно говорят позднейшие письма поэта, хотя и тут его одолевают сомнения: «Онегин мой... растет. Да чорт его напеча-тает» (письмо к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г., XIII, 101). Сомнения были напрасны: I главу удалось напечатать, но Пушкин вынужден был пойти на пропуск ряда строф. Правда Пушкин упорно обозначает пропущенные строфы цифрами (IX, XIII, XIV, XXXIX, X, XIXII строфы I главы), тем самым ясно показывая читателю, что печатается *не все*. Но когда I глава «Евгения Онегина» стала печататься, Пушкин посылает брату в Петербург рисунок: «Брат, вот тебе картина для Оне-гина, — пишет Пушкин, — найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтобы все в том же *местоположении* (подчеркнуто в подлиннике — Н. Ф.), та же сцена, слышишь ли? *Это мне нужно непременно*» (подчеркнуто мною — Н. Ф. XIII, 119).

А через несколько дней снова спрашивает брата: «Будет ли картинка у Онегина?» (XIII, 123).

Совершенно очевидно, что Пушкин придавал этой «картин-ке» огромное значение. А ведь на этом, теперь хорошо всем известном, не раз воспроизводившемся рисунке — Пушкин и Онегин нарисованы стоящими рядом на фоне Петропавловской крепости. Очевидно, Пушкин хотел обратить внимание читате-лей не на те строфы, где описывается пустое и праздное время-провождение совсем еще молодого Онегина, а на те места, где говорится, что «приятель» поэта — «второй Чаадаев», «отстал от суеты» и подружился с автором, уже создавшим в то вре-мя и «Вольность», и «Деревню», и «Послание к Чаадаеву»; с ним поэт проводил милые вечера в дружеских спорах и раз-говорах, за которые можно было попасть в Петропавловскую крепость... «Картинка» не была напечатана при издании I гла-вы «Онегина» и появилась лишь несколько лет спустя в «Нев-ском Альманахе» и то в искаженном виде, что вызвало извест-ную эпиграмму Пушкина:

Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой...

Пушкин и в дальнейшем прибегает к многочисленным приемам «маскировки». Важнейшие из этих приемов следующие:

1. Перенесение действия за границу. О многих явлениях русской действительности открыто говорить нельзя, и Пушкин часто действие своих произведений переносит за границу. Прием этот, разумеется, не новый — им пользовались и предшественники Пушкина и его продолжатели. Вспомним хотя бы послание «Перуанца к испанцу» Н. Гнедича, написанное еще в 1805 г., или знаменитые слова Некрасова:

Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!

2. Обращение к исторической тематике. Пушкин обращался к историческому прошлому не только ради маскировки. Но в то же время едва ли можно сомневаться, что исторические образы, «уход в прошлое», открывали обширную возможность для аллюзии, намеков на современность, таковы — «Песнь о вещем Олеге», «Борис Годунов», произведения о пугачевской эпохе, о временах Петра Великого и ряд других.

3. Использование фольклора. Пушкин любил народное творчество. На фольклорном материале построены его сказки «Песни западных славян» и другие произведения, но и они полны самых актуальных и злободневных намеков. Это нередко чувствовала цензура; например, явный намек в конце «Золотого петушка»: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок» — перепугала не только цензуру времен Николая I, но и театральную цензуру времен Николая II, запретившую в 1909 г. исполнение этих слов со сцены в опере Римского-Корсакова.

4. Обращение к переводам и подражаниям, иногда даже фиктивным («Скупой рыцарь»), а иногда действительным («Подражание Корану», «Пир во время чумы», «Анджело», «Воевода», «Из Пиндемонти»). У Пушкина находим и подражания латинскому, как «На выздоровление Лукулла» и другие.

5. Псевдонимы. Пользуясь псевдонимами, Пушкин часто говорит от лица вымышленного им автора, взгляды которого поэт иногда не разделяет, задавая тем самым читателям и исследователям нелегкую задачу — отличить, что Пушкин говорит от себя и что — от лица своего героя.

6. Эпиграфы. У Пушкина эпиграфы все исключительно многозначительны. Таковы эпиграфы к «Онегину», особенно эпиграф к VII главе — из Петрарки, — с сознательным, надо полагать, пропуском одной строчки, что придавало словам Петрарки революционный смысл и позволяло видеть намек на декабристов. Так и понял этот эпиграф Герцен, процитировавший его и вслед затем прямо написавший: «Рылеев повешен Нико-

лаем»... Полны намеков эпитафии к «Капитанской дочке», к «Пиковой даме» и другие.

7. Умышленно-иронические отзвы о герое. Нередки случаи, когда Пушкин сначала умышленно иронически характеризует своего героя, а затем по сути дела *говорит очень серьезные вещи*. Прием этот очень широко использован в «Евгении Онегине».

8. Доказательство от противного. Пушкин говорит о том, что подлежит осуждению, тем самым намекая на то, что *надо делать*, — а надо делать, очевидно, обратное тому, что делают его герои. Этот прием мы находим и в «Евгении Онегине» и в публицистических работах Пушкина. В «Разговоре с англичанином», в «Джоне Теннере», осуждая существующие порядки в Англии и Америке, Пушкин тем самым явно дает понять читателям, какие же порядки он признал бы хорошими. Если Пушкин с негодованием говорит о существовании в Америке «рабства негров среди образованности и свободы» и о лжи «американской демократии», то совершенно очевидно, что идеал Пушкина заключается в обратном — он признал бы тот строй, при котором рабство негров не было бы возможно, а образованность, свобода и демократия не служили бы ширмой для самой чудовищной эксплуатации народных масс. Надо сказать, что это одна из наиболее трудно снимаемых «маскировок».

9. Двойное осмысление произведения. Например, в «Пире Петра Великого» Петр прощает своих врагов: «с подданным мирится», «виноватому вину отпуская, веселится». Если так поступит Николай I по отношению к своим врагам-декабристам, то это можно будет приветствовать. А если не поступит? Пусть тогда похвала Петру будет осуждением Николаю. Обычно обратный смысл этого стихотворения, благополучно миновавшего царскую цензуру, не учитывается.

10. Внешняя похвала. Под внешней похвалой у Пушкина скрывается порою резкое и смелое осуждение («Второе послание к цензору», «К друзьям» и другие).

11. Иносказание в определении цели написания произведения. В предисловии к «Истории Пугачевского бунта» Пушкин писал, что причиной, будто бы побудившей его написать это произведение, было желание сохранить для потомства «историческую страницу, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных» и других. Содержание же «Истории» явно говорит, что подлинная цель у автора была совсем иная.

12. Перенесение (формальное) центра внимания в сторону от главной идеи. Например, в «Капитанской дочке» заглавие как-будто бы указывает, что главная героиня повести — Маша Миронова, но читателю ясно, что «Капитанская дочка» — повесть не о Маше Мироновой, а о

Пугачеве и народном восстании под его руководством. Такого же характера и внешне авантюрно-любовный сюжет «Дубровского». Может быть, такого же характера «маской» является и выдвижение на первый план полемики с Загоскиным в «Отрывках из неизданных записок дамы» («Рославлев»).

13. Р и с у н к и п о э т а. В рукописных тетрадах Пушкина мы находим рисунки, которые проливают свет на многие замыслы поэта. Таково, например, известное изображение повешенных декабристов и надпись: «И я бы мог, как...». Некоторые из «своих рисунков Пушкин стремился опубликовать как упомянутую выше «картину» к I главе «Евгения Онегина» с тем, чтобы обратить внимание читателя на то, о чем с полной ясностью нельзя было сказать в цензурном тексте романа.

Белинский когда-то проникновенно писал, что каждое новое поколение будет по-новому и все глубже понимать Пушкина.

Наша задача — понять подлинного Пушкина и разгадать угаенные думы поэта, расшифровать его «эзопов язык», к которому он часто должен был прибегать в своих подцензурных произведениях, прочесть подлинный подтекст этих произведений. Это поможет глубже осмыслить творческое наследие Пушкина.

ХРОНИКА

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1937 г. В МОЛДАВСКОЙ АССР

История человеческой культуры никогда не знала таких массовых, действительно всенародных культурных празднеств, какими стали в нашей Советской стране литературные юбилеи великих писателей прошлого. Первым таким большим всенародным празднеством и явился пушкинский юбилей 1937 г., подготовка к которому и шла на протяжении четырнадцати месяцев — с декабря 1935 г., когда был создан по решению правительства СССР Всесоюзный пушкинский комитет. Столь продолжительная подготовка дала возможность вовлечь в дело чествования памяти великого поэта широчайшие народные массы, осуществить огромное количество мероприятий.

Все народы Советского Союза в дружной, братской семье праздновали пушкинский юбилей, и в эти дни сбылось пророчество поэта, мечтавшего о том, что его имя назовет «всяк сущий» на его родной земле «язык».

«Від молдованина до фіна на всіх язиках все мовчить, бо благоденствує» — так писал когда-то Тарас Шевченко о гнете, который существовал в империи Романовых. Молдавский народ, лишенный права на собственную письменность, литературу, искусство, школу, был одним из наиболее темных и забытых в стране. В вольной семье советских народов он расцвел и зажил новой счастливой жизнью, творя свою социалистическую культуру.

В городах и селах Советской Молдавии навстречу юбилею было проведено десятки литературных вечеров, прочитаны многочисленные лекции, показаны инсценировки пушкинских произведений. В колхозе «Красный перекоп» Тираспольского района учительница Голубовская прочитала для колхозного актива лекцию о жизни и творчестве Пушкина. Затем в колхозном

клубе был проведен большой литературный вечер, посвященный памяти поэта.

Один из тираспольских рабочих — читателей центральной городской библиотеки писал в дни юбилея в газете «Соціалістична Молдавія»: «Первыми произведениями, которые я прочитал, были «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». Скажу прямо, что с тех пор у меня развился вкус к художественной литературе. Я полюбил книгу и чтение. Краса стихотворного слога, чистота и благозвучность языка, неисчерпаемая глубина и ясность мысли — вот что увлекало меня в пушкинских произведениях»¹.

«Гениальность Пушкина,— писал другой читатель, тоже рабочий,— заключается по-моему в том, что его произведения легко воспринимаются нашим читателем-рабочим, хотя от эпохи, в какую он жил, нас отделяет сто лет. Такая сила и убедительность образов, такая красота слова может быть свойственна только гению. Пушкин — мой самый любимый поэт. Его произведения зовут к жизни, они полны бодрости, веры в будущее»².

На молдавском языке слово Пушкина прозвучало в знаменательный день 10 февраля 1937 г. на торжественном заседании общественных организаций в тогдашней столице Советской Молдавии — Тирасполе³. Молдавские советские поэты прочитали со сцены государственного театра им. М. Горького, где происходил праздник, произведения Пушкина, переведенные ими на молдавский язык. Затем республиканский симфонический оркестр сыграл отрывки из опер Глинки и Римского-Корсакова, артисты русской драмы исполнили произведения Пушкина. Республиканская хоровая капелла «Дойна» спела на молдавском языке песни, написанные композиторами на пушкинские тексты. Юбилей был торжественно отмечен и в таких городах, как Балта-Котовск, Ананьев, которые тогда входили в состав Молдавской АССР. В селах Котовского района было создано 17 пушкинских кружков, в которых до полуторы тысячи колхозников знакомились с произведениями Пушкина. Многие учителя этого района проводили беседы о Пушкине в домах колхозников⁴.

В юбилейные дни необычайно возрос спрос на пушкинские произведения в библиотеках. Ряд передач, посвященных Пушкину на молдавском, русском, украинском языках, был проведен навстречу юбилею молдавским радио. Широко популяризировала юбилей печать — особенно газеты «Молдова Советикэ» и «Соціалістична Молдавія», напечатавшие в числе других материалов статьи о связях Пушкина с Молдавией и молдавской культурой.

¹ Газ. «Соціалістична Молдавія» № 34(2226), 11/II 1937.

² Там же.

³ Там же № 36(2228), 14/II 1937.

⁴ Там же № 34(2226), 11/II 1937.

Навстречу юбилею появились издания произведений Пушкина в молдавских переводах. Первыми ласточками явились отдельные издания «Капитанской дочки», «Кирджали», «Дубровского». За ними последовали сборники поэм и стихотворений. Правда, не все из них удовлетворяли литературную общественность, работы отдельных переводчиков были подвергнуты заслуженной критике, и впоследствии появились переводы, гораздо более совершенные, но тем не менее начало серьезному ознакомлению молодого читателя с произведениями Пушкина в молдавских переводах было положено в юбилей 1937 г.

По всему левобережью Днестра широко отмечался пушкинский юбилей, как большой всенародный праздник. А в то же время на правом берегу Днестра распоясывались оккупанты, стремясь всячески преследовать память поэта, провозгласившего великие слова: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

В Кишиневе было снято имя Пушкина с одной из главных улиц города. Снята была и русская надпись на небольшом памятнике Пушкина в городском парке. Некий генерал Чуперкэ, командовавший армейским корпусом, даже потребовал снять этот памятник. Но осуществить это наглое требование другие представители властей все же не посмели. Те немногочисленные статьи о Пушкине, которые появлялись в «русских» изданиях, выходивших в ту пору в Бессарабии, всячески фальсифицировали облик великого русского поэта. Политическая деятельность Пушкина замалчивалась — поэта представляли как певца «чистого искусства», далекого от общественной борьбы. Авторы подобных статей использовали пушкинский юбилей для очередных антисоветских выступлений, для клеветы на советский народ.

Но в Кишиневе и других городах Бессарабии люди слушали советские передачи, узнавали о том, как празднует Советская страна юбилей поэта, познакомились по радио с подлинными текстами Пушкина, которые нелегко было достать в условиях оккупантского режима, слушали лекции и беседы, дававшие правильное толкование пушкинскому творчеству¹.

Вскоре Красная Армия-освободительница пришла на бессарабскую землю, оккупанты были изгнаны, народ воссоединился, Молдавия стала Союзной республикой. Свою свободу и свое счастье молдавский народ в боевом содружестве с великим русским и всеми другими народами Советского Союза отстоял в кровопролитных боях с темными силами фашизма, в героической четырехлетней Великой Отечественной войне.

Широко развернулось строительство молдавской культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию.

¹ Эти сведения о пушкинских днях в Бессарабии в 1937 г. любезно сообщил нам кишиневский старожил — заведующий Библиотекой Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР Александр Самойлович Кидель.

нию. Она развивается под благотворным влиянием культуры великого русского народа, осваивает ее величайшие достижения. И еще ближе, еще дороже становится народу Пушкин! Как живого современника, стоящего рядом со строителями новой, советской Молдавии, новой молдавской социалистической культуры представляет себе Пушкина один из молдавских советских поэтов Богдан Истру в своем стихотворении «А. С. Пушкин»:

В том краю, где ты бродил в изгнании,
Где печаль твоя приют нашла,
Ленина заветы молдаване
Претворяют в смелые дела.

Не узнаешь ныне Кишинева.
Здесь в густых аллеях, меж ветвей,
На портретах гордость жизни новой
Славные герои наших дней!

Молодежь под сенью лип могучих,
Где цветы алеют меж ветвей,
Черпает в строфах твоих певучих,
Мудрость — жить и чувствовать сильней.

Строй, что ты клеймил в негодовании,
Жаждой правды жизненной томим,
В октябре народное восстание
Навсегда развеяло, как дым.

Поэту Советской Молдавии хочется рассказать великому своему предшественнику о творческих радостях своего народа, воскресшего к новой жизни, заверить его, что его слово — с нами, вдохновляет нас на труд и на отдых:

И тебя мы видим, как живого...
Учишь жить ты нашу молодежь...
Ты на приступ злых твердынь идешь!

...Мы тебя на гордых стройках мира
Видим среди нас, наш русский брат,
И у нас твоя живая лира
В сердце отзывается стократ!

(Перевод И. Грушецкой)¹.

А. В. Недзведский.

¹ Богдан Истру, Родные берега, стихи, авторизованный перевод с молдавского, «Советский писатель», М., 1954, стр. 9—11.

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1937 г. В ОДЕССЕ

По памятным местам

Из всех городов и сел Украины наиболее тесно связаны с именем Пушкина Одесса и Каменка. Здесь поэт сравнительно долго жил и творил, а затем, покинув эти места, сохранил о них наилучшие воспоминания, отраженные в дальнейших его произведениях.

Когда открываешь книгу истории Одессы, на первых ее страницах выступает фигура великого Пушкина, каким он запечатлен на полотне Айвазовского и Репина. Вот он на скале у моря жадно всматривается в даль. Одесситы считают Пушкина своим, тесно связанным с историей родного города. Бюст Пушкина на Приморском бульваре так чудесно гармонирует с простором морской бухты, с голубизной южного неба и с мачтами кораблей, что кажется они неотделимы друг от друга: Пушкин и Одесса.

Много мест в Одессе берегут воспоминание о поэте... Оперный театр, на месте которого существовал старый театр, посещавшийся Пушкиным. Дом на Пушкинской—прежде Итальянской—улице, где жил поэт, и еще одно место на улице Ленина, бывшей Ришельевской, где также жил он (в уже несуществующем доме). На углу Дерибассовской и б. Преображенской улиц сохранившаяся часть дома канцелярии Воронцова: здесь Пушкин получал командировку на саранчу, сюда приходил получать свое жалованье, которое с горечью рассматривал как «пак невольника». В Красном переулке—небольшой двухэтажный домик, сразу переносающий нас своей архитектурой в начало прошлого столетия, а на нем мемориальная доска: «Здесь собиралась гетерия в 1821 году».

По бывшей Тираспольской улице Пушкин, прибывая из

Кишинева, въезжал в Одессу. По Херсонской улице ходил в гости к Ризнич. «Пушкинские места» есть и в порту: в конце Платоновского мола, где находилась так называемая «пунта», Пушкин встречался с «корсаром в отставке» Морали, выяснял возможности бегства за границу.

«Я жил тогда в Одессе пыльной», — писал поэт о своем пребывании в южном, тогда еще неблагоустроенном городе.

«По следам Пушкина» — такой экскурсионный маршрут по Одессе организовало в 1936—1937 гг. областное лекторское бюро навстречу пушкинскому юбилею для трудящихся города и для приезжих курортников. Участники этих экскурсий узнавали много нового, интересного — и о борьбе Пушкина с Воронцовым, и о большой его творческой работе в южном городе.

Так началась подготовка к юбилею. Тогда же в предъюбилейные месяцы лекторское бюро вместе с областной газетой «Черноморська комуна» устроили литературный вечер в доме, где жил поэт. Литературовед З. А. Бабайцева выступила с докладом «Пушкин на юге», потом артисты читали и пели пушкинские тексты, а шестиклассница Галочка Бубликова, дочь одного из жильцов дома, продекламировала «Послание в Сибирь». Накануне пушкинской годовщины областной радиокomiteeт установил в этом доме свой микрофон (автор радиопередачи А. В. Недзведский). Передача была построена в форме литературно-музыкального монтажа: рассказ о жизни поэта в южный период чередуется с художественной иллюстрацией, стихами этой поры. Настроения подневольного поэта прекрасно отражает его «Узник». Романс «Сижу за решеткой в темнице сырой» исполняет один из лучших украинских вокалистов К. А. Минаев. Затем драматические актеры читают стихи «К Овидию», «Восстань, о Греция, восстань») и другие лирические произведения, написанные поэтом в Одессе. Письма к Казначееву, к брату Льву отражают тяжелые условия жизни в ссылке, борьбу с Воронцовым.

Когда диктор заканчивает, он предоставляет слово жильцам пушкинского дома. Молодой инженер, домашняя хозяйка — жена пожарного работника, школьница — все они говорят о том единодушном признании, которое получил Пушкин в Советской стране.

Передача из «пушкинского дома» заканчивается, но слово о Пушкине продолжает звучать в «одесском эфире». Новая пушкинская радиопередача (автор — Л. Розен) дается уже из студии облрадиокomiteeтa. «Но уж темнеет вечер синий, пора нам в оперу скорей» — звучит у микрофона пушкинский стих. И радиослушатель знакомится с увертюрой к опере «Семирамида» в исполнении симфонического оркестра радиокomiteeтa, с арией Семирамиды, которую поет Ольга Благовидова — лауреат I всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей. А затем

снова звучат отрывки из «Путешествия Онегина» и воспоминаний современников, перемежаясь с романсами на пушкинские тексты: «Для берегов отчизны дальней», «Под небом голубым».

Юбилейное чествование

Навстречу юбилею было проведено огромное количество вечеров-лекций и общего характера («Жизнь и творчество Пушкина») и тематических: «Пушкин в Одессе», «Дуэль и смерть поэта», «Пушкин и декабристы». Только за один 1936 г. областное лекторское бюро провело таких лекций-вечеров и экскурсий—630. Устраивались эти лекции в клубах, непосредственно на предприятиях и в вузах города. Несколько вечеров было проведено общегородских — в наибольшем концертном зале Одессы — большом зале горсовета. Много интересных радиопередач провел облрадиокомитет. Обычно эти передачи посвящались наиболее выдающимся произведениям Пушкина — «Евгению Онегину», «Пиковой даме» и другим. Литературный текст сочетался с музыкой, вокалом, созданным русскими композиторами на пушкинские тексты и сюжеты.

В каждый дом входил большой пушкинский праздник.

Торжественно было проведено 10 февраля 1937 г. заседание областного юбилейного комитета. Оно происходило в стенах оперного театра, тесно связанного с историей его предшественника — театра, в котором бывал сам Пушкин. Казалось, вместе с нами входил он сейчас через широкие двери театра в покрытый пышной позолотой зал на этот праздник советской культуры.

Взгляните:

От песчаных берегов
К нам тень идет,
Крылаткой колыхая,—
Приветствовать приход большевиков.

(Э. Багрицкий)

И большевики, трудящиеся, которым светит солнце радостной жизни, восторженно приветствуют того, чья поэтическая сила заключена прежде всего в его народности, в его близости к народу. На этой основной черте пушкинского творчества и сосредоточил внимание присутствующих докладчик профессор Р. М. Волков.

«Пушкинский концерт», начавшийся после торжественной части, был посвящен симфонической и вокальной литературе, которая своим возникновением обязана пушкинским текстам и сюжетам. Прославленные имена Глинки, Бородина, Чайковского, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Мусоргского — композиторов, которые черпали вдохновение в пушкинском творчестве, — прозвучали рядом с именем великого поэта. Сим-

фонический оркестр исполнил увертюры из опер, лучшие певцы театра — арии и романсы, написанные на пушкинские тексты. И слушателя увлекла волшебная сказочность оркестровых звучаний глинкаевского «Руслана», торжественная элегийность бородинского романса «Для берегов отчизны дальней», солнечная оптимистичность других творений.

Театральные постановки

В ознаменование пушкинского юбилея первенство среди одесских театров пришлось на долю театра оперы и балета. Уже к сезону 1936/37 г. он имел в своем репертуаре две «пушкинские оперные постановки»: «Евгения Онегина» и «Русалку». В последних числах декабря 1936 г. была показана премьера «Мазепы» Чайковского, а накануне самой юбилейной даты — 9 февраля — новый балет советского композитора Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

Таким образом, юбилей театр встретил, имея в репертуаре три «пушкинских» оперы и один балет (немного позже в этом же сезоне был показан еще балет Василенко «Цыганы»). Начиная с 11 февраля театр провел целую пушкинскую декаду. В ее программу, кроме трех опер и балета, входил еще и симфонический концерт, посвященный отрывкам из тех «пушкинских опер», которых не было в репертуаре театра, и романсов на пушкинские тексты. Перед началом каждого из спектаклей декады выступали со словом местные литературоведы. В фойе театра была устроена большая выставка, отражавшая связи Пушкина с театром, с музыкальным искусством.

На высоком уровне осуществил театр свою новую постановку «Мазепы». Партитура оперы была прекрасно проработана С. А. Столерманом и это сказалось и на звучании оркестра, и на стройности исполнения вокалистов. Постановщик И. М. Лапицкий, полностью использовав большую сценическую площадку, удачно провел большинство мизансцен.

Мягко и в то же время выразительно прозвучала партия Кочубея у артиста Тоцкого, который создал глубоко драматический образ. Меньше удался в спектакле образ Мазепы, в нем не чувствовалось пушкинской его характеристики, как коварного человека, ведущего двойную игру. В исполнении арт. К. Минаева Мазепа выглядел слишком добродушным стариком, лишенным (в частности в музыкальном звучании партии) необходимой драматичности. В других партиях выступали: Воликовская, Бенисович-Жуковская (в партии Марии), Благовидова, Попова (Любовь), Данченко (Андрей).

«Бахчисарайский фонтан» Асафьева театр поставил первым на Украине. Либретто отличалось четким сюжетным стержнем, почти не отходило от романтически-приподнятой основы пушкинской поэмы. В музыке композитор передал эпоху, которая

родила поэму, почувствовал большую и глубокую мысль поэмы о «перерождении (если не просветлении) дикой души через высокое чувство любви» (Белинский). Дирижер Фридлендер привнес в музыку колористическое звучание, темпераментно разрешил ее внутреннюю динамичность.

Прима-балерина А. И. Васильева, танцевавшая с исключительной грацией и легкостью, передала всю нежную прозрачность пушкинского образа и пронесла эту нетронутую нежность Марии через все трагическое для ее героини действие. Страстную ревность Заремы с большой драматической силой передала арт. Цхомелидзе.

Менее успешно прошла постановка балета «Цыганы». В его музыке было недостаточно той темпераментности, страстности, которая характерна для цыганских мелодий и танцев. Хотя композитор и использовал фольклорные мотивы, все же музыка казалась суховатой, а танцевальный материал ограниченным. И постановщик М. Моисеев также не смог придать более живой темп всему балету, создать яркий спектакль.

Одесский театр Революции — наряду с киевским им. Франко и днепропетровским им. Шевченко — осуществил постановку «Бориса Годунова», который впервые в юбилейном году прозвучал со сцены на украинском языке. Хронологически одесский спектакль явился первым показом «Бориса Годунова» на украинской сцене, ибо был поставлен 14 февраля, тогда как у франковцев премьера состоялась лишь 21 февраля.

Высказывания актеров — исполнителей ролей в юбилейном спектакле, помещенные — среди других материалов — в книжке, которую театр выпустил к премьере («Борис Годунов — юбилейный пушкинский спектакль Одесского театра Революции, Од., 1937»), раскрывают то высокое чувство ответственности за пушкинский спектакль, которое жило в коллективе. «С глубоким волнением, — писала, К. Ф. Загорянская, — впечатляю я свой маленький цветок — образ Марины — в большой венок памяти Пушкина... Вся роль Марины — в одной картине, но вряд ли была в моей сценической практике более ответственной и сложная работа. В нескольких монологах надо как можно полнее раскрыть сложный образ Марины, этой надменной аристократки, холодной самоуверенной красавицы, честолюбивой авантюристки».

Спектакль театра Революции был воспринят критикой как «одна из наибольших и удачнейших его работ». В спектакле была выразительно отражена «ведущая мысль произведения, а именно — Борису не везет в борьбе против феодального боярства и против польской интервенции использовать народные силы, ибо народу чужда царская власть». Лучшими в спектакле были сцены, изображавшие трагическое одиночество и обреченность преступного Бориса.

Однако спектакль имел и серьезные недостатки. Массовые сцены наименее удались театру, хотя народ должен быть главной действующей силой в трагедии. «В финальных массовых сценах,— указывалось в печати,— зритель не чувствует грозной мощи, которой вчера еще покорялся, а сегодня грозно «безмолвствует», чтобы завтра взять в собственные руки «судьбы народные, судьбы государственные». Критика возражала против устранения сцены «площадь перед собором» (где Пушкин устами юродивого высказывает народный протест против царя. «нельзя молиться за царя Ирода») и против соединения двух последних картин, которые отделены у Пушкина и местом действия, и временем (лобное место, Кремль). Получалось, что «народ, который только что выкрикивал «да сгинет род Бориса Годунова», через несколько минут «в ужасе молчит» при известии о его гибели. Народ, который только что выкрикивал «Да здравствует Димитрий», отвечает на боярский призыв приветствовать Димитрия тем, что безмолвствует...¹)

Не имел, к сожалению, успеха спектакль русского драматического театра им. Иванова, который показал три «маленьких трагедии»—«Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери». Постановка этих произведений была предостережена почему-то разным лицам и в результате стилевое единство в спектакле не было достигнуто. Спектакль приготовили поспешно, без специальных декораций и костюмов, актеры не поработали над стихом, не овладели музыкальной поэтичностью пушкинского языка. Лучше всех была в спектакле арт. И. Г. Баратова. Она создала впечатляющую, величественную фигуру донны Анны, раскрыв образ прежде всего через музыкально-проникновенное чтение пушкинского стиха.

Одесская эстрада свой юбилейный концерт посвятила пушкинской сатире и юмору. Успешно были исполнены: инсценировки «Домика в Коломне», «Гаврииады», «Сказки о рыбаке и рыбке» и прочитаны отдельные сатирические стихи.

Четыре пушкинских программы — из них три, специально подготовленные к юбилейным дням,— показала филармония. Много творческой выдумки было вложено в эти работы. Так, одна из программ, начинавшаяся полным сказочной фантастики прологом из «Руслана и Людмилы», была посвящена исключительно сказкам Пушкина и их музыкальному отображению. В двух других программах широко были использованы сцены и отрывки из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Цыган», «Полтавы», причем литературный текст неизменно чередовался с музыкально-вокальным. Много места было уделено пушкинской лирике, романсам, написанным на тексты великого поэта. Кроме этих четырех программ, филармония впервые осуществ-

¹ М. Бертенсон, «Борис Годунов» в Одесском театре Революции газ. «Молода Гвард*я», 1937

вила постановку «Моцарта и Сальери» на украинском языке в переводе М. Бажана.

Свыше 50 пушкинских вечеров в клубах, вузах, на предприятиях, в санаториях, а также открытых — в большом зале горсовета — провела за юбилейный сезон филармония. Эти вечера сопровождались подробными лекциями о творчестве поэта, они сыграли большую роль в популяризации пушкинского наследия. Особенно много потрудились как пропагандистка пушкинского творчества Ольга Благовидова. Выступая весной 1937 г. с самостоятельным открытым концертом в зале горсовета, она все первое отделение посвятила романсам советских композиторов, созданным на слова Пушкина. Работая в консерватории, она вместе со своими студентками также подготовила очень интересную пушкинскую программу.

Пресса в юбилейные дни

Местная печать широко откликнулась на тему одесских связей Пушкина. Областная комсомольская газета «Молода Гвардія» поместила 6 февраля специальную полосу «О. С. Пушкін в Одесі». Эпиграфом к этой странице послужили слова М. Горького о Пушкине: «В Одессе его травили, рассматривая как ссыльного, мелкого чиновника и не считаясь с его дарованием, — он озлоблялся и был вынужден противопоставлять табелю о рангах то демократическую гордость таланта и ума, то свое 600-летнее дворянство».

На полосе были напечатаны два отрывка из «Путешествия Онегина», стихотворение «К морю», письма поэта из Одессы и статья Б. Барской «Я жил тогда в Одессе пыльной...», подробно освещавшая одесский период жизни поэта. Тут же были помещены репродукция с картины Репина и Айвазовского «Пушкин прощается с Одессой» и рисунки старой Одессы.

В «Молодїй Гвардії» были помещены две интересных публикации В. Висмонта. Они воспроизводили сообщения одесской печати 20-х годов прошлого столетия, касавшиеся Пушкина. Это — список лиц, прибывших между 29 мая и 1 июня 1824 г. в Одессу, в котором значится «коллежский секретарь Пушкин» (Журнал Д'Одеса», 1824 г., № 59) и отрывок из седьмой главы «Евгения Онегина», посвященный Одессе («Одесский Вестник», 1827 г.).

На страницах одесских газет навстречу юбилею было помещено много материалов. Большинство полос имело тематическую направленность. Так, «Чорноморська комуна» посвятила полосы лирике Пушкина, его сатире, «Молода Гвардія» — драматургии. Ряд пушкинских произведений для одесской печати перевели местные украинские поэты Андрий Портенко и Григорий Плоткин.

Интересные материалы, которые показывали популярность

Пушкина среди людей всех национальностей, были собраны на полосу, которую «Черноморська комуна» подала под заголовком» «І нарече мене всяк суций в ній язык». Свои мысли о Пушкине на страницах газеты высказали азербайджанец, грузин, коми, узбек, еврей, армянин, кореец, болгарин. Авторами этих высказываний были рабочие одесских предприятий, студенты одесских вузов.

- — Чем больше читаю, тем больше нравится.
- Близкие родные произведения.
- Тебя любит весь советский народ.

Так были озаглавлены их заметки. Фотографии книг Пушкина, изданных на языках народов СССР и собранных на выставке в одесской научной библиотеке, удачно дополнили эти высказывания.

Пушкинские выставки

К знаменательной дате Одесский художественный музей устроил большую выставку, стремясь показать в рисунках, гравюрах, литографиях пушкинскую Одессу. Четыре панно итальянского художника Манцони, датированные 1821—22—23 гг., изображают виды города и панораму порта. Ряд уголков старой Одессы, связанных с пребыванием Пушкина, запечатлен на литографиях английского мастера Гэйюй. Многочисленные рисунки, проекты зданий того времени живо переносят посетителя в обстановку Одессы 20-х годов.

Здесь же на выставке были показаны знаменитая железная палка, с которой Пушкин гулял по одесским улицам, две маски поэта и другие предметы. Среди картин были экспонированы оригинальные работы одесских художников на пушкинскую тематику (в частности Н. П. Панского). Здесь же фигурировала редкая гравюра Воронцова, сделанная Рейнгольцем с портрета, писанного Т. Поурнесом.

До 1000 экспонатов было собрано на большой выставке, устроенной Одесской научной (публичной) библиотекой. В разделе, посвященном одесскому периоду, были представлены виды старой Одессы, одесские газеты пушкинских времен, литературные произведения Одессы 20—30-х годов. Всеобщее внимание привлекал номер «Одесского вестника» с извещением о смерти Пушкина. Это был один из немногих органов тогдашней русской прессы, отозвавшихся на трагическую гибель поэта, о которой правительство писать не разрешало.

На выставке было представлено большинство произведений Пушкина в первых изданиях и публикациях, начиная с журнала «Вестник Европы» за 1814 г. Выставка последовательно отражала все эти этапы жизни и творчества поэта. На выставке

были представлены «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу», напечатанный в 1887 г. в десяти экземплярах, а также вышедшие за границей произведения Пушкина, запрещенные цензурой в царской России.

Специальные разделы были посвящены роли Пушкина в искусстве, в частности в графике (показаны произведения Репина, Соколова, Бенуа, Васнецова, Канашевича, Кузьмина, Кравченко и других), постановкам пушкинских произведений в советском театре и кино, популяризации наследия поэта в братских советских республиках.

На одном из одесских заводов

Характернейшим отличием пушкинского юбилея 1937 г. была его массовость. Память Пушкина чествовали в Одессе и в дореволюционные времена, но тогда это празднование оставалось все же делом сравнительно узкого «образованного круга». Теперь литературный юбилей стал праздником широких народных масс. Это особенно можно было почувствовать на фабриках и заводах города.

На станкостроительном заводе им. Ленина комсомольская организация навстречу юбилею устроила пушкинскую конференцию. Ей предшествовали лекции и беседы по цехам, проводившиеся преподавателями и студентами одесских вузов. Комсомольцы технического отдела собрались на беседу о Пушкине у одного из своих товарищей; комсомольцы 1-го механического цеха — чтобы читать «Евгения Онегина»; комсомольцы 3-го механического — чтобы изучать биографию поэта. Многие комсомольцы приобрели для собственных библиотечек книги Пушкина и о Пушкине.

Насколько серьезно молодые рабочие отнеслись к подготовке конференции, могло свидетельствовать высказывание комсомольца Шойхета о том, как он готовит свой доклад «Пушкин и декабристы».

— Я думаю дать краткую характеристику декабристского движения, хочу осветить личную дружбу поэта с декабристами. Особенно я изучаю идеологию поэта. Для этого работаю над таким материалом: статья Ленина «Памяти Герцена», работы о декабристах, воспоминания Пуштина о Пушкине, труды Гессена, Цявловского, дневник князя П. Долгорукова. Конечно, особое внимание уделяю произведениям самого Пушкина — 10 главе «Евгения Онегина», стихотворениям «Деревня», «Пророк», «Узник», «К Чаадаеву», «В Сибирь» и т. д. Много стихов я выучил на память, они будут иллюстрировать мой доклад.

Моя задача, как докладчика, доказать, что Пушкин ненавидел существующий строй, крепостное право, духовенство. Я хочу доказать, что идеалы левой прослойки декабристов были и идеалами Пушкина. К этому выводу я пришел в результате

своей работы над докладом. Если справлюсь со своей задачей, то буду считать, что поручение комсомола выполнил.

Это интересное высказывание было напечатано в заводской газете «За радянский верстат» (№ 5 (530) от 18.I.1937 г.), которая посвятила специальную страницу подготовке к литературной конференции. На этой странице были помещены заметки молодых рабочих — «За что мы любим Пушкина». Красноречиво отвечали на этот вопрос заголовки заметок:

- За яркую жизнерадостность.
- За красочные образы.
- За благозвучные стихи.
- За могучее изображение эпохи.
- За глубокую содержательность.
- За большую искренность.

Восторгаясь пушкинским творчеством, молодые рабочие высказывали уверенность, что «еще много поколений будут читать и любить Пушкина, как мы сейчас любим поэта». А один из авторов этих заметок, словно подытоживая высказывания товарищей, справедливо писал:

«Как же мы, молодежь, можем не любить поэта, который свыше 100 лет тому назад своими стихами воодушевлял декабристов такими чудесными словами:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

Как можно не любить такого гения слова?

Такая же заинтересованность творчеством великого поэта чувствовалась при проведении праздника и на других мероприятиях города. В одесском порту — по всем его участкам и в общежитии грузчиков — были проведены лекции и читки произведений поэта. На вечере в портовом клубе присутствовало 660 человек. Клубные кружки работали над пушкинским репертуаром: самодеятельный театр рабочей молодежи подготовил сцены из «Бориса Годунова» и отрывок из «Скупого рыцаря», хоровой кружок, — инсценировку «Кавказский пленник» и отрывки из оперы «Евгений Онегин».

На заводе им. Январского восстания выступала в пушкинском репертуаре молодежь оперного театра. Клубная хоровая капелла разучила отрывки из оперы «Борис Годунов». Заводская многотиражка выпустила специальный номер, посвященный Пушкину.

По цехам швейной фабрики ежедневно проводились коллективные читки пушкинских произведений. Организованную библиотекой выставку произведений Пушкина ежедневно посещали десятки рабочих и работниц.

В далеком море

Граждане Одессы, оторванные от родных берегов — моряки наших судов торгового флота — готовились с немалым энтузиазмом к пушкинскому юбилею, чем жители суши. В радиogramмах с судов, которые печатались на страницах газеты политодела черноморского пароходства «Моряк», много раз повторялось сообщение:

«В связи с приближением столетия со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина изучаем его биографию и произведения».

Такие сообщения приходили из Атлантического океана, из Бискайского залива, Средиземного моря, Суэцкого канала, Индийского океана, с американского побережья — отовсюду, где пламенел красный флаг советских кораблей.

Пушкинские вечера были проведены на судах «Севастополь», «Шахтер», «Новороссийск», «Тобол», «Абхазия» и других. В эти дни вырос спрос на пушкинскую книгу в библиотеке Дворца моряка. На страницах газеты «Моряк» второй помощник капитана теплохода «Цюрупа» т. Преображенский рассказывал:

— Свое знакомство с произведениями Александра Сергеевича Пушкина я начал с семи лет. Неизгладимое впечатление оставили художественные сказки. В более старшем возрасте я с таким же увлечением читал лирические произведения, а также «Арапа Петра Великого», «Пугачевский бунт», «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Дубровского» и другие. Произведения Пушкина были лучшим учебником по изучению истории. У великого поэта нужно учиться реализму. Публичные выступления Пушкина против несправедливости царизма делают его близким нашему времени.

«Александр Сергеевич Пушкин — мой любимый поэт». Эти слова могли повторить многие другие советские моряки, которые точно также пламенно любят великого поэта.

Просто и искренне писал в своем стихотворении «Великий поэт» штурман Пушкарев:

Он вдохновил нас к чудной жизни,
Прекрасной песней вдохновил
И в нашей радостной отчизне
Никто его не позабыл.

Сбылись мечты и сон поэта:
Россия встала ото сна,
И в искрах радостного света
Зажгли героев имена.

Чествование памяти Пушкина увлекло и иностранных моряков с судов, приходивших в одесский порт. В интернациональном клубе моряков они слушали лекции о жизни великого поэта, познакомились с его произведениями.

Самые юные пушкинисты

От взрослых граждан Одессы не отставали и дети. В школе № 27 был проведен конкурс на лучшего декламатора и певца пушкинских стихов. Только закончился этот конкурс, начался новый — «на лучший рисунок к пушкинским произведениям». Драматический кружок школы подготовил спектакль «Цыганы», ученики 6 класса поставили «Сказку о рыбаке и рыбке». Выпущен был пушкинский номер стенной газеты. Побывали школьники и на экскурсии по пушкинским местам.

В школе № 25 на пушкинском утреннике была сыграна сцена из «Бориса Годунова», инсценировка «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и работнике его Балде». Сводный хор 4, 5 и 6 классов спел песню «Девицы красавицы» из оперы «Евгений Онегин». Многие школьники декламировали стихи. Старшеклассники оформили альбом, отображавший жизнь и творчество поэта. Фотокружком был выпущен фотоплакат о Пушкине.

Много таких проявлений подлинной детской самодеятельности и инициативы было по всем школам города.

Юные одесситы особенно торжественно отмечали пушкинский юбилей в прежнем дворце графа Воронцова, который стал в эту пору Дворцом пионеров и октябрят. Одна из его комнат была расписана по мотивам сказок Пушкина. Навстречу юбилею в этой комнате устраивались для детей младшего возраста утренники пушкинских сказок. Сказки читались, инсценировались.

В день юбилея перед малышами выступила в этой «пушкинской комнате» няня Арина Радионовна — артистка Милич. Она рассказала им о детских и юношеских годах поэта. Потом кукольный театр дворца показал «Сказку о рыбаке и рыбке».

Дети старшего возраста приготовили к юбилею отдельные сцены из пушкинских произведений. Заботливо, со вкусом, были оформлены все помещения на темы пушкинских произведений. Начался праздник. Перед школьниками появился артист Д. И. Ярский в гриме и костюме поэта. Он прочитал несколько его вдохновенных стихотворений. Затем собравшиеся прослушали лекцию З. А. Бабайцевой о Пушкине.

Оригинально была построена вся программа детской самодеятельности. Для сцены из «Бориса Годунова» — У фонтана — нашлась чудесная площадка — зимний сад дворца, полный самых удивительных растений. В читальне, оформленной на сюжет «Цыган», показали на фоне цыганского табора «живую картину», потом начались темпераментные цыганские танцы, прозвучали хоровые песни. Праздник закончился массовой постановкой в концертном зале «Бала у Лариных».

Пушкинские празднества проходили во Дворце три дня и завершились на четвертый большим общегородским пушкинским утренником.

Так ярко и разнообразно, действительно массово отметила советская Одесса пушкинский юбилей в 1937 г. И уже после того, как прошло немало времени после юбилейной даты, в городе продолжали устраиваться вечера, посвященные поэту. Весь 1937 г., так же как в значительной мере и предыдущий 1936, прошел в культурной жизни города под знаком пушкинского юбилея, под знаком пушкинского гения.

А. В. Недзведский.

ПУШКИН В ИСКУССТВЕ МОЛДАВИИ

Эпизоды из жизни Пушкина во время пребывания его в Молдавии; места, где побывал поэт; его связь с декабристами; любовь к молдавскому народу, среди которого он часто бывал, нашли самое полное и верное отображение в искусстве Молдавии.

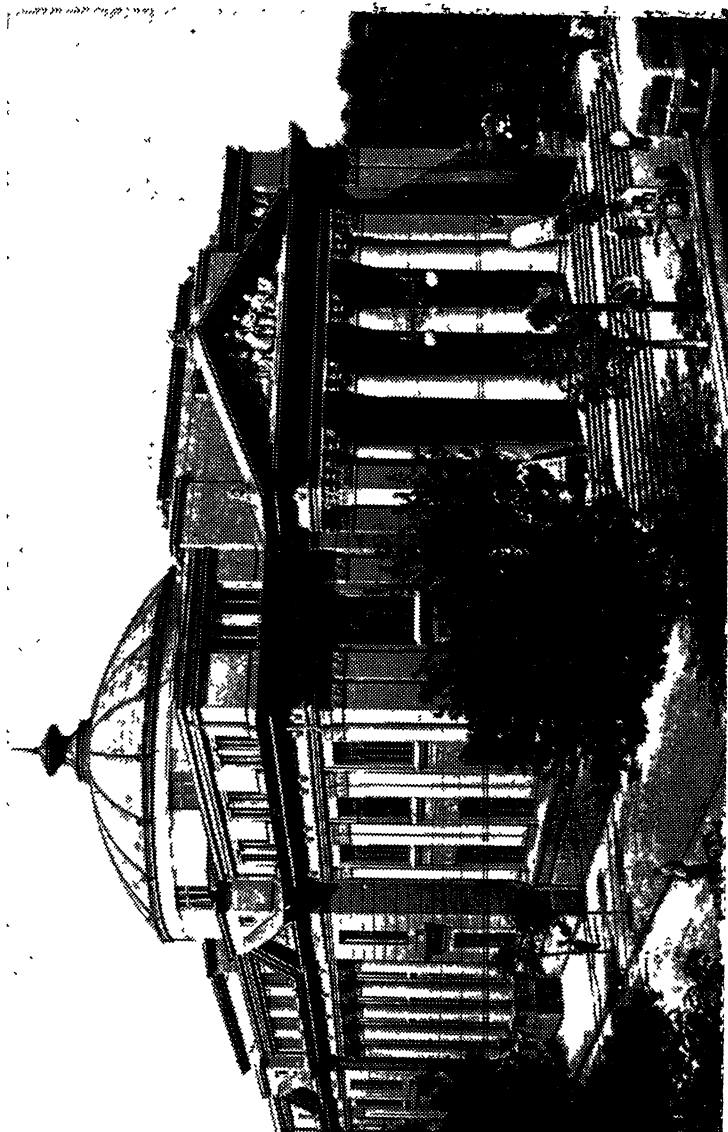
Почти нет такой области искусства, в которой не было бы произведений, тесно связанных с именем Пушкина: живопись, иллюстрация произведений Пушкина, скульптура и художественная керамика, выжигание по дереву, вышивки, театр, хореография, переводы произведений Пушкина на молдавский язык, оригинальные произведения литературы, посвященные Пушкину.

Кисти художника Григоращенко Л. П. принадлежит ряд небольших картин на темы: «Приезд Пушкина в Кишинев», «Пушкин среди крестьян», «Пушкин среди друзей», «Пушкин и декабристы у Орлова». Им же написаны маслом картины «Пушкин среди крестьян» и «Пушкин у Инзова».

Вот мы видим Пушкина, изображенного разговаривающим с крестьянами на винограднике; а вот он среди пастухов в поле, слушает с большим вниманием дойну; а вот поэт во время народного гулянья наблюдает темпераментный молдавский танец.

Сейчас художник работает над картиной «Пушкин среди декабристов».

Заслуженный деятель искусств МССР А. А. Васильев написал картину «Пушкин среди народа» и вид села Пушкино (Долна) с домом Ралли, где некоторое время жил Пушкин (картина находится в доме-музее А. С. Пушкина), а также вид старого Кишинева (той части города, где жил

Молдавский Государственный театр драмы, оперы и балета им. А. С. Пушкина.

поэт) и Благовещенскую церковь, посетив которую поэт написал: «Гавриляду» (картина в доме-музее А. С. Пушкина). В музее также находятся картины художников И. Матер, написавшего в 1950 г. акварелью небольшие картины «Дом Молдавского боярина Варфоломея» и «Дом грека Кацики», где часто бывал Пушкин, а также Аккерманскую крепость, которую Пушкин посетил в 1821 г.; и первый рисунок Г. В. Савчука «Пушкин на базаре в Кишиневе».

По заказу дома-музея имени А. С. Пушкина художники Молдавии создали целую серию картин. Художник Лебедев написал картины «Пушкин у дома И. Н. Наумова», «Пушкин у виноградарей», «Пушкин в цыганском таборе», «Пушкин и молдавский писатель К. Стамати», «Пушкин и И. И. Пестель», «Пушкин и В. Ф. Раевский», «Пушкин читает декабристам стихотворение «Кинжал», «Портрет Пушкина» и другие; художник Аникеев М. И. написал картину «Пушкин в Молдавии»; художник Широкопад — «К цыганам».

Наши художники также иллюстрируют произведения поэта, переведенные на молдавский язык. Художник Мерега Е. Н. еще в 1937 г. иллюстрировал сборник стихов Пушкина; художник А. Нефоросов — поэмы Пушкина «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Газит», «Граф Нулин», «Кавказский пленник», «Домик в Коломне» и изданный отдельной книгой «Евгений Онегин»; художник Григорашенко к произведению Пушкина «Дубровский» сделал рисунки: «Приезд молодого Дубровского», «Дубровский и Машенька за роялем», «Дубровский и Троекуров», «Нападение на свадебный поезд», «В лесной крепости», «Перед атакой» и другие; художник И. Т. Богдеско иллюстрировал поэму «Цыганы».

По мотивам пушкинских сказок расписаны комнаты Дома пионеров в Кишиневе. Так, в комнате сказок мы находим сцены из пушкинских поэм, выполненные заслуженным деятелем искусств МССР А. Шубиным, художниками Л. Григоращенко и К. Лодзейским: «Руслан и голова» (поэма «Руслан и Людмила»), «Дед поймал золотую рыбку» («Сказка о рыбаке и рыбке»), «Гвидон на берегу моря убивает злого коршуна», («Сказка о царе Салтане»).

Скульпторы Молдавии также создали ряд ценных произведений. Так, скульптор И. Кептенару создал бюст Пушкина, который находится в республиканском театре им. Пушкина; им же сделан бюст Пушкина для парка г. Оргеева. Сейчас он работает над статуей Пушкина, заказанной ему колхозом села Пушкино (Долна). Художник и скульптор А. Шубин создал 4 небольших бронзовых барельефа: «Портрет Пушкина», «Пушкин слушает дойну», «Встреча Руслана с головой», «Бой Руслана с Черномором». Все они в Кишиневском музее Пушкина. Молодой скульптор В. И. Ваданюк, работающий в цехе художественной керамики, сделал настольный бюст Пушкина (из

глины, покрытой глазурью). Им же сделана небольшая настольная фигура — «Дед вытягивает сети с золотой рыбкой». Сейчас скульптор создает садовую вазу в 1 м вышины с четырьмя медальонами (барельефами): 1. «Портрет Пушкина», 2. «Сцена из жизни Пушкина в Молдавии», 3. «Сцена из «Цыган», 4. «Сцена из «Бахчисарайского фонтана».

Многообразно и народное творчество Молдавии на пушкинские темы.

Имеется портрет Пушкина, выжженный на дереве воспитанником Кишиневского детдома Анатолием Урсу; красивая рама из дерева к нему сделана другим воспитанником того же детского дома — Анатолием Георганом.

Среди вышивок, выполненных пионерами г. Кишинева и других городов и районов Молдавии, мы также можем найти работы на сюжеты пушкинских произведений. Так, в Кишиневском доме пионеров есть вышивка крестом «У лукоморья дуб зеленый» и гладью «Избушка на курьих ножках», «Прощанье Олега с конем», портрет Пушкина и многие другие.

Безгранична любовь молдавского народа к Пушкину. Его именем назван музыкально-драматический театр в Кишиневе. Певцами этого театра любовно исполняются произведения Пушкина как на русском, так и на молдавском языках. Это опера «Евгений Онегин», арии из опер и романсы. Так, первыми исполнителями оперы «Евгений Онегин» были Дорош В (Гатьяна), Огнивцев — выпускник Кишиневской консерватории, ныне солист Большого театра СССР, Н. Калкатов и В. Акиндинов (Ленский) и другие.

Арии из оперы «Алеко» исполняют: лауреат сталинской премии Тамара Чебан, Н. Калкатов, С. Шифер, Г. Брюнер и другие.

Лауреат международного конкурса молодежи на фестивале в Берлине Полина Ботезат исполняет романсы на слова Пушкина «Ночь», «Не пой, красавица», В. Акиндинов исполняет романсы «Я Вас люблю», «Я помню чудное мгновенье», «В крови горит огонь желанья» и многие другие.

Артисты молдавской Государственной филармонии, воспитанники Ленинградского хореографического училища, талантливо исполняют балет «Бахчисарайский фонтан».

Первой попыткой осветить в драматургии период жизни Пушкина в Кишиневе, показать вековечную связь между русским и молдавским народами, была пьеса литератора А. Комаровского и артиста А. Сумарокова «Пушкин в Молдавии». Эта пьеса была включена в репертуар Кишиневского русского драматического театра.

В свое время в нашей печати были отмечены недостатки в содержании пьесы (отдельные растянутые диалоги, реплики, недоработка в поставленных танцах, излишняя натурали-

стичность сцен на базаре). Но они отнюдь не снижают значимости этого произведения.

Режиссер — заслуженный деятель искусств МССР Е. Венгре и коллектив артистов (народный артист Узбекской ССР А. И. Степанов — Пушкин; В. Некрасов — писатель Негруци; И. Воронин — декабрист Раевский; И. Потемкин — капитан Охотников; заслуженный артист МССР Белов — генерал Орлов; народный артист МССР Д. Лысенко — генерал Инзов; Н. Пестов и Колтенюк — гайдук Урсул; заслуженная артистка МССР Н. Масальская — крестьянка Иляна; А. Таранова — дочь Иляны; А. Казанская — Пульхерица — дочь боярина; заслуженный артист МССР В. Стрельбицкий — генерал Сабанеев; Н. Юрасов — адъютант Радич; В. Николаев — юнкер Сушев; заслуженный артист МССР И. Датский—Липранди, и художник-декоратор К. Лодзейский) приложили много стараний и любви, чтобы создать яркие, незабываемые образы и и верно отразить борьбу декабристов против царизма.

Огромное значение в жизни молдавского народа играют издания пушкинских произведений в переводе на молдавский язык. В 1949 г. был издан однотомник избранных произведений Пушкина. Переводы сделали лучшие писатели Молдавии: А. Лупан, Ем. Буков, П. Крученюк, Г. Менюк, Л. Деляну, Б. Истру и другие.

В 1951 г. вышел отдельным изданием роман Пушкина «Евгений Онегин» в переводе Ю. Баржанского; в 1951 г.— рассказ «Дубровский» в переводе Р. Портного и З. Сэпунару; в 1954 г.— поэмы Пушкина «Кавказский пленник», «Тазит», «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» в переводе Баржанского.

Переведены на молдавский язык писателем Перовым либретто опер «Евгений Онегин» и «Алеко».

А. С. Пушкину молдавские писатели посвятили и ряд оригинальных стихов. Из них можно назвать:

Ем. Букова — «Светлый домик», «Встреча», «В Ленинграде»; П. Крученюка — «Во имя жизни»; В. Славгородского — «Встреча с Пушкиным»; В. Кочеткова — «Последний путь»; Ю. Баржанского — «Наш Пушкин»; И. Балцана — «Памятник Пушкину»; П. Дариенко — «В саду Кишиневском»; К. Семеновского — «Бессмертие». Многие из них переведены с молдавского на русский язык.

В стихотворении «Светлый домик» Ем. Буков описывает домик Наумова, в котором жил Пушкин, и говорит о любви молдавского народа к гениальному поэту:

Толпами к домику света идет
Радостное поколение.
— Милый поэт, в нашем сердце живет
Песен твоих вдохновенье!
Над Кишиневом — стихов твоих звон —
Вешний, широкий, просторный,

Вечной любовью к тебе возведен
Памятник нерукотворный.
Домик, где Бык протекает, стоит
Больше седого столетия.
Окнами вдаль, на восход он глядит —
Ближкий, прославленный, светлый.

В стихах «Во имя жизни» Крученюка, написанных им в период Великой Отечественной войны, отразилась горячая любовь поэта к Пушкину. Об этом свидетельствуют слова:

«Я томик Ваш, как сердце берегу
И принесу его к победе через бури

и далее:

Любимый Пушкин! Если-б Вам увидеть
Глазами нашей армии бойца
Развалин ужасающие виды
Услышать бы жужжание свинца,
И моря шум угрюмый и суровый.
И грохот пушек и слезу детей,—
И вы бы предпочли теперь и словом,
И пулями расстреливать зверей!
И вот я томик, прижимая к сердцу,
Стихов, зовущих к жизни и боям
Иду в атаку на врагов проклятых,
Чтоб жизнь спасти себе, народу, Вам!

Поэт Иосиф Балцан в стихотворении «Памятник Пушкину» описывает тяжелые годы оккупации (1941—1944) и роль памятника Пушкина, который как бы говорил:

Молдавия, ты вольной будешь скоро,
Тебе поможет братский мой народ.

Поэт пишет, что в эти трудные годы памятник был особенно дорог народу, потому что

...Роднцу Советов
Мы видим в русском пламенном певце.

Фашистские варвары пытались уничтожить памятник поэту:

...топором взмахнули
Разя святыню пушкинских стихов.

и далее пишет:

Но... говорил нам Пушкин светлым взором:
Будь смелым, негнбаемым народ,
К тебе с Востока по родным просторам
Свобода долгожданная идет!

Поэт В. Кочетков в стихотворении «Последний путь» говорит о Пушкине:

Сквозь даль тревожного столетья
Он видел солнечные дни —

За темной дымкой лихолетья —
Горят приветные огни,
Он видел мощь народных строек,
Величье наших ратных дел.
Свое рождение второе
Поэт в грядущем разглядел.

В стихах поэтов В. Славгородского и К. Семеновского гордо звучат слова, прославляющие труд советских людей на свободной и счастливой земле.

Поэт Славгородский в стихотворении «Встреча с Пушкиным» пишет:

...Прошло сто с лишним лет...
Преобразился край пустынный здешний,
Степям унылым новый облик дан.
Здесь зреет виноград, цветут черешни,
Мои стихи дошли до молдаван.
Забывтый край республикой стал вольной,
А рабство дикое исчезло навсегда,
И вместо заунывной древней дойны,
Я слышу песнь победного труда.

Эту же мысль выразил и поэт Семеновский в стихотворении «Бессмертие»:

...Летит поэзия живая
По возрожденной стороне.
Она звучит повсюду смело,
Мы ей внимаем не дыша,
Чтобы о Родине запела
Еще восторженной душа,
О том, что рощами густыми
Горды строители земли,
О том, что старые пустыни
Давно в предания ушли.

Произведения молдавских художников, скульпторов, поэтов, перечисленные здесь, свидетельствуют о том, что Пушкин действительно «памятник воздвиг себе нерукотворный», что «к нему не зарастет народная тропа», и лишь сейчас в наше советское время открылись все пути и дали для создания новых, еще более прекрасных произведений искусства, связанных с именем поэта.

Н. Таточко.

ДОМ-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В КИШИНЕВЕ

Вскоре после того, как Советские войска разгромили и изгнали из Молдавии румыно-немецких оккупантов, Совет Министров Молдавской ССР, выражая всеобщее пожелание трудящихся республики, 31 мая 1946 г. принял постановление «Об открытии в г. Кишиневе дома-музея А. С. Пушкина». В этом постановлении было сказано: «В целях увековечения пребывания великого русского поэта А. С. Пушкина в г. Кишиневе (сентябрь 1820—1823 гг.) и развертывания научно-исследовательской работы по изучению этого периода, Совет Министров Молдавской ССР постановляет: создать в г. Кишиневе в системе Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров МССР дом-музей А. С. Пушкина на базе бывшего дома И. Н. Наумова (Антоновская улица дом № 19), в котором проживал А. С. Пушкин».

Ссылая Пушкина на юг, правительство Александра I стремилось отдалить его от умеренных оппозиционных настроений, имевших место в Петербурге, но тем самым оно невольно приблизило и столкнуло поэта с раскаленной атмосферой южного декабризма. Именно в Кишиневе Пушкин устанавливает тесные и дружеские отношения с крупнейшими представителями южного общества декабристов — Владимиром Раевским, Михаилом Орловым и другими участниками кишиневской ячейки «Союза благоденствия». В Кишиневе поэт трижды встречается с Пестелем. Все эти встречи, беседы с передовыми людьми того времени на животрепещущие темы экономического и политического развития России благотворно влияли на духовное развитие А. С. Пушкина, на укрепление политических взглядов и убеждений поэта. Живя в Кишиневе, Пушкин пристально следит за революционными событиями в Европе (Неаполе,

Испании), проявляет большой интерес к греческой национально-освободительной борьбе и с живейшим интересом откликается на эти события.

«Кишиневский период,— отмечает П. Е. Щеголев,— был эпохой наибольшего воздействия на поэта оппозиционных течений первой четверти прошлого века; мы не ошибемся, если скажем, что эти годы были поворотными в отношении Пушкина к движению, в котором принимали участие многие из его друзей... Ни в какой другой период Пушкина не занимали так сильно мысли и убеждения, разделявшиеся членами тайного общества и людьми радикально настроенными; никогда его так не волновали их чувства и настроения. В поэтических произведениях Пушкина, написанных в эти годы, мы найдем немало отражений политической атмосферы, окружавшей поэта».

Кишиневский период был периодом значительного творчества роста Пушкина. Здесь, в Кишиневе, им была закончена поэма «Кавказский пленник», написаны «Гаврилиада», «Братья-разбойники», вчерне — поэма «Бахчисарайский фонтан». Кроме этого в Кишиневе Пушкиным было написано более ста стихотворений, «Исторические замечания», «Заметки о прозе», автобиография, дневник, журнал о греческом восстании и другие черновые заметки, сделаны наброски многих стихотворений, поэм, сказок, пьес. Здесь наконец, в Кишиневе, 9 мая 1823 года А. С. Пушкин начинает первые строфы «Евгения Онегина».

Прожив почти три года в Молдавии (с 21 сентября 1820 по 3 июля 1823 года), А. С. Пушкин горячо полюбил ее трудолюбивый народ, живо интересовался его историей, изучал его язык, быт и нравы, предания, песни, был в самых дружеских отношениях с молдавскими писателями Стамати, Негруци. Все это нашло широкое отражение в творчестве великого русского поэта: в переводах и в обработке молдавских песен, в поэме «Цыганы» и повести «Кирджали», написанных на основе наблюдений молдавской действительности. В этот же период А. С. Пушкиным были написаны еще две повести: «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 г.» и «Дука, молдавское предание XVII века», но они, к сожалению, были утеряны еще в прошлом столетии. Как известно, А. С. Пушкин собирался еще возвратиться к молдавской тематике, но внезапная смерть помешала поэту осуществить свои творческие планы.

Прошло более 130 лет с того времени, когда великий поэт навсегда покинул Молдавию, но молдавский народ как святыню хранит светлую память о величайшем русском певце свободы, о поэте-гражданине, пламенном борце против самодержавия, угнетения, темноты и невежества.

Однако до советской власти молдавский народ, в большинстве своем неграмотный, не мог приобщиться к бессмертному творчеству величайшего из русских писателей — Пушкина.

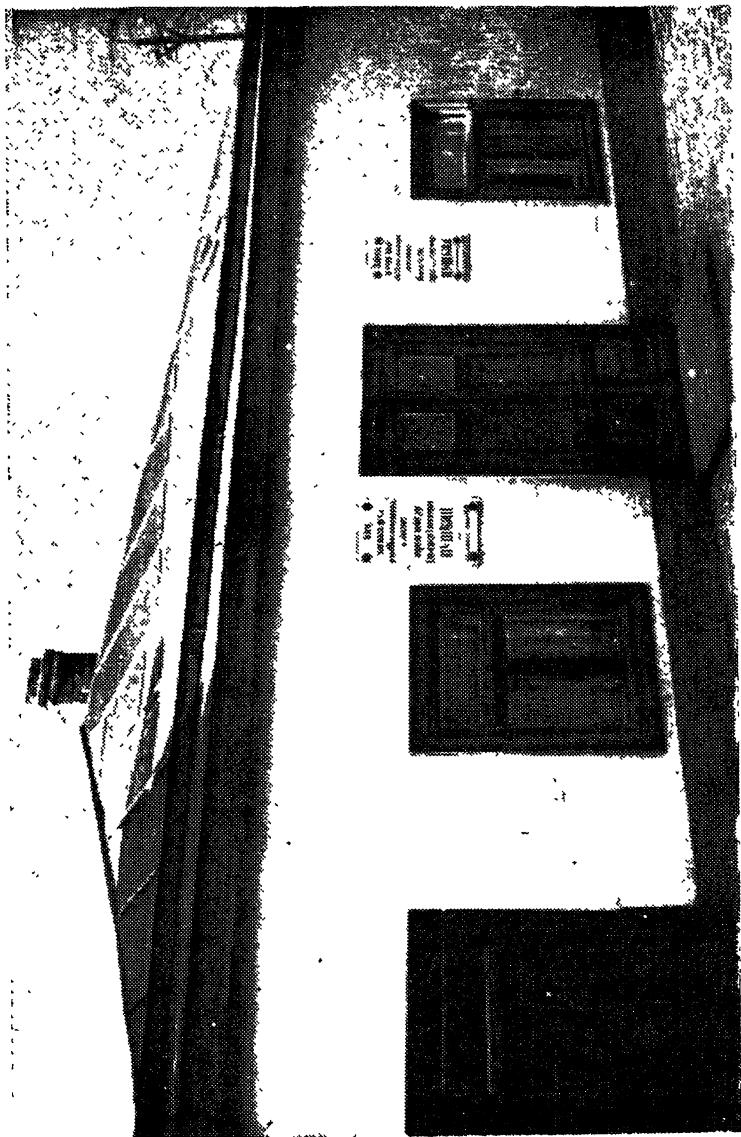
Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла доступ трудящимся к великому наследию А. С. Пушкина, сделала его достоянием всех народов великого Советского Союза, в том числе и молдавского народа. Одним из проявлений интереса молдавского народа к творчеству Пушкина и явилось создание музея в Кишиневе.

Дом И. Н. Наумова, члена Кишиневской комиссии по устройству приезжающих, к моменту организации музея оказался единственно уцелевшим из всех домов, где более или менее продолжительное время проживал поэт в бытность свою в Кишиневе. Дом Инзова и дом Алексева, в которых А. С. Пушкин жил значительно дольше, чем в доме Наумова, разрушились много лет тому назад, и до наших дней, кроме упоминания о месте, где они стояли, ничего вещественного от них не осталось. Сохранившийся дом Наумова представлял собой печальное зрелище: почти ушедшие в землю окна, перегнившая крыша, потолки. По всему видно было, что ни царских чиновников, ни румынских бояр в период их временного хозяйничания в Бессарабии, не тревожила судьба бесценного для всех трудящихся домика, в котором некогда проживал великий поэт.

После постановления правительства Молдавии дом И. Н. Наумова был разавирован, вернее почти заново отстроен, причем при восстановлении стремились сохранить внешний и главным образом внутренний вид дома того периода, когда в нем жил поэт: были учтены воспоминания современников (Липранди) и писателей, более позднего времени, которые оставили о доме заметки (Яцмирский и другие).

День открытия дома-музея А. С. Пушкина в Кишиневе — 10 февраля 1948 года, явился долгожданным большим культурным праздником для трудящихся Молдавии. За 6 лет со дня открытия дома (1948—1954) музей посетило более 60 тыс. человек. Среди посетителей музея люди самых различных профессий и возрастов: учащиеся средних школ и техникумов, студенты вузов, рабочие и служащие, колхозники и военнослужащие, учителя, работники науки, литературы и искусства. Наряду с жителями столицы, дом-музей посещают и жители других городов Молдавии: Тирасполя, Кагула, Сорок, Оргеева, Бельц, Рыбницы, многих районов и сел республики. Посетить дом-музей приезжают трудящиеся из самых различных мест Советского Союза: Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Вильнюса, Архангельска, Владивостока, Новосибирска, а также из стран народной демократии.

Книга отзывов дома-музея, заполненная волнующими записями многочисленных посетителей, свидетельствует о тех неизгладимых впечатлениях, которые уносят люди, побывавшие в музее. Советские люди выражают величайшую благодарность нашей партии и Советскому правительству за ту огром-

Дом-музей А. С. Пушкина в Кишиневе.

ную заботу, которую они проявляют о сохранении всего ценного, что связано с именем А. С. Пушкина и, в частности, за организацию дома-музея его имени в г. Кишиневе. «С чувством великого благоговения переступила я порог музея и домика, где жил великий наш поэт А. С. Пушкин. Слезы благодарности к тем, кто по достоинству оценил великого поэта, ежеминутно выступали на моих глазах. Посетила музей с учениками Варницкой семилетней школы. Дети также были проникнуты этим чувством», — записала учительница Варницкой семилетней школы Бендерского района тов. Попова. «Я горжусь тем, что А. С. Пушкин побывал на моей родине», — пишет студент медицинского института Наку. Ему вторят школьники 8 класса «а» кишиневской школы № 8: — «Мы гордимся тем, что великий русский писатель А. С. Пушкин жил в нашем городе».

А вот, что пишут студенты Кишиневского музыкального училища: «Посетив музей великого поэта А. С. Пушкина, мы познакомились со многими материалами, освещающими всю жизнь великого поэта. Хотя очень много прошло времени с тех пор, когда поэт жил в Молдавии, но Пушкин является для нас самым любимым учителем в нашей жизни. А. С. Пушкин является поэтом, который всю жизнь посвятил родине».

Интересны и записи приезжих. «С большим волнением и интересом, — отмечает группа артистов Николаевского театра, — мы осмотрели домик-музей А. С. Пушкина — нашего любимого поэта. Особенно трогательно видеть, что молдавский народ чтит память великого русского поэта и бережно сохраняет и изучает все, что касается пребывания Пушкина в Молдавии».

Инженер из Красноярского края записал: «Я объехал почти весь Советский Союз и в Кишиневе остановился на один день. С большим удовлетворением просмотрел материалы, благодарю».

«Путешествуя по Молдавии, я всегда вспоминаю «скитальца» Пушкина. Больше того, сюда я приехал в отпуск, благодаря влиянию пушкинских стихов о Бессарабии. Посетитель из города Архангельска». Другой посетитель пишет: «Маленький крохотный дом-музей на мой взгляд является жемчужиной литературного мира Молдавии».

Группа ученых, приезжавших для участия в археологической сессии Молдавского филиала Академии наук СССР, осмотрев музей, записала: «Желаем продолжать плодотворную деятельность по пропаганде творчества А. С. Пушкина в сердце молдавского народа. С чувством глубокого волнения посетили мы место ссылки нашего Пушкина».

Все эти записи свидетельствуют о той популярности, которую приобрел Кишиневский дом-музей А. С. Пушкина не только среди населения Молдавии, но и далеко за ее пределами.

Экспозиция дома-музея отражает весь жизненный и творческий путь А. С. Пушкина, начиная с детских лет и кончая смертью поэта. Первоначально она как бы в миниатюре повторяла экспозицию музея А. С. Пушкина в Ленинграде, где по заказу она и была изготовлена в 1947—1948 гг. Однако с первых дней открытия музея стало совершенно ясно, что основным пробелом в экспозиции Кишиневского дома-музея является отсутствие материалов о жизни и творчестве Пушкина в период его пребывания в Кишиневе. Поэтому все усилия работников музея были направлены на сбор и изучение материалов кишиневского периода жизни поэта. Эта работа принесла свои плоды. В настоящее время примерно одна треть материалов музея посвящена теме «Пушкин в Молдавии». В экспозиции музея отображено общение Пушкина с молдавским народом, его отношения к героической национально-освободительной борьбе (к Гетерии), встречи с молдавскими писателями (Стамати, Негруци), дружба с южными декабристами, творчество кишиневского периода. Центральными экспонатами раздела экспозиции, показывающего пребывание поэта в Молдавии, являются картины художника Лебедева «Приезд Пушкина в Кишинев», «Пушкин и молдавский писатель К. Стамати», «Пушкин слушает дойну» и другие, молодого молдавского художника Анিকেва «Пушкин в Молдавии».

Для более полного отображения эпохи в экспозицию музея были включены высказывания классиков марксизма-ленинизма о войне 1812 г., о войнах Наполеона, об эпохе декабристов и ее деятелях. В музее создан раздел «Пушкин и современность», где в числе других экспонатов выставлены произведения поэта, переведенные на китайский, венгерский, чешский и другие языки стран народной демократии. Это приблизило экспозицию музея к нашей советской действительности.

Вносят свою лепту в пополнение экспонатов музея и многочисленные его друзья. Так, ученики села Елизаветовка Тырновского района подарили музею найденный ими жетон декабристов. На нем с одной стороны дана эмблема декабристов, а на другой — отрывок из послания Пушкина «К Чаадаеву».

Кишиневский музей проводит огромную культурно-просветительную работу. За 6 лет со дня открытия (1948—1954 гг.) было организовано и проведено 750 экскурсий, которыми было охвачено более 20 тыс. человек; научными сотрудниками музея для населения города прочитано около 200 лекций о творчестве А. С. Пушкина и на другие литературные и политические темы, в которых принял участие более 7 тыс. человек. В целях популяризации дома-музея только в 1953—1954 гг. было распространено 2000 художественных плакатов и 50 тыс. пригласительных билетов.

При музее имеется научная библиотека, которая с каждым годом пополняется ценными изданиями произведений

А. С. Пушкина, литературой о его жизни и творчестве, а также политической литературой. Сейчас библиотека музея насчитывает более 500 томов, в ней имеется академическое издание произведений поэта в 16 томах, юбилейное полное собрание сочинений в 10 томах, фотокопии некоторых рукописей Пушкина и другие ценные документы.

Научные работники музея ведут плодотворную научно-исследовательскую работу. Каждый из научных сотрудников работает над определенной пушкинской темой: «Пушкин и молдавская классическая литература», «Издание произведений Пушкина в Молдавии». Все эти исследования помогут пополнить и обогатить экспозицию музея.

В 1953—1954 гг. был проведен капитальный ремонт помещения музея и в настоящее время это культурно-просветительное учреждение располагает всеми условиями для успешной работы.

И. Т. Борц

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I	
<i>Богач Г. Ф.</i> (Кишинев), Пушкин и молдавский фольклор	7
<i>Оганян Л. Н.</i> (Кишинев), Новые архивные материалы о герое повести А. С. Пушкина «Кирджали»	37
<i>Трубецкой Б. А.</i> (Кишинев), Кишиневские знакомые Пушкина (новые архивные материалы)	57
<i>Борщ И. Т.</i> (Кишинев), К вопросу об авторстве молдавской новеллы «Рэтэчиря» 1854 г.	64
<i>Черницкий Е. М.</i> (Станислав), Поэма А. С. Пушкина «Цыганы»	70
<i>Панфил В. К.</i> (Кишинев), Южные поэмы Пушкина в переводе на молдавский язык	90
Пензул А. П. (Кишинев), Стаматы и Пушкин	96
<i>Гацак В. М.</i> (Кишинев), Негруци и Пушкин	104
<i>Попович К. Ф.</i> (Кишинев), Эминеску и А. С. Пушкин	112
<i>Вартичан И. К.</i> (Кишинев), А. С. Пушкин в переводах А. М. Матеевича	121
<i>Аксенова Л. Л.</i> (Кишинев), Пушкин и молдавская народная песня	128
<i>Оганян Л. Н.</i> (Кишинев), К вопросу об отношении А. С. Пушкина к Гетерин	133
<i>Трубецкой Б. А.</i> (Кишинев), Пушкин в печати Бессарабии XIX—XX вв.	146
II	
<i>Боровой С. Я.</i> (Одесса), Одесса пушкинской поры	153
<i>Бриневич-Бабайцева З. А.</i> (Одесса), Овидиев цикл в творчестве Пушкина	164
<i>Збандуто П. И.</i> (Одесса), Борьба Пушкина за народность русской литературы в период южной ссылки (полемика Пушкина с Вяземским о народности Крылова-баснописца)	179
<i>Мартынов В. В.</i> (Одесса), Пушкин и Мицкевич — поэты-лирики. (некоторые вопросы языка и стиля)	195
<i>Ковальчук Е. П.</i> (Одесса), Мицкевич о Пушкине	206
<i>Дузь И. М.</i> (Одесса), Украинская тема в творчестве Пушкина (поэма «Полтава»)	216
<i>Левченко М. А.</i> (Одесса), Пушкинские традиции в исторических произведениях Ив. Франко	228
<i>Недзведский А. В.</i> (Одесса), Пушкин в украинских переводах	236
<i>Копыленко М. М.</i> (Одесса), Одесские рукописные альбомы 20-х годов XIX в. с текстами произведений А. С. Пушкина	255
<i>Бриневич-Бабайцева З. А.</i> (Одесса), Высылка Пушкина из Одессы	264

III

<i>Волков Р. М.</i> (Черновицы), Реализм и народность баллад Пушкина.	281
<i>Сидельников В. М.</i> (Москва), Пушкин и народная поэзия.	308
<i>Фатов Н. Н.</i> (Черновицы), «Эзопов язык» в прозведениях Пушкина южного периода.	328

Хроника.

Пушкинский юбилей 1937 г. в Молдавской АССР (Недзведский А. В.)	343
Пушкинский юбилей 1937 г. в Одессе (Недзведский А. В.).	347
Пушкин в искусстве Молдавии (Таточко Н. Ф.).	360
Дом-музей А. С. Пушкина в Кишиневе (Борщ А. Т.).	366

*Пушкинские научные комиссии Института языка
и литературы МФАН СССР и Одесского дома ученых*

ПУШКИН НА ЮГЕ

Редактор *Л. Аванесьян*

Художник *А. Колосов*

Художественный редактор *Л. Донец.*

Технический редактор *В. Капица*

Корректор *Н. Дворяк*

Сдано в набор 30/I-1958 г. Подписано к печати 22/V-1958 г.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бумажных листов 11,75+10 вкл.
Печатных листов 23,5+10 вкл. Уч. изд. листов 23,04+10 вкл.

Тираж 5000. АБ10089.

Государственное издательство Министерства культуры
Молдавской ССР.

Кишинев, Могилевская, 35.

Цена 11 руб. 30 коп. Заказ № 287.

2-я типография, Кишинев, Советская, 8.